Вопросы русского языкознания

Выпуск XIII

ФОНЕТИКА:

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ БУДУЩЕЕ Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Вопросы русского языкознания Вып. XIII

Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой

Ответственные редакторы: М. Л. Ремнева, С. В. Князев

Составители: С. В. Князев, А. В. Птенцова

Рецензенты:

доктор филологических наук О. В. Дедова доктор филологических наук М. Л. Каленчук доктор филологических наук Ф. И. Панков

В Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой / Сост. С. В. Князев, А. В. Птенцова; Отв. ред. М. Л. Ремнева, С. В. Князев. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — 360 с.

ISBN

XIII выпуск продолжающегося издания «Вопросы русского языкознания» выходит к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой и включает статьи по фонетике и грамматике русского литературного и диалектного языков.

Для специалистов в области современной и исторической русистики, славянского языкознания и этимологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК ББК

© Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
Разговоры за спиной	7
Поздравительное от коллег и учеников	13
Диалектная и литературная фонетика	
<i>Тер-Аванесова А. В.</i> О предударном ёканье и его развитии в восточном	
среднерусском говоре Пустошей	17
севернорусских говорах: данные исторической диалектологии	23
сведений по исторической акцентологии	38
первой половины XVII века	53
в репродуцированной речи (на материале чтения)	61
фонетике)	71
в современном русском литературном языке	92
фонетической интерференции	99
фонетические и морфологические аспекты	
мано	
теории: противоречия и соответствия	
и их использовании в текстах романов Виктории Платовой	132
и некоторые другие аспекты описания языковых систем	
Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Новые русские	
Безяева М. Г. О семантических основаниях коммуникативной моды	159
сравнении с великорусскими	171
Сичинава Д. В. Русские маргинальные конструкции с было: к постановке проблемы	
Громова М. М. Функционирование форм плюсквамперфекта в говорах средней Пёзы (Архангельская область)	
Пенькова Я. А. Будеть как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков)	

Пинеда Д. Ну Бог с има! (несколько наблюдений над формами	
творительного падежа множественного числа в говоре д. Варзуга)	216
Качинская И. Б. Дочки-матери: нерегулярное склонение в архангельских	
говорах	222
Пост М. О способах выражения семантической подчиненности	
в севернорусских говорах	232
<i>Шимчук</i> Э. Г. Русск. диал <i>ка</i> (- <i>ко</i>)	243
Иткин И. Б. В чём виноват фальшивомонетчик? (словообразовательные	
метаморфозы nomina agentis на -чик)	249
Кукушкина О. В. Нормы построения русского слова как основа	
морфонологического варьирования	254
Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка или Периферийное	
воздействие (к вопросу о семантике приставки o - / $o\delta(o)$ -)	264
Птенцова А. В. Кричать выпью: творительный сравнения?	
<i>Минлос</i> Φ . <i>Р</i> . Что притягивает притяжательные местоимения?	
или Линейная позиция атрибутов	279
Никитина Е. Н. Неопределенно-личность и страдательность:	
функциональные различия и тождества	291
Галактионова И. В. Куда ездят диалектологи?	
Варбот Ж. Ж. О некоторых случаях нерегулярных образований	
и преобразований в диалектах	320
Азов А. Г. Воспаление: к истории слова и понятия	323
Фёдорова О. В. Стратегия метрической сегментации: возможность	
тестирования на русском материале	330
Потапов В. В. С. К. Пожарицкая как педагог и исследователь	
Библиография трудов С. К. Пожарицкой	
2	220

От составителей

Настоящий тринадцатый выпуск серии «Вопросы русского языкознания», издаваемой кафедрой русского языка филологического факультета МГУ, посвящен 50-летию научной деятельности доцента кафедры Софии Константиновны Пожарицкой. Сфера ее научных интересов русская фонетика и диалектология.

В данный сборник включены работы, посвященные преимущественно вопросам фонетики и грамматики русского языка. Авторами большинства из них являются коллеги С. К. Пожарицкой — сотрудники кафедры русского языка и других кафедр филологического факультета МГУ. Особая роль в этом издании отведена статьям аспирантов и студентов факультета — учеников Софии Константиновны и учеников ее учеников (А. Азов, М. Громова, Ю. Игумнова, Я. Пенькова, А. Пиперски, Ю. Смирнова, М. Хачатурьян): работа с молодежью была и остается одним из важнейших дел в жизни Софии Константиновны, замечательного преподавателя и настоящего Учителя.

София Константиновна Пожарицкая, она же Галя Куханова, закончила отделение русского языка, логики и психологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1954 г. В 1954–1957 гг. она училась в аспирантуре Института языкознания Академии наук СССР, и ее научный руководитель, Рубен Иванович Аванесов, стал для нее не только учителем, но и близким человеком, с которым она дружила до последних дней его жизни. Осенью 1959 года вышли первые научные публикации Софии Константиновны¹, а в 1963 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Типы предударного вокализма после мягких согласных севернорусских говоров». В начале семидесятых годов, когда в Институте русского языка началась кампания по изгнанию инакомыслящих — в частности, тех, кто ставил подписи под письмами в защиту диссидентов, София Константиновна оказалась, по ее собственным словам, «в хорошей компании»: ее уволили вслед за Ю. Д. Апресяном и М. В. Пановым, вместе с Н. А. Еськовой и Л. Н. Булатовой. Как это нередко бывает, несчастье обернулось удачей: после разных перипетий в 1974 г. София Константиновна стала сотрудником филологического факультета МГУ. К научной деятельности прибавилась преподавательская — и редкий выпускник отделения рус-

К вокализму 1-го предударного слога после мягких согласных в севернорусских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1. М., 1959; Nazwy kaczki w językach słowiańskich // Poradnik językowy. 1959, № 3–4 (в соавторстве с Н. Horodyska).

ского языка и литературы не прошел ее глубокую, содержательную, строгую научную школу.

Острый интерес к науке и к жизни вообще, независимость и внутренняя свобода, энергия и любовь к деятельности — тот редкий набор качеств, который определяет Софию Константиновну Пожарицкую, учителя, ученого и человека.

Разговоры за спиной

Каждому хочется знать, что говорят о нем за его спиной его близкие. Больше всяких теорий Софья Константиновна ценит настоящий языковой документ: живые тексты, отражающие речь и жизнь такими, какие они есть — без прикрас и нормирования. Этот документ — подарок от тех, кто ее любит.

О воспитании

Конечно, для меня это была не учеба, а в первую очередь становление человеческое. Для меня это человек, по которому можно равняться по поводу любого события — необязательно принимать точку зрения, но знать и как-то в соответствии с этим жить — для меня существенно.

СК меня научила всему основному в жизни. Например, она меня научила готовить. Причем я помню что. Она меня научила творог готовить. Я не умела готовить ничего. Даже кровать убирать как следует не умела.

Когда я попала под крыло СК, то она мне открыла глаза, что жизнь противоречивая, что есть какие-то тенденции, что нужно выбор делать, вот тоже у меня такой мысли не было, потому что мне не приходилось его ледать

Я была очень пугливая, консервативная, что-то новое меня пугало, и она меня научила тому, что надо как-то продвигаться, есть какие-то препятствия, их надо преодолевать... Причем все эти метафоры у меня материализовались в этой экспедиционной жизни.

СК была нам второй матерью!

О руководстве

Она меня приучила рассматривать разные позиции... потому что у меня не было опыта вообще... Ну вот она знала прекрасно эту мою слабость, что я готова броситься на любое, что мне мало-мальски интересно. Я даже не помню, чтобы она мне какую-то позицию навязывала... Я что-то сделаю, она говорит — а может быть, так? То есть она меня сбивала все время.

Мне кажется, что и ее, и мое в общем ощущение, что главное — это научить других, раскачать мозги. Она так про себя говорит: единственное, что я умею, — это раскачать мозги. Она может сделать из человека, который не умеет сам, человека, который умеет сам.

Так возиться со своими студентами, как возилась СК, никто не возился. Что она в четыре руки с В. печатала диплом — это действительно так. Там какие-то были козни, В. не успевала, и в результате она за день до диплома пришла к СК, и они в четыре руки, две пишущих машинки,

они обе в четыре руки печатали этот диплом, они печатали диплом вот для того, чтобы он был уже готовенький и бантиком перевязанный. Вообще все наши однокурсники, которые узнавали, что мы приходим к нашему научному руководителю в разное время, сидим у нее, пьем чай, обсуждаем там что-то такое и звоним ей в любое время, они ужасно удивлялись — как это так, вам действительно замечания не делают, не высказывают недовольства.

СК, она меня так жестко направила в эту фонетику... И было так весело! Было такое ощущение вообще постоянного праздника.

О строгости

Я помню ощущение студентов, что ее всегда считали очень строгой и боялись.

Я написала курсовую и неожиданно получила за нее четыре балла. Долго как-то мы совещались с СК, я писала, и в результате я получила 4 балла, и я очень расстроилась. Но она сказала, нет, вы можете больше, я не могу при ваших способностях поставить вам больше.

Она была для меня авторитетом. Я считала ее человеком так критически настроенным.

Она очень строгая была. Я помню, что я тоже очень зависела от ее оценок.

Она экзамены просто трудно всегда принимала.

Об отношении к текстам

Что касается моих работ всяких. Я помню, что основные у нас были баталии на почве того, что я очень хаотически писала. А у нее было жесточайшее правило. Что должна быть нумерация — 1, 1.1, 1.2, и вот она меня доканывала этим... У меня это было слабое место, у меня такие ответвления шли мысли. И она с этим жестко боролась, она любой текст у меня принимала только в нумерации. Сначала я писала балладу такую, потом я сидела ее пронумеровывала. Она меня научила логически выстраивать. И вы знаете, она мне привила... я все тексты пишу в нумерации, до сих пор. Это просто привычка организации ума. И от других тоже так требую.

Об интересах в науке

Она всегда идет от материала, такой добросовестный, очень тщательный анализ материала. Это умение увидеть в большом объеме материала то, что из этого следует. Найти материал, все разложить, причем абсолютно добросовестно, с учетом всего — всех аргументов за и против. Это такая абсолютно классическая школа, хождение от факта, а не от идеи. Для нее важно даже просто зафиксировать материал, представить его для других людей — она ужасно любит все эти публикации текстов диалектных, материала живого.

В фонетике важно услышать то, что другие не слышат. Одна из ее любимых книг — «Русская разговорная речь» — это сборник того, что нужно было услышать. Недаром она так любит писать этот раздел.

Есть вещи, про которые она спокойно говорит и отвечает на вопросы, это когда спрашиваешь что-нибудь про диалекты там или фонетику. Но на что она реагирует прямо рьяно — это вопросы орфоэпии, нормы.

Она очень отчетливо ограничивает для себя сферу своей научной компетенции. Она относит ее к диалектам, к фонетике, вот орфографии и языковой реформе. Уже историческая фонетика, она считает, что находится вне сферы ее.

Она открытый вполне человек, она сознает, что существует наука вне ее личной компетенции. Она умеет выслушать и понять. Открытые мозги, я хочу сказать.

У нее совершенно нет косности мышления. Ее трудно убедить, но сама изменить точку зрения она может. И она совершенно современный человек. Она человек не стареющий в этом смысле, она двигается вместе со всем, что вокруг.

О независимости

На фоне других это вот совершенно особый взгляд на мир. И она конечно очень отличается на фоне своих коллег. Она любит живо реагировать с места. Она выделяется, она действительно выделяется таким ярким пятном.

Что касается профессии — это такой гамбургский счет. Если она что-то принимает сказанное про фонетику, то это настоящее, а если отвергает, то это оказывается ерундой. Что она абсолютно не принимает — это когда наука делается не для того, чтобы понять, как на самом деле, а для карьеры, нечестность такая.

Насколько я могу судить, она практически не признает никаких авторитетов, она даже их недолюбливает, мне кажется, социальная авторитетность является для нее неприемлемой. Вызывает негативную реакцию. Авторитетом является разве что Зализняк. Зато все остальные получают от нее на орехи легко и со вкусом. В сфере орфографической реформы, например, она занимает такие новаторские позиции, которые плохо ассоциируются со старшим поколением. Она думает такие вещи, которые и мне кажутся слишком новаторскими. У нее бывают, мне кажется, вкусовые решения, но совершенно не совпадающие с мейнстримом. Например, вот это звоним / звоним — это как раз является закономерным фонетическим явлением для нее, отчасти в пику окружающим, потому что это так разрекламировано прессой. Она занимает скорее какие-то передовые позиции, чем консерваторские, которые можно ожидать от ее возраста.

О слове

Она никогда не говорит пустых каких-то фраз. Вот каждая ее фраза была глубоко продумана. Даже сейчас, когда с СК разговариваю, я както подбираюсь, чтобы не ляпнуть ничего такого неинформативного, что ли. СК — человек, которого надо внимательно слушать.

У нее совершенно не плавающий дискурс, локально он очень выстроен и понятен; у нее, пожалуй, довольно конкретное, совершенно не метафорическое мышление.

В межличностном общении и в отношении к людям она гораздо более безапелляционна, чем в науке. Люди, которые ее не очень хорошо знают, у них возникает ощущение от ее речевого дискурса, что она негативный, резкий человек. Она говорит вещи, которые другим людям кажутся бестактными. Но это такая асимметричная ситуация. Я вначале тоже обижался. Людям кажется, что она наезжает. Но мне кажется, что у нее не стоит за этим негативного посыла. Она просто очень резко формулирует свою точку зрения, она просто пренебрегает какими-то социальными конвенциями, приличиями. Это на самом деле не наезд, а такая резкая формулировка мнения. Когда это понимаешь, то становится легче с ней общаться. Круг людей, которых она не любит, гораздо уже, чем круг людей, которые думают, что она их не любит. Потому что они судят по манере речевого поведения, которое не отражает ее отношения к этим людям. Она выдает свои высказывания в том виде, в каком они в голове у нее находятся, не смягчает их. Социально табуированные темы не являются для нее социально табуированными. Это перекликается с тем, что я говорил об отсутствии авторитетов.

Что меня всегда совершенно поражало — что любой встречный человек хочет с ней поговорить, и что люди кучкуются вокруг нее, и что она со всеми нормально разговаривает — и дебильный алкоголик, и бабка, и председатель колхоза — со всеми с неподдельным интересом. Это удивительно здорово для экспедиционной практики. Я присутствовал, когда она это делает, это удивительно интересно. Это касается и студентов. Но при этом задерживаются, остаются только нормальные люди. Она готова со всяким найти общий язык; но при этом люди как-то отбираются — потому что она сильно воздействующая личность.

Об экспедициях

Мне кажется, что, как любому продвинутому интеллигенту и городскому человеку, ей очень не хватало деревенской жизни, что это в чемто было очень близко и этого как витаминов не хватало, она рвалась туда в первую очередь за личностным общением с бабками.

Потому что они индивидуумы.

А мне кажется, что самое главное для нее в этих экспедициях были дети, что ей очень важно было их приобщить к этому. Для СК было важно, чтобы ее студенты поняли, что деревня русская представляла

собой, что эти бабки представляют собой, быт, чтобы мы почувствовали это все.

Об умениях

Она меня научила собирать рюкзак, стирать, готовить... Я помню, что когда мне первый раз надо было дежурить, оказалось, что я ничего не могу делать вообще, я не могу даже колбасу нарезать нормально. СК, она так поцокала, удивилась, что такая мамаша семейства вообще ни хрена не умеет, осталась дежурить со мной, все мне показала, печку затопила... Все это меня это поразило — поразил охват умений.

...Моя мама ужасно неловко себя чувствовала и какие-то пироги все пекла... а СК строго говорила — не нужны мне ваши пироги, я и сама печь умею.

Я помню, что меня потрясало, как она хорошо готовит, вкусно. Когда мы к ней приходили в гости, она всегда пекла пирог. Этот пирог был ужасно вкусный, он был разный. Но ужасно вкусный. К тому же она вязала... она шила потрясающе. Когда она это все успевала? Я помню, я как-то спросила, она говорит, ой, это же очень просто.

О болезнях и лекарствах

... Мы там страшно болели.

Мы чуть не сдохли!

Мы подыхали один за другим. У меня неделю была сорок температура. Когда у меня температура упала с сорока до 38, я уже была огурец.

СК свалилась второй. Выглядело это таким образом. Как только у СК температура спадала хотя бы на полградуса с этих сорока, СК вскакивала, начинала бегать по избе, производить там уборку, топить печку, расшифровывать записи, командовать всеми, кто еще не подох. Она принималась просто вот зажигать все вокруг себя. Потом у нее температура до сорока с чем-то снова поднималась, она отлеживалась полчасика, и как только температура снова падала...

Я ее очень ругала за это.

Она пыталась привязать СК ремнями к койке!

Она посмотрела на это все и сказала: СК. Я вас сейчас стукну.

И она не хотела ничего пить! У меня были таблетки, которые на самом деле лечили от этой заразы, это был левомицетин, и она его не хотела пить.

А мне она как-то два года впаривала, что у нее есть чудодейственное лекарство... Она поехала в Севастополь, простудилась там и купила что-то в аптеке. И потом несколько лет мне говорила, что это чудолекарство. Покупала его в Севастополе и в Москву привозила. А потом я посмотрела — это парацетамол. Просто она впервые в жизни лекарство выпила, и обнаружила, что оно помогает, оказывается.

О полноте личности

...В области науки, вот диалектологии, фонетики, я даже не припомню свои с ней взаимоотношения, но запомнилось мне общение, и его степень насыщенности определялась совершенно не наукой, а чем-то совершенно другим.

Все равно это перевешивает масса ее личности... А студенты прежде всего воспринимают личность. А науку студенты даже самые интеллектуальные воспринимают на первых каких-нибудь курсах вторым планом.

Я ее воспринимала как такого широкого человек. Столько друзей, какие-то мужчины, поездки, это такой мир, что эта наука занимала вот такое место

Я думала, боже мой, сколько ж она читает. Как она за этим за всем внимательно следит. То есть это был не просто преподаватель, который знал свой кусок работы... Я, честно говоря, даже удивлена была, когда узнала, что у нее есть семья, что у нее муж и двое детей! Для меня было это так странно...

Осмехе

И она еще так заразительно хохочет! Да, такие были хохоты на два часа...

В разговорах за спиной принимали участие Миша Даниэль, Нина Добрушина, Сережа Князев, Саша Левина, Аня Птенцова, Сева Саркисян.

Поздравительное от коллег и учеников

Главное, что дает общение с С. К. Пожарицкой, — это ощущение внутренней свободы и истинности профессиональных и человеческих ценностей. Никакой внешней мишуры — только истинное и настоящее, даже если с перехлестом, но всегда с позиции истинных ценностей и честно. Чувствуешь себя в правильной системе координат. И возникает атмосфера искреннего живого интереса к научному знанию, к поиску понимания сути явлений, свободы мысли и суждений — и такого же искреннего интереса к людям, которых мы учим, интереса к тому, кого мы из них вырастим и как они овладеют профессией. В сущности, это классическая традиция интеллигенции — подлинная система ценностей и внутренняя свобода, все остальное следует отсюда. Так хорошо, что эта традиция сохраняется.

М. Н. Шевелёва

С Софьей Константиновной Пожарицкой связана вся моя университетская жизнь — с самого начала моей учебы на филологическом факультете МГУ и до сих пор, так как мы уже много лет работаем на одной кафедре.

В 1976 году, когда я поступила на русское отделение, первым семинарским занятием в моей жизни оказалась фонетика, а первым преподавателем, проводившим семинарское занятие, — Софья Константиновна. Она познакомила нас с артикуляционной классификацией звуков, говорила увлеченно, объясняла все системно и доходчиво, так что очень нам понравилась и она сама, и фонетика как предмет. Потом выяснилось, что на первом курсе у групп есть кураторы, и мы были счастливы узнать, что нашим куратором назначили Софью Константиновну, а поскольку большая часть из нас только что закончила школу, то мы соотнесли функцию куратора с функцией классного руководителя, и нам было приятно, что в том водовороте людей и событий, в который мы попали, можно в случае чего обратиться к человеку, который за тебя отвечает. Таких случаев, по счастью, не оказывалось, но весь первый семестр, пока шла фонетика, мы старались пообщаться с Софьей Константиновной не только на занятии, но и после него на перемене. Беседы об орфоэпии с Софьей Константиновной даже сподвигли часть нашей группы на то, чтобы переучиться и произносить не [ж:], а [ж':]. И до сих пор я говорю e[x':]y, $\partial po[x':]u$, $\partial o[x':]u\kappa$. Правда, в отдельных словах лично у меня такое произношение удержалось ненадолго: так, через какое-то количество лет мне надоело говорить [ж':]ёт и мо[ж':]евельник.

На втором курсе мне опять посчастливилось учиться у Софьи Константиновны. Она замечательно читала нам лекции по диалектологии — и сразу увлекла меня этим прекрасным предметом, так что я навсегда

полюбила русскую диалектологию и особенно диалектную фонетику, которой занимаюсь до сих пор (правда, в историческом аспекте).

Когда я стала преподавателем кафедры русского языка, то среди предметов, которые мне поручили вести, оказалась и русская диалектология. Семинары по этому предмету я веду до сих пор и неизменно рекомендую студентам пользоваться учебником С. К. Пожарицкой «Русская диалектология», который выдержал уже три издания, причем каждое новое издание Софья Константиновна перерабатывает, совершенствует и дополняет новым материалом.

На протяжении тех многих лет, что я знакома с Софьей Константиновной, мы с ней в частных беседах регулярно обсуждали самые разные научные вопросы, в основном, конечно, касающиеся фонетики и диалектологии. Тонкость в наблюдениях и широта эрудиции, которые Софья Константиновна всегда проявляет в таких беседах, были и остаются для меня образцом для подражания. Но я хочу добавить, что меня с Софьей Константиновной связывают не только общие научные интересы. Незадолго до того, как у меня родился сын, появился на свет внук Софьи Константиновны, и долгие годы, приходя на кафедру, мы время от времени обсуждали разные насущные вопросы: детский сад, школу, подготовку к поступлению в университет... Не скрою, что и сейчас, когда дети уже выросли, мы рассказываем друг другу о них. Правда, Софья Константиновна моего сына знает не только как моего сына, но еще и как своего студента: он тоже учился у нее фонетике. А я, кстати, когда была молодым преподавателем, обучала русской диалектологии младшую дочь Софьи Константиновны.

Е. А. Галинская

С момента знакомства с Софьей Константиновной — на первом курсе в семинаре по фонетике — неизменным остается чувство глубокого уважения и совершенного доверия, которое испытывает ученик к настоящему учителю. На занятиях Софьи Константиновны не было драматического пафоса «это научная дисциплина, без которой ни один филолог...», но была несомненная влюбленная погруженность в свой предмет; не было интеллектуальных спецэффектов, но была ясность формулировок, за которыми открывалась подлинная глубина обсуждаемой проблематики; не было излюбленных тем, школ или методов, но было взвешенное беспристрастие в изложении, разборе и оценках; не было снисходительного потакания научной наивности первокурсников, но была терпеливая требовательность и здравое корректирование студенческого максимализма. Моментом истины был экзамен, когда обнаружилось, что чувство свободного и уверенного ориентирования в предмете — в очень малой мере твоя собственная заслуга, и безукоризненное знание артикуляционной и акустической классификаций, позиционных чередований и т. п. — это голые схемы, начетничество в диалоге с Ученым и Учителем, вопрошающим ученика, но ожидающим ответа от возрастающего единомышленника. И хотя фонетика не стала профессиональным выбором, встреча и опыт общения с Софьей Константиновной определили, как видится теперь, довольно многое и в научных предпочтениях, и в собственном преподавательском стиле.

С. В. Алпатов

Трудно выразить словами степень уважения и почтения, которые я испытываю к Софье Константиновне. Попробую сказать о трех ее качествах, наиболее меня восхищающих.

Во-первых, ее очень приятно слушать. Будь то университетская лекция, доклад или просто реплика с места на конференции — неизменно возникает ощущение, что голосом Софьи Константиновны говорит сам разум (которого порой так не хватает на иных научных мероприятиях).

Во-вторых, на нее очень приятно смотреть. Будь то лекция, доклад или просто случайная встреча в коридоре факультета — неизменное восхищение вызывает ее внешний облик, ей одной свойственная манера жестикуляции, мимики, вообще движения.

В-третьих, ее очень приятно читать. Я всегда получал большое удовольствие от чтения написанных ею разделов известного учебника по фонетике — помимо содержательности, логичности и беспристрастности, свойственных учебнику вообще, именно ее тексты отличает какоето особенное мастерство, изящество и заинтересованность. И есть причины думать, что такое впечатление ее тексты производят не только на меня: согласно статистике посещений сайта, где я публикую редкие и труднодоступные научные работы по филологии, статьи С. К. Пожарицкой уверенно занимают первое место по популярности, деля его с работами В. В. Виноградова.

Е. В. Шаульский

Софья Константиновна вела у меня занятия по фонетике на первом курсе. Если бы я просто сказал, что эти занятия произвели на меня неизгладимое (и, конечно же, самое приятное!) впечатление, меня можно было бы обвинить в голословности. Но, к счастью, я могу подтвердить мои чувства документально.

Первокурсникам филфака вообще свойственна страсть к литературному творчеству. Я не раз задумывался о том, что преподавателей, которые ведут занятия на первом курсе, можно оценивать по тому, сколько стихов им посвящают их студенты. И я точно могу сказать, что Софья Константиновна была в числе самых популярных героев нашего тогдашнего творчества. Из массы стихов мне удалось восстановить в памяти лишь семнадцать строк.

Три лимерика посвящены орфоэпии — той отрасли фонетики, которую Софья Константиновна особенно любит и которую преподает с осо

бым блеском. Первый из них — про различие между старшей и младшей орфоэпической нормой:

На занятьях Эс Ка Пожарицкой Упомянут Богдан был Хмельниц[къ]й Ведь по старшей по норме Будет он в этой форме Точной рифмой к Эс Ка Пожарицкой.

Стиховедение велит называть такую рифму богатой, а не точной, но надеюсь, что благосклонные читатели спишут нестрогость терминологии на поэтическую вольность, а не на то, что авторы в момент написания лимерика просто плохо разбирались в терминах.

А вот два лимерика про акцентные нормы:

Один очень неграмотный до́цент Отложить сумел целый евро́цент В трехлитровую банку, Не доверясь Сбербанку: Слишком низок в Сбербанке был про́цент...

...в то же время другому доце́нту Удалось скопить три евроце́нта. Знать, пошел ему впрок Пожарицкой урок: Он богаче на двести проце́нтов.

Занятия с Софьей Константиновной проходили у нас по средам в 10:35. Ехать в университет в такое раннее время — это большое испытание, но все-таки почти все выдерживали это испытание ради фонетики и Софьи Константиновны. В результате в соавторстве с Гомером и Жуковским мы сочинили такую эпиграмму (как и подобает слушателям курса античной литературы, строго выдерживая форму элегического дистиха):

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос, И Пожарицкую мы сладкому сну предпочли.

И таких стихов было еще великое множество. Я готов признать, что в основном они не являются шедеврами поэзии, но главное их достоинство в том, что в них сквозь поволоку добродушного смеха сквозит признательность к Софье Константиновне и любовь к ее предмету — те чувства, которые я храню до сих пор.

А. Ч. Пиперски

ДИАЛЕКТНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОНЕТИКА

А. В. Тер-Аванесова

О ПРЕДУДАРНОМ ЁКАНЬЕ И ЕГО РАЗВИТИИ В ВОСТОЧНОМ СРЕДНЕРУССКОМ ГОВОРЕ ПУСТОШЕЙ

Говор села Пустоша (Гридино) Шатурского района Московской области и находящейся в километре от него деревни Чернятино принадлежит к числу восточных среднерусских окающих говоров и по сути является островным, хотя и окруженным близкими говорами. Его замечательными чертами, не свойственными говорам ближайшей округи, является различение под ударением двух фонем «типа о» и двух фонем «типа е» и неполное смягчение губных и дентальных перед гласными переднего ряда. Говор замечателен также сочетанием ярких владимирскоповолжских, а точнее муромских, и рязанских черт. Некогда этот говор был распространен в бывшей Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии, к которой относились Пустоша и Чернятино; сейчас центральная часть этой волости, то есть д. Ягодина с окружающими ее деревнями, почти обезлюдевшие, примерно в 20 км к востоку от Пустошей, относится к Гусь-Хрустальному р-ну Владимирской обл. и связи ее с Пустошами прекратились. Д. В. Бубрих в своем описании фонетики Пустошей указывал на небольшие различия пустошенского и ягодинского говоров. Современные записи из Ягодиной, демонстрированные мне И. И. Исаевым, показывают, что говоры западной (Пустоша) и восточной части бывшей Ягодинской вол. почти идентичны, а в существенных элементах, например, в том что касается тонкостей распределения двух фонем «типа о», полностью совпадают. Впрочем, говор самих Пустошей не является единым: еще в 90-е гг. ХХ в. можно было заметить небольшие различия в языке уроженцев Новой и Старой улицы, с одной стороны, и Щемиловки — с другой. Во времена Д. В. Бубриха различий должно было быть еще больше, и его описание в основном, повидимому, опирается на «щемиловскую» разновидность, отличавшуюся рядом рязанских особенностей, которые в наши дни в основном устранены и тем самым в селе возобладала более чисто «владимирско-поволжская» разновидность говора.

1. Говору Пустошей свойственно неполное оканье; ёканье представлено в первом предударном слоге и крайне редко — в заударном закрытом слоге. Последние случаи здесь не рассматриваются. Пустошенское предударное ёканье муромского типа: огубленные гласные представлены перед твердыми согласными на месте *e, *ь и *ě.

Для характеристики пустошенского ёканья и его дальнейшего развития важны следующие черты фонетической системы говора.

1. Категория твердости / мягкости выражается в противопоставлении непалатализованных согласных и согласных разной степени палатализованности, причем среди последних статистически преобладают слабо палатализованные, или «полумягкие». Подсистемы губных и дентальных содержат пары согласных фонем, соотнесенных по твердости / мягкости. По своей дистрибуции фонологически мягкие согласные в говоре идентичны мягким в лит. языке, а в отношении позиционного смягчения согласных в кластерах говор идентичен старшей орфоэпической норме литературного языка. Распределение аллофонов гласных фонем (и альтернантов гласных морфонем) также указывает на консонантизм с последовательным противопоставлением твердых и мягких согласных.

Признак мягкости в говоре, очевидно, является градуальным. (а) Перед гласными переднего ряда губные и зубные слабо палатализуются, скорее, приспосабливаются к следующему гласному. На слух перед [е] степень палатализованности согласных очень слабая, а перед [и] гораздо сильнее (ниже в списках примеров эта разница в качестве согласных обозначается только символом следующего гласного). (б) Ряды аллофонов согласных фонем, парных по твердости / мягкости, в позиции перед непередними гласными, перед [е] и перед [и, и] вместе с различием в степени палатализованности различаются качеством (местом и способом образования) аллофонов /л'/, /т'/. Перед [е] представлен «средний» альвеолярный [1], в отличие от веляризованного зубного [π] перед [α , α , γ 0, γ 0, γ 1 и палатализованного [л'] перед [и, и]; на конце слова противопоставлены [л] и [л']: ла́па, куол, Léна, leч, л'ист, л'иезит, л'иажът, сол'. Другие твердые согласные «дентального ряда» в говоре альвеолярные, невеляризованы перед непередними гласными и на конце слова. Аллофоны парных им мягких фонем перед [е] практически неотличимы от аллофонов твердых, за исключением аллофонов /т'/, которые перед [е] и на конце слова обычно не аффрицированным, но встречается и аффрицированное произношение (видимо, под инодиалектным влиянием); перед [и] они, как правило, являются «полумягкими». (в) На конце слова парные мягкие губные и дентальные фонемы, а также парные губные и дентальные перед мягкими фонемами, представлены «полумягкими» аллофонами (такими же, как перед [и]). Исключение составляет /л'/, представленная палатализованным аллофоном, и /т'/, /д'/, /н'/, которые могут быть представлены как «полумягкими», так и (реже) палатализованными аллофонами, а /т'/ — также [ц], см. таблицу. Ниже в списках примеров и палатализованность, и «полумягкость» согласных в этих позициях условно обозначены апострофом, а в таблице проведено различие между «полумягкими» и палатализованными согласными. Отвердение перед твердыми согласными очень характерно для говора; однако /л'/ отвердевает лишь «до степени [1]»: (сва́дба, миеншы, бо́шы).

Позиционное распределение аллофонов парных по твердости / мягкости согласных фонем показано в таблице:

перед <i>a, o, ŷo, y</i> ; на конце слова	перед е	перед и, и	на конце и перед аллофонами мягких фонем
/п/: náрин' ymýon	/п'/: пен'	/п'/: <i>n</i> · <i>um</i> ·,	
		n'ûam'	/в/: ф [.] пер и́от
/т/: máмa, myom		/T'/: m'úxa,	/т'/: нес·т·,
	meb˙ûê, ųeb˙ûê	m [·] úaн [·] um	дат [.] ~ дат' ход'úц [.]
			/т/: m·в·ио̂рдъй
/л/: лána	/л'/: leч, nlec'm'		/л'/: сол', л'йот
		л'ио́л'ик	/л/: дал

Необходимо отметить также следующие особенности консонантизма говора. Палатализованными, непарными по твердости / мягкости фонемами в нем являются /ш':/, /ж':/, другие шипящие и /ц/ представлены веляризованными твердыми звуками. Задненебные κ , ε палатализуются (становясь «полумягкими») в положении после мягких фонем и после u: $M\acute{a}h$: κ : ιu , ιv : ιv :

- 2. Вокализм включает семь фонем /и/, /иe/, /e/, /a/, /o/, /yo/, /y/. После мягких согласных фонем под ударением и в 1-м предударном слоге, реже в заударных, представлены аллофоны непередних гласных дифтонги и дифтонгоиды [иа, ио, иу] с длительной начальной фазой; под ударением также представлен [иуо]. Просодической вершиной слова являются ударный и первый предударный слоги, причем последний часто бывает более долгим, чем первый. Подробности о дистрибуции аллофонов гласных и фонетическая характеристика аллофонов здесь опущены; отметим, что С. С. Высотский считал пустошенский говор весьма архаичным с точки зрения ударных реализаций фонем неверхнего ненижнего подъема, в частности реализаций фонем-дифтонгов.
- 3. Ёканье сейчас сохраняется только в речи старшего поколения, причем у семидесятилетних носителей говора огубленные гласные в позиции ёканья заменяются неогубленными гораздо чаще, чем у 80- и 90-летних. Утрата ёканья связана скорее с причинами социолингвистического характера, нежели с фонетическими; приводимые ниже примеры свидетельствуют об устойчивости ёканья в «старшей норме» пустошенского говора.

Перед твердыми согласными фонемами, после парных по твердости / мягкости согласных, огубленные гласные¹:

неогубленные гласные: *e: нь ниевуб, миеже́н' 'середина лета', диеше́вли, диаше́вли O; виезу́т E; лиета́йут E; пьмерла́ E; с кресто́м, пьвиерну́лси, диержа́ли E; с сиенны́йе, адиева́лъф-ть, д'виена́циьтьм, гриеха́ E; нь риека́ф E; биего́м, E, биегу́, д'виена́циьт', виетры́, из' виеку́оф, в лиесу́ E; в гниез'дие́, биада́, биаго́м E;

после шипящих, u, j: *e: жостубку, жону́, фчара́си, фчара́, u'u'a-nу́oтu, (йата́u 'этаж'), четы́ри, четы́риста, фчера́, чаву́o, чову́o 7, чову́o-oнuтa, ничовуo 4, цовуo (в цитате из речи матери), йавуo, йевуo, йовуo 7, йому́ 3, въйова́a O; йовуo 5, цолуo, oнu0; o0, o0, o0; o0, o

Перед мягкими согласными фонемами²: *e: ьт'вез'ли 5, нь ветли́е, мени́а 3, тепе́р' 6, теби́е, бис теби́а, ден'жо́ньк, деси́атку, ф тиели́еги, ни тиали́лас'а, ьтиали́лас'а-то, циабие́, тиабие́, тиеби́е, циебе́ 4, тиеле́р', тиапе́р', ф сели́е, сес'ти́ор, сеча́с, сере́дний, (секре́т), сиеби́е, земли́уой, земли́, зели́онин'киа, зели́онъ-то, пlеми́анник', lепи́ошки, пирени́ок 'паренёк', пирен'киа, реви́ели, реви́от, реби́аты, диреви́анна, еш': 6 О; у мени́а, мети́олку, събери́от, пъпери́ок, вели́ел, нъ вир'тени́е, тиепе́р' 2, сери́он 'наст', пъ сирену́, път сирено́м, в земли́е́, пъlети́т, пъlети́ели, уlети́ат, реби́онъчик', реби́атъ-ть, реме́н', рем'ни́а, рем'ни́, ремне́й, реве́н', реви́ош, неси́от Б; мени́а, пътиери́ала, тиепе́р', cleти́ели, тепе́р' (Сери́ожык), сеча́с, сестри́е, сесци́ор Ш; убери́от, печо́на, уведи́от, увез'ли́, умере́т', несли́с', ф сели́е, к сестри́е, цепе́р', тиепе́р', циапе́р' Ж;

¹ Списки примеров представляют собой результат полной росписи нескольких коротких текстов, поэтому в них указывается количество словоформ, встретившихся более одного раза. Это позволяет видеть статистику огубленных и неогубленных гласных в позиции ёканья. Информанты: О — Ориша, Ирина Серг. Сергеева (1912–2007), Б — Клавд. Григ. Бобкова (1929), Ж — Елена Жёлтикова (1935) — Щемиловка; Ш — Клавд. Вас. Швецова (1921–2008), АБ — Алекс. Фомин. Базунова (1915–2007) — Новая улица.

² А также перед /ч/ и сочетаниями согласных, в которых вторая фонема — мягкая.

*ь: вер'зи́ла, кресцйа́ни, хреш': áumuc'a O; вер'ти́ет', верхо́м, нь верху́, зерни́е E; пир'креш': ýсUа, пир'крести́сси E;

*è: вес'тей, бегли́, смейа́лис', нъдиава́йеш, роздели́лисе 2, дет'ми́, дете́й, диате́й, сем'йа́ми, ф сиам'йи́е, ръстрели́ал 2, ръстрели́л, фстреча́т' О; бели́ей, диели́т', ф седли́е, зъстрели́лси Б; сиами́и Ш; пъбежа́ла, нипъбеди́мых, беси́лси, пръвери́ала, зъмени́ала, дете́й, дети́ам, clenéн', clenhûa-та, кlesóк 'хлев, утепленный закуток для поросенка', зъстрели́ли, ръстрели́али Ж;

после шипящих, u, j: *e: жалиезну, шес'со́т, сам чет'вио́рт, w':ани́цць, жони́лси, жени́лис', чарни́ел O; йейо́ 2, йайо́ 6, W; w':ами́льфка, черио́звъй, w':екие̂, жъни́лси, жани́лси, жони́е W; *b: чер'ви́вы W; p шерсци́, пъчар'ни́ел W; p: пръйаж'д'ж'ám', йади́ат W; йеди́ат W, W; йади́м W, прийеж'ж'а́ли W.

В предлогах и частице не: не знаим, без деник, нел'зиа, неш' жыф неш' ниет то ли жив, то ли нет', недиел'ки, не крыта, пирешол.

Ёканье и отклонения от него, и шире — отражение в говоре *e, *ь, *ě в первом предударном слоге в различных окружениях показано в следующей таблице:

	перед твердыми фонемами	перед мягкими фонемами
после мягких губных, /c'/, /3'/, /н'/, /л'/, /р'/	ũo (в'ũodý, nл'ũomý) ũe (в'ũedý, nл'ũemý)	e (ธeд น์อ์m, nlem น์อ์m)
после /т'/, /д'/	и̂о (д'и̂ору́) и̂е, реже и̂а (д'и̂ержа́т')	e, peжe ûe, ûa (детей, д'ûeтей, ц'ûanép')
после шипящих, /ц/, /й/	o ~ a ~ e	<i>e</i> ~ <i>a</i> , редко <i>o</i>

В говоре Пустошей гласные из *e, *ь, *ě в позиции ёканья, утрачивая огубленность, сохраняют дифтонгический характер ([и̂e, и̂a], а вместе с ним — «полумягкость» предшествующих им парных по твердости / мягкости согласных и мягкость [л']. Перед мягкими согласными фонемами те же гласные в 1-м предударном слоге обычно представлены открытым монофтонгом [е], перед которым парные согласные почти не палатализованы, а /л'/ представлена «средним» [1]. В результате утрата ёканья как огубленности гласных в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными не приводит к совпадению рефлексов *e, *ь, *ě перед твердыми согласными с рефлексами тех же гласных перед мягкими согласными, по крайней мере после губных, c, s, h, h, h. Сочетания h0 ийе на месте *tE в первом предударном слоге, возможно, объясняются инодиалектным влиянием. Варьирование после непарных по твердости / мягкости шипящих, h0 описано в работе Д. В. Бубриха; как видим, оно в принципе не отличается от варьирования после h0.

4. Чередования гласных, связанные с ёканьем, сопровождают именное словоизменение, что видно даже из приведенных примеров, и спря жение, что можно показать на примере тематических е-глаголов (записаны у К. Г. Бобковой): биору́, бери́оти, биору́т; дери́оцць, диору́цць; риову́т, нареви́осси; зъперси́, зъпиорла́се, зъпер'ли́се, зъпере́т'; пъмиорла́, пъмере́т'; гриобу́, греби́от, нъгриобла́, нъгребли́, згреби́она; скриобу́, скреби́от, скриобла́, скребли́; пъд'миола́, миоту́, мети́от, пъдмели́, пъд'метион; привиозу́, привиозла́, привези́от; виоду́т, приведи́он, привиола́, ръз'виолси́, приведиона; цвети́от, цвиоту́т, ръсцвели́, ръсцвиола́; пlети́от, плиоту́, плиоту́т, с'плиола́, с'пlели́; нес'ли́, принеси́она, ниосу́, принеси́от.

На «морфологический» характер этих чередований как будто указывают следующие примеры глаголов с корнями на задненебные: пиеку, ис'пиоку́, пеко́ш, пеко́т, нъпиокла́, пекли́, напеко́но; зъриокла́се, зъриоку́се, зъреко́ццъ, зъриокси́; теко́т, тиоку́т — а также распространение этой модели чередований у глаголов с корневым *e: плиоса́т'; с'виоза́лси; также трес'т', триасу́, триаси́от, потрио́с, триосла́, треси́оны; запре́ч, зъприагу́, зъприаго́т, зъприогла́, зъпрегли́.

Библиография

- Бубрих 1914 *Бубрих Д. В.* Фонетические особенности говора села Пустоша // Известия ОРЯС 1913. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4. С. 305–346.
- Войтенко 1991 *Войтенко А. Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991.
- Высотский 1967 *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.
- Пожарицкая 1961 *Пожарицкая С. К.* К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961.
- Пожарицкая 1967 *Пожарицкая С. К.* Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 99–116.

И. В. Бегунц

ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИИ СОГЛАСНЫХ ПО ТВЕРДОСТИ / МЯГКОСТИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ: ДАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Одним из аспектов описания фонетической системы диалекта является вопрос об особенностях корреляции согласных по твердости / мягкости. В большинстве русских говоров противопоставление согласных по твердости / мягкости аналогично таковому в литературном языке; однако в ряде диалектов, преимущественно севернорусских, наблюдаются отклонения, которые затрагивают разные уровни языковой системы и охватывают достаточно широкий круг явлений — от произношения отдельных слов до наличия особого набора позиций нейтрализации и различий в системных связях фонем.

В ряде говоров наблюдается так называемое непозиционное смягчение и отвердение согласных, т. е. не обусловленное позиционно мягкое или твердое произношение согласного (сравнительно с литературным языком или вариативно в пределах диалектной системы). Подобные случаи отмечаются спорадически на территории практически всего севернорусского наречия, ср. безут'ишно / безутышно 'безутешно', согра / с'огра 'сырое место' в архангельских говорах [Гецова 1997: 177], *зу́рка / з'у́рка* 'поросенок', соводни, Владымир, грузд 'груздь' в новгородских (обзор работ см. [Галинская 2002: 37]), ср. также примеры М. А. Колосова: здыял, Владымир, зятушка, татенька, на сынем море [Колосов 1874: 21–22]. Непозиционное отвердение и смягчение согласных в отдельном слове не затрагивает фонологической системы диалекта в целом, однако эти случаи показательны для характеристики диалектного консонантизма, поскольку они могут указывать на ослабление корреляции согласных по твердости / мягкости или являться реликтами звуковой системы, свойственной говору в прошлом. Кроме того, в отношении отдельных звуков непозиционное отвердение и смягчение может реализоваться весьма последовательно, что в итоге приводит к уграте одного из парных по твердости / мягкости согласных (например, отвердение [р'] в белорусском языке).

Отличия от литературной системы могут также касаться перечня сильных позиций для твердых и мягких фонем (например, позиции конца слова, которая во многих севернорусских говорах является позицией нейтрализации для губных согласных). Наконец, существуют говоры, в которых противопоставление согласных по твердости / мягкости фактически отсутствует, а именно говоры с последовательным произношением полумягких и твердых согласных в предвокальной позиции (говоры Харовского и Бирюковского районов Вологодской области, см. [Пауфошима 1961], [Азарх 1973], [Касаткин 1999: 145–166]).

Как видно, рассматриваемые в связи с категорией твердости / мягкости диалектные явления разнородны и различаются по степени последовательности ослабления данной корреляции. Вопрос о предпосылках и времени возникновения в говорах этих особенностей остается дискуссионным. Очевидно, что особое значение для решения этого вопроса могут иметь данные исторической диалектологии, т. е. материалы памятников древнерусской письменности, созданных на разных территориях распространения древнерусского и старорусского языка и отражающих особенности диалектной фонетики. Такое исследование позволило бы установить наличие / отсутствие описываемых явлений в древнерусский период, а также, возможно, очертить границы их распространения, которые могли сократиться в XX веке в связи с общей нивелировкой диалектов. В настоящей статье анализируется часть имеющегося у историков языка материала по данному явлению, а также рассматриваются методологические принципы интерпретации релевантных написаний.

В условиях слогового принципа русской графики твердость или мягкость согласного чаще всего передается при помощи буквы следующего за ним гласного; тем самым, на письме особенности противопоставления согласных по твердости / мягкости должны выражаться в первую очередь через смешение букв a–s, y–t0 и t–t1 после буквы, обозначающей согласный. Также возможно смешение в паре t0-t0, однако в этих случаях можно видеть отражение перехода t0 «в ущерб» обозначению мягкости согласного (см. ниже), поэтому такие примеры будут заведомо менее показательными. Что же касается позиции конца слова, то для текстов, написанных уставом и полууставом, показательным может быть употребление букв t1 t1. Скорописные же тексты в подавляющем большинстве случаев никакой информации для этой позиции не дают, поскольку буква согласного выносится над строкой, буква редуцированного не пишется и твердость или мягкость согласного никак не обозначается.

Написания с эффектом мены a–s, y–i0, i0–i0 и i0–i2 после буквы согласного действительно известны ряду древнерусских текстов, как деловых, так и книжных. Следует сразу оговориться, что число примеров в текстах, как правило, невелико, и лишь большой объем исследованных рукописей позволяет увидеть в них системное явление. Кроме того, интерпретация материала в значительной мере зависит от типа текста.

Большую часть дошедших до нас рукописей составляют книжные тексты. Примеры с заменой $s \to a$ обнаруживаются уже в древнейших восточнославянских книжных текстах XI–XII вв., по преимуществу севернорусских: *боура, памать, десата А, възаты А, безмоужна А* и пр. В исследовании В. С. Голышенко приводится около тридцати таких написаний; по мнению автора, они не отражают каких-либо фонетических явлений, т. к. объясняются чисто графическими причинами, например, следами древнего южнославянского оригинала, предвосхищением следующего гласного, наконец, просто являются описками. Предлагается

считать их «написаниями с графически не обозначенной мягкостью согласных» [Голышенко 1987: 123–128].

Более поздним книжным текстам описанный эффект также известен. Мена u-ы распространена в псковских рукописях XV в., исследованных Н. М. Каринским: быша са 'бились', стороннымь, сторонными, вечерным, константынь, позлаты (аорист, 3 л. ед. ч.), расты, прежныхь, гръшнимъ, сиро 'сыро' и пр., а также 120 случаев замен $n \to a$, $n \to v$, $n \to b$, $e \to o$ и $b \to b$ после p [Каринский 1909: 173–176, 180–182]. Интерпретация этих написаний вызвала известную полемику: Н. М. Каринский видел в них отражение диалектного фонетического явления, а именно «приближение звука u к звуку b» в псковском говоре XV в., а написания после р, по его мнению, свидетельствовали об отвердении [р'] [Каринский 1909: 173-176, 180-182]. В качестве причины таких диалектных особенностей указывается влияние белорусского языка в результате колонизации белорусами псковского края в XIII-XV вв. [Каринский 1909: 204-206]. Необходимо отметить, что Н. М. Каринский вполне сознавал возможность чисто графического объяснения указанных замен (как черту второго южнославянского влияния), однако он отказался от такого объяснения, указывая на отсутствие подобных смешений в московских и прочих рукописях, где следы второго южнославянского влияния очевидны. Кроме того, смешения встречаются и в оригинальных псковских текстах, для которых влияние южнославянского протографа исключено; наконец, такой эффект мог быть связан только с сербским или западноболгарским влиянием, а не с восточно-болгарским, но влияние сербской традиции на восточнославянскую, по выражению Н. М. Каринского, «ничтожно» [Каринский 1909: 174].

А. А. Шахматов, критикуя Н. М. Каринского, настаивал на том, что подобные написания являются чисто графическим явлением, проникшим в восточнославянскую письменность сугубо книжным путем в результате южнославянского влияния, из памятников, подвергшихся сербской рецензии [Шахматов 1909: 141-142]. Мену а-я, у-ю, ы-и и о-е после буквы согласного предлагается считать эффектом, аналогичным мене ъ-ь, известной книжным текстам XV в. По мнению А. А. Шахматова, такие примеры, как древнам, тестю', образю, заднам, всу, взаша и подобные, а также случаи после p, не могут объясняться фонетически, в частности, потому, что современным диалектам такое произношение неизвестно [Шахматов 1909: 149]. Однако в псковских говорах встречается непозиционное отвердение и смягчение согласных, в том числе [р] / [р']: собэ, фса, утришная, позное, дверы, крык, товарышшы, трёстачка, выпригнуть (обзор работ см. [Галинская 2002: 108-109]). Впрочем, позднее А. А. Шахматов пришел к мнению, что написания после р могут свидетельствовать об отвердении [р'] в псковском диалекте [Шахматов 1915: 329]. В настоящее время мена a-n, $y-\omega$, $\omega-u$ после p в псковских средневековых текстах рассматривается как отражение твердости [р] (ср. [Жуковская 1973: 24]). В псковских же текстах встречается мена a–я и y– ω после μ и π : mого ∂ δ π а 'для', uсnо π ну, nу ω 0; по мнению В. В. Колесова, эти односторонние замены ($s \to a$, $\omega \to y$) указывают «на нейтрализацию фонологического противопоставления в условиях, пока что не ясных» [Колесов 1973: 10–11].

Таким образом, говоря о книжных текстах в связи с меной a–s, y–i0, i1, i1 и i2-i2 после букв согласных, можно отметить следующее: 1) описанный эффект представлен уже в памятниках XI–XV вв.; 2) написания такого рода нельзя назвать распространенной чертой; 3) они зафиксированы в текстах преимущественно севернорусского происхождения; 4) для большинства книжных текстов фонетическая интерпретация не является единственно возможной: многие исследователи видят в этих написаниях явления графики, в первую очередь, следы южнославянского влияния.

В частности, отмечено, что в грамотах имеется значительная группа примеров с лоу (лу), ла, лъ вместо лю, ля, ль: лоудье 870, землоу 821, клуць 413, послоу 'пошлю' 421, блудо 261 и др. Такие написания могут отражать особенность живой древненовгородской фонетики — сдвиг [л'] в сторону среднего [1] — явление, которое встречается в современных севернорусских говорах [Зализняк 2004: 80]. После других согласных примеров меньше, однако они также могут быть связаны с особенностями диалектного произношения. Так, материал грамот свидетельствует об отвердении мягких губных на конце слова (процесс начался, по всей видимости, не позднее конца XI в. [Зализняк 2004: 78]); встречаются и написания, где не обозначена мягкость губного перед гласным: измакле Пск. 6, маса 'мяса' 456, има 'имя' 734, сватее 705, бес пати 758, паты Мст. 1, съманы 'семенами' д. 34, ср. также в настенных надписях сватонъгь, вачеславу. Возможно, эти примеры (если только это не ошибки) указывают на отвердение губного в данной позиции, встречающееся и в современных севернорусских говорах [Зализняк 2004: 79]. Далее, в грамотах представлены смешения в обе стороны после р: ризьи 'рыжий' 160, трасавиче 715, нестерю, монастирь, перемирь 'перемерь' в блоке 354 + 358, говору 'говорю' 530 и др. Такие замены, по мнению А. А. Зализняка, могут быть связаны с отвердением [р'] в древненовгородском диалекте [Зализняк 2004: 79-80].

Кроме того, в грамотах есть замены a-я, y-ю, b-u и o-e и после букв других согласных. В грамотах №№ 406, 167, 471, 497, Ст. Р. 2 представлен эффект $\omega \to u$, т. е. во всех случаях, где ожидалось бы ω , написано и: риби 'рыбы', синови 'сыну' 406, отсилкъ 'отсылке' 471, чо би 'чтобы' 167. В остальном эти тексты не содержат ошибок и погрешностей, и это дает основание полагать, что «замена ω на u, может быть, и признавалась в некоторых графических системах допустимой», и далее: «нельзя исключать также фонетической основы для некоторых случаев подобных смешений (тем более, что известны севернорусские говоры новгородского происхождения с частичным отвердением согласного даже в предвокальном положении)» [Зализняк 1986: 110]. В грамоте № 463 представлен эффект «а после буквы согласного $\rightarrow a/$ а» (3 / 5): й федора, кунами, посадници, подаи [Зализняк 2004: 529]. Имеются примеры, для которых замена u на bi объясняется результатом прогрессивной ассимиляции по твердости (имя Здыла 510, ранн. съдила 503; прислы 'пришли' 765 [Зализняк 2004: 83]); для пары сырь-сирь предполагается наличие вторичного варианта с u; написания κ ъназоу можно рассматривать как книжную орфограмму или как результат не вполне точного усвоения заимствованного слова [Зализняк 2004: 47]; некоторые написания А. А. Зализняк считает просто ошибками (на 2 коноу 609, овсаними 540 [Зализняк 2004: 425, 661]).

Таким образом, имеющиеся в берестяных грамотах замены a–s, y–t0, t0–t0, t0–t0 t0–t0 t0–t0 после букв согласных немногочисленны, но при сопоставлении с известными чертами современных севернорусских говоров дают хотя бы в ряде случаев основания предполагать наличие связи с особенностями древненовгородской фонетики — такими, как отвердение губных и [p'], смещение артикуляции [n'] в зону [n]1.

Деловые тексты старорусского периода (XVI-XVII вв.), гораздо более многочисленные и объемные, дают богатый материал для изучения исторической фонетики русских говоров. Одним из наиболее ценных источников для русской исторической диалектологии служат памятники местной деловой письменности — отказные, отдельные, приходно-расходные книги [Хабургаев 1969: 106]. Эти документы, созданные на местах и написанные местными жителями — дьячками, подьячими, пушкарями, крестьянами, — содержат множество написаний, отражающих фонетические и морфологические явления диалектного характера [Копосов 2000: 47-48]. На настоящий момент в научно-исследовательский оборот введено значительное количество таких текстов, а их анализ позволил весьма подробно реконструировать звуковую систему многих русских диалектов этого периода (см. [Галинская 2002, Копосов 2000]). Думается, что именно материал старорусских деловых текстов более всего показателен для исследования особенностей диалектной корреляции согласных по твердости / мягкости в историческом аспекте. Написания с меной а-я, у-ю, ы-и и о-е в этих рукописях также нельзя назвать распространенной чертой, однако для них исключено влияние южнославянских книжных текстов, следовательно, можно предполагать фонетическое объяснение; объем старорусских текстов существенно превосходит объем берестяных грамот, и сплошной анализ значительного числа таких памятников позволяет систематизировать письменный материал, дать ему фонетическую интерпретацию и определить степень показательности примеров для этого типа текстов.

Анализ старорусских деловых текстов проведем на примере исследованных нами рукописей, созданных в первой половине XVII в. на территории современных белозерско-бежецких говоров и хранящихся в РГАДА:

- 1) Отказные книги Белозерского уезда, 1614–1625 гг., 995 л. ф. 1209, оп. 2, № 12769 далее **ОК1**;
- 2) Отказные книги Белозерского уезда, 1630–1641 гг., 1213 л. ф. 1209, оп. 2, № 12761 далее **ОК2**;
- 3) Книги записи «сундушных» денег, выданных казначею на расход, 1601–1611 гг., 109 л. ф. 1441, оп. 1, № 221 далее **221**;
- 4) Книги прихода и расхода монастырской казны, 1605–1606 гг., 24 л. ф. 1441, оп. 1, № 222 далее **222**;
- 5) Книги прихода и расхода монастырской казны, 1615–1616 гг., 64 л. ф. 1441, оп. 1, № 224 далее **224**;
- 6) Книги прихода и расхода монастырской казны, 1621 г., 71 л. ф. 1441, оп. 1, № 228 далее **228**;
- 7) Книги прихода и расхода монастырской казны, 1625г., 73 л. ф. 1441, оп. 1, № 229 далее **229**;
- 8) Книги прихода и расхода монастырской казны, 1626 г., 68 л. ф. 1441, оп. 1, № 230 далее **230**;
- 9) Книга сбора питейной прибыли Бежецкого кабака, 1646–1647 гг., 64 л. ф. 137, оп. 1, Бежецк № 1 далее **Б1**;
- 10) Книга сбора питейной прибыли Бежецкого кабака, 1648–1649 гг., 64 л. ф. 137, оп. 1, Бежецк № 2 далее **Б2**;
- 11) Книга сбора питейной прибыли Бежецкого кабака, 1645–1646 гг., 64 л. ф. 137, оп. 1, Бежецк № 3 далее **Б3**;
- 12) Приходно-расходная книга «ядерного» дела, 1630 г., 50 л. ф. 137, оп. 1, Устюжна Железопольская № 2 далее **У2**;
- 13) Книга сбора питейной прибыли, 1654–1655 гг., 97 л. ф. 137, оп. 1, Устюжна Железопольская № 3 далее **У3**;
- 14) Книги кабацкие Устюжны Железопольской, 1627–1628 гг., 79 л. ф. 137, оп. 2, № 3 далее **У2 / 3**;
- 15) Отказные книги Бежецкого, Новоторжского и Ярославского уездов, 1611-1628 гг., 1209, оп. 2, № 11463 далее **ОКЗ** (исследованы только отказы по Бежецкому уезду).
- В рукописях, общий объем которых составил 3200 скорописных листов, обнаружено огромное число написаний, отражающих живую фоне-

тику говора первой половины XVII в. [см. Бегунц 2006]. Написания с эффектом мены a–s, y–i0, i1 и i0–i2 после буквы согласного в белозерских и бежецких текстах также многочисленны и могут быть связаны с особенностями местной фонетики, отмечавшимися исследователями и в i1 х i2 в.

Первым шагом анализа станет исключение из рассмотрения примеров, в которых мена буквы гласного может быть вызвана причинами нефонетического порядка. Так, примеры из белозерских текстов понятымы ОК1-833 и фди^лнымы ОК1-560 могут отражать особенность морфологии — окончание Т. мн. -мы, известное ряду севернорусских говоров и встречающееся в текстах северного происхождения (по предположению А. И. Соболевского, оно возникло под влиянием окончания о-основ -ы на распространившийся формант -ми [Соболевский 1881: 54-55]). Далее, написания с заменами на стыке основы (корня) и окончания могут указывать на переход слова в твердый вариант склонения, ср. зяту 'зятю' ОК2-866, 845, *при тъ^x люда^x* ОК2-589, 1005. Именно так А. А. Зализняк комментирует формы со затомъ 568 и тестю 519 [Зализняк 2004: 562, 654]. Причины такого перехода, тем не менее, остаются неясны, и влияние фонетических факторов здесь также не исключено. Строго говоря, непоказательными приходится признать и написания с о вместо e (например, $nonepo^{\kappa}$, coлища, κono^{θ}), которые в силу особенностей русской графики могут отражать переход [е] в [о] в ущерб обозначению мягкости. Наконец, в каких-то случаях существует вероятность описки, вызванной, к примеру, «предвосхищением» гласного в следующем слоге.

Впрочем, бо́льшая часть обнаруженных написаний представляется показательной с фонетической точки зрения, так что имеется возможность сгруппировать примеры в зависимости от сути отраженного в них явления.

Первую группу составляют написания с эффектом мены а-я, у-ю, ы—и после буквы p: товарыша ОК2-312об (с меной u / u), товарыще^в У3-96, товарыщы ОК1-199об, 273, товарыщи ОК1-131 (в этом слове более 100 случаев, в т. ч. <пустошь> Товарышевская ОК2-255); декабра ОКЗ-108об, *пушкару* ОК2-270, 766об, 985, 1181об, ко^нному псару ОК2-131об, *пушкара* ОК2-38, *Кудравцова* ОК2-847об, <пустошь> *Кудраве* ^{4} OK3-92об, $cmpa^n$ чему OK1-933об, $c O^n \partial p y^m$ кою OK2-513об, <пустошь> O^{μ} друши ская ОК1-760об, 767об, с Киру кою ОК1-819, Яковлева кре тьянина Разанова ОК2-39, на речке на Бруховке ОК2-329об, на устьбруховъки ОК2-329, <деревня> Крукова ОК1-912об, Кипрушка ОК2-510; (два) дворя ОК2-993об, Петря ОК1-869, мъри 'меры' ОК2-475, полтори OK2-351, pu^{6} ною OK2-353. Эти написания, по всей видимости, так же, как и в новгородских грамотах, свидетельствуют об отвердении [р'] в таких словах, как товарищ, стрянчий, пушкаря, декабря, псарю, в корнях крюк- и брюх- и т. п. Твердое [р] на месте мягкого отмечалось в белозерском говоре в середине ХХ в.: крык, грып, крынка, трыцат', товарыш [Бувальцева 1955: 135]. Для более южной территории есть свидетельства начала XX в.: в Устюженском уезде зафиксировано произношение (с)крычать, рыск вм. риск [Шахматов 1896: 80]. Похожие написания обнаружены в новгородских деловых текстах XVII в. (товарыщи, Скрыплицына), в псковских (<пустошь> Коврыжино, товарыщи) и торжковских (Ондрушки, товарыщи); в современных говорах соответствующих ареалов также есть следы отвердения [р'] [Галинская 2002: 37, 109, 163]. Как видно, самыми частотными являются примеры в слове товарыщ: они отмечены и в сибирских скорописных текстах XVII в. [Захарова 1968: 134]. Существует мнение, что [ы] в этом слове возникло под влиянием суффикса -ыш (как малыш, крепыш) [Ильинский 1918: 192]. Даже если именно в этом слове [ы] возникло по аналогии, наличие многих других примеров позволяет полагать, что непозиционное отвердение [р'] было распространено в северновеликорусских говорах XVII в. несколько шире, чем сейчас. Что касается замен $a \to s$, $y \to \omega$, $\omega \to u$ (дворя ОК2-993об, Петря ОК1-869, мъри 'меры' ОК2-475 и пр.), то такие написания могут быть орфографическими гиперизмами. Впрочем, учитывая приводимые М. А. Колосовым примеры (разгоряется, гряновитую, грём наряду с раскоракою, ноздрами, крык-, тюрма [Колосов 1874: 22, 27]), можно допустить, что и в текстах XVII в. отражена не орфографическая, а фонетическая гиперкоррекция.

Ко второй группе относятся написания после буквы л: по и^х полубному договору ОК2-988, луди ОК2-245, слуды 228-5906, фе^врала ОК2-346, Белаева ОК1-6320б (о нем же: Беляи 6270б, Беляю 627), ср. также велоно 'велено' ОК2-685, 677, ОК1-817, выделоно ОК2-951. Вероятно, эти примеры аналогичны написаниям в новгородских берестяных грамотах и отражают такую артикуляционную особенность, как сдвиг [л'] в сторону среднего [1]. О возможных причинах этого явления в белозерском говоре см. ниже.

Третью группу составляют примеры с меной после буквы н. В подавляющем большинстве примеров мена происходит после сочетания «согласный + μ ». Замены в направлении $n \to a$, $n \to b$, $n \to b$, $n \to b$. $nopo^{\#}$ ные ОК2-537, в $nopo^{\#}$ ных ОК1-993об, опричь вышные воды ОК1-151об, сере $^{\delta}$ ные земли ОК2-329об, 327об, 753, ве ^{p} хное ОК1-456, нынешные ОК2-600об, в нынешно^м ОК1-855, 600, к нынешному ОК1-642, зимнои 221-99об, к пре^жно^и даче ОК2-330, ис пре^жново ОК1-562об, к прежному ОК1-705об, по пре $^{\infty}$ ному ОК1-464, ни $^{\infty}$ ны ^{u} ОК2-443, ни $^{\infty}$ ная ОК2-881, μu^{∞} ново ОК1-909об, живе^т в нижно^м новегороде ОК1-738об, лиш- $\mu \omega^x$ ОК1-640об, $\delta \pi u^{\mathcal{H}} \mu \omega \omega$ ОК1-641об, сторонны ОК1-679, 827, ОК2-178, сторонново ОК1-464об, сторонными ОК1-788, тутошны^х ОК1-470, тутошные ОК1-533об, тутошного ОК1-545об, тутошными ОК1-100об. деревну ОК2-988, 36об, ОК1-916об, 561, деревна ОК2-988об, ОК1-654, 578, в деревнах ОК2-990, деревны (В. мн.) ОК2-986об (в этом слове 16 раз); пожна ОК981, 983, на пожнах ОК1-646 (в этой лексеме 13 раз); *па*^шны ОК2-988, 994, *пашна* ОК1-642 (5 примеров), *пороснаго*^м (и лесо^м

пашни поросли) ОК1-258об (ср. поросняго^м ОК1-255, 257об; у Даля: пороснякь, поросняга — поросль, мелкий лес и кустарник [Даль: III, 321]), вдовино а^нныно помъстье ОК2-1210об и под. Замены в направлении $a \to s$, $y \to io$, $\omega \to u$, $\omega \to e$: κ оди^лни^м ' κ отдельным' ОК2-586, 38, 408, ω о^д оъ чиси ОК2-357, оди^лние ОК2-765об, ОК1-921об, ω ов чисе ОК1-861, ω се къниге ω оди^лнеи ОК1-742об (в этой лексеме 27 раз), ω об ние ОК1-738, ω об чиси ОК1-872об, ω око пими ОК1-869, ω око пими ОК1-813об, ω об копе носи пими ОК1-815, 815об, ω прожыточни жере ω ОК2-689, спустощь Перечнее ОК1-990об (там же Перечное), лню 229-26об, 29. Примеры после сочетания «гласный + ω понатых ОК2-994, ω понатими ОК2-353об, ОК1-933; (пашни) пахание ОК2-248об, 350об, паханиъ ОК2-859об, 863, 864.

Нетрудно видеть, что замены в направлении $a \to s$, $y \to io$, $bi \to u$, $o \to e$ после сочетания «согласный +iv» в основном имеют место, если этот первый согласный -iv]: $bigodote{a}{b}^{n}$ ние книги ОК2-357, $bigodote{a}{b}^{n}$ ние ОК1-74206, $bigodote{a}{c}^{n}$ ние ОК1-869, $bigodote{a}{c}^{n}$ ние ОК1-815 и пр. Такое явление, а именно изменение $[iv]^{n}$ +iv], $[iv]^{n}$, $[iv]^{n}$, $[iv]^{n}$, $[iv]^{n}$, $[iv]^{n}$ по мягкости в данной группе согласных, распространено практически на всей территории современных белозерско-бежецких говоров [ДАРЯ I: карта 79]; произношение $bigodote{a}{c}^{n}$, $bigodote{a}{c}^{n}$, bigo

Обратные замены после сочетания «согласный + n» наблюдаются, если первый согласный твердый: $nopo^{\infty}$ ные, вышные воды, ве ^{p} хное, в нынешно ^{M} , зимнои, ис npe^{∞} ново, nu^{∞} ная, сторонны ^{X} , тутошны ^{X} , деревну, пожна, na^{ω} ны и пр. Таким образом, можно предполагать последовательную прогрессивную ассимиляцию по твердости / мягкости в группе «согласный + n». Возможно, та же тенденция находит отражение в других деловых севернорусских текстах XVII в.: ис npe^{∞} ны ^{X} , o^{m} ди ^{n} нюю в новгородских, конюшну, молодожну в тихвинских, сторон ^{L} ных тутошны ^{X} в псковских, noжна, o^{m} де ^{n} ни ^{M} , око ^{n} ни ^{X} , сторо ^{n} ных в великолукских, коню $^{\omega}$ на, око ^{n} ними, туто $^{\omega}$ ными, сторо ^{n} ными, no8 ^{n} 9 ^{n} 9 де ^{n} 10 ^{n} 10 в торжковских [Галинская 2002: 36–37, 75, 108, 131, 163].

Сходную зависимость качества H от твердости или мягкости предшествующего согласного обнаружил В. В. Колесов в записях севернорусских былин, сделанных в конце XIX в.: после $[\pi']$ и аффрикат регулярно передается мягкость $[\pi']$ (больня, сильнихъ, в печальнёмъ, похмельнюю, вольнюю, зыцьнимъ, скуцьнё, восточьню), после зубных наблюдаются колебания, хотя после $[\pi]$ обычно ассимилятивное отвердение (ранную, осённая, утренной); после шипящих, заднеязычных и губных представлены только твердые рефлексы (нижны, сегоднёшной,

верьхное, ихной, дивноё) [Колесов 1979: 112–116]. Приблизительно такое же распределение находим в работе М. А. Колосова, ср. смягчение после [л']: сильня, стольнё, правильнё, непоследовательность после зубных: однымь, лѣтной, поздному и дородня, западнёй 'западный', булатнюю, а также отвердение после н и шипящих: ранному, по прежному, конюшну, осенные (примеров после губных и заднеязычных нет) [Колосов 1874: 21]. В Богдановском Златоусте XVI в., памятнике, по всей видимости, севернорусского происхождения, отмечены: бе³мужную, внишными, кромишную, нынѣшнаго, лѣтнаго, ранныи, поз⁰ныи [Васильев 1905: 310].

По мнению В. В. Колесова, данная диалектная особенность могла сформироваться достаточно поздно, после отвердения шипящих; в качестве причины ассимиляции В. В. Колесов называет палатальность [л"] и аффрикат, сохранившуюся в архаическом слое некоторых севернорусских (в частности, пинежских) говоров [Колесов 1979: 116]. В тех же говорах отмечается позиционная полумягкость согласных перед гласными переднего ряда, т. е. система противопоставления согласных по признаку твердость / мягкость «отражает тот этап изменения системы консонантизма после дефонологизации редуцированных, на котором противопоставление согласных лабиовелярности-палатальности (т. е. по признаку ряда) уже разрушалось, но их противопоставление по новому (общерусскому) признаку "мягкости — твердости" еще не сформировалось окончательно» [Колесов 1979: 121].

Особый интерес для изучения особенностей корреляции согласных по твердости / мягкости составляют написания четвертой группы, а именно примеры после губных, зубных и переднеязычных согласных.

- 1. <u>После м</u>: <пустошь> Ma^x коступова ОК1-578, ОК2-835об, ma^x коступовские ОК2-837, по памати ОК1-645, по памате ОК1-651об, семысо 224-20 (Р.); мянасты ОК2-1008, писмя ОК2-1057, 475.
- 2. <u>После п</u>: падесят ОК2-914, патово ОК2-307, патна^т цать ОК1-96906, (имя) Патеи $Ma^m \phi u e^s$ ОК2-875, порелого^м ОК1-731, ОК2-476, копо^н ОК1-238 2x, ce^m копо^н ОК1-23806, ce^m деся ce^m копо^н ОК1-971, восе^м деся ce^m копо^н ОК2-476; ce^m и ОК1-93306, ОК2-507, пяшню ОК2-50806, непяше ce^m (песу) ОК2-349, Степяна ОК2-348, Степя ce^m ко ОК2-350, Степянова ОК2-34606, 34706, попя 'попа' ОК2-34706, 353 об.
- 3. <u>После б</u>: *Кулебакина* ОК1-822об (фамилия, Р.), *боби*ⁿ 'бобыль' ОК1-933, ОК2-351, 348об, *бобилиха* ОК2-351.
- 4. <u>После в</u>: *no виписе* ОК2-347, випи ^{c} 'выпись' ОК2-348, дворови ^{x} ОК2-352, 352 об.
- 5. <u>После т.</u>: зяту ОК2-866, 845, O^p тушка ОК2-12906, Мита Домани^н ОК1-652, Миту Тимофеева ОК2-928, десетыны ОК2-118906, к тре^м четверта^м ОК2-34706, живе^т в ко^стЪтынно^м дворъ ОК2-28306, с понатими ОК1-933, понятие 'понятые' ОК2-474, 347, 34706, Пате^и 'пятый' ОК2-875, четире ОК2-351, 35106, версти (Р. ед.) ОК2-351, пусти^х ОК2-352 об.

- 6. <u>После д</u>: *при тъ*^х люда^х ОК2-589, 1005, *Чюдякова* (фамилия, Р.) У3-12об, <деревня> *Дироватое* ОК1-143, 52 (если только это не производное от *дърати), Дярии (имя, Р.) ОК2-847 об.
- 7. <u>После з</u>: взато 221-42, взали 221-42, вза ^{s} с собою ОК2-927об, ко $^\kappa$ нязу ОК2-865об, в зяозе ^{p} ско ^{m} стану ОК2-878об, ис приказю ОК1-898 об.
- 8. <u>После с</u>: солища ОК1-495, ne^{m} дес a^{m} ОК2-728, возможно, в Васу- mu^{μ} ско^u др^{θ}не ОК1-562об; po^{3} силищ $^{\kappa}$ ОК2-347об, po^{3} си $^{\eta}$ щику ОК2-346, 346об, u сеными покоси ОК1-933 об.

Как видно, примеры довольно многочисленны и нуждаются в интерпретации. Во-первых, такое число примеров и повторяемость в отдельных морфемах не дают видеть в них описки (отметим, что в целом тип описки, при котором вместо одной буквы пишется другая, в исследованных текстах фактически не отмечен). Во-вторых, как и в других случаях при интерпретации данных письменных памятников, очевидно, не следует видеть в написаниях прямое отражение произношения, т. е. рассматривать их как транскрипцию. Смешение происходит в обе стороны $(a \to \pi \text{ и } \pi \to a)$; типологически такой эффект близок, например, отражению цоканья, т. е. ситуации, при которой двум фонемам литературного языка соответствует одна фонема в диалектной звуковой системе. Так, цоканье в деловых и даже книжных севернорусских текстах XI–XV вв. проявляется в непоследовательном употреблении букв и и ч на месте *c' и *č' литературного языка, и вне зависимости от того, какая именно буква употребляется, сам факт смешения отражает отсутствие противопоставления звуков и и ч. Аналогично, в условиях слогового принципа русской графики смешение букв гласных после букв парных по твердости / мягкости согласных должно указывать на существование в говоре одной фонемы согласного (твердой или мягкой), соответствующей двум фонемам (твердой и мягкой) литературного языка (речь идет только о парных по твердости / мягкости согласных, т. к. написания после букв непарных согласных регулируются нормами орфографии). Твердость или мягкость этой фонемы должна определяться по материалам современной диалектологии.

Разумеется, вывод об отсутствии корреляции согласных по твердости / мягкости в белозерском говоре XVII в. был бы слишком сильным утверждением, однако думается, что есть основания видеть в найденных примерах свидетельства нарушения или ослабления противопоставления по твердости / мягкости в силу ряда обстоятельств.

Большая часть белозерско-бежецких говоров генетически связана с древненовгородским диалектом, в котором оппозиция согласных по этому признаку была ослаблена [Горшкова 1968: 89]. В первую очередь, это связано со статусом губных согласных: во многих диалектах, связанных с древненовгородским, в «решающей» для вопроса о наличии парных по твердости / мягкости фонем позиции конца слова [Касаткин 1999: 145] мягкие губные отвердевали. Так, в белозерско-бежецких говорах в середи-

не XX в. все конечные губные произносились твердо: сып, цеп, голуп, сем, $\kappa po\phi$ [Горшкова 1968: 87], то же отмечалось в начале XX в.: $\hbar po\phi \phi$, приготофъ, семъ [Соколовы 1909: 280], [Соколовы 1910: 180]. К сожалению, данные большинства скорописных текстов, как уже было сказано, в этом отношении непоказательны; тем не менее, на основании данных современной диалектологии [ДАРЯ І: карта 70] и того факта, что отвердение губных в древненовгородском диалекте началось в XI в. (см. выше), можно предположить, что в XVII в. конечные губные в данном говоре были уже тверды. В результате противопоставление /м/-/м'/, /п/-/п'/, /б/-/б'/, /в/-/в'/ фактически утрачивалось: «Отсутствие противопоставления твердых / мягких губных в абсолютно независимой позиции конца слова затрудняло выделение этого противопоставления и перед гласными» [Горшкова 1968: 166]. Видимо, именно такая ситуация способствовала непозиционному отвердению губных перед гласным, отраженному в примерах Ma^{x} коступова, по памати, падеся^m, патово, патна^mцать, семысо^m. Возможно, подобное отвердение имело место и в других говорах, развившихся на базе древненовгородского диалекта (напомним, что в новгородских берестяных грамотах также представлены примеры измакле, маса, сватее, бес пати, паты и др.). В псковских деловых текстах XVII в. обнаружены: $na^m \partial ecs^m$, в новгородских: $na^m co^m$ [Галинская 2002: 36, 108].

Севернорусским деловым текстам XVI–XVII вв. известны и случаи мены после букв зубных: перенесты (inf.) в новгородских, очистыть, замля в псковских, дужина 'дюжина', дужины в тихвинских, пречистынскои, панатых в торжковских [Галинская 2002: 36, 75, 108, 163], ср. также зать, постащусь, стеза, тажцы, князу в Богдановском Златоусте [Васильев 1905: 309] и примеры в новгородских берестяных грамотах (ко зати, възать, овсаними). Таким образом, сравнительно большое число примеров в белозерско-бежецких текстах позволяет предположить, что в говоре XVII в. в ряде случаев имело место непозиционное отвердение зубных перед гласным.

На территории современных белозерско-бежецких говоров, к северо-западу от оз. Белого, имеется ареал полумягкого и / или твердого произношения согласных перед гласными переднего ряда; к юго-востоку от оз. Белого зафиксирована полумягкость и / или твердость согласного в форманте инфинитива [ДАРЯ І: карта 65]. Ареал наиболее последовательного произношения полумягких и твердых согласных в предвокальной позиции, обнаруженный в Харовском и Бирюковском районах Вологодской области [Пауфошима 1961], [Азарх 1973], [Касаткин 1999: 145–166], находится достаточно недалеко (ближайшая граница в 100 км к востоку). Предположение о твердом или полумягком произношении согласных перед гласным для белозерского говора XVII в. было бы слишком смелым (тем более, что время возникновения этого явления до сих пор остается спорным). Чисто теоретически твердость или полумягкость согласного перед гласным переднего ряда на письме должна выражаться

в смешении букв u и bi после буквы согласного (и такие примеры есть); перед [е] же за неимением графических средств она не передавалась бы никак. Однако большинство найденных примеров — перед /а/ и /у/. В современных говорах Харовского района Вологодской области «корреляция согласных по твердости / мягкости перед /а/ и /у/... также нередко нарушается, о чем свидетельствуют случаи произношения этимологически смягченных согласных перед /а/ и /у/ как твердых или не полностью смягченных с дополнительной йотовой артикуляцией»: м^йасо, $n^{\check{u}}am$, $c^{\check{u}}y\partial a$, $\partial^{\check{u}}\ddot{a}\partial^{\check{u}}a$, cn 'am [Азарх 1973: 90, 95]. Возможно, мена a–я и y–ю в белозерско-бежецких текстах связана именно с таким произношением: в пользу данного предположения говорят написания сыновями ОК2-309об, дяконов ОК2-411об, сянкою 'с Янкою' ОК2-413об (т. е. разница между буквенной записью последовательностей - $C^{u}a$ - и - $C_{i}a$ - могла быть для носителя диалекта неочевидна). Подобные ошибки встречаются у иностранцев, изучающих русских язык, если в их родном языке нет корреляции согласных по твердости / мягкости.

Есть несколько версий происхождения системы консонантизма с ослабленной системой противопоставления согласных по твердости / мягкости [Касаткин 1999: 167-171, Колесов 1979]. Высказывалось мнение, что существенную роль в этом процессе сыграли контакты с народностями, в языке которых оппозиция согласных по твердости / мягкости еще более ослаблена или отсутствует [Хейтер 1968]. Эта гипотеза позволяет объяснить распространение явления на севере (в южнорусских говорах и памятниках письменности подобных примеров не обнаружено). По данным археологии и этнографии, территория современных белозерско-бежецких говоров до славянской колонизации была заселена угрофинским племенем весь [Голубева 1973]. Ассимиляция вепсского населения началась в X в. и длилась несколько столетий; имеются свидетельства XVI в. о двуязычии белозерских вепсов [Герберштейн 1908: 123]. Более того, в несколько более западных областях вепсы сохраняют свой язык до сих пор. Столь длительный период межъязыковых контактов позволяет предполагать возможность развития в говоре особенностей, связанных с финно-угорским субстратом. Такое влияние прослеживается на уровне лексики: белозерские говоры, как и многие другие севернорусские, обнаруживают многочисленные заимствования из угрофинских языков, в частности, из вепсского (см. [Мызников 2004]). Есть также основания видеть в отдельных фонетических особенностях белозерских говоров субстратную основу. К таким особенностям относится, например, произношение сильно смягченного звонкого заднеязычного звука типа [г"] на месте [j], а также случаи непозиционного оглушения и озвончения согласных и произношение среднего [1] в соответствии с [л'] [Бегунц 2009]. Возможно, именно влиянием внешней языковой (фонологической) системы на диалектную, имеющую, в свою очередь, внутренние предпосылки к ослаблению оппозиции согласных по твердости / мягкости, объясняются особенности белозерско-бежецких говоров, отраженные в деловых текстах XVII в.

Итак, памятники древнерусской письменности предоставляют интерес для изучения истории корреляции согласных по твердости / мягкости в русских диалектах. Написания, которые можно трактовать как отражение нарушения или ослабления этой корреляции, обнаруживаются в текстах разного типа. Наименее информативными приходится признать примеры в книжных текстах, поскольку во многих случаях для них можно предполагать нефонетическое объяснение. Более показательны деловые тексты, в частности, берестяные грамоты, анализ которых позволяет реконструировать особенности противопоставления согласных по твердости / мягкости в древненовгородском диалекте. Весьма перспективным представляется изучение деловых текстов XVI-XVIII вв., значительный объем которых дает возможность исследовать диалектные особенности с опорой на обширный и разнообразный материал. Так, белозерские тексты XVII в. свидетельствуют о большем, чем в XX в., распространении в говоре фонетических особенностей, связанных с корреляцией согласных по твердости / мягкости.

Библиография

- Азарх 1973 *Азарх Ю. С.* О корреляции согласных по твердости-мягкости в одном вологодском говоре // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Бегунц 2006 *Бегунц И. В.* Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в. Дисс. . . . канд. филол. наук. М., 2006.
- Бегунц 2009 *Бегунц И. В.* О возможности *субстратного* объяснения нетривиальных фонетических явлений в белозерских говорах XVII в. // Славянские языки и культуры в современном мире. Материалы симпозиума. М., 2009.
- Бувальцева 1955 *Бувальцева М. Н.* Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Васильев 1905 Васильев Л. Л. Богдановский Златоуст XVI века // Известия ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2.
- Галинская 2002 *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Герберштейн 1908 Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- Гецова 1997 *Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. 7. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Голубева 1973 Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.
- Голышенко 1987 Голышенко В. С. Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987.
- Горшкова 1968 *Горшкова К. В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.
- Даль 1955 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- ДАРЯ 1986 Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Вып. І. Фонетика. М., 1986.

- Жуковская 1973 *Жуковская 3. В.* Псковские памятники как источник изучения фонетических особенностей местных говоров в их истории // Псковские говоры. III. Псков, 1973.
- Зализняк 1986 *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк 2004 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Захарова 1968 *Захарова Л. А.* Отражение фонетических особенностей письменными памятниками XVII в. Кетского острога // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968.
- Ильинский 1918 *Ильинский Г. А.* Славянские этимологии // Известия ОРЯС. 1918. Кн. 2.
- Каринский 1909 *Каринский Н. М.* Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.
- Касаткин 1999 *Касаткин Л. Л.* Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Колесов 1973 *Колесов В. В.* К характеристике исходной палатальности согласных в древнепсковском говоре // Псковские говоры. III. Псков, 1973.
- Колесов 1979 *Колесов В. В.* Отражение корреляции согласных по мягкоститвердости в старых записях былин // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979.
- Колосов 1874 *Колосов М. А.* Материалы для характеристики северновеликорусского наречия // Варшавские университетские известия. 1874. № 5.
- Копосов 2000 *Копосов Л. Ф.* Севернорусская деловая письменность XVI— XVII вв. (орфография, фонетика, морфология). М., 2000.
- Мызников 2004 *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения с русских говорах Северо-Запада. СПб., 2004.
- Пауфошима 1961 *Пауфошима Р. Ф.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1961. Вып. 2.
- Соболевский 1881 *Соболевский А. И.* Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881.
- Соколовы 1909 *Соколовы Б. и Ю.* Говор южной части Белозерского уезда Новгородской губернии // РФВ. 1909. № 3.
- Соколовы 1910 Соколовы Б. и Ю. Отчет о поездке в Весьегонский уезд Тверской губернии летом 1909 г. // РФВ. 1910. № 3.
- Хабургаев 1969 *Хабургаев Г. А.* Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
- Хейтер 1968 *Хейтер X*. Диспалатализация в русском говоре Ийзаку как следствие взаимодействия с эстонским языком // Советское финно-угроведение. 1968. № 3.
- Шахматов 1896 *Шахматов А. А.* Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 3. СПб., 1896.
- Шахматов 1909 *Шахматов А. А.* Несколько заметок об языке псковских памятников XIV–XV века // ЖМНП. 1909. № 7.
- Шахматов 1915 *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Е. А. Галинская

НЕАКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

Одним из основных источников русской исторической акцентологии являются, как известно, памятники письменности с проставленными знаками ударения. Однако акцентологическую информацию можно извлечь и из неакцентуированных рукописей. Классическое исследование подобного рода осуществил А. А. Зализняк. Установив, что в известной древнерусской рукописи XIV века Мерило Праведное буквы о и w передают [5] и [6] [Зализняк 1978, Зализняк 1978а], А. А. Зализняк сформулировал правила, которые позволяют определить акцентуацию словоформы по ее написанию в Мериле [Зализняк 1979: 49-52]. Сходный принцип акцентологической реконструкции продемонстрировал Л. Стенсланд, который проанализировал рукопись Евангелия-тетр, содержащую одновременно сложную систему надстрочных знаков и замену в на є в безударных слогах при правильном употреблении в под ударением. Л. Стенсланд получил определенную информацию о просодической системе из анализа орфограмм с альтернацией $\mathbf{t} - \boldsymbol{\epsilon}$, сопоставил ее с труднотолкуемой системой надстрочных знаков и показал, что наблюдения над употреблением букв ѣ и є могут стать верификатом к акцентологическому анализу [Стенсланд 1996: 383-399].

Еще одним источником некоторых сведений по исторической акцентологии могут оказаться неакцентуированные памятники южнорусского делового письма XVI–XVII вв., которые дошли до наших дней в большом количестве. Дело в том, что тексты деловых жанров зачастую составлялись людьми не слишком грамотными, не владеющими в должной мере нормой приказного языка, отчего южнорусские рукописи могут обильно отражать аканье (в широком смысле — и после твердых согласных, и после мягких): в них присутствует взаимная мена букв а — о, с одной стороны, и е (в) — и — я, с другой. Замены могут быть, таким образом, прямыми (например, а вместо о) и гиперкорректными (например, о вместо а). Ошибочные написания подобного рода обычно изучаются в традиционном аспекте — на их основании ученые восстанавливают тип безударного вокализма; в настоящей же статье они будут рассмотрены под иным углом зрения: как они могут отражать акцентологические особенности говора.

Основным материалом исследования послужили Новосильская отказная книга 1625–1652 гг. (РГАДА, фонд 1209, опись 2, № 8994), со-

стоящая из 1092 листов, и Курская отказная книга 1630–1654 гг. (РГАДА, фонд 1209, опись 2, № 15684), состоящая из 897 листов, — оба источника прочитаны полностью по рукописям. Дополнительно были привлечены к анализу отрывки из Брянской, Воронежской, Мценской, Орловской, Белгородской и Елецкой отказных книг того же периода, опубликованные в [Южн. отк.]. Графическая система оригиналов при цитировании несколько упрощается: так, синонимичные буквы я, м, та передаются буквой $\mathbf{g}$; $\mathbf{o}$ и $\mathbf{w}$ — буквой $\mathbf{o}$; $\mathbf{y}$ и $\mathbf{s}$ — буквой $\mathbf{y}$; $\mathbf{s}$ и $\mathbf{s}$ — буквой з; і десятеричное — широким и; • — буквой ф. Во многих скорописных текстах буквы ъ и ь графически не дифференцируются [см. Тарабасова 1982: 220], такое бывает и в описываемых ниже источниках, поэтому для передачи нейтрального знака, употребляемого на месте ъ и ь, используется прописная буква Ъ. В круглые скобки заключаются буквы, которые были пропущены в сокращенных словах, в квадратные скобки — те надежно восстанавливаемые буквы, которые по тем или иным причинам в тексте утрачены — либо в результате порчи бумаги, либо оттого, что находятся слишком близко к корешку переплета и потому не видны. При приведении материала из текстов сокращенно указывается название книги (см. список сокращений в конце статьи) и номер листа.

Итак, в исследованных текстах фиксируются многочисленные буквенные замены указанных выше типов. Способы определения места ударения в словоформе, записанной в «акающей» орфографии, бывают нескольких видов.

- 1) Ударение определяется по одному написанию, где аканье отражается во всех слогах, кроме одного, который, следовательно, и является ударным. Например, $\delta a \delta \mathbf{b}^n$ Нов. 509 об., мяжа Нов. 105 об., $a c \mathbf{a}^0 h a^u$ галава Кур. 41 об., $n a \ a c \mathbf{u} h a^6 \ \kappa o n a^{\kappa 1}$ Вор. 630 об., $h a \ c a p a^{\kappa} \ u e^m s e^p m e^u$ Орл. 849 об. (здесь и далее ударный гласный выделяется жирным шрифтом).
- 2) Ударение определяется по совокупности написаний одной и той же формы. Так, при определении места ударения в творительном падеже единственного числа слова «голова» написание головаю Кур. 37 об. исключает ударение на третьем слоге, а орфограмма галавою Кур. 64 об. на первом и втором. Значит, ударным является последний четвертый слог: головою́.
- 3) В некоторых многосложных словах аканье не отражается в двух слогах, но на одном из них ударение маловероятно или невероятно вообще исходя из того, что мы знаем о древнерусской акцентной системе. Например, написание *староя* (Им. пад. ед. ч. ж. р.) Нов. 111 об. указывает на наосновное ударение, так как последний слог окончания *-ая* никогда не был ударным в истории языка и не бывает ударным в современном его состоянии.

¹ **Колокъ** — небольшая роща, перелесок [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 248].

Далее будет показано, какую акцентологическую информацию о южнорусских диалектах первой половины XVII в. можно извлечь из неакцентуированных памятников локальной деловой письменности.

В достаточно большом количестве случаев отражается ударение имен собственных, фамилий и прозвищ, поскольку в сознании писцов они, видимо, не имели закрепленного орфографического облика. Примеры имен: *Бари*^с Нов. 714, 847, *Довы*^д Кур. 171 об., *Масе*^и Ел., 230 об., *Мола*^х Ел. 53 об., *Морти*^и Кур. 246 об., *Ноумъ* Кур. 763, *с Ноума*^м Кур. 763 об., *Пата*ⁿ Нов. 695 об., 789, *Повли*ⁿ Кур. 4а, *Порфе*ⁿ Ел. 54, *Проха*^p Нов. 563 об., *Рама*ⁿ Белг. 233, Кур. 465, *с Совелямъ* (Тв. пад.) Кур. 263, *Сида*^p Ел. 149 об., Белг. 569, Кур. 534 об., *вдове То*^тяня Нов. 580 об., *Тора*^c Нов. 435 об., 480 об., 1010, Кур. 4а, 205, 578 об., *Трафи*^м Ел. 406 об., Нов. 892, *Трафимъ* Ел. 407, 407 об., Кур. 341, 588 об., *Фама* Нов. 927, *Феда*^p Нов. 580 об., 563 об., 655, 987, 988, 990 об., Кур. 301 и др.

Менее тривиальным путем определяется ударение в имени *Савин* (в словарях [Тупиков 1903] и [Веселовский 1974] оно отсутствует, но имеется в святцах). Ударение тут должно было стоять на втором слоге, так как в притяжательном прилагательном, образованном от этого имени оно падает на [и], что выводится из совокупности следующих написаний: *на третьем и четвертом слогах*) ~ в Совинова помѣстья Звегинцава Кур. 763 об. ~ за то Савинова помѣстья Звегинцава Кур. 762 об. (вариативность а / о в первом слоге исключает ударение на нем).

Особо отмечу имя $\it Лавр$, где нежелательная слоговость плавного устранялась в именительном падеже вставкой гласного, который получал ударение, и имя склонялось по акцентной парадигме b^3 : $\it Лавер$ (вернее, по-видимому, $\it Лавер$), $\it Лаври$, $\it Лавер$ и т. д. Это отражено следующими орфограммами: $\it Лове^p$ Нов. 301, 695, 757, 808 ~ $\it Лаве^p$ Нов. 402 об., 931 об., Белг. 339 об.; $\it Ло^6pa$ (Р. п.) Нов. 200; $\it Ло^6py$ (Д. п.) Нов. 217, 217 об. Не противоречит такой акцентовке и производное прилагательное $\it Лаверов$ нов. 702. Ср. также современную фамилию $\it Лаверов$.

Стоит указать на прозвище **Должёнок** с ударением на компоненте -ён-: $\mathcal{A}a^{\scriptscriptstyle 7}$ жена^к Кур. 263 об. Ср. также: $\mathcal{A}o^{\scriptscriptstyle 7}$ женакъ Кур. 264 об., $\mathcal{A}a^{\scriptscriptstyle 7}$ женокъ Кур. 263 об. Производное с суффиксом -ов- тоже свидетельствует об ударении на -ён-: $\mathcal{A}a$ лже^{*}кава (Р. п.) Кур. 259 (о том, что ударным был именно [о], а не [е], говорит написание $\mathcal{A}o^{\scriptscriptstyle 7}$ жова (Р. п.) Кур. 298 об.).

³ Далее акцентные парадигмы a, b и c будут обозначаться соответственно как a. n. a, a. n. b и a. n. c.

² То, что перед нами притяжательное прилагательное, образованное от имени, а не от фамилии, несомненно. Ср. аналогичную конструкцию: в Дунаево помъ^ся Анне^нкова Кур. 69 и двор мужа ея Дуная Анне^нкова Кур. 69 об.

Фамилии на -0s, образованные от личных имен, как правило, демонстрируют ударение на производящей основе. Ср., например, тривиальные случаи типа Ka^pna^s Кур. 762, 3уявъ Кур. 344 об., $\Gamma y^pявъ$ Кур. 240 об. и менее обычные с современной точки зрения Ecкавъ Ел. 54 и $Tuma^s$ Ел. 145 об.

Удается определить ударение некоторых малоизвестных топонимов: *озеро Колчава* Кур. 341, *починокъ Сарава* Нов. 635.

«Акающие» орфограммы показывают принадлежность многих слов к определенным акцентным парадигмам. Так, постоянное ударение на корне демонстрирует и в древности относившееся к а. п. а слово коло-дязь ('источник, ключ, родник' [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 245]). Об этом свидетельствует совокупность следующих написаний: Им. пад. калоди³ Нов. 670 об., 694 об. ~ калоде³ Кур. 76; Род. пад. проме³ калодезе Нов. 65, за³ калодезе Гли¹ скаго Нов. 65 об. ~ с ве³хъ Слепотина колодизя Нов. 559 ~ Слепотина калодизя Нов. 674 об.; Дат. пад. па Слепотину калодизю Нов. 670 об.; Мест. пад. на кало ^{0e} зи Кур. 602.

В первой половине XVII века в южнорусских говорах еще не изменило своего акцентного поведения слово **четыре**: оно продолжало относиться к а. п. а: Им.-Вин. пад. **четыр**я Кур. 326 ~ **чатыр**е Нов. 663 ~ **чатыр**я Брян. 26 об., Орл. 929, два^тиать чатыря Кур. 290 об., два^тио^т чатыря Кур. 403 об., на чатыря Кур. 199, на два^тиа^т на чатыря Нов. 862 об.; Дат. пад. **чатыр**я $u(e)\pi(o)s(t)\kappa o^m$ Кур. 175 ~ **чатыр**емь $u(e)\pi(o)s(t)\kappa o h$ Кур. 175 ~ **чатыр**емь $u(e)\pi(o)s(t)\kappa o h$ Кур. 175 ~ к **четыр**я че ве ве тя Нов. 346, 569; Мест. пад. в **четыр**я жеребья Нов. 79.

Примерно с начала XVII века в русском языке изменилась акцентовка во множественном числе существительного *мѣсто*: (*мѣста* → *мѣста̂*), что связано с тенденцией к противопоставлению субпарадигм единственного и множественного числа [Зализняк 1985: 373]. Однако, видимо, это произошло не во всех говорах одновременно: в южнорусских диалектах первой половины XVII в. слово *мѣсто* еще склонялось по а. п. *а*, не меняя акцентовки во множественном числе: Им. пад. ед. ч. *места дваровоя... пуста* Нов. 921 — Тв. пад. мн. ч. *з дворовоми мѣстоми* Нов. 483.

Отмечены производные образования от слов а. п. а, которые все еще принадлежали к той же парадигме. Например, множественное число внучата имело ударение на корне (т. е. суффикс -ат- еще не стал доминантным): племе ника и внуче Нов. 379 об. В русских диалектах есть слово липя (Р. п. липя (), имеющее значение возвышенность, покрытая липовым лесом и обладающее флексионным ударением [СРНГ, вып. 17: 60]. В XVII же веке, судя по данным исследованных текстов, это слово, будучи производным от существительного липа, принадлежавшего к а. п. а, сохраняло в южнорусских говорах наосновное ударение. Об этом свидетельствует написание под липигамъ Нов. 491 об. (о том, что и во втором слоге не является опиской под влиянием предшествующего и,

а отражает произношение гласного в безударном слоге, говорит три раза встретившаяся орфограмма no^{0} ... $nunuzo^{m}$ Нов. 491, 491 / 492, 492). Есть, конечно, и тривиальные случаи — слова, до сих пор имеющие закономерное с точки зрения истории языка ударение на корне, обладавшем древней самоударностью, например: κyc^{m} ивава ^{u} Нов. 1017 об., на ивава ^{u} кусть Ел. 173 об.; necok ябланава ^{u} Кур. 76.

Целый ряд слов демонстрирует сохранение а. п. *b* (впрочем, некоторые из них отмечены только в единственном числе). Из стандартных случаев приведу только несколько: *вдава* Белг. 816, Орл. 310; *вдавы* (Р. п. ед. ч.) Белг. 816, Кур. 366 об., 367; *двары* Ел. 371 об., Нов. 313, 509 об., 543, 594 об., 582 об., Кур. 170 об., 302 об.; *два двара* Нов. 382 об., *дваро* Кур. 79 об., Нов. 379 об.; *три двара* Кур. 50; *жаны* (Р. п. ед. ч.) Брян. 861, Орл. 674 об., Кур. 255, 257, 288, 390, 408, 702, *у жаны* Кур. 257а об., 270 об. *жанъ* (Д. п. ед. ч.) Брян. 861, 865 об.; *дьека* (В. п. ед. ч.) Орл. 309 об., 339, 375, 437 об. и др., Мц. 171, Кур. 82, Нов. 77, 181, 902, *диока* Ел. 24, 95, 98, Нов. 34, Кур. 9, 110, 124 об.; *сяла* (Р. п. ед. ч.) Вор. 33 (2 р.). Кроме того, можно отметить слова с минусовым корнем и правоударным суффиксом: *содокъ яблонова* Мц. 359 об., *на Сажно* Дане Белг. 177, *за Липово* Дане Белг. 510 об., 468, *Сиве ского Да* да Белг. 270, *за Са жны* Данио Белг. 178 об., *на Са кны* Даниы Белг. 178 об., 179.

Есть и менее тривиальные слова. Так, краткое прилагательное порозжо, имевшее правоударный корень, нормально выступает с ударением на окончании в среднем роде: nom = m c m s m $napa^3 m c o$ Орл. 849. Существительное *сторожевье* (в [СРНГ] оно отсутствует) показывает, что его суффикс *-ьј- вел себя как правоударный, так что при минусовых корне и суффиксе -ee- ударение падало на окончание: к стараже⁶ю Белг. 232 об., x Карпову стараже во Белг. 233 (исключается ударение на корне) ~ до старова сторажавя Белг. 253 (исключается ударение на суффиксе -ев-). Имело флексионное ударение существительное **хрячок**: $npoda^n$ два $xpe^q \kappa a$ малы^x Нов. 86, $npoda^n$ ... малова $xpe^q \kappa a$ Нов. 86. Это закономерно, так как современная парадигма производящего слова (хряк, хряка, хряку...) свидетельствует о том, что в древности оно относилось к а. п. b (в списках слов, изменивших акцентовку на протяжении пути от древнерусского состояния к современному, его нет [см. Зализняк 1985: 376–377; Зализняк 2002: 480–481]), а суффикс -ък- / -ьк- со временем (не раньше чем в позднедревнерусскую эпоху) развил эффект минусизации, то есть стал превращать правоударный корень в минусовой [Зализняк 1985: 149]. Аналогично устроено имеющее тот же суффикс существительное гаёк 'небольшой участок ровного, однородного леса, стоящего особняком от основного лесного массива или в окружении деревьев других пород' [СРНГ, вып. 6: 93]: бтрезова ^{u} го e^{κ} Нов. 979, на го e^{κ} Нов. 979, *от того га*^u κa Нов. 973, θ *гои* κa Нов. 979. В праславянском языке корень *gaj- был правоударным. Об этом свидетельствует сербская акцентовка $z\hat{aj}$, род. пад. $z\acute{aj}a$, словенская акцентовка $g\acute{aj}$ и долгота гласного в чешском и словацком *háj*. Подобное соотношение современных рефлексов указывает на а. п. *b* [см. Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 13]. Сейчас в русском языке у слова *гай* другая акцентная кривая, а именно наосновное ударение в единственном числе, так как оно входит в семантическую группу «название пространств, поверхностей, направлений» [Зализняк 2002: 514].

Возвращаясь к эффекту минусизации, следует сказать, что такое свойство имел не только суффикс -ък- / -ьк-, но и другие правоударные суффиксы. Однако есть один из них, который эффекта минусизации в исследованных текстах не демонстрирует. Это суффикс притяжательных прилагательных -ин-. В форме с нулевым окончанием — вдави ... жеребе Бр. 1143 — отсутствие данного эффекта не заметно, так как ударение на суффиксе было бы и с минусизацией, и без нее. А в форме среднего рода с окончанием -о указанная особенность проявляется в том, что ударение продолжает падать на суффикс, а не сбрасывается на окончание, как было бы, если бы эффект минусизации работал: во вдавина... помъстье Орл. 438, во вдавина... помъстья Орл. 310, помъстья удавина (В. п.) Орл. 439, во вдавина... памъстья Кур. 62 об., в Куре кои ста вдавина помъстья ... ъзди Кур. 302 4.

Из интересных случаев можно привести существительное пашня, которое имело в именительном падеже единственного числа, флексионное ударение: na^{μ} ня Кур. 239, 548 об. ~ nouня Кур. 97, 111, 131 об., 155, 168 и т. д. (часто), Нов. 182 об., 305, 356, 474 об. В винительном падеже зафиксирована форма только с предлогом: на пошню Нов. 903, предположительно также свидетельствующая о флексионном ударении (хотя и ненадежно ввиду того, что приведенное написание оставляет возможность того, что ударение падало на предлог). Если корень был правоударным (ср. глагол *пахать*, относившийся к а. п. b [Зализняк 1985: 137]), какая бы ни была акцентовка суффикса (для суффикса -ьн-я восстанавливается и самоударность, и минусовая характеристика [см. Зализняк 1985: 152]), изначально ударение должно было падать на корень во всех формах, кроме родительного падежа множественного числа. В большинстве русских говоров действительно произносится пашня, но бывает и пашня, причем именно в южнорусских диалектах (калужском, курском, орловском, тульском), правда, в значении 'необмолоченные снопы хлеба'. В значении же 'вспашка, пахота', в котором это слово употребляется в исследованных рукописях, «Словарь русских народных говоров» не дает отсылок к указанным южнорусским диалектам [СРНГ, вып. 25: 307–308].

Слово *гора*, которое, согласно данным А. А. Зализняка, относилось к а. п. c, но имело отклонения в сторону а. п. b и а. п. a [Зализняк 1985: 136, 137], в южнорусских памятниках первой половины XVII в. ведет себя следующим образом: в винительном падеже единственного числа

_

 $^{^{4}}$ *Вдавина помъстья* = в вдовино помъстье.

оно имеет ударение на окончании, что является признаком а. п. *b*. Этот вывод делается на основании следующих написаний: *на гару* Кур. 539, 539 об. (2 р.), Нов. 67 об., 544 об., 558 об. (исключается ударение на корне) ~ *но гору* Кур. 333, Нов. 726 об. (исключается ударение на предлоге). В местном падеже слово *гора*, как это присуще южнорусским системам [Зализняк 1985: 252], сохраняет флексионное ударение: *но гаръ* Нов. 818 об. (ср. менее показательное написание *на гаръ* Нов. 531).

Существительное *плота*, обозначавшее 'раздвоение, разветвление ствола дерева' [СлРЯ XI–XVII, вып. 15: 101]⁵, видимо, изначально относилось к а. п. *b*. Об этом можно судить по производному прилагательному *плотавыи*. В полной форме оно в XVII в. имело ударение на суффиксе *-ав-* (*верхъ платавага липега* Нов. 601, *по во^лху платавою* Нов. 487). И сейчас в диалектах ударение падает туда же [СРНГ, вып. 27: 148], что возможно, только если корень был правоударным (если бы корень был минусовым, то при минусовом суффиксе *-ав-* в полной форме прилагательного ударение попало бы на окончание). В краткой форме ударным был, видимо, также суффикс *-ав-*: κ *дубу платаву* Нов. 272 об. (вряд ли можно думать, что ударным было окончание). В первой половине XVII в., таким образом, слово *плота* сохраняло формы а. п. *b*, о чем можно судить по форме винительного падежа единственного числа: *по левою плоту* Кур. 539 об. ~ *по левою плату* Кур. 539 об. Ср. также М. п. *на пе^рво^и плате* Орл. 460 об. ~ *на пе^рво^и плоте* Орл. 459 об., 678.

Рукописи демонстрируют достаточно много имен а. п. с с присущими им исконными ударениями в парадигмах. Например: галава Кур. 36, 41 об., 62, 63, Нов. 420; драва Белг. 800, на драва Нов. 543 об.; на адном дубя Нов. 766, на бодием дубя Белг. 25; з з ятямь Кур. 185 об., Нов. 130, 1040; капем (Р. мн.) Кур. 258, 266 об., 580, капемь Нов. 489; под чемымь твсамь Кур., 216 об.; муже (Р. ед.) Кур. 375 об., с муже Нов. 207 об.; острав Нов. 65, 970 об., Нов., 357 об.; обо береги Кур. 271, 659; в пустам Нов. 65; с сынам Нов. 989; соракь Кур. 10 об., Орл., 39 об., Брян. 674 об., Кур. 233, 521; сорав Нов. 50, 185 об., 186, 186 об., 283, Кур. 514, 765 об.

Не является редкостью отражение «оттяжки» ударения на предлог: *на сара^к* Нов. 313, 726 об., Орл., 849 об., Ел., 144, 264 об., 265 об.; *во ста* Белг. 799, Кур. 22, 66, 216, 236, 252, 253, 263, 274, 299 об., 344, 548, 735 об., 769, Нов. 200, 350 об., 450 об., 608, Вор. 630 об., Орл. 40 (2 р.); *на ста*

⁵ В [СРНГ] сейчас такого значения не отмечено, только одно из значений слова плота приближается к фиксируемому для XVII в.: 'опорная часть сохи — выгнутый деревянный брус с раздвоенным концом (выделение мое. — Е. Г.), на котором насажены сошники' [СРНГ, вып. 27: 148 с отсылкой к с. 150].

⁵ Широко распространенное в южнорусских говорах окончание винительного падежа единственного числа женского рода -*ою* (фонетически -[a]*jy* или -[ь]*jy*) у прилагательных бывает только в безударной позиции [ДАРЯ II, карта 43]. В картотеке ДАРЯ отмечено всего четыре (!) случая для всей южнорусской территории с [о] ударным [ДАРЯ II. Комментарии: 67].

В XVI–XVII вв. «оттяжки» ударения на предлог осуществлялись в большинстве акцентных микросистем с высокой степенью регулярности, и для непроизводных существительных а. п. с ударение на предлоге при словоформе-энклиномене было нормой [Зализняк 1985: 283]. Новое ударение типа без мужа в этот период встречается, по свидетельству А. А. Зализняка, преимущественно в западной зоне и на дальнем северо-востоке, тогда как в основной части восточной зоны его почти нет [Зализняк 1985: 284]. Поэтому ценно то, что два раза — в воронежских и новосильских текстах — отражено новое ударение на корне в сочетании с предлогом на: но поли Вор. 548 об., но шесть Нов. 181 об. Поскольку перед нами не акцентуированная рукопись, а текст, где ударение отражается спорадически и вопреки воле писцов, трудно судить о возможной широте распространения данного явления.

В рукописях проявляется старое ударение творительного падежа ед. числа существительных а. п. c, что видно на примере слова *голова*: c оса ^{o} наю голова**ю** Кур. 37, c асаднаю галаво**ю** Кур. 64 об. Возможно, ударное окончание -ою повлияло на другие слова женского рода, относящиеся, впрочем, к i-склонению, где флексия -jy была минусовой (но со следами самоударности) [Зализняк 1985: 141]. Так, мы находим рано перешедшее в i-склонение слово **дочь** (а. п. c), в форме творительного падежа без форманта -ер- с явным ударением на окончании: з дачью Брян. 53 об. Возможно, что такое же ударение было у формы того же слова с формантом -ер-: з дачерью Ел. 207 об. (2 р.), 206, 207 (вряд ли ударным мог быть второй слог). Следует заметить, что повлиять на і-склонение могли еще и слова того же грамматического разряда и той же а. п. пять, шесть, девять, имевшие в косвенных падежах ударение на окончании (пятью и т. д.) [Зализняк 1985: 142]. Еще одно слово **печать** (исконно оно принадлежало к а. п. a) — также, как можно думать, демонстрирует флексионное ударение в творительном падеже: $neue^m ю$ Орл. 311, 805 ~ 3a $nuua^m ю$ Орл. 999 об. Впрочем, этот пример не слишком належен, так как нельзя полностью исключить возможность

⁷ Впрочем, есть небольшая вероятность того, что тут отражен переход [а] в [е] между мягкими согласными в ударном слоге. В южнорусских говорах кое-где единично встречаются отдельные случаи такого перехода [ДАРЯ I, карта 43].

отражения в первом написании изменения [а] в [е], которое изредка встречается в южнорусских говорах (см. сноску 7). Продолжая говорить о словах *i*-склонения, следует упомянуть слово *память*, которое благодаря плюсовой приставке обладало в древнерусском языке автономным ударением на первом слоге. Тексты XVII в. показывают, что в южнорусских говорах этого периода имелась инновация — ударение на окончании. Собственно говоря, отмечены показательные написания только для формы дательного падежа: *по наказна^и помети* Ел. 49. Ср. также: *по нака³на^и памити* Кур. 259, *по нака³на^и памети* Кур. 335, *по нока³но^и памети* Кур. 234. Однако в других текстах XVII в., созданных на других территориях, фиксируются формы местного падежа *в памети* (Житие протопопа Аввакума) и творительного *памятьми* (Соборное уложение царя Алексея Михайловича), так что сдвиг ударения на окончание не был сугубо южнорусским явлением⁸.

В исследованных текстах наблюдаются и некоторые другие сдвиги ударения по сравнению с древнерусским состоянием.

Так, существительное *старикъ*, производное от слова а. п. a, акцентуировано по-новому: *сторикъ* Нов. 131.

Слово *колокъ* (см. сноску 1) в именительном падеже единственного числа имеет ударение на первом слоге: *на гору Осина* κ *олакъ* Ел. 53 об., *на асина* κ *олакъ* Вор. 630 об., *на асина* κ *олакъ* Вор. 631 об. κ что незакономерно, поскольку при минусовом корне и правоударном суффиксе κ - κ исконно ударным мог быть только суффикс.

Существительное *сторона*, по-видимому, демонстрирует переход к флексионному ударению в а. п. c в винительном падеже: *на лъваю старону* Нов. 272 об. (поскольку ударение явно не могло падать на второй слог, очень вероятно, что ударным было окончание). По свидетельству А. А. Зализняка, в старовеликорусском языке примеры инноваций в винительном падеже у слов женского рода еще сравнительно редки [Зализняк 1985: 374], поэтому приведенный случай представляет определенный интерес. Более обычно для XVII в. появление формы дательного падежа с флексионным ударением, так как замены типа cmopontb — cmopontb произошли рано [Зализняк 1985: 374]: cmapontb Нов. 272 об. В исследованном материале встречена и форма дательного падежа, имеющая диалектный и инновационный характер: cmapontb cmapontb

Во множественном числе у существительных а. п. c i-склонения женского рода в результате приобретения новых окончаний (-sm, -sm, -sm) была достигнута колонность ударения (например, sanucsm, sp-sm) кp-sm, sm, sm

В современных говорах представлены формы колок, -лка и реже колок, -лка [СРНГ, вып. 14: 162–163].

46

-

⁸ Есть и пример закономерного поведения слов с приставкой *na-: с nacaⁿкa^м* Нов. 703 об. и, возможно, *nacынa^к* Нов. 563 об. Ср. другую самоударную приставку — вы-: вышаⁿ Нов. 984.

на грязя́хъ) [Зализняк 1985: 286]. Подобные примеры есть и в исследованных текстах: κ ne^p вы^м гронямъ Белг. 26, по стары^м гроня^м Нов. 536 об., по старымъ гроня^м 993, в гроня^х Мц. 284. Впрочем, имеется и написание по стары^м гроне^м Нов. 766, видимо отражающее флексионное ударение формы с новым окончанием, но записанным традиционно — с -ем, что нормально для деловой письменности. Есть и формы родительного падежа множественного числа с ударением на окончании — o^m mt^x гроне^u Кур. 635, до гроне^u Кур. 635, до nu^c uoвы^x гроне^u Кур. 722, o^m ... гроне (sic) ...да гроне^u Ел. 147 об., да me^x жее гроне^u Ел. 147 об., o^m mt^x гроне^u Белг. 27 (ср. до гране^u Кур. 663 об.). Но такое ударение было исконным в связи с плюсовостью окончания *-ьjь.

Уже в старовеликорусский период начинает складываться принцип, усвоенный впоследствии русским литературным языком, согласно которому качественные прилагательные получают наосновное ударение [Зализняк 1985: 310]. Таким путем прилагательные а. п. с меняют флексионное ударение на наосновное. У ряда прилагательных (лъвыи, новыи, свътлыи, скорыи и нек. др.) эта замена уже в основном завершилась к XVI в., а в XVI-XVII вв. от старого ударения у них сохраняются лишь незначительные следы [Зализняк 1985: 310]. Из этой группы слов в исследованных текстах отмечено прилагательное **лъвыи**: на лъва^и старонъ Нов. 272 об., по лъва староны Нов. 270 об. Из других качественных прилагательных данный процесс отразили слова грязныи и густыи: по объ стороны гр $\mathbf{g}^3$ на дароги Мц. 357, бапа густа дубровы Ел. 256 (то есть обапол — 'по обе стороны, около, вокруг' [СРНГ, вып. 21: 345]). При этом второе прилагательное в русском литературном языке указанному правилу не подчинилось, и, как видим, в одном из южнорусских диалектов процесс прошел более последовательно. Впрочем, тут трудно делать какие бы то ни было обобщения, поскольку, по свидетельству А. А. Зализняка, в XVI-XVII вв. на великорусской территории наблюдаются чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных: могут быть различия в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах и многочисленные колебания внутри одного и того же говора [Зализняк 2002а: 541].

Интересным образом ведет себя существительное $\mathcal{A}on$, принадлежавшее исконно к а. п. с. При том, что в предложно-падежных конструкциях с винительным падежом этого слова происходила оттяжка ударения на предлог (см. выше), в дательном падеже зафиксировано флексионное ударение: κ рек τ τ Вор. 87 об. В современном русском литературном языке данное слово продолжает закономерно сохранять наосновное ударение, относясь к семантической группе «название пространств, поверхностей, направлений», представители которой в единственном числе имеют ударение на основе [Зализняк 2002: 513–514].

В рукописях не раз встречается слово *сажень*, которое относилось в описываемых говорах к мужскому роду: $z(ocy)\partial(a)p(e)$ въ сожень мн τ не

данъ Орл. 1165 (эта орфограмма отражает и место ударения в именительном падеже единственного числа), по два сажня Кур. 734, и³ба жилая получе^{тв}ве^рта сажня Кур. 734. В современных говорах варьируется и род этого слова, и ударение в единственном числе [СРНГ, вып. 36: 41]. В текстах же наблюдается регулярная вариативность акцентовки родительного падежа множественного числа, и материал здесь распадается на две части: одни написания демонстрируют ударение на первом слоге, а другие на втором. Приведу примеры только из Новосильской отказной книги, чтобы показать, что с междиалектными различиями это явление не связано. Первый слог под ударением: по осмидеся^т сажа^н Нов. 505 об., 604, по три^ти[а]ти сажа^н Нов. 505 об., па асмидеся^т сажа^н Нов. 671 об., 737 об., на три^тиа^{ти} сажа^н Нов. 724, по три^тиати сажа^н Нов. 1068 об. и т. д. Второй слог под ударением: по осмидеся^т соже^н Нов. 401 об., 698 об., 1072 об., по три^тиати соже^н Нов. 499, 698 об., 1072 об., по осмидеся^т сожо^н Нов. 647, 722 и т. д.

Исследованные рукописи дают целый ряд примеров акцентовки имен с минусовой приставкой. В древнерусском языке слова такой структуры подвергались перемаркировке, в результате чего возникали четыре модели — одна основная и три второстепенных. Основная — это модель ното модель информа (корень выступает с маркировкой самоударности, хотя его исходная маркировка могла быть информа маркировкой, хотя его исходная маркировка могла быть другой); модель окупь (корень выступает с правоударной маркировкой, хотя его исходная маркировка могла быть другой); модель окупь (корень выступает с минусовой маркировкой, хотя его исходная маркировка также могла быть информа засуха (приставка меняет свою минусовую маркировку на самоударность, после чего маркировка корня становится безразличной) [Зализняк 1985: 153–154].

Примеры имен, построенных по модели *потопъ*: асадное галава Нов. 717 об., асадна галава Кур. 41 об., 62, 63, Вор. 22, по ноказнаи памяти Нов. 223, памъстья (И. п. ед. ч.) Кур. 629, в то памъстья Кур. 302 об., в здатачная памъстья Кур. 62 об., в том здатачна памъстья Кур. 62 об., памъсное земля Нов. 680, пачина Нов. 736 об., Ел. 49 об., пражита Вор. 619 об.

В сложных словах с бессуфиксным вторым членом в древнерусском языке господствовала модель, соответствовавшая модели *потопь* у приставочных имен: последний корень менял свою маркировку на самоударность [Зализняк 1985: 156]. Примеры находим и в исследованных текстах: *Тресагу*³ (прозвище) Нов. 1088, *Корнау*^x (прозвище) Кур. 214 об., *Че*^рнаморть (прозвище) Кур. 536 об. (ср. *Че*^рномордь Кур. 583). Имеется и производное от топонима *Новосиль*: в *Наваси*^лска^и уъ дъ Нов. 48. Однако в качестве второстепенной в древнерусском языке была возможна также архаичная модель без перемаркировок [Зализняк 1985: 156]. Судя по всему, она отражается в XVII в. в акцентовке фамилии *Дериглазовъ*, производной от прозвища *Дериглазъ*: *Григоре*^и *Дериглоза*⁶ Кур. 138

(ср. з Григо^рямъ Дериглазавы^м Кур. 139) Корни дер- и глаз- были минусовыми, показатель императива — самоударным, так что при отсутствии перемаркировки ударение закономерно падало на [и] (впрочем, приведенное написание небезупречно для определения акцентовки из-за e в первом слоге, но с точки зрения истории русской акцентной системы ударение на [e] вряд ли было возможно).

Отмечены и такие формы, по которым нельзя определить, к какой модели — *потопъ* или *отрокъ* — принадлежали соответствующие слова: $30mo^{H}$ Вор. 545 об., *прагонъ* Белг. 469.

К частотной для *i*-основ модели *окупъ*, видимо, относилось слово *прокопь*: *прока*ⁿ Нов. 702. (ср. контекст: *и на ле*^c ную *прока*ⁿ что o^{μ} Миля да *племе* никъ ево Голо тио прикопа в своем те тежи (с опиской, вместо че тежи), хотя это может быть и более редкая для слов этого класса модель засуха. Если учесть, что модели *отрокъ* для *i*-основ почти не было [Зализняк 1985: 155], то к модели *окупъ* относилось слово *россошь* (овраг, балка, буерак [СРНГ, вып. 35: 192]): c pa^{c} c a a0. 342 об.

В случае, если во всех исследованных южнорусских текстах отражается одинаковая акцентовка слова sanaob , то оно также относилось к модели okynb : ha $\mathit{sona}^{\mathit{o}}$ Мц. $327 \sim \mathit{ha}$ $\mathit{sano}^{\mathit{o}}$ Ел. 99 об., Нов. 466 об. Если же принять во внимание, что в акцентовке этого существительного модель okynb конкурирует с моделью sacyxa [Зализняк 1985: 154], и допустить, что в мценском говоре была одна акцентовка, а в елецком и новосильском другая, то для мценского говора все равно восстанавливается модель okynb , а для елецкого и новосильского — модель sacyxa .

К модели *окупъ* либо *засуха* относилось существительное *ухожаи*, отмеченное в словаре В. И. Даля с ударением *ухожай* и значением 'место для бортей, ульев, пчельник, пасека' [Даль, т. IV: 541]. Судя по данным текстов, в XVII в. в южнорусских говорах ударным был первый слог. Об этом говорит совокупность следующих написаний: 60^p mно *ухоже* Бр. 107, *бортна ухожеи* Бр. 259 об., mo^m *ухоже* Бр. 258 об. ~ $3 \, 60^p$ mны yxoже, $3 \, 60^p$ mны yxoже, $3 \, 60^p$ mны yxoже Бр. 21.

К модели засуха принадлежало слово надолба, использовавшееся в основном во множественном числе и имевшее среди прочих значения

'бревно или брус, употребляемый как заграждение', 'род изгороди' [СлРЯ, вып. 10: 74]. Его родительный падеж множественного числа с начальным ударением $во^3 ле \ нa^{\partial a} лa^{\delta}$ Белг. 702 об. свидетельствует о постоянном ударении на приставке.

Некоторые наблюдения можно сделать над акцентуацией числительных.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что одним фонетическим словом были названия сотен: в де**в**стя че $^m u$ Кур. 209 об., 246, 578, 582 κ $mps^{M}cma^{M}$ к $nemudecs^{m}$ к ocmu ue^{m} мъ Мц. 49, а составное числовое наименование еще могло объединяться в одну тактовую группу: $capa^{\kappa}$ $n\mathbf{x}^{m}$ Бр. 256 с ударением на втором компоненте. Во-вторых, следует отметить акцентовку числительных, обозначавших числа второго десятка. У них склонялись обе части, вторая из которых уже выглядела как -надцать, и ударение в Р.-Д.-М. падежах при этом еще не падало на слог [на], как в современном состоянии языка у слов двенадцать, тринадцать, пятнадиать — девятнадиать. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные написания с сочетанием -**но-**: κ двуно ^{m} μa^{mu} ^{m} ^{m} ^{m} Белг. 512 об., κ пятино^тца^{ти} че^{ти}ямъ Ел. 114/114 об., по семино^тцо^{ти} че^{ти} Кур. 71, κ семиноцати че^{твер}тя^м Нов. 450, семино^тцати че^{ти} Мц. 269 об., ко сту к девятино ^{m} цати че ^{m} вертя ^{M} Бр. 577 об. ^{10} . В третьих, слово двадиать имело ударение на слоге [ти] по крайней мере в дательном падеже: $\partial BO^m \mu emu \ ue^m ямь \ Kyp. 592 \ (ср. также <math>\kappa \ \partial BO\mu a^{mu} \ ue^m emь \ Kyp. 563).$ И, наконец, в-четвертых, видно, что в предложно-падежном сочетании на девяносто ударение падало на слог [но]: на ста на дявеноста на восмъ че ^{m} и Нов. 181 об. $\sim$ но девеноста на восмЪ че ^{m} и Нов. 182.

В рукописях хорошо отражается конечное ударение некоторых наречий / предлогов: вазт**в** ево Нов. 406, вазт**в** Микиты Кур. 265 об. / 266, ва³т**в** Ба³шога верха Кур. 266 об., вазт**в** и³рога Кур. 62 об.; падт**в** верха Кур. 265 об.; пратив да Кур. 70 об., 71–71 об., пратив усады Кур. 303, пратив таго столба Нов. 74 об., пратив тв дубовых корене Нов. 467, пратив старав... усады Мц. 358 об., 359, да пратив тои же земли Вор. 615, пратив прутка (т. е. прудка) Вор. 630; апри озера Кур. 511, 512, апричь дочере е Нов. 510 (в современных говорах опричь и о́причь [СРНГ, вып. 23: 297]).

_

¹⁰ Слово *одиннадцать*, которое и сейчас имеет постоянное ударение на корне, также записывается с сочетанием -**но**-: $a \partial u^n + o^m + u$ (ур. 290, $a \partial u^n + o^m + u$) и $a^{mu} u(e) \pi(o) \theta(b) \kappa \tau$ Кур. 510 об.

у налево выровнено по направо. В исследованных же южнорусских текстах первой половины XVII в. ударение слов нальво, напьвы никак не отразилось, а направо, направы явно имеют ударную приставку: напърова Нов. 905, напрова Кур. 865 об., напровя Нов. 952 об. (видимо, то же ударение было у образования с приставкой по-: попрову Нов. 300, поправа Нов. 406), то есть можно думать, что нальво, направы, должно быть, сохранило старое ударение, а направо, направы ему уподобилось. До сих пор акцентовка направо, направы отмечалась только в памятниках дальнего северо-востока XVI—XVII вв. [Зализняк 1985: 372].

Итак, рассмотренный материал показывает, что неакцентуированные тексты, отражающие аканье, действительно могут сообщить некоторые сведения об акцентуации отдельных слов или форм в южнорусских диалектах XVII века.

Библиография

- Веселовский 1974 *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Даль, I–IV Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I– IV. СПб.; М., 1880–1882.
- ДАРЯ I Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. І. Фонетика. М., 1986.
- ДАРЯ II— Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- ДАРЯ II. Комментарии Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Зализняк 1978 *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV–XV веков с различением двух фонем «типа о» // Советское славяноведение. 1978. № 3. С. 74–96.
- Зализняк 1978а *Зализняк А. А.* Противопоставление букв **о** и **w** в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение. 1978. № 5.
- Зализняк 1979 Зализняк А. А. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Славянское и балтийское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 47–128.
- Зализняк 1985 Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2002 Зализняк А. А. Закономерности акцентуации односложных существительных мужского рода // Зализняк А. А. «Русское именное слово-изменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 478–526.
- Зализняк 2002а Зализняк А. А. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // Зализняк А. А. «Русское именное слово-изменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 527–544.
- СлРЯ XI–XVII Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.

- СРНГ Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. Л.; СПб., 1965–2007.
- Стенсланд 1996 Стенсланд Л. Значение альтернации <ѣ> <€> для акцентологического анализа // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 383–399.
- Тарабасова 1982 Тарабасова Н. И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982. C. 170-220.
- Тупиков 1903 Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Южн. отк. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Отв. ред. С. И. Котков. М., 1977.

Список сокращений

- Белг. Белгородская отказная книга 1616–1650 гг. (Из текстов 1616–1643 гг.).
- Брян. Брянская отказная книга 1613–1652 гг. (Из текстов 1613–1651 гг.).
- Вор. Воронежская отказная книга 1615–1642 гг. (Из текстов 1615–1640 гг.).
- Ел. Елецкая отказная книга 1638–1645 гг. (Из текстов 1638–1645 гг.).
- Кур. Курская отказная книга 1630–1654 гг. Мц. Мценская отказная книга 1630–1691 гг. (Из текстов 1630–1641 гг.).
- Нов. Новосильская отказная книга 1625–1652 гг.
- Орл. Орловская отказная книга 1625–1651 гг. (Из текстов 1625–1648 гг.).

Ю. В. Смирнова

К ИСТОРИИ ФОНЕМЫ <ё> в СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Реконструкция особенностей рефлексации фонемы <ě> в среднерусских говорах первой половины XVII в., о которых речь пойдет ниже, основывается на анализе данных из отказных книг и челобитных соответствующего периода по Владимирскому, Муромскому и Суздальскому уездам. В скорописных памятниках по обширному Владимирскому уезду объединены деловые документы из различных, зачастую далеко отстоящих друг от друга, областей. Среди авторов отказов, во-первых, есть выходцы собственно из Владимира и из местностей вокруг него (это территории, вошедшие в XVIII в. в состав Владимирской губернии, в том числе Юрьев-Польский, Гороховец и т. д.). Во-вторых, среди них имеются жители более южных областей (куда входят волость Муромское Сельцо, Касимов и прилегающая местность 1, то есть территория рязанской Мещёры — с конца XVIII — начала XIX вв. это Егорьевский и Касимовский уезды Рязанской губернии). Современные говоры данных территорий относятся к различным диалектным группировкам (среднерусские окающие говоры Владимирско-Поволжской группы и среднерусские акающие говоры отдела Б [Захарова, Орлова 2004]). Что же касается муромских и суздальских скорописных памятников, они представляют северную и юго-восточную по отношению к Владимиру области.

Были изучены следующие рукописи:

Отказные книги Владимирского уезда (1) — РГАДА, фонд 1209, опись 2, № 12616 (лл. 1–520; 1620–1634 гг.; при цитировании примеров обозначается номером 1, далее следует номер листа);

Отказные книги Владимирского уезда (2) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12617 (848 лл.; 1640-е гг.; при цитировании обозначается номером 2);

Отказные книги Владимирского уезда (3) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12618 (лл. 10–18; обозначается номером **3**);

Отказные книги Суздальского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11332 (лл. 1–410; записи с 1612 г.; обозначается пометкой С);

Отказные книги Муромского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11845 (лл. 35-884; обозначается пометкой $\mathbf{M}$).

Челобитные первой половины XVII в. из Владимирского уезда (РГАДА, ф. 1209, оп. 1185, № 33769; обозначаются пометкой $\mathbf{U}$).

В XVII в. вся эта область относилась к Владимирскому уезду, см. [Готье 1906: 557–558].

В исследованных документах имеются многочисленные примеры, связанные с употреблением буквы $\boldsymbol{t}^2$. В целом писцы могут быть разделены на две категории:

- 1. В подавляющем большинстве случаев правильно употребляющие $\mathfrak{b}$ под ударением (замен $\mathfrak{b}$ на e нет совсем или их мало);

Видимо, в части рассматриваемых говоров фонема <ё> еще сохранялась, а в части — совпала с <е>. Во всяком случае, такая картина наблюдается и сейчас: на основной территории Владимирской области и в ряде говоров севера Рязанской области фонемы <ё> и <е> совпали в звуке [е], котя в некоторых говорах сохраняется фонема верхне-среднего подъема с реализацией в виде монофтонга или дифтонга [иe], см. [ДАРЯ I: 40–41]. В современных муромских говорах встречается произношение [и] на месте *ё и *е в позиции перед мягким согласным [ДАРЯ I: 41]. При этом в исследованных муромских записях первой половины XVII в. не обнаружено надежных свидетельств наличия [и] ни на месте *e, ни в соответствии с *ё (но есть многочисленные замены †в на e). То есть можно предполагать, что сначала фонемы <ё> и <е> совпали в говорах этой территории в одном звуке, а уже потом [е] или [ê], произносящийся на месте соответствующих этимологических фонем, в положении перед мягкими изменился в [и].

В скорописных документах с различных среднерусских территорий наблюдаются отражения интересной особенности, которая для современных говоров подробно не описана. Связана она с рефлексацией фонемы < $\check{e}$ > в позиции после звука [j]. Так, в целом ряде отказов, в которых преобладают правильные написания $\check{e}$, в позиции после [j] на месте $\check{e}$ пишется буква e. Ср. примеры из отказа «гороховленина»: $m\check{e}^x$ 1-370, $m\check{e}$ сто 1-370 об., $m\check{e}$ сто 1-370 об., $m\check{e}$ сто 1-370 об., $m\check{e}$ сто 1-370, $m\check{e}$ сто

² Написания приводятся в упрощенной орфографии.

к... помъстию 2-208; в рекъ 2-207 об. и др.; но: в... уе³дъ 2-205, у... езу 2-207 (ез 'запруда', ср. др.-русск. ъзъ, укр. їз [Фасмер 2004: II-11, IV-549]).

Примеры из документов суздальского писца: по совъту С-1, лъсу С-1 об., 2, по ро ^{3} дълу С-2, хлъбо ^{M} С-5 об., въдати С-5 об., бе ^{3} въстно С-6 об., 196 об., мъсто С-7, Погорълка (деревня) С-13 об., нътъ С-14, к тъ С-198; в о ^{m} дълны ^{x} С-2, по смъте С-3 об., съни С-4, ръчка С-11, помъстие С-32, 33 об., дъти С-32 об., 33; помъщика С-3 об., помъщико С-4; в... селъ С-1 об., 18 об., женъ С-2, 10 об., на рекъ С-2, по рекъ С-196 об., 197, 197 об., на... зе ^{M} лъ С-3, на ^{0} воръ С-4, двъ С-4, 14 об., 16, 18 об., вопчъ С-4 и др. правильные написания; число надежных замен $^{\rm that}$ на е не в позиции после [j] невелико — ^{m} де ^{n} ны ^{M} С-2-3, две выти С-203 об., 213 об. В позиции же после [j] $^{\rm that}$ заменяется на е довольно регулярно — $^{\rm that}$ С-1, в... $^{\rm that}$ С-1 об., нае ^{3} до $^{\rm that}$ С-3 об., 8 об., 10, 11, 15 об., 22 3 р., 27 об. 2 р., приеха ^{6} С-1 об.; в... $^{\rm that}$ С-195, 198 об., 206; с нае ^{m} жею С-11; есть лишь несколько правильных употреблений $^{\rm that}$ с $^{\rm that}$ Р. С-6, тоъ В. С-22, 27 об., в... $^{\rm that}$ С-32, в... $^{\rm that}$ С-208 об.

Подобные случаи имеются и в муромских документах:

- 1. $6e^3 \partial t m h a$ M-562, $\pi t com t$ M-562 oб., 563, $\pi t cy$ M-563 oб.; $\pi t cy$ M-563 oб.; $\pi t cy$ M-562 oб., $\pi t cy$ M-563 oб., $\pi t cy$ M-563 of., $\pi t cy$ M-563 of. $\pi t cy$ M-562 of. (есть и пример с $\pi t cy$ He в позиции после [j]: $\pi t cy$ M-563). Как видно, подавляющее число замен $\pi t cy$ на $\pi t cy$ все же приходится именно на положение после [j].
- 2. при mt^x M-637 об., два мѣста M-638, сѣна M-638, лѣсу M-638, Кип t^n к u^n (фамилия) M-638 об.; в... помѣстье M-637, в помѣстье M-637 об., к... помѣстью M-637 об., на рѣчке M-637, по рѣчке M-638, со всѣми M-638; $mpu^m ue^m$ двѣ M-638; замены на e: приеха ^{e} M-637, у e^3 ду M-638 (хотя есть и написание e... у t^3 дь M-637).
- 3. уѣзда М-286; лѣсом М-287, мѣсто М-287 об., владъл М-288, чѣмъ М-288 об.; в... уѣзде М-286, 288; велѣли М-284, на рѣчке М-286; на... сторонъ М-284 об., гдъ М-284 об., вопчъ М-287 и др.; естъ также ряд замен на е: мем М-286 об., чем М-288; со всеми М-285, 286, 288, 288 об., старозапусте(ли) М-287; вопче М-284, 286 об. У данного автора имеется и целый ряд нетривиальных написаний с буквенным сочетанием еѣ на месте *ĕ: еѣхати М-284, приеѣха М-285 об., наеѣздом М-287; в... уеѣзде М-285; проти тоеъ жъ М-284 об. Количество таких случаев и наблюдающаяся связь с позицией после [j] не позволяют считать их описками. Возможно, используя буквенное сочетание еѣ, писец пытался передать

³ Флексия - *в здесь аналогического происхождения [Горшкова, Хабургаев 1997: 277].

особое звучание гласного звука, следующего после [j], его отличие от звука, обозначаемого обычно буквой t^4 .

Наконец, и у некоторых мещерских писцов наблюдаются преимущественные замены $\mathfrak{b}$ на e именно в положении после [j]:

1) мѣста И. ед. 1-44 4 р., 44 об. 3 р., влодъ⁷ 1-313; помѣстья 1-43 об., дѣте^м 1-45, со ⁶сѣми 1-45; помѣщицы 1-44, помѣщико⁶ 1-44; вдовѣ 1-43 об., тѣ 1-43 об. и др.; но: уе³дъ 1-43, приехо⁶ 1-43 об., 311, уе³ду 1-45, уе³да 1-173 об., 313, в... уе³дъ 1-311; е³ди³ 1-43, 173, 311; съе³же^и 1-173; (случаев замены ѣ на е в других позициях мало, например, жѣне 1-43 об.).

2) в... у t^3 дь 2-529; 3-10, у t^3 ду 2-530 об.; 3-18; лtссом 2-529 об.; 3-13, лtссомь 3-17 об., сtна 2-529 об., Невtро t^6 скоя (пустошь) 2-725, 727, 756 об., Несв t^m ко (прозвище) 2-762, б t^3 вtсно 3-12 об., за ро t^3 дtлом 3-13 об.; то... помtстья 2-529 об.-530, 742 об., 756 об., в помtстья В. ед. 2-530 об., 724; 3-13, дtти 2-529, со t^6 сtти 2-530 об., на роt3t7 об.; по рекt3-18, роt3t7 ные 3-18; дt5t7 2-529 об., помt5t8 об., по рекt52-529 об., t6t7 2-529 об., помt6t7 3-13 об.; по рекt7 2-529 об., t7 3-13 об.; вопче 3-18, дt8 2-529 об., на земле 3-13; есть и пример гиперкоррекции — дt7 доб землt7 об. Хотя встречаются и правильные написания t7 в положении после [j] (они приведены выше), но в подавляющем большинстве случаев вместо t7 здесь пишется t8 (чаще, чем в других позициях): приехов 2-529, 724, 756, приехоt8 2-673; 3-10; сьt8 жаи Р. 2-673, 674, 737, 739, 743, 767; 3-10, 18, с t7 обе зжаю 2-740.

Итак, как видно, нестандартность позиции после звука [j] в той или иной мере отражается в записях из всех рассматриваемых уездов. Важно, что подобные факты фиксировались и в памятниках письменности с других территорий. Так, подобная закономерность в употреблении букв t и t была отмечена t А. Шахматовым в двинских грамотах t В. По его мнению, замены t на t в начале слога могут объясняться изменением сочетания [jue] в [ие] (вследствие утраты [j] перед [и]) и, далее, в [ие] [Шахматов 1903: 84, 87]. То есть можно предполагать, что примеры из текстов со среднерусской территории, приведенные выше, указывают на реализацию фонемы t в дифтонге t в монофтонге верхне-среднего подъема), так как именно дифтонг мог в позиции после [j] изменяться указанным t А. Шахматовым путем.

К сходным выводам относительно нижегородского говора, отразившегося в тексте Жития протопопа Аввакума, пришел В. Н. Сидоров. В данном памятнике наблюдается такое же соотношение примеров с

Хотя не все случаи, приводимые А. А. Шахматовым, являются надежными — в частности, в некоторых грамотах t заменяется на e лишь в форме местоимения moe, где уже мог произноситься конечный ['о], для которого закономерно обозначение с помощью e.

⁴ Но можно и допустить, что писец в данных случаях с помощью буквы е обозначал звук [j].

буквами *в* и *е* на месте *ĕ (на него обратил внимание еще П. Я. Черных) [Сидоров 1969: 53]. Однако В. Н. Сидоров данную особенность связывает не с положением в начале слога, а с тем, что дифтонг [иe] и сочетание [je] (на месте *ĕ) по звучанию были трудно различимы с сочетанием [je] (на месте *j и *e); в доказательство он приводит пример из жития: чье корабли [Сидоров 1969: 53–54].

Кроме этого, написания e вместо b в словах типа b0езd3, b1, b2, при правильном употреблении b3 в прочих случаях встречаются в деловых нижегородских документах [Семенова 1973: 6–7]. Наконец, написания b4 именно на месте сочетания b5 и *b6 характерны и для некоторых новгородских берестяных грамот [Зализняк 2004: 26].

Важным подтверждением того, что вышеописанное соотношение примеров отражает фонетические реалии (а не особенности графики), являются данные о говоре деревни Лека (расположена на территории Мещёры), приводимые С. С. Высотским. Он отмечает, что при наличии в этом говоре реализации *ě в виде [ue] произношение [ue] не встречается в словах типа «ехать», «есть» (в этих случаях обычно произносится [e] после [j]) [Высотский 1949: 19–20]⁷.

Нестандартность позиции после звука [j] отражена также в отказе с мещерской территории, в котором представлены нетривиальные для документов из данной местности замены $\mathfrak{t}$ на u. Исходя из места составления документа, можно заключить, что его автор был жителем Тумской волости (север современной Рязанской области, ранее входила в состав Касимовского уезда [Готье 1906: 559]). Здесь имеются следующие написания u вместо $\mathfrak{t}$:

<u>Замены $\frac{1}{6}$ на u перед твердым согласным</u>: nu^c ('лес') 2-471 об., $nuco^{M}$ $nopo^c$ ло 2-473 об., $nucma \partial aposo^e$ 2-473 об.

Замены в на и перед мягким: в Нефедьева помистья 2-471, помистья 2-471, 471 об., 473, помистью 2-473 об., в помистья В. ед.

На это наблюдение С. С. Высотского указывал и В. Н. Сидоров [Сидоров 1969: 54]. Положение после [j] также может влиять на реализации других гласных фонем. Так, Л. Л. Касаткиным описан вологодский говор, для которого характерны дифтонги с *e*-образной или *u*-образной начальной фазой — [ea], [иa], [иy] и под. (на месте *ě обычно отмечаются однородные звуки); при этом в позиции после <j> вместо дифтонгов часто произносятся монофтонги [Касаткин 1999: 366–371].

В данной форме (И.-В. падеж мн. ч. местоимения чей) флексия - в , по всей видимости, появлялась в результате обобщения - в - как показателя множественного числа (ср. тв) [Горшкова, Хабургаев 1997: 275–276]. Нужно отметить, что пример из жития может объясняться и аналогией с формами И.-В. падежа мн. ч. мое, твое (< мов , твов), в которых представлено положение в начале слога (случаи типа моех, моем известны в современных говорах [Горшкова, Хабургаев 1997: 276], в житии имеется пример мое уста [Сидоров 1969: 53]). Хотя допустимо, что «слияние» [j] с последующей и-образной частью дифтонга могло происходить и в позиции после согласного.</p>

2-473 об.; в именах собственных: с Ывашка^м Мосиевы^м 2-472-472 об., Аникие^в 2-472, Аникиева 2-472 об.

Также есть <u>написания и вместо t перед шипящим и на конце слова</u>: *помищико*⁶ 2-471 об.; t 2-472 об.

Кроме этого, имеются <u>гиперкорректные употребления b на месте u</u>: $npuexo^6$ валод $\underline{b}$ ме ^{p} ско ^{u} (так, т. е. в Володимерский) ye^3 дь 2-471, a^m каза ^{n} ... валод $\underline{b}$ ме ^{p} ско ^{m} (так, т. е. в Володимерском) ye^3 де 2-473, A^n куд $\underline{b}$ ньки (имя; Р.) 2-473.

Итак, в этом небольшом (около 3-х листов) документе имеется довольно много замен $\mathfrak{b}$ на u. Как видно, здесь отразилась достаточно необычная диалектная система, сочетающая аканье и изменение *ě в [и] в том числе в позиции перед твердыми согласными. Нужно также отметить встретившееся в одном из мещерских документов, составленном ${}^{x}T_{y}^{w}$ ские ^{y} ские ^{y} ские ^{y} ские ^{y} ские ^{y} сументов, составленном дьячком, написание ^{x} (Ч-149; 2 раза), где буква ^{x} употреблена вместо ^{y} (хотя и в безударном слоге). Это вновь свидетельствует о возможной рефлексации *ě в виде [и] на тумской территории.

Произношение [и] на месте *ě встречается в современных мещерских говорах, однако [и] обычно отмечается только в позиции перед мягким согласным. Произношение же [и] на месте *ě в позиции перед твердыми в настоящее время регулярно фиксируется только в окающих говорах, см. [ДАРЯ I: 40–41]. Но вряд ли можно в данном случае предполагать заимствование явления из какого-либо более северного говора: в области, непосредственно граничащей с мещерской, подобное произношение не встречается (не отражается оно и в памятниках с собственно владимирской территории).

Интересно, однако, что в хрестоматии С. А. Еремина и И. А. Фалева, составленной в первой половине XX в., зафиксирован говор, довольно сильно схожий с вышеописанной системой, отразившейся в документе XVII в. В частности, в нем также сочетаются аканье и рефлексация *ĕ в виде [и]. Кроме этого, важно, что соответствующая запись (речь крестьянина) сделана на соседней территории — в Меленковском уезде (он располагался на юге Владимирской области и граничил с Касимовским уездом). Далее приведены некоторые примеры из данной записи: хлиб, хлиба, савсим, и зиму и лита, сиби, абидать [Еремин, Фалев 1928: текст 38]. Ср. также пример не вядуть [Еремин, Фалев 1928: текст 38], который отражает такие особенности, как яканье и мягкость [т'] в окончании

_

⁸ В изученных рукописях нет надежных свидетельств наличия флексии -t (-e) в родительном падеже единственного числа у подобных существительных, для этих форм обычным является написание конечной u.

3-го лица глаголов. Все эти случаи подтверждают возможность произношения [и] на месте *ě перед твердым согласным в восточных среднерусских акающих говорах.

Возвращаясь к тексту отказа, в котором отражено регулярное изменение *ě в [и], следует обратить внимание на то, что написания с u на месте *ě в позиции после [j] отсутствуют. Здесь b заменяется на e: $ye^3 ob$ 2-471, $npuexo^6$ 2-471; (b) $ye^3 ob$ 2-473; ha $3ae^{3c}$ μa $2e^{3c}$ $2e^{3c}$

Таким образом, можно сделать вывод, что в ряде русских говоров сначала произошло изменение дифтонга [иe] (реализовавшего фонему <e>) в [e] после [j], и уже после этого [иe] изменялся в [и] в прочих положениях.

Конечно, такие особенности развития *ě были характерны далеко не для всех русских говоров с изменением *ě в [и]. Во многих говорах [и] фиксируется в том числе в позиции после [j], ср. примеры из современных вологодских записей — uз'д'ula, н'e йиз'д'um [Мельниченко 1985: 30]. Но примечательно, что в одном из текстов имеется случай йес'm'u (инфинитив), хотя в нем же есть примеры, указывающие на переход *ě в [и] в положении перед мягкими согласными — н'e см'ийот, в'um'op, н'e розум'ийот, вр'им'а [Мельниченко 1985: 28]. Для того, чтобы установить, насколько широко может быть распространена описываемая особенность, требуются дальнейшие исследования современных говоров. Данные же ряда письменных памятников, как было показано, дают достаточно надежные указания на дифтонгический тип реализации <ě>, а также позволяют высказать предположение об относительной хронологии изменения *ě в [и] и в [е] после [j] для некоторых говоров.

Библиография

Бегунц 2006 — *Бегунц И. В.* Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Высотский 1949 — Высотский С. С. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. ІІ. М.; Л., 1949. С. 3–71.

Горшкова, Хабургаев 1997 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Готье 1906 — Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. І. Фонетика. М., 1986.

- Еремин, Фалев 1928 *Еремин С. А., Фалев И. А.* Русская диалектология. М.; Л., 1928
- Зализняк 2004 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Захарова, Орлова 2004 *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 2004.
- Касаткин 1999 *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Мельниченко 1985 *Мельниченко Г. Г.* Хрестоматия по русской диалектологии. М., 1985.
- Семенова 1973 *Семенова А. П.* Фонетика и морфология нижегородских говоров XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Сидоров 1969 *Сидоров В. Н.* К вопросу о языке протопопа Аввакума // Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969. С. 35–55.
- Фасмер 2004 Φ асмер M. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004.
- Шахматов 1903 *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV века. Ч. І и ІІ. СПб., 1903.

О. Ф. Кривнова

ОБЩАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ДЫХАТЕЛЬНЫХ ПАУЗ В РЕПРОДУЦИРОВАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧТЕНИЯ)

1. Введение

Речепроизводство, как известно, включает три относительно самостоятельных, но тесно взаимодействующих процесса: инициацию (создание воздушного потока и его поддержание в речевом тракте говорящего), фонацию и собственно артикуляцию, см. подробнее [Кодзасов, Кривнова 2001]. Из этих процессов наименее изучен первый, по разным причинам: отчасти из-за преимущественно фонологической и сегментной направленности речевых исследований во второй половине XX в., отчасти из-за естественных и технических трудностей в инструментальном исследовании речевого дыхания и функционирования дыхательной системы в речи. Наиболее обстоятельные и надежные результаты в этой области были получены известным американским фонетистом П. Ладефогедом в сотрудничестве с другими исследователями. Их экспериментальные данные изложены в большом количестве статей и обобщены в монографии [Ladefoged 1967], где речевое дыхание рассматривается в разных аспектах — физиологическом, аэродинамическом, акустическом, и во взаимодействии с другими речевыми процессами — фонацией и артикуляцией. Ладефогед показывает, что учет возможностей и закономерностей в организации речевого дыхания, в особенности на фазе речевого выдоха, повышает объяснительную силу фонетической интерпретации многих сегментных и супрасегментных явлений в звучащей речи. Это справедливо не только для английского языка, на материале которого Ладефогед изучал работу дыхательной системы в речи и пении. Как убедительно показано С. К. Пожарицкой и ее соавторами [Горячева, Князев, Пожарицкая 2008], введение широкого понятия речевой позы языка, диалекта, говора (и, возможно, даже идиолекта), с включением в это понятие не только артикуляционных, но также фонационных и дыхательных особенностей речевого процесса в их взаимодействии, значительно расширяет и углубляет объяснительную базу фонетических явлений, наблюдаемых в речи носителей языка и его подсистем.

К сожалению, физиологическая и аэродинамическая сторона речевого дыхания по-прежнему мало доступны для прямого анализа в естественных речевых условиях. В современных методах исследования речепроизводства для получения комплексной картины используются электромагнитное излучение и компьютерная томография. С помощью этого инструментария можно получить трехмерное изображение речевого тракта и данные об изменении всех его принципиально важных параметров. На рис. 1 представлена современная комплексная установка ре-

гистрации артикуляционных параметров речи — так называемый артикулограф ^{1} . Участие дыхательной системы регистрируется устройствами, которые отслеживают дыхательные движения на разных уровнях грудной клетки, на рис. 1 эти датчики выделены в овале.

Рис. 1. Современная комплексная установка для регистрации артикуляционных параметров речи

Однако, артикулографы — это довольно дорогой инструментарий, и далеко не все исследовательские фонетические центры им располагают. Насколько нам известно, такая установка есть в Москве в ИППИ РАН, где она используется для математического моделирования процессов речеобразования и исследований в области артикуляционного синтеза речи, в частности и с привлечением русскоязычного материала [Макаров 2005].

Здесь стоит вспомнить, что еще в 60-е годы XX в. в Институте физиологии им. И. П. Павлова АН СССР была разработана система датчиков, позволяющая регистрировать параллельно работу 11 артикуляторных органов (руководитель работ и изобретатель датчиков проф. В. А. Кожевников). В состав установки входил и плетизмограф (аппарат, с помощью которого можно было регистрировать общую картину речевого дыхания и расхода воздуха при произнесении речевых отрезков) [Кожевников, Арутюнян, Бороздин и др. 1966]; [Чистович, Кожевников и др. 1965]. В указанных монографиях приведен ряд интересных результатов, касающихся работы дыхательной системы в различных речевых условиях на лабораторном русскоязычном материале; эти результаты до сих пор сохраняют свою актуальность. К сожалению, установка, разработанная в Институте физиологии, как и все аналоговые приборы, устарела морально и в настоящее время в научных исследованиях не используется.

_

¹ На рисунке изображена установка AG100, изготавливаемая в Германии фирмой «Carstens Medizinelektronik» (Гёттинген).

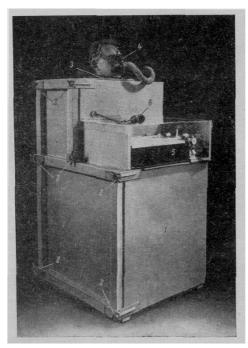

Рис. 2. Внешний вид воздушного плетизмографа

1 — герметизированная камера; 2 — болты, прижимающие съемную дверь; 3 — герметизирующий резиновый воротник; 4 — лицевая маска, используемая для измерения внутрилегочного давления; 5 — спирограф; 6 — шприц для калибровки записи.

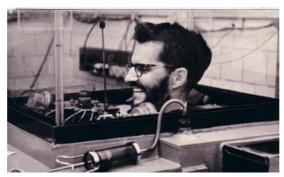

Рис. 3. Плетизмограф испытывает американский ученый, известный специалист в области речевых исследований Кеннет Стивенс ^{2}

² Автор выражает глубокую благодарность В. В. Люблинской за разрешение использовать эту фотографию из ее личного архива.

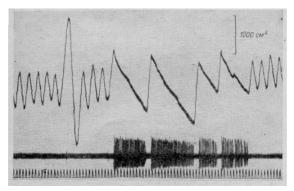

Рис. 4. Запись общей картины речевого дыхания

Сверху вниз: спирограмма; сигнал ларингофона; отметка времени, 1 сек. Зарегистрированы: спокойное дыхание; глубокий вдох и выдох; чтение текста.

Возвращаясь к современности, заметим, что в изучении речевого дыхания не исчерпаны полностью даже самые доступные возможности, которые предоставляет обычная компьютерная техника, звукозаписывающая аппаратура и программы автоматической обработки речи. Имеющиеся технические средства позволяют, в частности, осуществлять многократное усиление сигнала, в том числе на локальных участках. Если запись речи производится с использованием высокочувствительного микрофона, можно в большинстве случаев оценить на слух не только наличие вдоха / выдоха в темпоральной интонационной паузе, но и то, через какую полость (носовую / ротовую) осуществляется дыхание. Несколько труднее оценивать на слух глубину вдоха, а она бывает разной, но и такую оценку в определенной степени можно сделать.

Современный компьютерный инструментарий, кроме того, делает возможным анализ взаимосвязи между фонетическими параметрами пауз и их акустико-физиологическим заполнением. Задача настоящего исследования заключалась в том, чтобы получить дополнительные сведения о базовых фонетических характеристиках дыхательных пауз в репродуцированной речи обычных носителей русского языка. Данная работа является продолжением изучения организации речевого дыхания, первая часть которого была посвящена вопросу локализации дыхательных пауз при чтении простого повествовательного текста [Кривнова 2007]. В связи с этим в разделе 2 мы кратко напомним характеристики экспериментального материала и основные выводы по текстовой локализации дыхательных дыхательных пауз (ДП).

2. 1. Материал и методика исследования

Материалом исследования служил корпус прочтений связного текста — небольшого современного рассказа о посещении научного учреждения³. Текст был прочитан «с листа»⁴ десятью дикторами, носителями русского языка с высшим образованием, но без специальной дикторской подготовки; средняя длительность озвученного текста 3–3,5 минуты. Материал записывался на компьютер (SR 22050 Гц, 16-bit, Mono) в условиях тихой комнаты с использованием высокочувствительного микрофона, что позволило в большинстве случаев без труда определить дыхательный тип пауз в каждом прочтении текста.

Материал был отобран из более крупного массива, включавшего 30 прочтений текста разными дикторами (суммарный объем исходного речевого массива около 400 мегабайт)⁵. При отборе учитывались результаты аудиторского эксперимента по оценке нормативности (приемлемости) разных прочтений текста, который проводился с использованием специально зработанной методики анкетирования аудиторов, подробно описанной в [Кривнова, Чардин 1999]⁶.

Анкета для опроса аудиторов (их было 6 человек: 4 мужчин и 2 женщины) была составлена таким образом, чтобы отобрать нейтральные, нормативные прочтения. Кроме того, анкета содержала вопросы, специально посвященные оценке правильности паузирования текста (с точки зрения количества пауз и их локализации, но без акцента на связь с дыханием). Этим оценкам при анализе результатов аудиторской экспертизы был придан большой вес.

Для анализа речевого дыхания было выбрано 10 наилучших прочтений, среди которых удачно оказалось 5 мужских и 5 женских — далее они обозначаются соответственно m-i и f-i, где i меняется от 1 до 10 и обозначает место, которое занял диктор в отобранной, лучшей, десятке текстовых прочтений.

Дыхательное заполнение интонационных пауз в прочитанных вариантах текста определялось на слух и визуально по осциллограммам с использованием звукового анализатора Speech Analyzer — SA SIL, версия 1.5, 2002. Далее паузы, включающие вдох, мы будем называть дыха-

Чтение с листа сохраняет инкрементный характер процессов, имеющих место в спонтанной речи, хотя существенно отличается тем, что задача планирования текста заменяется при чтении на задачу понимания текста и свертывания смысловой информации.

Материал для эксперимента был любезно предоставлен московской компанией Stel Computer Systems, ведущей разработку систем автоматического распознавания речи для русского языка.

³ Текст был взят из методической разработки по составлению текстовых массивов [Штерн 1984], а в качестве основы для него использовался отрывок из книги С. Иванова «Схватка с роботом» (М., 1977).

Экспертная методика отрабатывалась и использовалась в дипломной работе И. С. Чардина «Проблема паузирования при автоматическом синтезе речи», выполненной под руководством автора данной статьи в 1999 г. на филологическом факультете МГУ.

тельными (ДП); это не означает, однако, что их реализация вызвана исключительно потребностями дыхания.

2.2. Текстовая локализация ДП в репродуцированной речи

- 1. Проведенное нами исследование показало, что главным фактором, который влияет на организацию речевого дыхания в репродуцированной речи, является стратегия интонационного паузирования диктора, для которой характерна тенденция к реализации темпоральных интонационных пауз после каждой клаузы в предложении. Но эта достаточно ярко выраженная тенденция взаимодействует с когнитивными характеристиками дикторов. В результате некоторые дикторы в определенных синтаксических условиях «пропускают» конечные границы произносимых клауз, в то время как другие регулярно реализуют дополнительные темпоральные паузы в определенных точках внутри произносимой клаузы.
- 2. Специфика использования интонационных пауз для речевых вдохов выражается в том, что в организации дыхания находит отражение иерархическая структура текстовых единиц, основание которой образуют отдельные предикации-клаузы.

Текстовые фрагменты, завершение которых сопровождается ДП упорядочиваются в направлении убывания вероятности вдоха следующим образом (в скобках дается частота реализации вдоха в среднем по 10 дикторам):

Абзац (100%) > самостоятельное предложение внутри абзаца (94%) > клауза внутри предложения (65%) > компонент внутри клаузы (34%).

Когнитивные характеристики дикторов влияют не только на интонационное паузирование, но и на способ организации речевого дыхания в озвученном тексте. Это отражается в таких общих признаках дикторского чтения, как количество дыхательных пауз, длина и синтаксический состав дыхательных групп.

3. В целом, полученные результаты подтверждают мнение многих исследователей о центральной роли пропозиции-клаузы в процессах порождения, понимания и озвучивания текста.

3. Общая акустико-физиологическая картина дыхательных пауз с разной текстовой локализацией

На рис. 5–6 представлены иллюстративные осциллограммы и спектрограммы ДП с разной текстовой локализацией в прочтениях экспериментального текста диктором-женщиной f-2 и диктором-мужчиной m-1. Отметим, что по экспертному рейтингу это наилучшие нормативные прочтения в соответствующих гендерных группах. Для сравнения на рисунках даны также акустические иллюстрации темпоральных интонационных пауз без элементов дыхания (чистых — ЧИП) с аналогичной текстовой покализацией.

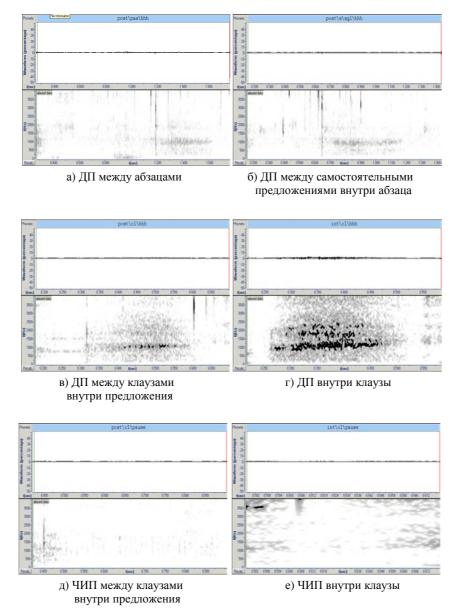
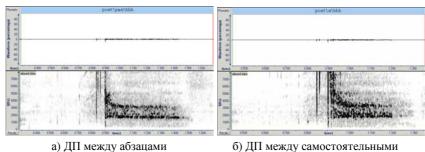
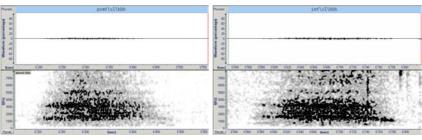

Рис. 5. Акустико-физиологическая дыхательных пауз (ДП). Диктор f-2.

ЧИП — чистая интонационная пауза (без элементов дыхания). В иллюстративных целях осциллограммы масштабированы по вертикали в соотношении 1×2 (осциллограмма — верхнее изображение в каждой паре, спектрограмма — нижнее).

б) ДП между самостоятельными предложениями внутри абзаца

в) ДП между клаузами внутри предложения

г) ДП внутри клаузы

д) ЧИП между клаузами внутри предложения

Рис. 6. Акустико-физиологическая картина дыхательных пауз (ДП). Диктор M-1.

ЧИП — чистая интонационная пауза (без элементов дыхания). В иллюстративных целях осциллограммы масштабированы по вертикали в соотношении 1×2 .

Простой визуально-слуховой анализ материала, аналогичного представленному на рис. 5–6, по всем дикторам приводит к следующему заключению.

1. ДП с разной текстовой локализацией имеют различное акустикофизиологическое наполнение, которое регулярно воспроизводится в прочтениях всех дикторов. А именно:

- в ДП между абзацами отчетливо выделяются две фазы: сначала идет носовой вдох, которому может предшествовать краткий выдох, а затем следует достаточно резкий ротовой вдох, которому обычно предшествуют явления чмоканья, сглатывания и под. На спектрограммах ДП они видны хорошо и реализуются подобно взрывам смычных согласных. Слуховой контроль и спектрограммы обнаруживают также заметные различия в интенсивности и спектре шума на носовой и ротовой фазах вдоха в ДП.
- ДП между самостоятельными предложениями внутри абзаца характеризуются акустико-физиологической картиной, сходной с ДП между абзацами. Возможно, есть некоторые различия во временных характеристиках носовой и ротовой фаз ДП, что, в свою очередь, может быть связано с различиями в общей длительности ДП между и внутри абзаца. Это требует дополнительного изучения.
- в ДП между клаузами внутри предложения, как правило, отчетливо выражена только ротовая фаза вдоха, а явления чмоканья в ее начале менее заметны и встречаются реже, чем в ДП более высокого текстового уровня, рассмотренных выше. Кроме того, шум на ротовой фазе вдоха имеет существенно большую интенсивность.
- ДП внутри клаузы демонстрируют дальнейшее нарастание явлений, отмеченных для ДП после клаузы внутри предложения. Так, темпоральная интонационная пауза практически полностью заполнена ротовым вдохом, инициальных явлений чмоканья не наблюдается, шум вдоха очень интенсивен. По-видимому, при реализации внутриклаузальных ДП говорящий совсем не закрывает рот после произнесения предшествующего отрезка клаузы, который обычно тесно связан по смыслу с ее последующей частью.
- 2. Что касается гендерных различий, то при сходстве общей акустико-физиологической картины ДП с разной текстовой локализацией между дикторами наблюдаются определенные различия в выраженности и интенсивности шума вдоха, особенно в ротовой фазе. В среднем, дикторы-мужчины в своих текстовых прочтениях дышат более шумно, чем дикторы-женщины, что хорошо видно на рис. 5—6.

Заключение

Устойчивые различия в общей фонетической картине ДП разного типа (и интонационных пауз без вдоха) и тесная связь локализации дыхательных пауз с иерархической структурой текста создают возможность детектирования ранжированных границ между смысловыми отрезками текста как в естественном режиме устного дискурса, так и в задачах автоматической обработки звучащей речи, по крайней мере в режиме чтения. Реализация вдоха в темпоральной интонационной паузе является достаточным признаком наличия смысловой текстовой границы, а различия в общей картине ДП с разной текстовой локализацией, которые

рассматривались в настоящей работе, сигнализируют о степени смысловой связи между отрезками текста 7. Дифференцирующая функция ДП разного типа усиливается также различиями в таких характеристиках, как длительность и интенсивность шума вдоха, которые требуют самостоятельного и детального рассмотрения. Кроме того, взаимодействие ДП разного типа с фонационно-артикуляционными процессами на краевых участках текстовых составляющих, разделяемых ДП, может приводить к созданию дополнительных ключей для детектирования в тексте разных смысловых границ. Этот вопрос также нуждается в дополнительном изучении.

Нужно, однако, иметь в виду, что в общем случае реализация ДП не является **необходимым** признаком текстовой границы. Так, даже в режиме чтения некоторые дикторы в определенных текстовых условиях не делают вдохов между самостоятельными предложениями внутри абзаца (подробнее см. [Кривнова 2007]).

Библиография

Горячева, Князев, Пожарицкая 2008 — *Горячева Ю. В.., Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Соотношение инициации, фонации и артикуляции как элемент речевой базы диалекта (на материале говора д. Деулино) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008.

Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001

Кожевников, Арутюнян, Бороздин и др. 1966 — *Кожевников В. А., Арутюнян Э. А., Бороздин Л. В.* и др. Методы изучения речевого дыхания // Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков. М.; Л., 1966.

Кривнова 2007 — *Кривнова О. Ф.* Фактор речевого дыхания в интонационнопаузальном членении речи // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. М., 2007.

Кривнова, Чардин 1999 — *Кривнова О. Ф., Чардин И. С.* Паузирование при автоматическом синтезе речи // Теория и практика речевых исследований (АРСО-99). Материалы конференции. М., 1999.

Макаров 2005 — *Макаров И. С.* Построение и исследование артикуляторных кодовых книг для решения речевых обратных задач. Дисс. ... канд. техн. наук. М., 2005.

Чистович, Кожевников и др. 1965 — Чистович Л. А., Кожевников В. А. и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.; Л., 1965.

Штерн 1984 — *Штерн А. С.* Артикуляционные таблицы. Методическая разработка для развития навыков аудирования и тестирования слуховой функции. Л., 1984.

Ladefoged 1967 — *Ladefoged P*. Three Areas of Experimental Phonetics. Oxford, 1967.

_

В нашем материале не было ни одного случая реализации вдоха в точке, не оправданной смысловой структурой текста. Возможно, в других дискурсивных режимах такие случаи могут быть обнаружены и должны рассматриваться, видимо, как сбои в правильной организации речевого дыхания.

С. В. Князев (Пожарицкий)

О МЯГКОСТИ НЕОБЫЧАЙНОЙ (ЗАМЕТКИ И ЗАГАДКИ О РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ)

Моему Учителю

0. Я учусь у СК уже почти 30 лет, с того дня, как впервые пришел в ее спецсеминар. С тех пор мы постоянно рядом — на кафедре, на конференциях, в экспедициях, даже на занятиях, и я учусь постоянно и отнюдь не только фонетике; то, что рядом со мной все это время такой настоящий человек — величайшая удача моей жизни. Во многом мы, наверное, очень похожи, и многие (не самые подготовленные) студенты нашего факультета считают, что их учебник по фонетике написал один человек по фамилии то ли Князев-Пожарицкий, то ли Князева-Пожарицкая. Другие студенты, повнимательнее и поэрудированнее, подозревают другое: мы с СК находимся в отношениях дополнительной дистрибуции и представляем, тем самым, одну фонему. Если продолжить эту метафору, то нужно сказать, что я, конечно, всегда ощущал себя вариантом той фонемы, основной вид которой представляет СК, и очень хочу когданибудь стать ее вариацией, впитав все дифференциальные признаки того, кто для меня был и остается основной единицей современной русской фонетики.

Первыми книгами, которые порекомендовала мне СК, когда я пришел в ее семинар, были «Русская разговорная речь» под редакцией Е. А. Земской (М., 1973; раздел «Фонетика» написан Г. А. Бариновой) и изданные под редакцией С. С. Высотского сборники работ сотрудников Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР: «Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии» (М., 1977) и «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров» (М., 1969). Эти книги во многом определили меня как фонетиста. Они, как и надеялась, думаю, тогда СК, научили меня задаваться одним из самых важных и интересных вопросов — почему и зачем происходят те или иные звуковые изменения в языке и каков реальный механизм этих изменений? — и не ограничиваться при решении этих вопросов только фактами стандартного (кодифицированного), много раз описанного литературного языка. Наибольшее впечатление тогда на меня произвели (и производят до сих пор, когда я их перечитываю) блестящие работы Адольфины Михайловны Кузнецовой, в частности та, которая посвящена проблемам, связанным с твердостью / мягкостью согласных [Кузнецова 1969]. Настоящие заметки тоже объединены этой темой — поисками причин и механизмов некоторых не вполне обычных явлений из области твердости / мягкости русских согласных. Часть из них построена на материале разговорной речи — того варианта литературного языка, который хоть и используется всеми его носителями, но не всегда осознается даже ими самими и еще реже описывается ¹. Конечно, заметки эти еще довольно сырые, но этому есть и совершенно очевидное оправдание — по вполне понятным причинам я не мог показать их СК до публикации.

1. О необычайной мягкости [т']

В современном русском литературном языке, по крайней мере, в том его варианте, который распространен на европейской территории России, основной реализацией фонем <т'> и <д'> являются палатализованные аффрикатоиды [т'с'], [д'з'] или даже аффрикаты [т'с'] и [д'з']. Это явление, получившее название цеканья и дзеканья [Кузнецова 1969], существует в русском языке уже довольно давно и отмечается еще в самых ранних описаниях русской фонетики [Sievers 1893: 172]. Оно достаточно легко воспринимается на слух любым носителем русского языка, хоть и не всегда ясно осознается им — так, любому преподавателюдиалектологу известен тот факт, что студенты-филологи часто в своих записях обозначают мягкую аффрикату [ц'] севернорусских говоров знаком [т']: [т'aj], [т'ac], [т'áсто] и т. п. А. М. Кузнецова убедительно показала, что данное явление свойственно тем вариантам русского языка, важнейшей особенностью артикуляционной базы которых является дорсальный уклад языка при произношении переднеязычных согласных. Таким укладом характеризуются системы с развитым фонологическим противопоставлением согласных по твердости-мягкости, а само цеканье и дзеканье являются результатом сильной палатализации [т'] и [д'] [Кузнецова 1969: 102]. В настоящей заметке мы предполагаем обсудить вопрос о том, почему этот процесс, имеющий вполне обычную артикуляционную природу, активно поддерживается самой системой современного русского литературного языка (СРЛЯ) — до такой степени, что произношение мягких неаффрицированных зубных, как показывает практика преподавания русского языка как иностранного, в настоящее время может уже рассматриваться как одна из типичных черт иностранного акцента.

Очевидно, что одним из основных требований к звуковому речевому сигналу является требование максимальной его разборчивости и простоты интерпретации с точки зрения слушающего. Хорошо известно, что взрывные согласные — в отличие от щелевых — опознаются преимуще-

72

Фонетика разговорной речи до сих пор является для СК предметом самого пристального интереса — недаром именно этот написанный ею раздел подвергся при подготовке переиздания учебника [Князев, Пожарицкая 2005] максимальной переработке.

ственно не по собственным акустическим характеристикам, а по характеру изменений значения второй форманты соседних гласных — в первую очередь потому, что смычка взрывных согласных не содержит никаких перцептивных ключей, а различия их послевзрывной фазы невелики, и, главное, едва ли могут быть надежно зафиксированы слушающим вследствие того, что длительность ее (особенно у губных и переднеязычных согласных) очень мала. Так, в СРЛЯ локусы формант губных согласных расположены в районе около 500 Гц, зубных — около 1500 Гц (и именно в эти области направлено движение F_2 соседних гласных), а максимум спектральной энергии заднеязычных согласных расположены в области F_2 соседнего гласного (велярные согласные, как известно, сами в большей степени склонны к коартикуляции соседним гласным), и значение F_2 гласного в соседстве с заднеязычными согласными обычно почти не изменяется — см. рис. 1.

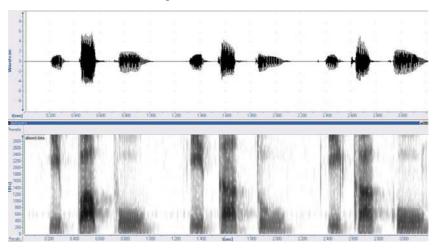

Рис. 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетаний [ипапу], [итату], [икаку]

Широко известны также различные опыты на восприятие, которые показывают, что один и тот же взрыв согласного может восприниматься как велярный, губной или зубной в зависимости от направления изменения F_2 соседнего гласного [Borden, Harris, Raphael 1994: 189–195] — см. рис. 2.

Совсем иначе обстоит дело с мягкими согласными — в соседстве с любым палатализованным взрывным вне зависимости от места его образования вторая форманта любого соседнего гласного направлена в район 2200–2500 Гц (см. рис. 3). Таким образом, данный акустический признак может быть использован только для восприятия твердости / мягкости согласного, а место его артикуляции должно быть опознано только по

характеристикам самой послевзрывной фазы — именно это обстоятельство приводит к тому, что случайное артикуляционное изменение удачно вписывается в языковую систему: значительное увеличение длительности этой послевзрывной фазы позволяет надежно отличать палатализованные зубные взрывные от губных и заднеязычных.

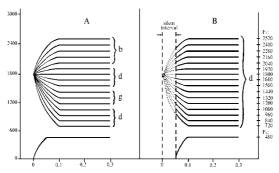

Рис. 2. Частотные области, в которых взрыв согласного будет воспринят как согласный [b], [d] или [g] в зависимости от формантной структуры (положения ${\bf F_2}$) соседнего гласного

В позиции перед [а] взрыв согласного в области 0–800 Γ ц воспринимается как [b], в области 800–2000 Γ ц — как [g], в более высокой области — как [d]. В позиции перед [u] соответствующие значения для [b] составляют 0–400 и 1000–2000 Γ ц, для [g] — 500–1000 Γ ц.

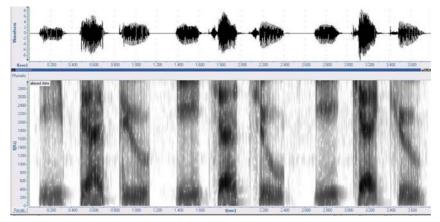

Рис. 3. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетаний [ип'ап'у], [ит'ат'у], [ик'ак'у]

Таким образом, конкретное фонетическое явление обусловлено в данном случае требованиями языковой системы. Вообще вопрос о том, почему в той или иной фонетической системе формируются те или иные закономерности реализации фонетических единиц, является одним из са-

мых интересных для фонетиста. Так, студенты-первокурсники из года в год задают на первых занятиях по фонетике один и тот же вопрос: почему в предударных слогах, кроме первого, в позиции после согласного произносится редуцированный гласный, а в абсолютном начале слова — нет.

Отсутствие редуцированного гласного именно в этом положении не является универсальной фонетической закономерностью — достаточно вспомнить примеры из английского языка, где гласный [ә] встречается в начале слова (about etc.). Следовательно, ответ может быть связан с какими-то типологическими особенностями русского языка. Одной из ярчайших таких особенностей является противопоставление русских согласных по глухости / звонкости (когда согласные типа [t] и [d], [f] и [v] различаются во всех позициях по наличию / отсутствию голоса), а не по напряженности / ненапряженности (когда эти же согласные могут отличаться друг от друга — в зависимости от позиции — и по наличию / отсутствию придыхания, интенсивности шума, длительности самого согласного и предшествующего гласного). Так, в позиции начала слова «звонкие» согласные английского (и ряда других германских языков) реализуются фонетически как полузвонкие (голос начинается приблизительно в середине их артикуляции). В русском же языке эти согласные являются полнозвонкими, причем колебания голосовых связок начинаются не просто в начале консонантной артикуляции, а чаще всего несколько раньше формирования консонантной преграды — для более надежного противопоставления их соответствующим глухим. В результате перед согласным формируется вокалический элемент, естественно, [ә]-образного тембра (артикулирующие органы в момент начала фонации находятся в положении речевой позы) — см. рис. 4. Для того, чтобы отличатся от [ә]-образного вокалического элемента полнозвонкого согласного, фонологический гласный и должен иметь другой тембр — [и]-, [а]- или [у]-образный.

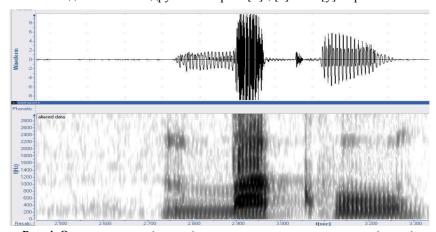

Рис. 4. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *Баку*

2. О необычайной мягкости [р']

В различных социальных и территориальных вариантах русского языка широко представлены явления диссимиляции и / или метатезы плавных согласных внутри слова. Причины и механизмы этих явлений до сих пор с необходимой точностью не описаны. Одна из немногочисленных попыток предложить соответствующие объяснения была предпринята И. Б. Иткиным в виде изящной задачи:

«Даны некоторые русские слова (как литературные, так и просторечные) с указанием их происхождения: $\mathit{верблюd}$: из древнерусского $\mathit{вельблуdb}$; $\mathit{крылоc}$: просторечный вариант слова $\mathit{клироc}$ «место для хора в церкви», греческого происхождения; $\mathit{перепёлкa}$: из древнерусского $\mathit{пелепелькa}$; $\mathit{Перфил}$: народный вариант имени $\mathit{Порфирий}$, греческого происхождения; $\mathit{руль}$: из голландского roer ; $\mathit{фалетер}$: просторечный вариант слова; $\mathit{форейтор}$ «кучер, сидящий на передней лошади», немецкого происхождения; $\mathit{февраль}$: из латинского $\mathit{februārius}$ через посредство греческого языка; $\mathit{Фрол}$: народный вариант имени $\mathit{Флор}$, латинского происхождения. В истории всех приведенных слов, **кроме одного**, исследователи усматривают действие одной и той же тенденции.

Задание 1. Объясните, в чем состоит эта тенденция, и найдите слово-исключение.

Задание 2. Укажите, соответствует ли той же тенденции история каждого из следующих слов: *артель* «профессиональное объединение ремесленников»: из итальянского *artieri* «ремесленники»; *галтырь*: просторечный вариант слова *галтель* «углубление в форме желобка», немецкого происхождения; *Селигер* (озеро в Тверской области): из древнерусского *Серегърь*; *тарелка*: из старошведского *talerk* или сходной по звучанию формы какого-либо другого германского языка.

Ответ. По-видимому, единственная особенность, объединяющая все приведенные слова в их **первоначальном** виде — наличие в основе двух плавных согласных: либо n-n, либо n-p, либо p-p. Можно видеть, что именно с плавными согласными во всех этих словах обязательно произошли те или иные изменения. Сами эти изменения могут быть различными, но **результат** их во всех случаях, кроме одного, одинаков: в получившихся словах представлена последовательность p-n. Единственное исключение составляет слово фалетер, где находим, наоборот, n-p. Итак, слова артель (p-p>p-n) и тарелка (n-p>p-n) соответствуют указанной тенденции, а слова галтырь (n-n>n-p) и Селигер (p-p>n-p) — нет» [Олимпиада 2005: 5].

К сожалению, указанная тенденция не имеет и не может иметь никаких фонетических оснований. Кроме того, не в пользу этой гипотезы свидетельствуют и следующие весьма многочисленные случаи, регулярно отмечаемые в просторечии и диалектах: $necmopah \leftarrow pecmopah$, konu $dop \leftarrow kopudop$, $dunekmop \leftarrow dupekmop$, $kyльеp \leftarrow kypьep$, Xлиста $padu \leftarrow$ Xpиста padu, $nunupum \leftarrow nupupum$, $ceknemapb \leftarrow cekpemapb$, Pado $menbe \leftarrow Padomepb$, $nbиqapb \leftarrow pbuqapb$, $dymnsp \leftarrow nem$. Futteral, $panëk \leftarrow$ napëk, nebonbep u $nebopbep \leftarrow pebonbep$ и т. п.

Таблица 1.

	диссимиляция						метатеза		
	<u>р ></u> твердость /			<u>> р</u> / мягкость		перестановка с сохранением	перестановка с взаимозаменой	переста с измен	
	сохраняется			няется	мягкость не сохраняется	твердости / мягкости	твердости / мяг- кости	твердости	
	мягкость сохраняется	твердость сохраняется	мягкость сохраняется	твердость сохраняется					
	$\frac{p'p > n'p}{\text{лесторан}^2}$	<u>pp' > лр'</u>	<u>лл' > лр'</u>			$\underline{p}\underline{n}' > \underline{n}'\underline{p}$		р'л' >	> л'р
	колидор	лыцарь	галтырь			футляр		леворвер	
тат: ЛР	дилектор фалетер Селигер								
результат:	кульер Хлиста ради								
	<u>p'p' > л'р'</u> пилигрим								
	секлетарь	(2)						, ,	,
РЛ	<u>рр' > рл'</u> февраль	pp > рл ^(*)	<u>л'л > р'л</u>	<u>лл' > рл'</u>	<u>рр' > рл</u>	лр > рл	<u>л'р > р'л</u>	<u>лр' > рл'</u>	<u>л'р > рл</u>
рез-т: РЛ	руль ³ артель	пролубь	перепел	верблюд	Перфил	Фрол	тарелка	ралёк	крылос
Δ.	Радомелье								

² Полужирным шрифтом выделены случаи, когда изменяется [p']. ³ Через *pypb [Фасмер 3: 516].

Если предположить, что указанные изменения имеют все же в большинстве своем фонетическую причину, то необходимо попытаться найти иное объяснение.

Известно, что «дорсальный способ артикуляции согласного... способствует палатализации соответствующего согласного. Напротив, в случае апикальной артикуляции взрывного согласного процесс палатализации несколько затруднен, именно вследствие физиологического несовпадения артикуляторных актов, характеризующих, с одной стороны, апикальный способ образования, с другой стороны — акт палатализации согласного. Степень этого несоответствия, а точнее — противоречия, увеличивается при какуминальном способе образования, при котором кончик языка занимает вертикальное положение по отношению к нёбу» [Кузнецова 1969: 61]. В русском языке какуминальным является «дрожащий» согласный [р] [Зиндер 1979: 158], очевидным следствием чего (при очень короткой консонантной артикуляции) является затрудненность его палатализации, на что указывают как частые случаи его твердого произношения в диалектах (грыб, крынка, скрыпеть, крычать, рыга) и в просторечии (прынцесса, капрызный, рысковать) [Аванесов 1984: 141–142], так и известные любому преподавателю русской фонетики сложности при постановке палатализованного [р'] у иностранных учащихся (гораздо более значительные, чем при постановке других мягких согласных).

Из таблицы 1⁴ видно, что 17 из 26⁵ всех рассмотренных случаев (64%) объясняются тем, что устраняется неудобная артикуляция палатализованного [р']. Не противоречит данной гипотезе и изменение верблюд ← вельблудъ; более того, изменения, давшие в итоге крылос и перелел, объясняются, скорее всего, переосмыслением на основе «народной этимологии» (сближением с крыльями и приставкой пере-) — тенденцией гораздо более сильной, чем закономерности фонетической структуры слова. Таким образом, изложенной здесь гипотезе противоречат только три слова из 26, а если исключить из их числа крайне редкое по сравнению с остальными слово галтырь, то и вовсе лишь 2 (8%) — тарелка и лыцарь. Не вызывает, впрочем, сомнений тот факт, что описанная тенденция не может служить единственным объяснением для всех явлений, связанных с изменениями слов с плавными, и полное их описание — все еще дело будущего.

3. О необычайной мягкости заднеязычных

Одной из проблем описания фонетической системы современного русского литературного языка является фонологический статус мягких заднеязычных согласных, так как их противопоставленность соответствующим твердым очень невелика: они не противопоставлены в позиции

⁴ Таблица составлена Ю. Игумновой.

⁵ Включая отсутствующий в таблице *левольвер*.

конца слова (здесь возможны только твердые); твердые заднеязычные внутри слова смягчаются перед <u> (в отличие от других согласных): [рук-á / рук'-ú], при [вад-á / вад-ы́]; в СРЛЯ имеется мало случаев противопоставления твердых и мягких заднеязычных перед гласными, в исконно русской лексике — это только [ко́т] / [тк'о́т] (кот / ткёт), другие случаи встречаются исключительно в заимствованных словах: [уко́р] / [л'ик'о́р] (укор / ликёр), [кýр] / [мън'ик'ýр] (кур / маникюр), [гу́с'] / [г'у́йс] (гусь / гюйс), [гул'а́л] / [г'урза́] (гулял / гюрза).

В качестве одного из аргументов в пользу признания мягких заднеязычных приводятся иногда и факты синтагматического поведения этих согласных — так, внутри фонетического слова после предлога κ и на стыках фонетических слов в слове, начинающемся фонемой <и>, произносится после заднеязычного согласного звук [ы]: κ Игорю, друг Игоря. Этот факт вряд ли можно признать доказательством в пользу того или иного решения (например, [ы] в начале слова произносится и после фонологически непарного по твердости / мягкости согласного <ц>: конец игры и т. п.). С другой стороны, существуют и целый ряд фактов синтагматики современного русского языка, которые могут быть интерпретированы, скорее, в противоположном смысле ^{6} .

3.1. Действительно, перед словами, начинающимися с гласного, реализующего фонему переднего ряда согласный [к] предлога или предшествующего слова, как и остальные согласные, в современном русском литературном языке не смягчается. Однако перед передним гласным после утратившегося $\langle j \rangle$ в начале слова наблюдается совсем иная картина — если после предлогов, заканчивающихся на фонологически парный твердый согласный возможно только произношение [ы] ([ь]), а сами эти согласные могут быть только твердые): δe [з ы] $\epsilon yapa$, $\epsilon yapa$, $\epsilon yapa$, [к' и] ϵ

3.2. Е. А. Брызгунова в качестве одной из тенденций современного литературного произношения отметила возможность произношения мягкого заднеязычного согласного перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, например, в слове *сотрудни*[к'] *ами* [Брызгунова 2003]. Е. А. Брызгунова видит причину этого явления в «непрямом диалектном влиянии», связывая данное произношение с наличием диалектных форм

⁶ Считаем необходимым эксплицировать тот факт, что, по нашему мнению, эти факты не обязательно являются доказательством непарности заднеязычных по ДП твердость / мягкость, а лишь свидетельствуют о том, что данные синтагматики не всегда являются однозначным убедительным свидетельством в пользу того или иного фонологического решения.

творительного падежа множественного числа существительных с окончаниями <-има> (в севернорусских архангельских говорах) и <-им'и> (в южных) [Пожарицкая 2005: 121]. Однако более подробный анализ такого произношения заднеязычных не позволяет принять подобного объяснение причин его возникновения. Дело в том, что, во-первых, произношение мягкого заднеязычного согласного перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, встречается далеко не только на стыке основы и окончания — оно столь же широко распространено и внутри основы (корня) и даже на стыке предлога и следующего слова. Например, сплошной аудитивный анализ аудиозаписей современного литературного произношения показывает, что подобное произношение встречается более, чем в 60% случаев в словах: [к']олесница, [к']апиталист, [к']омбинатор, [к']онференция, [к']омпиляция, [к']апитан, [к'] оператору, [к']омпенсация, [г']андикап, [к']ондиционер, с[к']андинавские, [к']омментатор, $[\kappa']$ остяной, $[\kappa']$ оккеист, $[\Gamma']$ орячо, $3a[\kappa']$ олебать, $[\kappa']$ омендатура, $[\kappa']$ очаны, $[\kappa']$ ореограф, $[\kappa']$ онтингент, $[\kappa']$ осячок, $[\Gamma']$ оспитализация, $op[\Gamma']$ анизация, в $op[\Gamma']$ анизационном плане, члены [κ']онституционного суда, сложные [x']ореографические номера, наши [x']оккеисты, Андрей [к']ончаловский, с разных [к']онтинентов, нобелевский [к']омитет, страсти на[к']алены до предела, выступят в поддержку своему [к']андидату («Сегодня»); стоматолог поре[к']омендовал мне Колгейт (Ек. Стриженова, реклама), врачи ре[к']омендуют лакалют (реклама), человек, три года руководивший правительством, в ре[к']омендациях не нуждается (В. В. Путин); три [г']олевые передачи (хоккейный телерепортаж); а следователь в [к']абинете сидит, преступников допрашива*em* (В. Высоцкий, «Хозяин тайги»)⁷.

Во всех этих случаях мягкое произношение [к'], [г'] и [х'] перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, как и в словах соратниками, сотрудниками, ноликами, айсбергами и т. п., отмечается перед следующим мягким согласным, так что можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с дистантной регрессивной ассимиляцией согласных по мягкости. Этому, однако, противоречит тот факт, что мягкого произношения заднеязычных не наблюдается в случаях типа колёса, кульминация, камень, голяк, кулебяка, какуминальный, канюки, Кочубей.

Очевидно, что необходимыми условиями этого смягчения являются следующие факторы:

- наличие заднеязычного согласного перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, в слоге, который не является ударным или первым предударным,
- наличие после этого согласного нелабиализованного гласного ([ъ], а не [у]),

20

_

⁷ Еще одним доказательством не только возможности, но и очень широкого распространения подобного произношения являются колебания в написании названия *Калиманджаро | Килиманджаро*.

• наличие в следующем слоге гласного переднего ряда [и], а не лабиализованного гласного заднего ряда [у].

Наиболее примечательно при этом, что в слове *капюшон* [к'] произносится только при делабиализации предударного [у], то есть возможно как [к'ьп'ишо́н], так и [къп'ишо́н], но только [къп'ушо́н] ([къ $^{\circ}$ п'ушо́н]).

Таким образом, фонетический механизм данного явления заключается в следующем: в позиции после твердого заднеязычного редуцированный гласный (то есть, любой нелабиализованный гласный в безударном слоге, кроме первого предударного) в положении перед следующим гласным переднего ряда (чаще перед [и] первого предударного или конечного открытого слога, но иногда и перед [ь] второго предударного) подвергается межслоговой ассимиляции по ряду — отсутствие веляризации (или фонологической противопоставленности по твердости / мягкости) у твердых заднеязычных вызывает возможность их коартикуляционного смягчения перед гласным переднего ряда. После веляризованных согласных в этом случае поизносится [ы]-образный гласный: $n[\mathbf{5}^{\mathbf{b}}]$ ливать, $n[\mathbf{5}^{\mathbf{b}}]$ дверёзовик.

Отметим в заключение, что смягчение заднеязычных в формах творительного падежа множественного числа существительных наблюдается только или почти только в том случае, если этому заднеязычному еще и предшествует безударный гласный переднего ряда: соратни[к']ами, сотрудни[к']ами, ноли[к']ами, но не кош[к']ами, дыр[к']ами, пи[к']ами.

3.3. В современном русском литературном языке контекстные изменения по твердости / мягкости, имеющие статус фонетических законов внутри слов, не действуют на границах фонетических слов: «...Сказано: перед мягким зубным зубной должен быть непременно мягким (мостик, о музыканте, вензель, здесь...). Но закон не действует в таких случаях: я прине[с т']ебе, кра[н т']ечет; на[з д']есять... Итак, вполне возможны сочетания [ст'], [нт'], [зд'], запрещенные законом о зубных перед зубными» [Панов 1979: 168]; «...Есть очень сильный закон: не могут стоять рядом два согласных, если у них только одно различие: по твердости мягкости. Сочетания [c + c'], [h + h'] в русском языке невозможны. Невозможны? Но они есть: нос синий = [c + c']; он не пришел = [H + H']; здоров Филя, а не умен... = $[\phi + \phi']$ ... Значит, такие случаи встречаются — на стыках слов. Закон: перед мягким зубным — только мягкий зубной верен, надо только добавить: внутри слов. Все фонетические законы, которые мы изучали, говорят о том, что происходит внутри слова (точнее: внутри значимой единицы)» [Панов 1979: 168].

Приведенные М. В. Пановым факты, несомненно, верны для согласных, противопоставленных по ДП твердость / мягкость. Однако является ли столь же однозначной в этом аспекте ситуация с заднеязычными со-

_

⁸ См. о такой возможности [Пауфошима 1980].

гласными? Аудитивный анализ показывает, что в сочетаниях типа *ма*леньких хищников, миг гибели, крик кита и т. п. возможно и произношение мягкого заднеязычного в позиции конца первого фонетического слова перед гоморганным мягким в начале следующего слова.

Данные экспериментально-фонетического исследования, проведенного в рамках курсовой работы студенткой II курса филологического факультета МГУ М. Беговатовой, позволяют утверждать, что такое произношение среди носителей СРЛЯ является преобладающим.

В таблице 2 приведены сведения о произношении [x] или [x'] в позиции конца фонетического слова перед [x'] в начале следующего слова внутри синтагмы, основанные на данных экспериментально-фонетического исследования произношения 21 носителя СРЛЯ. Эти данные свидетельствуют о том, что в указанной позиции смягчение заднеязычного согласного происходит более, чем в половине всех случаев после гласного непереднего ряда и более, чем в 80% всех случаев после гласного переднего ряда (всего, без учета качества предшествующего гласного, — в 73% всех случаев).

Таблица 2. Произношение [x] / [x'] в позиции конца фонетического слова перед [x'] в начале следующего слова внутри синтагмы

	[xx']	[x']	[x'x']	[?]	% [x']
маленьких хижин	6	4	11	_	71%
на днях хищение ⁹	3	10	8	_	86%
крупных хищников	13	6	2	_	38%
прославленных хирургов 10	8	7	4	2	58%
городских химчисток	4	7	10	_	81%
своих хитроумных	3	11	7	_	86%
едких химикатов	4	3	14	_	81%
после гласного переднего ряда	17	35	40	_	82%
после гласного непереднего ряда	24	23	14	2	53%
всего	41	58	54	2	73%

⁹ Значительное число смягчения [x] в этом сочетании, возможно, объясняется действием еще одного фактора — мягкости согласного предшествующего и последующего слогов.

последующего слогов.

Один из удивительных побочных результатов проведенного исследования заключается в том, что при аудитивном анализе отрезка из окруженных гласными двух согласных на стыке этих слов, вырезанного из этого сочетания (прославленных хирургов), все участники эксперимента слышали на месте гласного первого предударного слога слова хирургов лабиализованный гласный, близкий к [у]. Этот факт является еще одним свидетельством в пользу наличия в СРЛЯ межслоговой ассимиляции гласных, а также может служить аргументом в пользу предположения о том, что в первом предударном слоге после мягких согласных произносится гласный [ь], а не [и] [Аванесов 1984: 344], поскольку только редуцированные гласные могут участвовать в процессах подобного рода.

Какие артикуляционные или перцептивные механизмы могут лежать в основе этого явления? Рассмотрим механизм «смягчения» заднеязычного согласного в позиции конца фонетического слова после гласного переднего ряда перед гоморганным мягким в начале следующего слова внутри синтагмы.

Как уже отмечалось выше, решение о твердости или мягкости согласного в современном русском литературном языке принимается слушающим не только и часто даже не столько по собственным акустическим характеристикам согласного, сколько по формантным переходам соседнего гласного (движение F₂ направлено в область 2200–2500 Гц в соседстве с мягким согласным, в область около 500 Гц в соседстве с твердым губным и в область около 1500 Гц в соседстве с твердым переднеязычным). В отдельных случаях эти переходные участки гласных являются единственным перцептивным ключом к восприятию твердости / мягкости согласного. Так, на рис. 5 приведена динамическая спектрограмма слов российский и расистский, а на рис. 6 и 7 динамические спектрограммы сочетаний вид тёти и ведь тёти соответственно. В обоих случаях различие заключается лишь в довольно незначительном коартикуляционном изменении (понижении) F2 гласного [и] ([ь]) в соседстве с твердым зубным. Однако в проанализированных нами примерах типа миг гибели (см. соответствующие осциллограмму и динамическую спектрограмму на рис. 8) и моих хитростей (см. соответствующие осциллограмму и динамическую спектрограмму на рис. 9) коартикуляции [и] соседнему согласному нет и быть не может (заднеязычные сами аккомодируют соседнему гласному 11), поэтому перцептивное различение твердого и мягкого заднеязычного в этом положении невозможно, и согласный воспринимается, а в дальнейшем уже, вероятно, и воспроизводится как мягкий.

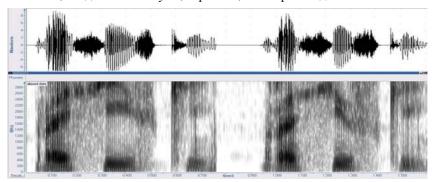

Рис. 5. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *российский* и *расистский*

¹¹ Вполне вероятно, что такая «неустойчивость» заднеязычных была одной из причин изменения сочетаний кы, гы, хы в ки, ги, хи в истории русского языка [Князев 2002].

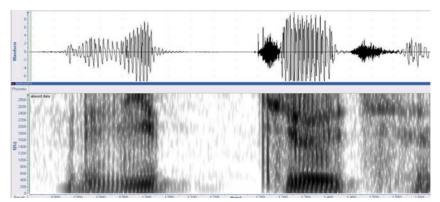

Рис. 6. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания $\mathit{вид}$ тёти

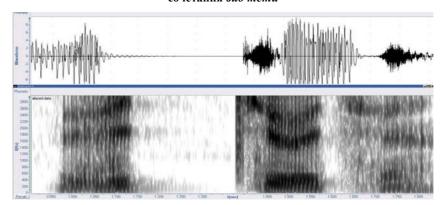

Рис. 7. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания ведь тёти

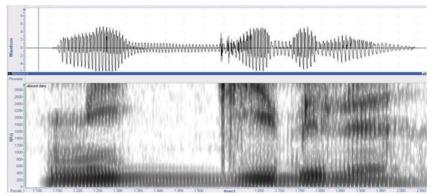

Рис. 8. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *миг гибели*

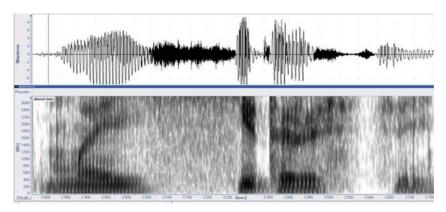

Рис. 9. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *моих хитростей*

4. Снова о [т] — о возникновении его мягкости, еще более необычайной, и о причинах его утраты

В русской орфографии существует правило правописания сложных числительных, согласно которому мягкий знак в них пишется только один раз. Я всегда понимал так: если в конце такого числительного нет мягкого знака (= согласный твердый в сильной позиции), то в середине он есть, и наоборот: *семьдесят*, но *семнадцать*. А теперь все чаще встречаются правила, регулирующие правописание мягкого знака на конце этих числительных — в том плане, что «в числительных 12–19 мягкий знак пишется, а 50–80 не пишется». И действительно, довольно часто приходится слышать, что люди, вполне владеющие литературной нормой, говорят *семьдеся*[т'] и восемьдеся[т'] (точнее, *семе*[с'т'] и восеме[с'т']) — но, при этом, конечно, не *пятьдеся*[т'] и не *шестьдеся*[т'].

Можно предположить, что механизм этого явления заключается в следующем. Различие между формами семьдеся[т'] и восемьдеся[т'], с одной стороны, и пятьдеся[т'] и не шестьдеся[т'], с другой, заключается, в первую очередь, в том, что в последних двух ударение приходится на конечный слог, который, тем самым, не может подвергаться редукции. Наоборот, заударный гласный между двумя гоморганными согласными в разговорной речи нередко редуцируется до нуля, особенно в частотных словах [Баринова 1973: 50]. Поскольку числительные семьдесят и восемьдесят в подавляющем большинстве случаев произносятся внутри одной ритмической группы перед словом, начинающимся с согласного (семьдесят два, семьдесят труппы перед словом, семьдесят восемь, семьдесят девять), конечный согласный группы [с'т] в их составе регулярно оказывается в положении между согласными (в большинстве случаев — в

числительных 72, 73, 74, 76, 77, 79; 82, 83, 84, 86, 87, 89 — гоморганными); в этом положении он в соответствии с нормами СРЛЯ реализуется нулем звука. Таким образом, наиболее частотными звуковыми формами числительных 70 и 80 оказываются $c\acute{e}me[c']$ и $s\acute{o}ceme[c']$ ([с'є́м'ьс' с'є́м'] и т. п.). В тех случаях, когда говорящий стремится «восстановить» из этих привычных ему форм более полную, с конечным согласным (например, перед числительным odun), начинают работать механизмы, в соответствии с которыми последний согласный восстанавливается как мягкий ([с'є́м'ьс' с'є́м'] $\rightarrow$ [с'є́м'ьс'т' ад'и́н], поскольку сочетания [с'т] в русском языке запрещены, а именно в сочетаниях [с'т'] на конце слова последний согласный часто утрачивается как в русских диалектах [Пожарицкая 2005: 98], так и в литературной разговорной речи (сама С. К. Пожарицкая произносит [шэс'] и т. п.).

Изменение /с'т'/ → [с'] состоит в утрате смычки между двумя идентичными (и гоморганными этой смычке) фрикативными элементами: поскольку [т'] является аффрикатой или аффрикатоидом, то [с'т']/ $[c'r'c'] \rightarrow [c'c'] \rightarrow [c']$. Нулевая реализация согласных фонем в положении между гоморганными согласными достаточно широко распространена в соременном русском литературном языке — как разговорном, так и кодифицированном. Механизм этого изменения подробно описан Г. А. Бариновой: «В КЛЯ упрощению подвергаются такие группы согласных, где все три звука — или хотя бы два из них — одного места образования, два последние звука смычные, причем центральный взрывной. Это группы: стн, здн, стл, стк, стск, стц, нтц, нтск, нтк, рди, рдч... Обычно... утрачивается центральный взрывной согласный группы. Этот согласный бывает ослаблен артикуляционно и акустически, так как он находится... в самом невыгодном для призводства согласного звука положении и лишен соседства с гласным, которое необходимо для полноценного звучания согласного. Немало способствует исчезновению центрального взрывного и то, что согласные в группе... одного места образования. При производстве такой последовательности согласных звуков уклад ротовых органов один и тот же (или меняется незначительно), перестройки не требуется, поэтому центральный смычный лишен как настоящей экскурсии, так и рекурсии и фактически представлен лишь выдержкой того же места образования, что и соседние с ним звуки. В случае редукции этой выдержки согласный совсем исчезает» [Баринова 1973: 87-88]. Данное объяснение ориентировано на артикуляционные механизмы речи и представляется вполне обоснованным. Тем не менее, оно не позволяет интерпретировать все наблюдаемые факты. Так, центральный согласный действительно утрачивается, например, в сочетании стн (честный, местный, постный), однако этой утраты не происходит в сочетании нтн (пикантный, элегантный), где условия для нее в соответствии с предложенным выше объяснением, по крайней мере, ничуть не менее подходящие. Что же является в этом случае причиной различий в реализации взрывного между гоморганными согласными? Можно предположить, что причина эта лежит, скорее, в области перцептивной, нежели чисто артикуляционной.

На рис. 10 приведены осциллограмма и динамическая спектрограмма слов красный и прекрасный. На них ясно видно, что между участком фрикативного шума [с] и периодического сигнала [н] ([н']) есть довольно значительный период глухой смычки. Этот период в разных словах составляет от 28 до 56 мс, что, безусловно, делает его перцептивно значимым (человек в состоянии воспринять отрезок длительностью не менее 25 мс)¹². Причина появления подобного участка может заключаться в следующем. Щелевой согласный [с] практически в любой позиции завершается кратким (обычно длительностью менее 25 мс и потому перцептивно незначимым) смычным отрезком [Князев 2000: 76-76]. В позиции перед [н] эта смычка переходит в смычку самого носового согласного, артикулируемого в том же самом месте; при этом колебания голосовых связок начинаются с некоторой задержкой. Данное явление может объясняться особенностями синхронизации фонации и артикуляции при речепрозводстве [Горячева, Князев, Пожарицкая 2008]. В русском языке фонологическое правило ассимиляции согласных по глухости / звонкости действует по направлению от конечного согласного сочетания к начальному (ассимиляция регрессивная) и распространяется только на шумные согласные. В сочетании шумного согласного с сонорным фонологическое правило озвончения / оглушения не действует, тем не менее, коартикуляционные изменения по голосу отмечаются регулярно, особенно в сочетаниях гоморганных согласных — в этом случае направление взаиодействия является всегда прогрессивным (глухие шумные в начальной фазе озвончаются в позиции после сонорных (и даже гласных), а сонорные оглушаются после глухих шумных) [Князев 1999: 18-21], поскольку регрессивное изменение уменьшало бы степень разборчивости сигнала, вступая в противоречие с фонологическими правилами языка. Именно этим и объясняется задержка начала колебания голосовых связок в последовательности [сн], что приводит к увеличению длительности глухого смычного элемента до значений, превышающих 25 мс; тем самым, сочетания сн и становятся перцептивно неразличимыми. В сочетании [нтн] тоже происходит коартикуляция по голосу, но сохраняется глухой отрезок смычки длительностью чуть более 25 мс, что позволяет слушающему без труда воспринять наличие глухого согласного, и утраты центрального взрывного не происходит.

-

¹² На рис. 11 и 12 приведены осциллограммы и динамические спектрограммы слов *свой* и *снег, слава* и *снова* соответственно. На них хорошо видно, что конечный смычный отрезок [с] в позиции перед гоморганным смычным носовым [н] ([н']) значительно дольше, чем перед [л] и [в'].

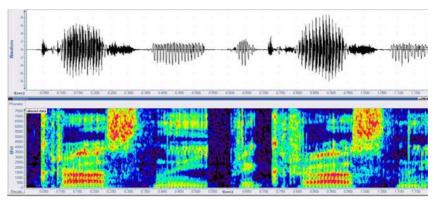

Рис. 10. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *красный* и *прекрасный*.

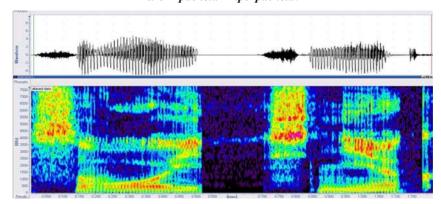

Рис. 11. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *свой* и *снег*.

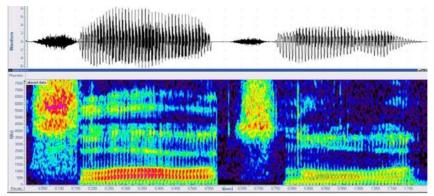

Рис. 12. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *слава* и *снова*.

5. О необычайной реализации мягкости [т']

В современном русском литературном языке на месте сочетания еа́ может произноситься один гласный, например, в словах театр, сеанс: «театр [т'иа]тр и допуст. разг. [т'я]тр» (sic!) [Каленчук, Касаткина 1997: 411], «сеанс [с'иа]нс и допуст. разг. [с'а]нс» [Каленчук, Касаткина 1997: 370]. В то же время на месте счетания еа в безударных слогах (театрал, театральный) единственно допустимым признается двусложное произношение: «театра́л [т'иа]тра́л» [Каленчук, Касаткина 1997: 411]. На первый взгляд такое положение дел представляется довольно необычным — стяжение безударных гласных распостранено в русской разговорной речи достаточно широко и в целом условий для него в безуданых слогах больше. Почему же сочетания еа́ и еа в одной и той же морфеме реализуются по-разному?

Ответ на этот вопрос, как ни парадоксально, заключается, по-видимому, в том, что физически (артикуляционно и акустически) сочетания эти реализуются вполне одинаково: в виде последовательности «слабый краткий [и] + относительно долгий сильный [а]» (как известно, собственная длительность и интенсивность гласного [и] является минимальной, а гласного [а], наоборот, максимальной) — см. рис. 13, на котором приведены осциллограмма и динамическая спектрограмма слов театр и театрал.

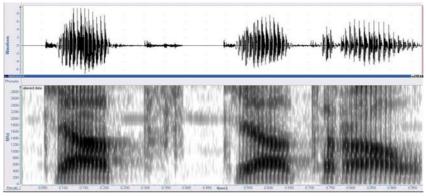

Рис. 13. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *театр* и *театрал*.

Различие сочетаний *еа* и *еа* заключается, тем самым, не в артикуляционных или акустических механизмах, а в особенностях восприятия одного и того же сигнала в различных просодических условиях. Дело в том, краткий гласный в первом предударном слоге после мягкого согласного, да еще и в нехарактерной для СРЛЯ позиции перед гласным может восприниматься не как отдельный слог (в этом положении в СРЛЯ допускаются только полные гласные), а только как переходный участок

от мягкого согласного к непереднему гласному; во втором предударном тот же самый гласный может восприниматься как слоговой, поскольку в этом положении носители русского языка привыкли слышать редуцированный гласный. Кроме того, предударное [а] после мягкого согласного в русском языке невозможно (за исключением ряда неосвоенных слов), поэтому слово *театрал* может восприниматься как трехсложное даже в том случае, если в нем реально произносится сочетание [т'a].

А в заключение я бы хотел сказать, что одно из главных качеств, которое делает СК СК — это настоящий искренний интерес и любовь к ученикам, студентам и аспирантам. Я счастлив, что и у меня теперь есть ученики, которых я так же люблю, и без которых ничего бы не было (и этих заметок, конечно, тоже). Мне очень хочется назвать их всех — тех, которые уже закончили университет и / или нашу аспирантуру: Д. Дмитриев, А. Исраелян, Е. Панурова, М. Огаренко, Е. Моисеева, И. Петрова, И. Воронцова, О. Газина, С. Романова — и тех, которые участвуют в нашем семинаре сейчас: Е. Шаульский, Ю. Горячева, Д. Руденок, Ю. Игумнова, М. Беговатова, А. Хазова, П. Дурягин, Р. Фисун, Л. Павлова, С. Никитина, Г. Сим, А. Банник. Спасибо вам!

Библиография

- Аванесов 1984 *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.
- Баринова 1973 *Баринова Г. А.* Фонетика // Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М., 1973.
- Брызгунова 2003 *Брызгунова Е. А.* Аспекты восприятия звучащей речи // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы IV международной научной конференции. Звенигород, 11–13 апреля 2003 г. М., 2003.
- Зиндер 1979 Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
- Горячева, Князев, Пожарицкая 2008 *Горячева Ю. В., Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Соотношение инициации, фонации и артикуляции как элемент речевой базы диалекта (на материале говора д. Деулино) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008.
- Каленчук, Касаткина 1997 *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
- Князев 1999 *Князев С. В.* О прогрессивной ассимиляции в современном русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999, № 4.
- Князев 2000 *Князев С. В.* О причинах некоторых звуковых изменений в праславянском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2000, № 5.
- Князев 2002 *Князев С. В.* О дополнительной артикуляции в связи с некоторыми фонетическими изменениями в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002, № 5.
- Князев, Пожарицкая 2005 *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Орфография. Орфоэпия. М., 2005.
- Кузнецова 1969 *Кузнецова А. М.* Некоторые физические характеристики, связанные с явлением дзеканья в русском языке // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.

- Панов 1979 Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Пауфошима 1980 *Пауфошима Р. Ф.* Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 1.
- Пожарицкая 2005 Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.
- Фасмер 1986 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. М., 1986. Т. I–IV.
- Олимпиада 2005 XXXVI Московская открытая традиционная Олимпиада по лингвистике и математике: Задачи. II тур / Российский государственный гуманитарный университет; М., 2005.
- Borden, Harris, Raphael 1994 *Borden G. J., Harris K. S., Raphael L. J.* Speech Science Primer. Williams & Wilkins. Third Edition. 1994.
- Sievers 1893 Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Aufl. 4. Leipzig, 1893.

Ю. А. Игумнова

О РЕАЛИЗАЦИИ БЕЗУДАРНЫХ ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ) ударение является качественно-количественным: «Русскому языку свойственно ударение, при котором гласный ударного слога отличается от безударных гласных как большей напряженностью произносительного аппарата и потому наибольшей четкостью артикуляции гласного, так и большей длительностью» [Аванесов 1974: 80]. При этом существует ярко выраженное противопоставление между просодическим ядром фонетического слова (состоящим из гласных ударного и первого предударного слогов) и его периферией — в первую очередь, по длительности и тембру гласных (в ядре отсутствуют редуцированные гласные [ъ] и [ь], которые заметно отличаются от гласных просодического ядра по длительности). Отношения между гласными внутри просодического ядра устроены более сложным образом: акустически контраст между гласными просодического ядра выражен только в сильной фразовой позиции и только при помощи длительности [Князев 1998], а в слабой фразовой позиции противопоставление между гласными просодического ядра практически отсутствует по всем фонетическим компонентам ударения. Первый предударный слог часто оказывается более интенсивным, чем ударный, даже в случае, когда они одинаковы по тембру, то есть в последовательности [a]-[á], [y]-[ý]. Меньшая интенсивность ударного слога по сравнению с первым предударным объясняется спадом интенсивности к концу слова. Изменение частоты основного тона обусловлено больше типом и характером реализации фразового акцента, чем словесным ударением [Князев, Пожарицкая 2005: 123]. Четкое противопоставление гласных внутри просодического ядра по длительности тоже возможно только в словах, на которых реализуется фразовый акцент. Таким образом, гласные внутри просодического ядра обычно различаются незначительно.

В словах, содержащих два абсолютно идентичных гласных, носители СРЛЯ в качестве ударного всегда воспринимают второй (если оба эти слова существуют в СРЛЯ или оба являются искусственными). Это связано со стратегией восприятия ударения: из двух более или менее одинаково выделенных гласных ударный всегда второй. Действительно, в двусложном слове носитель СРЛЯ мог бы слышать ударение на первом слоге только в случае, если бы второй гласный слова был заударным и, тем самым, воспринимался бы им как более редуцированный. Таким образом, можно предположить, что если в двусложном слове с одинаковыми гласными с ударением на втором слоге переставить местами гласные, то

носители СРЛЯ будут воспринимать второй гласный в качестве ударного (если оба эти слова существуют или не существуют в СРЛЯ).

Для проверки этого предположения был проведен эксперимент, материалом которого служили двусложные слова со смыслоразличительным ударением на втором слоге (глаза, права, пили, сушу, муку) в произношении трех дикторов — носителей СРЛЯ от 16 до 21 года. Каждый диктор произносил все слова в двух вариантах: изолированно и в предложении («Смотреть в глаза незнакомого человека невежливо», «Свои права и обязанности должен знать каждый», «Иди и пили дрова», «Белую муку нельзя использовать для выпечки ржаного хлеба», «Я сушу свои вещи на веревке»). В каждом из этих слов (как вырезанных из предложений, так и произнесенных изолированно) при помощи программы Speech Analyzer второй гласный (ударный) был помещен на место первого, а первый (предударный) — на место второго. В дальнейшем полученные таким образом квазислова были прослушаны 50 информантами для того, чтобы определить в них место ударения. Результаты эксперимента приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Восприятие ударения в словах с перестановкой ударного и предударного гласных.

Исходное слово	Полученное квазислово	Способ произнесения	Услышан- ное слово	Процент информантов
		наодимованно	[пра́ва]	2%
[права́]	[пра́ва]	изолированно	[права́]	98%
[права]	[права]	в препложении	[пра́ва]	2%
		в предложении	[права́]	98%
		изолипованно	[гла́за]	0%
[глаза́]	[гла́за]	изолированно	[глаза́]	100%
	[глаза]	в прадпомении	[гла́за]	4%
		в предложении	[глаза́]	96%
	[пи́ли]	наодирования	[пи́ли]	2%
[		изолированно	[пили́]	98%
[пили́]		в продномении	[пи́ли]	6%
		в предложении	[пили́]	94%
		наодирования	[му́ку]	64%
[vanet]	[му́ку]	изолированно	[муку́]	36%
[муку́]		n	[му́ку]	56%
		в предложении	[муку́]	44%
	[су́шу]		[су́шу]	54%
[orm/i]		изолированно	[сушý]	46%
[сушý]			[су́шу]	48%
		в предложении	[сушý]	52%

Приведенные в Таблице 1 данные свидетельствуют о том, что при перестановке ударного и безударного [а] и [и] информанты практически не ощущают изменений в слове (то есть слышат ударение на слоге, в котором находится безударный гласный исходного слова), в то время как при перестановке ударного и безударного [у] те же информанты не только замечают разницу, но и достаточно часто ставят ударение на первый слог, то есть слог, в котором находится ударный гласный исходного слова. Если в случаях с [а] процент участников эксперимента, услышавших ударение на втором слоге, равен или близок 100%, то в случаях с [у] процент информантов, услышавших ударение на втором слоге, колеблется от 34% до 47% в сильной фразовой позиции (в изолированном произнесении) и от 40% до 68% в слабой фразовой позиции (в предложении). Следует отметить, что в каждом слове в произношении каждого диктора процент услышавших ударение на втором слоге выше, если слово изначально находилось в слабой фразовой позиции (в предложении).

Очевидно, что участники эксперимента, которые ощущают ударение на первом слоге, воспринимают второй слог полученного слова как заударный: чтобы стратегия восприятия ударения изменилась, необходимо, чтобы второй гласный полученного слова отличался от первого очень существенно (был значительно более редуцированным количественно или качественно). В примерах с гласными [а] и [и] этого различия явно не наблюдается: практически никто из аудиторов не воспринимает [а] и [и] во втором слоге полученного квазислова как заударный; наоборот, в словах с [у] информанты могут воспринимать гласный второго слога полученного квазислова как заударный — большинство ставит ударение на первый слог. На основании этих данных можно сделать предположение, что [у] в первом предударном слоге по сравнению с [у́] под ударением редуцируется более значительно, чем предударные [а] и [и] по сравнению с [а́] и [и́] ударными.

Безударные гласные обычно в той или иной мере подвергаются качественным изменениям, что в значительной степени обусловлено сокращением их длительности. При сокращении длительности гласного происходит уменьшение амплитуды движения артикулирующего органа в направлении целевой точки артикуляции [Lindblom 1963]. Тем самым, при артикуляции безударных гласных имеет место сдвиг артикуляции по направлению к центру (среднему ряду, среднему подъему), то есть спектральные характеристики гласных (значения формант) приближаются к спектральным характеристикам [ъ]. Чем больше сокращение длительности, тем больше сдвиг артикуляции по направлению к центру. Если [у] в первом предударном слоге по сравнению с ударным [ý] редуцируется более значительно, чем [а] по сравнению с [а], можно предположить, что и между тембром [у] во втором предударном слоге и [ý] большая разница, чем между тембром [ъ] и [а́].

Цель нашего следующего эксперимента заключалась в том, чтобы сравнить спектральные характеристики нелабиализованных ([á], [a], [ъ]) и лабиализованных ([ý], [y], [ъ°]) гласных в ударном, первом и втором предударных слогах после твердых согласных. Материалом эксперимента служили слова [къ°куру́зъ] (кукуруза) и [пътака́т'] (потакать), которые были произнесены как изолированно, так и в предложениях «Следует сеять кукурузу в местах, где достаточно солнца» и «Неправильно потакать всем подряд» тремя дикторами, носителями СРЛЯ, от 16 до 21 года. Ниже в Таблице 2 приведены результаты этого эксперимента: сведения о спектральных характеристиках перечисленных выше гласных, то есть значения их первой (F1) и второй (F2) формант, усредненные по всем прочтениям всех слов.

Таблица 2. Значения формант гласных [$\mathbf{b}^0$] — [$\mathbf{y}$] — [$\mathbf{y}$] — [$\mathbf{a}$] — [$\mathbf{a}$] — в словах [$\mathbf{k}\mathbf{b}^0$ куру́з $\mathbf{b}$] и [пътака́т'] соответственно

Способ произнесения	Звук	F1	F2	Звук	F1	F2
	[ý]	341,6	880,0	[á]	652,2	1693,0
изолированно	[y]	405,9	913,8	[a]	613,9	1709,6
	$[P_o]$	595,7	1420,5	[₄]	527,7	1610,2
	[ý]	439,4	965,5	[á]	701,2	1539,4
в предложении	[y]	555,5	1163,3	[a]	611,1	1512,2
	$[P_o]$	543,2	1446,3	[₄]	554,9	1547,8

Приведенные в Таблице 2 данные свидетельствуют о том, что при сравнении значений первых двух формант гласного [ь°] со значениями формант [у] в первом предударном слоге и ударным [ý] наблюдается более существенная разница между этими значениями, чем при сравнении [ь] — [а] — [а]. Тем самым, тембр [у] и [ь°] отличается от тембра [ý] гораздо значительнее, чем тембр [а] и [ь] от тембра соответствующего ударного гласного. Таким образом, результаты этого эксперимента противоречат представлениям о качественной и количественной редукции, в соответствии с которыми считается, что [у] при редукции изменяется только по длительности, а [а] изменяет не только длительность, но и тембровые характеристики: в безударных слогах перцептивно качество [у] сохраняется, но гласный в той или иной степени (разной в разных безударных слогах) сокращается количественно [Аванесов 1974: 40].

Можно предположить, что и в других фонетических положениях фонетическая реализация лабиализованного гласного верхнего подъема несколько отличается от того, что в современной фонетике принято считать единственно возможным. Так, в заударной поствокальной позиции в сочетании [áy] (náyза) звук, соответствующий орфографическому у традиционно описывается как [y] [Орфоэпический словарь 1983: 368], в то время как в сочетании [áo] (кака́о) орфографическому о согласно существующим орфоэпическим описаниям соответствует звук [o] [Орфоэпический словарь 1983: 200] — тем самым, следует считать, что носители

СРЛЯ должны произносить и воспринимать эти звуки как разные. Тем не менее, аудитивный анализ подобных сочетаний показывает, что гласные эти могут произноситься и одинаково.

Нами был проведен эксперимент по восприятию носителями СРЛЯ заударных гласных на месте букв о и у в позиции после гласного. Его материалом служили слова с орфографическими сочетаниями áo и áy (хáoc и хáус) в произношении четырех женщин — носителей СРЛЯ от 18 до 20 лет. Каждый диктор произносил слово в двух вариантах: изолированно и в предложении («Я не могу больше видеть этот хаос повсюду» и «Мои любимые музыкальные стили — хаус и электро»). Далее слова хáoc и хáус (как записанные изолированно, так и вырезанные из предложений) в случайном порядке были прослушаны двадцатью информантами, задачей которых было определить, какое именно слово произнесено. Два из 16 записанных слов предъявлялись информантам дважды, чтобы выяснить, одинаково ли воспринимают их информанты в обоих случаях. Результаты эксперимента приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Статистика восприятия информантами слов хаос и хаус.

слово	процент правильных ответов
xaoc	37%
xayc	31%
предъявленные дважды слова воспринимаются одинаково	30%

Приведенные в Таблице 3 данные свидетельствуют о том, что количество правильно опознанных слов очень мало́ (не превышает 40 процентов для одного сло́ва), а одинаковые слова́ лишь в 30% случаев воспринимаются как идентичные. На основании этих данных можно сделать предположение, что, отличаясь орфографически, слова типа $x \acute{a}oc / x \acute{a}yc$ могут произноситься одинаково — иными словами, в заударных слогах после гласного на месте орфографического o и на месте орфографического y может произноситься один и тот же звук.

Для того, чтобы проверить это предположение, а также выяснить, какой именно звук произносится в данной позиции, был проведен эксперимент, материалом которого служили слова с сочетаниями, соответствующими орфографическим $\acute{ao}$, $\acute{ay}$, $\acute{oy}$ (PAO, $\kappa a \kappa \acute{ao}$, $\kappa a \acute{ay} c$, κa

В Таблице 4 приведены результаты этого эксперимента — сведения о спектральных характеристиках перечисленных выше гласных, то есть значения их первой (F1) и второй (F2) формант, усредненные по всем прочтениям всех слов. Эти же данные на Рисунке 1 представлены в виде графика, на котором по вертикальной оси приведены значения (в герцах) первой форманты соответствующего гласного, а по горизонтальной — значения (в герцах) его второй форманты.

Таблица 4. Значения формант лабиализованных гласных в заударных слогах после гласного, а также ударных и безударных гласных.

в заударных спо	i un mocne	······································	и типис удириви и о	сэудариы	i i i i i i i i i i i i i i i i i i i
Слово	F1	F2	Слово	F1	F2
PAO	606,9	1306,4	к[ý]пим	403,1	784,6
кака́о	588,6	1123,2	к[о́]шка	493,9	910,9
xáoc	604,2	1188,7	к[á]пли	784,3	1475,1
xáyc	605,7	1133,4	к[и́]па	349,4	2310,5
па́уза	596,5	1136,8	∂[ы́]м	399,9	1765,9
Га́уда	590,5	1154,5	κ[э́]δ	580,6	1880,5
ва́у	589,7	1017,9	к[у]пи́ть	409,1	892,0
мя́у	605,4	1015,6	<i>к</i> [о] <i>а́ла</i>	521,2	906,6
но́ут	587,1	1054,2	к[a] <i>námь</i>	663,8	1487,5
Сто́унхендж	599,2	1151,1	к[и] <i>но́</i>	405,6	2097,5
Сто́ун	564,6	1118,3	т[ы]сти́рование	472,2	1762,2
			к[ъ]напе́	538,6	1552,5
			$\kappa[5^{\mathrm{o}}]$ куру́за	510,1	1339,8
			к[ь]пари́с	410,8	1837,0

Рис. 1. Значения формант поствокальных гласных в заударных слогах на месте орфографических *о* и *у* в сравнении с ударными и безударными постконсонантными гласными (в изолированном произнесении).

Результаты эксперимента подтверждают предположение, что звук, соответствующий орфографическому o в заударных слогах после гласного, идентичен звуку, соответствующему орфографическому y в той же позиции (поскольку значения формант этих звуков практически не отличаются).

Весьма существенным представляется тот факт, что значения формант заударного гласного на месте орфографических o и y (F1 около 600 Γ ц и F2 около 1100 Γ ц) находятся между областью значений формант [a] и [o], а не [y] и [o], как это можно было бы предположить.

Таким образом, на основании результатов проведенного экспериментально-фонетического исследования реализации безударных лабиализованных гласных в современном русском литературном языке можно сформулировать вывод о том, что спектральные характеристики безударного [у] во всех позициях в той или иной степени отличаются от спектральных характеристик [ý] ударного, причем часто это различие весьма значительно и больше различий, наблюдающихся в произношении других гласных СРЛЯ. Тем не менее, несмотря на то что в первом и втором предударных слогах после твердых согласных [у] и $[\mathfrak{b}^0]$ отличается от тембра [ý] гораздо значительнее, чем тембр [а] и $[\mathfrak{b}]$ от тембра соответствующего ударного гласного, носители СРЛЯ противопоставляют эти лабиализованные звуки остальным, тем самым воспринимая их как один звукотип.

Библиография

- Аванесов 1974 *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Аванесов 1974 *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 2005. Князев 1998 — *Князев С. В.* Фонетическая реализация ударения в различных фразовых позициях в современном русском языке // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание. М., 1998.
- Князев, Пожарицкая 2005 *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Орфография. Орфоэпия. М.,
- Орфоэпический словарь 1983 Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.
- Lindblom 1963 *Lindblom B.* Spectrographic study of vowel reduction // Journal of the Acoustical Society of America. 35. 1963.

Е. Л. Бархударова

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КАК ФАКТОР ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Обучение практическому русскому языку как неродному в условиях языковой среды происходит, как правило, гораздо быстрее и успешнее, чем вне этих условий. Следует помнить, однако, что языковая среда, в целом способствуя процессу обучения, в отдельных аспектах может и затруднять его.

Русская разговорная речь как «одна из двух разновидностей литературного языка, употребляемая в условиях непринужденного общения» [Русский язык 1997: 406], оказывает огромное влияние на освоение иностранцами русского языка в целом и на овладение ими русским произношением в частности. Нельзя не согласиться с тем, что разговорная «форма реализации устной речи является основной в практике общения людей» [Пожарицкая 2005: 225]. Поэтому если даже в беседе с иностранцем поначалу и используется «полный» тип произнесения, соответствующий нормам, отраженным в орфоэпических словарях [Пожарицкая 2005: 214], то впоследствии в повседневном общении с ним носители языка, как правило, начинают использовать разговорный тип. Кроме того, иностранцы постоянно слышат не только ту речь, которая обращена к ним.

Достаточно часто иностранные учащиеся высказывают пожелание: «Я хочу освоить русскую разговорную речь, говорить как русские». Иногда формулируются и более жесткие требования: «Я хочу знать правила разговорной речи; я хочу овладеть разговорным, а не литературным произношением». Возможность осуществления данной целевой установки вызывает серьезные сомнения, однако подобный настрой не может не усиливать воздействие фонетических особенностей разговорной речи на интерферированное произношение изучающих русский язык: к объективным причинам, делающим разговорную речь фактором фонетической интерференции, добавляются субъективные.

Рассматривая произносительные дублеты «здравствуйте и здрасте, человек и чек, говорит и грит», Л. В. Щерба отмечал, что они «принадлежат, очевидно, разным стилям произношения... Внимательное наблюдение показывает, что это лишь крайние случаи и что на самом деле существует бесконечное множество переходных нюансов и что полные формы, в сущности, в обычной речи никогда не употребляются» [Щерба 2004: 142].

Преобладание в разговорной речи «неполных форм» означает, как известно, частое выпадение в фонетических словах звуковых сегментов — гласных и согласных, а иногда и целых слогов: cxo[i]me (cxodume), $gu[\mathbf{u}]$ (guduuu), noжa[nc]ma (noжanyucma), $npu[\mathbf{u}'\mathbf{u}]ycb$ (npuveuycb),

есте[с'н]о (естественно). То, что в русском языке относится к явлениям, более или менее регулярно встречающимся в разговорной речи, в других языках может иметь системный статус. В этом случае в иноязычном акценте появляются особенно устойчивые отклонения: они обусловлены как характеристиками фонетической системы родного языка учащихся, так и чертами русской разговорной речи.

В языках, где функционирование звуковых единиц жестко обусловлено закономерностями строения слога, возможна «беззвучная» реализация гласных. Данное явление встречается, например, в корейском и японском языках: $to[\check{c}'i]ka$ и $to[\check{c}']ka$ (военный термин) в японском языке — два варианта произношения одного слова [Шеманаев 1955: 20]. «Беззвучная» реализация гласных оказывается закономерной именно потому, что наличие / отсутствие гласного в позиции после согласного нефункционально: гласный либо есть, либо «подразумевается» в структуре фонологического слога.

Н. С. Трубецкой указывал, что «во многих языках, где сочетания согласных либо вообще невозможны, либо возможны в определенных положениях (например, в начале слова или в исходе) узкие гласные факультативно ослабляются, причем предшествующий согласный рассматривается как реализация "согласный + узкий гласный". В узбекском языке, который не терпит скопления согласных в начале слова, гласный i в первом безударном слоге обычно бывает ослаблен: говорят, например, рšігтор — "варить", а считают, что это ріšігтор» [Трубецкой 1960: 71].

«Беззвучная» реализация гласных в иностранном акценте обычно отождествляется русскими с отсутствием гласных. Иностранные учащиеся-носители языков с жесткой структурой слога, напротив, если даже слышат различие в произношении разных слов (сишть и сушить, украсть и украсшь) или разных форм одного слова (красьте и красште, спрячьте и спрячете, плачьте и плачете, особенность и особенности), нередко считают, что произнесены две разные огласовки одного и того же фонетического слова. Это оказывается тем более возможным, что в русской разговорной речи встречаются «неполные» фонетические слова типа *npu[ч'ш]усь, вu[д']мо и другие подобные.

Многокомпонентные консонантные сочетания представляют трудность в русском языке практически для всех контингентов учащихся. Их необоснованное упрощение — одна из наиболее типичных черт фонетической интерференции, которая находит соответствие в особенностях разговорной речи: *cmpoumeль[св]о, *дe[ств]о, *[стр]еча. В некоторых языках имеют место конкретные закономерности упрощения сочетаний согласных, которые в акценте переносятся на русский язык. Так, в испанском языке в позиции перед любым последующим консонантным сочетанием «выпадают» смычные заднеязычные, а в сочетаниях [nst], [nsf], [nsp] «выпадает» носовой согласный. Отсюда ошибочные произнесения *э[ск]урсия, *э[ск]урсия, *ко[стр]укция, *mpa[сф]ормация, *mpa[спл]антация. По край-

ней мере, часть этих произнесений вполне типична для русской разговорной речи.

Пропуск как согласных, так и гласных особенно часто встречается в арабском акценте: *mpahcno[pт]ый (mpahcnopmhый), *seщec[t] (seществ); чер[c] (через), *shym[ph'u] (shympehhue) [Александрова 2009]. Регулярное выпадение звуковых сегментов в речи иностранцев является убедительной иллюстрацией к сделанному Л. В. Щербой наблюдению: «Учащиеся в большинстве случаев усваивают лишь те фонетические явления, которые выступают ясно в связной речи, а идеальный фонетический состав слов лишь там, где он не противоречит фонетике родного языка» [Щерба 2004: 145].

Наряду с выпадением гласных в речи носителей русского языка могут, хотя и реже, встречаться гласные вставки. Характерное не только для разговорной, но и для устной публичной речи появление безударных и даже ударных гласных вставок в предложных словоформах (κ [ъ] nped-cmoящему, θ [ъ] cmuxomвopeнuu) легко воспроизводится в акценте носителей типологически разных языков (китайского, японского, испанского и других), что объясняется отсутствием в этих языках большинства типичных для русского языка консонантных сочетаний. Данная черта устной речи «облегчает» появление вставных гласных в позициях, где они недопустимы, в результате чего в акценте могут одинаково звучать слова задавать и сдавать, город и горд, вечера и вчера, увеличение и увлечение, двенадцать и девятнадцать.

К сказанному можно добавить, что достаточно часто иностранцы слышат в русских консонантных сочетаниях несуществующие гласные вставки. Е. Д. Поливанов приводил одно из положений руководства по практической фонетике узбекского языка. В нем предлагалось произносить узбекские узкие гласные как те гласные, «которые слышны, но которые не пишутся» в словах ключ и много [Polivanov 1931: 84]. В первом слове перед мягким [л'] автором руководства был «услышан» гласный переднего ряда, а во втором — непередний гласный между твердыми согласными [м] и [н].

Выпадения и вставки звуков чаще других черт разговорной речи «поддерживают» отклонения в акценте иностранцев, говорящих порусски. Этим, однако, не исчерпывается список явлений, которые могут играть «провокационную» роль. Практически любая разговорная особенность может оказаться фактором, определяющим возникновение фонетической интерференции в речи конкретного контингента учащихся. К числу распространенных черт разговорной речи, наиболее часто «утрируемых» в иноязычном акценте, следует отнести «растяжки» гласных. Растягиваться (удлиняться) «могут как ударные, так и безударные гласные» [Пожарицкая 2005: 218]. В языках с богатым вокализмом противопоставление гласных по долготе / краткости может быть фонологически

значимо, и носители таких языков обычно исключительно восприимчивы к увеличению длительности гласных.

В статье «Обучение произношению и фонология» А. А. Реформатский отмечал, что одна из тенденций в усвоении фонетики чужого языка вызвана соотношением, при котором «фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы. В этом случае носители более богатого фонетического репертуара начинают выделять в пределах более бедного фонетического репертуара такие признаки, которые для фонетики усваиваемого языка являются либо иррелевантными, либо и вовсе случайными» [Реформатский 1959: 148]. Именно с этой тенденцией связаны необоснованные «растяжки» гласных, которые характерны для интерферированной русской речи носителей целого ряда языков — английского, венгерского, китайского и других.

Как правило, подобные ошибки не приводят к нарушению или потере смысла, однако составляют наиболее устойчивые, трудно устранимые черты иноязычного акцента, остающиеся в речи учащихся вплоть до завершающего этапа обучения. Особенно часто имеет место «утрирование» длительности ударных гласных в соседстве с мягкими согласными: *o6['e:]d, *n['a:]m6, *κon['ó:]ca ($κon\ddot{e}ca$). В подобных ситуациях учащиеся пытаются «передать» фонологическое противопоставление по твердости / мягкости «средствами» своего языка, то есть в иностранном акценте проявляются своего рода «компенсаторные» отношения.

Достаточно легко «усваиваются» иностранцами встречающиеся в русской разговорной речи нарушения закономерностей редукции. В частности, гласные второй ступени редукции в первом предударном слоге, которые возможны в разговорной речи «в условиях безударности слова» [Пожарицкая 2005: 219], легко воспроизводятся англоговорящими учащимися в любой фразовой позиции, тем более что это соответствует особенностям ритмической структуры английского слова: мол[ə]ко, пер[ə]ход.

Ослабление смычки у аффрикат, встречающееся в слабой фразовой позиции «в словах, утрачивающих ударение в речевом такте или синтагме» [Пожарицкая 2005: 221], «поддерживает» черты фонетической интерференции в русской речи носителей ряда языков романской группы. Так, в испанском языке нет ни зубной, ни передненебной аффрикат, но есть среднеязычная аффриката [č'] с ослабленной смычкой. Естественно, что встречающееся в слабой фразовой позиции произношение [ш'] на месте [ч'] ([паш'т'и фс'é] — почти все, [аш'ив'и́днъ] — очевидно) кажется испаноговорящим соответствующим норме.

Можно перечислить и множество других особенностей разговорной речи, которые соотносятся с явлениями иностранного акцента и могут укреплять их. Важно отметить также, что для носителей большинства языков характерно иное отношение к орфоэпической норме, чем для носите-

лей русского языка: иностранцам, изучающим русский язык, как правило, кажется странным требование соблюдения нормативного произношения.

В работах Р. И. Аванесова, М. В. Панова, К. В. Горшковой и других исследователей было показано, что в языках, звуковой строй которых зиждется на двух типах позиционной мены звуков (параллельном и пересекающемся), фонема как член языковой системы имеет парадигматическое устройство [Аванесов 1956, Панов 1979, Горшкова 1980]. При этом чем больше членов у парадигмы, чем сложнее ее устройство, тем больше разброс варьирования данной фонемы в речи [Горшкова 1980: 82].

К. В. Горшкова полагала, что при широком варьировании, допускаемом системой, орфоэпическая норма закрепляет ограниченное число вариантов произношения: один, максимум два из всех возможных. Такая норма должна быть «строгой». Напротив, при минимальном варьировании норма как бы оформляет ту, порой единственную, возможность системы, которая определяется законами ее функционирования. Такая норма может быть «не строгой» [Горшкова 1985: 72]. Для многих учащихся относительная свобода орфоэпической вариативности в родном языке может быть противопоставлена орфоэпической ситуации в русском языке, где сильная фонетическая вариативность накладывает ограничения на орфоэпическую.

Говоря о проблемах обучения немецкой фонетике, Л. В. Щерба подчеркивал, что в немецком языке колебания в произношении гораздо более значительны, чем в русском: «Они настолько значительны, что вопрос об орфоэпии ... стоит в Германии очень остро. Но если для немцев это, в конце концов, только неудобно, то для иностранцев, изучающих немецкий язык, создается прямо-таки безвыходное положение: какое же произношение изучать?» [Щерба 2002: 146].

Британскими фонетистами признавалось сосуществование минимум трех вариантов произношения в рамках господствующего RP (Received pronunciation). При этом некоторые исследователи отмечали, что молодое поколение отвергает RP в силу того, что оно ассоциируется с чем-то неестественным, специально утвержденным [Gimson 1980: 87–92].

В испанском языке в ряде случаев возведена в норму зависимость вариантов, в которых происходит нейтрализация фонем, от индивидуальных особенностей речи говорящего. Так, в позиции конца слога нейтрализуются испанские напряженные и ненапряженные взрывные. При этом, как указывает испанский фонолог Аларкос Льорач Эмилио, выбор соответствующей языковой единицы определяется особенностями произношения того или иного носителя языка. Сам исследователь отдает предпочтение щелевому ненапряженному варианту, однако считает вполне приемлемым смычный напряженный вариант: *capsula* [káβsula] и [kápsula] 'капсула' [Alarcos 1975: 184–185].

Степень жесткости орфоэпической нормы в родном языке учащихся оказывает существенное влияние на процесс овладения ими русским

произношением. Для человека, который не привык к соблюдению строгой орфоэпической нормы в родном языке, остаются непонятными нормативные требования изучаемого языка. Вариативность, характерная для русской разговорной речи, воспринимается и оценивается большинством иностранцев иначе, чем русскими.

Широкое проникновение разговорной речи в сферы, где обычно господствовало нормативное произношение, например, в устную публичную речь, делает проблему еще более сложной. Существует целый ряд слов, которые регулярно употребляются в «неполной», редуцированной форме, в том числе в сильных фразовых позициях: [пажа́лстъ], [сл'є́душ':ьі], [ты́ш':ъ]. Почти в любом публичном выступлении слово университет произносится с выпадением гласного в первом предударном слоге (универ[с'т']ет) примерно в два раза чаще, чем с его реализацией.

На первый взгляд, может показаться, что при обучении иностранцев русской фонетике столь распространенное произношение следует, по крайней мере, допустить в качестве возможного. Между тем практика подтверждает, что если в произношении носителя русского языка выпадение звуковых сегментов оценивается как разговорная особенность, то в речи иностранца в контексте других акцентных черт то же явление воспринимается только как акцентная черта и никак иначе: когда иностранец говорит *в универ[с'т']ете, это квалифицируется как фонетическая ошибка.

Разумеется, в курсе практического русского языка невозможно полное игнорирование фонетических особенностей разговорной речи, однако знакомство с ними предполагает, во-первых, продуманный отбор материала, а во-вторых, конкретную целевую направленность, состоящую, например, в обучении аудированию. Что касается задач, связанных с постановкой правильного произношения, то без опоры на орфоэпическую нормативность их осуществление невозможно.

Библиография

Аванесов 1956 — *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Александрова 2009 — *Александрова А. Ю.* Принципы создания постановочнокорректировочного курса русской фонетики для арабов. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2009.

Горшкова 1980 — *Горшкова К. В.* О фонеме в языке и речи // Slavia orientalis. Warszawa, 1980. DXXIX. № 1 / 2.

Горшкова 1985 — *Горшкова К. В.* Фонетика // Горшкова К. В., Мустейкис К. В., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Часть І. Вильнюс, 1985.

Панов 1979 — Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Пожарицкая 2005 — *Пожарицкая С. К.* Фонетические особенности разговорной речи // Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2005.

Реформатский 1959 — *Реформатский А. А.* Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2.

- Русский язык 1997 Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Трубецкой 1960 Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Шеманаев 1955 *Шеманаев П. Г.* Курс фонетики современного японского языка. М., 1955.
- Щерба 2002 Щерба Л. В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Щерба 2004 Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М, 2004.
- Alarcos 1975 *Alarcos L. E.* Fonología española. La Habana, 1975. Gimson 1980 *Gimson A. Ch.* An introduction to the pronunciation of English. London, 1980.
- Polivanov 1931 Polivanov E. La perception des sons d'une langue étrangère // TCLP. IV. 1931.

А. Ч. Пиперски

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО КОРНЯ *sъln-: ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Если исходить из славянского материала, то для праславянского языка легко реконструировать корень со значением 'солнце' в виде *sъln- (ср. ст.-сл. слъньце, рус. солнце, болг. слънце, пол. słońce и т. д.). Этот корень принадлежал к акцентной парадигме а (постоянное акутовое ударение на корне: ср. рус. солнце — солнечный). Отсюда следует, что здесь в древности должен был быть долгий гласный: ведь если бы в корне, который принадлежал к неподвижной акцентной парадигме до ее расщепления на парадигму а и b, гласный был кратким, то эта морфема должна была бы попасть в парадигму b [Дыбо 2000: 46–47]. Иначе говоря, корень *sъln- с акцентологической точки зрения ведет себя так же, как корни с долгими слоговыми сонантами (т. е. $*\bar{R} < *RH$), хотя в нем самом сочетания *RH не было: ср., напр., праслав. *pыn-, относящееся к парадигме $a < p\bar{l}^n - <$ и.-е. *plh1-n-, ср. лат. $pl\bar{e}nus$, др.-инд. $p\bar{u}rn\dot{a}$ -), и праслав. *tьrn-, относящееся к парадигме b (< и.-е. *trn-, ср. др.-инд. $t\acute{r}na$ -). Очевидно, долгим гласным, о котором идет речь, был $*\bar{u}$, впоследствии сократившийся перед таутосиллабическим *1.

Разнообразие форм слова со значением 'солнце' в и.-е. языках издавна привлекало к себе большое внимание ученых. Приведем несколько форм, которые служат основой для исследования склонения этого слова в и.-е. праязыке: др.-инд. (вед.) Nom.-Acc. Sg. s'uvar, Gen. Sg. s'uvar, Gen. Sg. s'uvar, Gen. Sg. s'uvar, T. д., авест. Nom.-Acc. Sg. $huuar\bar{o}$, Gen. Sg. $xv\bar{o}ng$, др.-греч. (гом.) $\mathring{\eta}\acute{\epsilon}\lambda$ 100, лат. $s\bar{o}l$, гот. sauil, др.-исл. $s\acuteol$, sunna, др.-англ. sunne, sygel, др.-в.-нем. др.-сакс. sunna, лит. s'uvar

Из сравнения этих форм можно заключить, что слово со значением 'солнце' в и.-е. языке было гетероклитикой с чередованием *-l- / *-n-, которая относилась к протерокинетической акцентно-аблаутной парадигме; однако уже довольно рано эта древняя парадигма могла преобразовываться в голокинетическую или гистерокинетическую [Герасимов 2005: 176].

Схема ударения и чередования гласных по аблауту в этих парадигмах выглядела следующим образом (см. [Meier-Brügger 2002: 216–217]):

Тип парадигмы	Формы	Корень	Суффикс	Окончание
	сильные	é	ø	ø
Протерокинетическая	слабые	ø	é	ø
	Loc. Sg.	ø	é	
	сильные	é	О	ø
Голокинетическая	слабые	ø	ø	é
	Loc. Sg.	ø	é	

	сильные	ø	é	ø
Гистерокинетическая	слабые	ø	ø	é
	Loc. Sg.	ø	é	

Соответственно, в зависимости от типа акцентно-аблаутной парадигмы слово 'солнце' могло иметь следующий вид 1:

Тип парадигмы	Формы
Протерокинетическая	Nom. Sg. *séh ₂ ul — Gen. Sg. *sh ₂ uéns
Голокинетическая	Nom. Sg. *séh ₂ uol — Gen. Sg. *sh ₂ unés
Гистерокинетическая	Nom. Sg. *sh ₂ uél — Gen. Sg. *sh ₂ unés

Таким образом, перед нами нечто вроде черного ящика: зная то, что было на входе (ряд и.-е. парадигматических вариантов, представленных выше), и то, что получилось на выходе (раннепраславянский корень *sūln-), мы должны установить, каким образом происходило развитие этого слова.

Для того чтобы объяснить появление долгого *ū в раннепраславянской форме, исходя из трех вышеприведенных парадигматических вариантов, безусловно необходимо постулировать существование либо гистерокинетического, либо голокинетического варианта, поскольку *ū может быть объяснено лишь как результат ларингальной метатезы *CHIC->*CIHC-, а последовательность, которая могла бы подвергнуться ларингальной метатезе, встречается только в формах слабых падежей голокинетической и гистерокинетической парадигмы.

Такое предположение позволяет объяснить, как обстоит дело с гласным, однако сочетание согласных *-ln- остается необъясненным. Обычно предполагается, что раннепраславянский корень *sūln- представляет собой контаминацию двух основ — основы на *-1- и основы на *-n- (ср., напр., [Eckert 1979: 19]). Однако очень сложно представить себе механизм такой контаминации. Если исходить из форм Nom. Sg. *séh₂uol / *sh₂uél — Gen. Sg. *sh₂unés > *suh₂nés, то после устранения ларингалов они должны были дать рефлексы *sā́uol/*suúel2 — *sūnés. Вокализм свидетельствует о том, что исходной точкой процесса контаминации должна была послужить форма слабых падежей, в середину которой по какой-то причине оказалось вставлено *1 из формы сильных падежей. Естественно, не существует логически строгого доказательства того, что такой процесс невозможен, однако предположение о том, что конечный согласный одного вида основы почему-то появляется в середине осталь-

Для продолжений и.-е. $*sh_2$ µél надо учитывать закон Линдемана: *C(C)Д > *C(C)ІІ́ - (см. [Mayrhofer 1986: 166–167], [Герасимов 2005: 176–177]).

Разумеется, не утверждается одновременное существование всех этих форм. Здесь и далее Nom. Sg. дается как пример сильной формы, а Gen. Sg. — как пример слабой формы; формы Loc. Sg. достаточно маргинальны, чтобы не играть никакой роли в дальнейших построениях, и поэтому не приводятся.

ных форм, вызывает большие сомнения и заставляет искать другую интерпретацию.

Ключом к объяснению славянских форм может послужить материал германских языков. В прагерманском языке образовался синонимический ряд 'солнце', включающий в себя слово с *l в основе и слово с *n в основе. Выбор доминанты этого синонимического ряда с последующим устранением другого слова осуществлялся уже в отдельных германских языках.

Так, в готских памятниках 2 раза встречается слово sauil (только Nom. Sg.) и 7 раз — слово sunno (в различных падежных формах); в крымскоготском зафиксировано уже только sune, но, конечно, ввиду ограниченности материала это не может быть надежным свидетельством того, что варианта с l в крымскоготском уже не было.

В древнеисландском языке засвидетельствованы оба обозначения солнца, при этом вариант с n относился к поэтическому пласту лексики: ср. Sól heitir með mǫnnum, / en sunna með goðum (Alv. 16, 1-2) 'у людей называется sól, а у богов — sunna'. В дальнейшей истории скандинавских языков в качестве основного обозначения для солнца утвердился именно вариант с l (исл. фар. sól, шв. дат. норв. sol).

В западногерманских языках основным обозначением для солнца стало слово с n в основе (др.-в.-нем. sunna > cosp. нем. Sonne, др.-сакс. sunna, др.-англ. sunne > cosp. англ. sun), хотя единичные варианты с l и встречаются в древнеанглийских памятниках: $s\bar{o}l$ (hapax legomenon, см. [Bosworth, Toller 1898: 894]) и sigel, sagl, segl [Bosworth, Toller 1898: 873].

Обращает на себя внимание появление удвоенного согласного в -*n*-осно́вных формах (гот. *sunno*, др.-в.-нем. *sunna*, др.-англ. *sunne*). Этот факт объясняют тем, что слово со значением 'солнце' рано перешло в число -*n*-основ (причем в качестве производящей основы был использован старый вид слабых падежей, т. е. форма, где одно *n уже было), после чего основообразующий суффикс -*n*-, имевший нулевую ступень в слабых падежах, оказывался в соседстве с конечным -*n*- корня. К. Бругман реконструирует исходную прагерманскую парадигму так: Nom. Sg. *sun-ōn, Loc. Sg. *sun-en-i, Gen. Sg. *sun-n-ez [Brugmann 1906: 303]. Затем *-nn- распространилось на все формы.

Такое предположение хорошо обосновано, поскольку опрощение с присоединением -n- к корням -n-основных существительных неоднократно засвидетельствовано на разных этапах развития германских языков. Так может объясняться, например, германское слово 'колодец', так же, как и слово 'солнце', происходящее из гетероклитики (гот. brunna, др.-в.-нем. brunno < прагерм. *brunō — *brunen- — *brunn-, ср. др.-греч. φρέαρ — φρέατος), а также др.-в.-нем. hunno 'центурион' (< *hundnō < Nom. Sg. *hundō — Gen. Sg. *hundnez) [Brugmann 1906: 303]; возможно, тот же процесс затронул и слово 'человек, мужчина' (гот. manna, др.-англ. mann и др.) [Lehmann 1986: 244]. Значительное число случаев

такого рода засвидетельствовано и в истории отдельных германских языков: ср. др.-исл. Nom. Pl. gumnar, Gen. Pl. gumna и т. д. от gumi 'муж', Nom. Pl. yxn, Gen. Pl. yxna и т. д. от uxi 'вол', где -n- распространилось только на формы множественного числа, и др.-исл. bjqrn 'медведь', hrafn 'ворон', namn 'имя', vatn 'вода', qrn 'орел', где -n- распространилось и на все единственное число (правда, в результате эти существительные перешли из склонения на -n- в другие типы) [Стеблин-Каменский 2006: 60–61].

Все эти преобразования являются очень древними, поскольку в основах на -n- в германских языках нулевая ступень суффикса была устранена очень рано, ср. в качестве примера гот. парадигму слова atta 'отец', где перед n всегда выступает тот или иной гласный:

	Sg.	Pl.
Nom.	atta	attans
Gen.	attins	attane
Dat.	attin	attam
Acc.	attan	attans

Это говорит о том, что образование -*n*-основного слова для 'солнца' должно было произойти очень рано, когда чередования гласных в соответствии с и.-е. акцентно-аблаутными парадигмами были еще продуктивными, то есть в и.-е. или во всяком случае в позднеиндоевропейскую эпоху. Для и.-е. имен мужского и женского рода с основами на -*n*-реконструируется гистерокинетическая акцентно-аблаутная парадигма [Meier-Brügger 2002: 213], что означает, что в сильных формах ступень чередования *е наблюдается в суффиксе, а в слабых формах — в окончании. Остальные элементы слова должны иметь нулевую ступень.

Все вышесказанное позволяет несколько уточнить реконструкцию К. Бругмана, или, вернее, привести ее в соответствие с современными представлениями об и.-е. фонетике и морфологии. Следует предположить, что в и.-е. от основы слабых падежей гетероклитики со значением 'солнце' было образовано производное слово с основой на -n-, которое имело такую гистерокинетическую парадигму:

После действия ларингальной метатезы и закона Линдемана парадигма должны была принять вид

В результате прагерманская парадигма стала выглядеть так:

_

³ Я придерживаюсь правил силлабификации, изложенных в [Mayrhofer 1986: 162–163].

Я не касаюсь вопроса о том, является ли фонетически закономерным переход прагерм. *suuunn- > *sunn- или же следует предполагать, что основа *suuunn- заместилась на *sunn- по аналогии с другими формами той же парадигмы. В любом случае, в *sunn- долгий гласный сократился перед двойным сонорным (*sunn- > *sunn-), и этот вид основы был распространен и на другие падежи, что и дало в результате германскую форму -n-основного существительного для 'солнца'.

Возвращаясь к славянским языкам, можно заключить, что в их предыстории происходило нечто подобное тому, что было описано выше для германских языков: надо только предположить, что в и.-е. языке у слова 'солнце' существовал еще один вариант -*n*-основной формы, образованный от другой основы гетероклитики — не от основы слабых форм (с *n), а от основы сильных форм (с *l). Соответствующая парадигма выглядела следующим образом:

```
Nom. Sg. *sh<sub>2</sub>ulen — Gen. Sg. *sh<sub>2</sub>ulnes
```

После действия ларингальной метатезы и закона Линдемана получаем

Nom. Sg. *suh₂lḗn — Gen. Sg. *sh₂uulnés

В славянских языках после утраты ларингалов корень в сильных падежах принял вид $*s\bar{u}l$ -, который был распространен и на слабые падежи. Так получилась парадигма

```
Nom. Sg. *sūl- — Gen. Sg. *sūln-
```

После этого формы слабых падежей подверглись опрощению, т. е. *п стало частью корня, и именно таким образом и возникло раннепраславянское *sūln-. Впоследствии этот корень был оформлен как *i*-основа, а затем от нее было образовано уменьшительное производное с суффиксом *-ko-, которое и является источником современных славянских форм слова 'солнце'.

Предложенное выше объяснение выглядит убедительнее, чем традиционная точка зрения о контаминации. Поскольку по крайней мере одно и.-е. -*n*-основное образование для 'солнца' необходимо постулировать для объяснения германских фактов, то можно предполагать наличие и другого подобного образования, которое нашло свое продолжение в праславянском языке. И хотя предложенное объяснение предполагает неоднократное действие аналогического выравнивания, этот процесс, пусть даже и подействовавший неоднократно, намного правдоподобнее, чем странное внедрение согласного из одних форм в середину других.

Список сокращений и условных обозначений

```
*С — любой согласный (включая неслоговые варианты сонорных), *Н — *h_1, *h_2 или *h_3, *І — *i или *u, *R — *l, *m, *n или *r; \emptyset — нулевая ступень; Асс. — аккузатив, Alv. — Alvíssmál, Dat. — датив, Gen. — генитив, Loc. — локатив, Nom. — номинатив, Pl. — множественное число, Sg. — единственное число; авест. — авестийский, англ. — английский, болг. — болгарский, вед. — ведийский, гом. — гомеровский, гот. — готский, дат. — датский, др.-англ. —
```

древнеанглийский, др.-в.-нем. — древневерхненемецкий, др.-греч. — древнегреческий, др.-инд. — древнеиндийский, др.-исл. — древнеисландский, др.-сакс. — древнесаксонский, и.-е. — индоевропейский, исл. — исландский, лат. — латинский, лит. — литовский, нем. — немецкий, норв. — норвежский, пол. — польский, прагерм. — прагерманский, праслав. — праславянский, рус. — русский, совр. — современный, ст.-сл. — старославянский, фар. — фарерский, шв. — шведский.

Библиография

- Герасимов 2005 *Герасимов И. А.* К вопросу о рефлексах и.-е. 'солнца' // Hrdấ mánasā. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005. С. 176–184.
- Дыбо 2000 Дыбо В. А. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Стеблин-Каменский 2006 *Стеблин-Каменский М. И.* Древнеисландский язык. Изд. 3-е, стереотип. М., 2006.
- Bosworth, Toller 1898 *Bosworth J., Toller T. N.* An Anglo-Saxon dictionary. Oxford, 1898.
- Brugmann 1906 *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Band 2, Teil 1. 2. Bearb. Straßburg, 1906.
- Eckert 1979 *Eckert R.* Zu einigen Reflexen der indoeuropäischen Heteroklita auf -l- // -n- in den slawischen und baltischen Sprachen // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1979. Bd. 24, Heft 1. S. 17–23.
- Lehmann 1986 Lehmann W. P. A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
- Mayrhofer 1986 *Mayrhofer M.* Indogermanische Grammatik. Bd. I / 2. Heidelberg, 1986.
- Meier-Brügger 2002 *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. 8., überarb. und erg. Aufl. Berlin; New York, 2002.

М. Л. Хачатурьян

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС /N/ В ГВИНЕЙСКОМ ВАРИАНТЕ ЯЗЫКА МАНО

Краткая информация о языке мано

Язык мано относится к южной группе языковой семьи манде, входящей в нигеро-конголезскую макросемью. По данным ethnologue.com¹, на мано говорят примерно 250 тыс. человек в Либерии и в Гвинее, из них в Гвинее — 70 тысяч. Изучение гвинейского варианта мано проводилось в рамках этнолингвистической экспедиции в республику Гвинея в январефеврале 2009 года под руководством В. Ф. Выдрина. Исследование осуществлено в рамках проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН. В экспедиции проводилась работа с несколькими информантами мано, один из которых был основным.

Некоторые фонологические особенности языков манде

Фонология языков манде представляет собой типологически крайне интересный феномен. В некоторых языках южной группы манде, например, в гуро гласные противопоставляются по признаку продвинутости / отодвинутости корня языка (ATR / RTR), что является довольно редким явлением [Выдрин 2003]. Юго-западные языки манде интересны тем, что в них просодический признак тона имеет плавающий характер. Именно на материале одного из юго-западных языков манде, а именно менде, была сформулирована теория автосегментной фонологии [Leben 1973]. Другой весьма любопытный феномен представляет собой фонема /N/, которая, впрочем, характерна не только для языков манде, но и для других языков Африки к югу от Сахары. Речь в данной статье пойдет о фонологическом статусе этой фонемы в языке мано.

Краткая информация о фонологии мано² Вокалическая система

	ненос	овые глас	ные		носовые гласные			
подъем	передний	средний	задний		передний	средний	задний	
верхний	i		u	N	į		ų	
средне-верхний	e		0		e		Õ	
средне-нижний	ε		э		ε		õ	
нижний		a				a		

http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=mev.

Подробнее о вокалической и консонантной системах, а также о других аспектах фонологии мано см. [Хачатурьян 2009].

Консонантная система

	Лаби	аль-	Денто-		Пала-	Велярные		Велярные		Лабио-	
	HE	ые	альвео-		таль-			лабиализо-		веляр-	
			ляр	ные	ные			ван	ные	НЬ	ıе
Имплозивные	6	;									
Смычные	р	b	t	d		k	g	kw	gw	kp	gb
Фрикативные	f	v	S	Z							
Носовые сонанты	n	n	1	1	ŋ	1	ŋ	ŋ	W		
Глайды	V	v		1	у						

Фонологический статус носовых согласных /m/, /n/, /p/, /ŋw/ до конца не ясен: ряд фактов свидетельствует в пользу того, что эти согласные являются отдельными фонемами, другие факты — в пользу того, что эти согласные являются аллофонами неносовых согласных /6/, /1/, /y/, /w/. При этом существуют контексты, в которых оппозиция между неносовыми согласными /6/, /1/, /y/, /w/ и носовыми согласными /m/, /n/, /p/ нейтрализуется: это контексты, в которых происходит чередование начальных /6/, /1/, /y/, /w/ с /m/, /n/, /p/, /ŋw/ соответственно.

Чередования начальных согласных в языках Африки к югу от Сахары

В языках Африки к югу от Сахары чередование начальных согласных наблюдается довольно часто. При этом «чередования согласных чаще всего объясняются, хотя бы с диахронической точки зрения, влиянием носовых на другие согласные, с которыми они вступают в контакт» [Creissels 1994: 143]. На поверхностном уровне есть основания выделять эту носовую фонему в том случае, если происходит геминация. Например, в сонинке начальный согласный глагола и носовой согласный, представляющий артикль, который ставится в постпозиции к существительному, ассимилируются, и в результате получается геминированный согласный.

 $\dot{a}$ $d\dot{a}$ $l\acute{e}m\acute{u}n\grave{u}$ [ŋ ŋùtú] (< /ŋ/ + /wùtú/)

'Он взял детей (опр.)' (Пример из [Creissels 1994: 145])

В других случаях носовую фонему не представляет никакой экспонент, о ее наличии на глубинном уровне свидетельствует лишь чередование начального согласного. Например, в языке койага наблюдается следующее чередование: *šò sáwà* 'три лошади' vs *bwó záwà* 'три дома'. Для объяснения этого чередования Крессель вводит носовую согласную фонему, которая имеет «плавающий», или «внеслоговой» характер [Creissels 1994: 145], фиксируется в глубинной форме и проявляется только как чередование следующего согласного.

Во всех этих языках, где наблюдаются начальные чередования согласных, согласные фонемы делятся на две группы: те согласные, которые появляются в результате контакта с носовым согласным — так называемые сильные, и те, которые появляются, когда контакта с носовым

нет — так называемые слабые. При этом отношение в какой-то паре «сильный-слабый» в двух языках может быть противоположным: сильный согласный одного языка оказывается слабым в другом. Например, в лоома в паре фонем /s/ — /z/ согласный /s/ является сильным, а /z/ слабым; в кпелле же в аналогичной паре /s/ — /z/ сильным является /z/. Таким образом, группы сильных и слабых согласных свои для каждого языка, и принадлежность согласного к той или иной группе не выводится из общих соображений. В мано слабыми согласными являются /6/, /1/, /y/, /w/, а сильными — /m/, /n/, /n/, /nw/, если за ними будет утвержден статус фонем.

Возникает вопрос, как описывать носовую фонему в том случае, если она возникает только в контекстах ассимиляции и перенимает место образования у последующего согласного. В этом случае ее обозначают как /N/. Имеется в виду, что это фонема, не специфицированная по месту образования. Другой вариант — исходя из типологических данных³, обозначать эту фонему символом /ŋ/, как это делает Крессель. Кроме того, для каждого языка необходимо сделать вывод о том, является ли эта фонема гласной или согласной, исходя из ее поведения в различных контекстах.

В мано существует несколько неодносложных слов, имеющих в серединной позиции велярный носовой согласный [n]. Вот некоторые из них:

```
dánédànè 'липкий'
fāná 'сила'
gēŋè 'грудь'
kpinélé 'место для сидения'
πέηὲ 'бегемот'
пе́ηē 'носорог'
siánēlē 'звезда'
tènè 'голубь'
tànà 'пространство между зубами'
```

Поскольку фонема, вызывающая чередование начальных согласных, и срединное [ŋ] позиционно четко разведены, предлагаем обозначать носовую фонему как /N/, а согласную — как /ŋ/.

В языке волоф в контекстах номинализации происходит чередование сильных / слабых согласных: f2 'играть' и p2 'игра'; suub 'красить' cuub 'крашеная ткань' [Creissels 1994: 150]. Назальный характер морфемы номинализации проявляется, когда номинализуются глаголы, начинающиеся с взрывного, звонкого: dof 'быть сумасшедшим' и n-dof 'сумасшествие'. При этом, если слово начинается с гласной, то показателем номинализации становится прибавление велярного согласного к: addu 'отвечать', kaddu 'речь'. Из этого Крессель делает вывод о месте и способе образования показателя номинализации: это велярный носовой /ŋ/. Поскольку в других языках, в которых наблюдаются начальные изменения согласных, изменения проистекают похожим образом, хотя и не находится контекстов, которые специфицировали бы место образования, Крессель предлагает постулировать и для других языков именно /ŋ/.

Чередование начальных согласных в мано

В мано начальные чередования согласных возникают в случае сочетания местоимения 1 л. ед. ч. несубъектной серии с существительными с релятивной семантикой и с послелогами. Кроме того это местоимение употребляется в позиции прямого дополнения; в ходе моей работы с информантом я не проверяла систематически поведение данного местоимения в этом контексте, но, исходя из общей логики языка, изменение начальных согласных глаголов в контексте прямого дополнения 1 л. ед. ч. крайне вероятно. В тех случаях, когда местоимение не вызывает чередования, оно реализуется как [n].

Рассмотрим природу этого чередования. Указанное местоимение вызывает чередование начального согласного следующего за ним слова. Чередование происходит, когда следующее за местоимением слово начинается с /6/, /1/, /y/, /w/ ^{4} , которые изменяются в [m], [n], [n], [nw] соответственно⁵. Взаимодействие при этом осуществляется в обе стороны: согласные /6/, /1/, /у/, /w/ приобретают назальность, как у местоимения, а /N/ ассимилируется по месту образования, тем самым происходит геминация. Например, $\bar{N}$ $b\dot{\epsilon}\bar{i}$ [$\bar{m}\bar{m}\dot{\epsilon}\bar{i}$] 'мой друг', $\bar{N}$ $l\partial k\dot{o}$ [$\bar{n}\bar{n}\partial k\dot{o}$] 'моя мать', $\bar{N}$ $y\bar{i}$ [$\bar{n}\bar{n}\bar{i}$] 'во мне'. Сами носители языка мано утверждают, что это чередование факультативно: в медленной речи допустимо произнесение [п̄ lòkó] и т. п.

При этом есть местоимения 1 л. ед. ч. других серий, которые на фонетическом уровне также реализуются как [n] или [nn] с различными тонами. В этом случае, однако, ассимиляции нет, и если за таким местоимением следует слово, начинающееся с /6/, /1/, /у/, /w/, изменения этих ртовых согласных в соответствующие им носовые не происходит. Например, $\bar{N}$ ló [$\bar{n}$ ló] $p \hat{\epsilon} l \hat{\epsilon}$ 'я иду (сейчас)'.

Возникает вопрос: если все серии местоимений 1 л. ед. ч. представлены одной и той же фонемой, почему в одних случаях она вызывает чередования, а в других — нет.

Существует еще одно слово, начальный согласный которого подвергается ассимиляции и который отличен от /6/, /1/, /y/, /w/: это слово $d\dot{a}$, 'отец', $\bar{N}$ $d\dot{a}$ [п̄пà] 'мой отец'. Это слово пока единственное из отклоняющихся, и системным чередование начальной фонемы /d/ называть не приходится: в слове $d\bar{\varepsilon}$ 'супруг' начальный согласный ассимиляции не подвергается. Слова с семантикой родственников часто являются исключениями для тех или иных фонетических правил языков манде, это связывается с реконструкцией в них начальных префиксов (см. [Выдрин 2006]). Конкретно же слово «отец» в какихто языках манде имеет начальный /n/, например, в северном кпелле: пап. В других языках манде, например, гбан, — /d/: $d\check{\epsilon}$.

Подходящего контекста для /w/ (то есть существительного с релятивной семантикой или послелога, начинающегося с /w/) найти не удалось, но, исходя из того, какие согласные участвуют в чередованиях в других языках манде, мы предполагаем, что при расширения словаря такие слова будут найдены.

Эта разница объясняется разным типом синтаксической связи между местоимением и последующим словом, поскольку фонетические правила вполне могут включать грамматическую (синтаксическую, морфологическую) и даже лексическую информацию ([Плунгян 2003: 53–67]). Действительно, связь между элементами может иметь разную природу, и это может влиять на фонетические правила.

В случае несубъектных местоимений 1 л. ед. ч. синтаксическая связь с последующим словом в большинстве случаев оказывается более сильной, чем в случае местоимений 1 л. ед. ч. остальных серий. Несубъектное местоимение оказывается с последующим словом в одной синтаксической группе: сочетаясь с послелогом, — в послеложной, с существительным — в именной, будучи объектом глагола — в глагольной. При этом большинство местоимений, не вызывающих чередования, оказываются в именной группе субъекта, тогда как следующее слово является либо объектом, либо глаголом, то есть принадлежат глагольной группе.

Среди местоимений, не вызывающих чередования, есть еще притяжательное местоимение, употребляющееся с автосемантичными именами, которое на фонетическом уровне реализуется как $[\bar{n}]$, то есть точно так же, как и несубъектное местоимение в случае, если не подвергается ассимиляции. При этом необходимо отметить, что с одним и тем же словом может употребляться как серия несубъектных местоимений, так и серия притяжательных местоимений. Например, слово nu 'червяк' при обозначении кишечных червей, то есть, в сознании говорящих, неотделимых от человека, употребляется с несубъектной серией: $\bar{i}$ nu, 'твой червяк'. При обозначении каких-то «отдельных» червей используется серия посессивных местоимений: ba nu, 'твой червяк'. Поскольку эти две серии местоимений не являются дополнительно распределенными и разница в их употреблении с одним и тем же словом объясняется различным типом отношений, вполне обоснованно можно говорить о разных синтаксических связях.

Разная синтаксическая связь между местоимениями несубъектной и притяжательной серий и существительным подтверждается также данными диахронии. По-видимому, серия притяжательных местоимений произошла из серии несубъектных сращением последних с посессивным показателем, имеющим низкий тон. Такой показатель есть и в современном языке, это показатель $l\grave{a}$: $\bar{i}$ $l\grave{o}k\acute{o}$ $l\grave{a}$ $gb\acute{g}$, 'собака твоей матери'.

Приведем целиком несубъектную и посессивную серии:

	Посессивная серия	Несубъектная серия
1SG	$ar{N}$	$ar{N}$
2SG	бà	$ar{l}$
3SG	à	à
1PL	kò	kō
2PL	kà	kā
3PL	wà	$ar{o}$

Видно, что, кроме местоимения 3 л. ед. ч., которое в несубъектное серии и так было низкотоновым, и местоимения 1 л. ед. ч., все остальные местоимения посессивной серии отличаются от соответствующих им местоимений несубъектной именно низким тоном. Если по каким-либо причинам в истории языка местоимение 1 л. ед. ч. не претерпело никаких поверхностных изменений, и бывшая посессивная частица не выражается, это не значит, что язык не «помнит» о том, что она когда-то там была ^{6} .

Поскольку изменение внешнего облика местоимения и начального согласного следующего слова подчинено не только фонетическим, но и грамматическим правилам, мы можем назвать это изменение «грамматически обусловленным», или неавтоматическим, варьированием [Плунгян 2003].

Фонологический статус фонемы /N/

В связи с тем, что фонема /N/ образует местоимения 1 л. ед. ч. различных серий, помимо несубъектной, которые фонетически реализуются как [n] или [nn] с различными тонами и никогда не вызывают чередований начальных согласных. Ее поведение в этих случаях абсолютно аналогично поведению гласных фонем, которые также бывают фонетически краткими, долгими, могут нести различный тон и не вызывают чередования. При этом ее поведение отличается от поведения согласных, которые не несут тон и не различаются по долготе-краткости (исключая случаи геминации, но здесь, очевидно, речь идет об ассимиляции, а не о долготе или о сочетании двух одинаковых согласных). Следовательно, фонема /N/ должна быть отнесена к гласным фонемам и может само-

Ч

В связи с «нулевой морфемой», которая препятствует чередованию, любопытно вспомнить так называемый «парадокс А. А. Реформатского». В русском языке в словах купаться и пяться на месте орфографических сочетаний тьс произносится [ц:] в первом случае и [т'с'] — во втором [Реформатский 1970: 383]. Случаям типа пяться (пя[т'с']я) аналогичны случаи типа разросся (разpo[cc']s) — и там, и там в позиции перед <c'> отсутствует ассимиляция: по способу образования в первом случае (ср. купаться: купа[ццъ]) и твердости // мягкости во втором случае (ср. бессистемный: бе[с'с']истемный), а реализации согласных фонем отличаются от их реализации в той же фонетической позиции в основном массиве словоформ. В обоих случаях отсутствие ассимиляции имеет место в словоформах, в которых /с'/ возвратного постфикса отделена от предшествующей согласной фонемы не только морфемной границей (эта граница существует и в случаях типа купа[ццъ], бе[с'с']истемный, но не препятствует ассимиляции), но и одной или несколькими нулевыми морфемами — нулевым суффиксом императива в пяться и нулевыми показателями прошедшего времени, единственного числа и мужского рода в разро[сс']я. Можно предположить, что нулевые морфемы на фонологическом уровне реализованы определенной разновидностью фонем — нулевыми фонемами, которые не имеют собственной звуковой манифестации, однако могут блокировать, действие некоторых фонологических правил (аналогично тому, как нулевая морфема императива вызывает грамматическое чередование твердой фонемы с мягкой: вста/н/у / вста/н'/ [Князев 2004].

стоятельно образовывать слог — в отличие от согласной фонемы /ŋ/, которая встречается в интервокальной позиции.

Итак, фонема /N/ должна быть отнесена к гласным фонемам и имеет следующие характеристики:

- способна образовать слог; реализуется как [n] или [nn] с различными тонами;
- в некоторых случаях не связывается ни с какой позицией в структуре слога, имеет «плавающий» характер и ассимилируется с последующим согласным /6/, /1/, /y/, /w/, перенимая у него место образования при сохранении назальности и образуя геминат.

До сих пор шла речь только о варианте (диалекте или идиолекте) информанта Эли Санди. Дело в том, что именно в вопросе фонемы /N/ варианты Эли Санди и информантки Дениз, с которой я работала во время экспедиции, существенно различаются.

Среди данных, которые удалось собрать за день работы с Дениз, обнаружилось, что следующий за носовым гласным согласный /l/ ассимилируется по назальности и произносится как [n].

- à sỳ̄̄̄ l̄ε̄ [n̄ε̄] sὲ
   3SG.INAL характер COP хороший 'Его (ee) характер хороший'.
- $\frac{2}{2}$ $\frac{g\bar{g}i}{g\bar{g}i}$ $\frac{s\dot{g}j}{g\bar{g}i}$ $\frac{l\bar{e}}{g\bar{g}i}$ $\frac{gb\dot{u}\dot{o}}{g\bar{g}i}$ $\frac{gb\dot{u}\dot{o}}{g\bar{g}}$ $\frac{gb\dot{u}\dot{o}}{g}$ $\frac{gb\dot{u}\dot{o}}{g}$ $\frac{gb\dot{u}\dot{o}}{g}$ $\frac{gb\dot{u}\dot{o}}{g$

Возможны следующие интерпретации полученных данных: либо у Дениз после носовых гласных согласный /6/, /l/, /y/, /w/ всегда ассимилируется, либо это происходит в определенных синтаксических контекстах, либо это происходит в случаях, когда у предыдущего слова на конце постулируется /N/, который и является причиной ассимиляции, причем при независимом произнесении /N/ реализуется только в виде назализации последнего гласного. При этом на данный момент можно сказать определенно, что первая интерпретация неверна: были зафиксированы случаи, когда назализации после носовых гласных не происходит.

При произнесении подобных фраз информантом Эли Санди подобных изменений не зафиксировано. Очевидно, что необходима подробная проработка диалектных различий, и в дальнейшем могут быть внесены существенные поправки — например, для варианта Дениз на глубинном уровне будет постулирована конечная фонема /N/, которая на поверхностном уровне выражается как назализация предыдущего гласного, а также как чередование последующих начальных /6/, /l/, /y/, /w/.

Библиография

Выдрин 2006 — *Выдрин В. Ф.* К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 2. СПб., 2006. С. 9–252.

- Князев 2004 *Князев С. В.* Об иерархии фонологических правил в русском языке (несколько новых соображений по поводу *язв* А. А. Реформатского) // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004.
- Плунгян 2003 Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2003.
- Реформатский 1970 *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Хачатурьян 2009 *Хачатурьян М. Л.* Сегментная фонология гвинейского мано // http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/xach_phon.pdf.
- Creissels 1994 *Creissels D.* Aperçu sur les structures phonologiques des langues dés langues négro-africaines. Grenoble: ELLUG, 1994.
- Leben 1973 *Leben W.* Suprasegmental phonology. Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology. 1973.
- Vydrine 2003 *Vydrine V*. La phonologie gouro: deux décennies après Le Saout // Mandenkan, 38, 2003. P. 89–113.

Е. М. Болычева

ИНТУИТИВНОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СООТВЕТСТВИЯ

Коллективное сознание носителей языка актуализирует некоторый универсальный объем знаний: у нас общие представления о лисе, которая хитрая, о вороне, которая глупая, о разбитом зеркале и об Иванушкене-дурачке. Эти знания тождественны для всех, у кого русский язык родной, и имеют научное определение — прецедентные. Прежде всего общее мнение касается истин, описывающих действительность, однако это не единственная сфера, которая подвергается универсализации. Особенности родного языка — не менее важная тема, она тоже предполагает наличие разделяемых всеми истин.

Существует некоторый набор общих представлений о языке, в том числе о его фонетическом устройстве. У носителей языка схожее мнение о том, какие звуки свойственны родному языку, как они передаются на письме буквами, какие орфоэпические варианты следует предпочесть и т. д. Эти представления о фонетике родного языка являются наивными, не научными, и далеко не всегда совпадают с лингвистическими теориями, с одной стороны, и с объективными данными — с другой.

Общие знания фонетического плана выявить и описать не так просто: они спрятаны в недрах коллективного сознания и существуют прежде всего на интуитивном уровне, а не в виде воспроизводимых текстов. Однако некоторые виды языковой деятельности позволяют понять, какие именно мнения фонетического плана свойственны сознанию рядового носителя языка, не имеющего профессионального лингвистического образования.

Выявление и систематизация свойственных бытовому сознанию фонетических истин представляется важной задачей. Эти истины первичны и способны оказывать существенное влияние на научные лингвистические построения, которые по своей сути вторичны и наложены на интуитивную, данную с детства уверенность в наличии определенных языковых особенностей.

Ориентация на букву, феномен ее приоритета над звуком — яркая черта решений фонетического плана, принимаемых обычными носителями языка, не лингвистами. Буквам отведена особая ниша в коллективном языковом опыте. Они проникают в жизнь ребенка в раннем детстве как свидетельство доступных взрослым умений, которыми следует овладеть во что бы то ни стало. В процессе обучения чтению у каждого из нас формируется алгоритм приоритета буквы, который становится фактом коллективного сознания и потом влияет на лингвистические, про-

фессиональные решения. Феномен ориентации на букву может проявлять себя, несмотря на профессиональную подготовку, на степенизвания и годы занятий фонетикой и фонологией. Интуитивные представления трудно корректировать: это наше коллективное «я», от которого не избавишься, т. к. мыслишь на этом языке, постоянно накладывая уже существующую в сознании модель на то, чем в данный момент профессионально занимаешься. И вопрос, что первично — звук или буква, на самом деле вовсе не простой и однозначный.

Попробуем найти и перечислить данные, существование которых объясняется интуитивным феноменом приоритета буквы в сознании носителей языка — студентов и преподавателей, профессионально занимающихся фонетикой.

1. Иллюзия идентичности звука написанной букве

На начальном этапе обучения грамотности любой ребенок обязательно пытается записывать слова исходя из фонетического принципа, т. е. как слышится: малако, кифир, ряжынка. Попытки подобного рода знаменательны направлением выбора: звук определяет букву. Разумеется, взрослые сразу же указывают на недопустимость алгоритма, и в результате десятилетних усилий он будет изжит, а взамен станет актуальным иной навык, основанный на принципиальном игнорировании звуковых впечатлений и на главенстве буквы, а не звука при оценке «правильно / неправильно». Презумпция буквы исподволь формирует представление о том, что мы и говорим так, как написано: звуковое значение буквы в сильной позиции (под ударением или перед гласной) замещает, подменяет в сознании грамотных людей реальный звук.

Студентам, обучающимся делать фонетическую транскрипцию, приходится преодолевать ставший привычным навык ориентации на букву, и происходит это непросто: тот, детский вариант движения от звука к графическому символу стерт и должен быть сформирован заново. Вот тут-то и всплывают многочисленные иллюзии, свойственные рядовому носителю языка.

Проблемы с идентификацией звука на месте букв *а*, *я* после мягких — непременно возникающая трудность, с преодолением которой сталкивается любой преподаватель. Мнение о произношении на месте букв *а*, *я* звука *а*-образного качества истинно для ударного слога, но рядовые носители языка склонны распространять указанное соответствие на любую позицию. Универсальность «закона» не подвергается сомнению и не корректируется, несмотря на кажущуюся простоту вывода об особенностях произношения и написания слов типа *часы*, *пятак*, *язык*. Шокирующая дистанция между буквой и звуком большинством людей попросту не замечается: они убеждены в наличии в подобных примерах [а] (не [и]!). На ложной уверенности подобного рода строится, например, известный анекдот, тиражируемый многими юмористическими сайтами:

Учительница:

- Дети, я проверила ваши сочинения. Все хорошо, только вот Вовочка почему-то написал «птицы улятели на юг». Вовочка, ну почему же «улятели»?!
  - Почаму, почаму... Склявали все, вот и улятели!

Знаменателен в этой связи и характер орфографической игры в новографе — особом аффтарском языке, используемом в Интернете. Принцип написания наоборот теоретически допускает использование в виде взаимозаменяемых всех трех букв — и, е, я — для обозначения безударных гласных после мягких согласных. Однако подобное допущение не подтверждается фактами: намеренная путаница е и и осуществляется с легкостью (превед, ниасилил, кросавчег), тогда как на букву я игра не распространяется. Написания типа чисы, риды или вяду, крячу не встречаются, а примеры пяшу стяхи или кобан питаг воспринимаются как единичные находки, привязанные к конкретным лексемам (обратите внимание, насколько трудно опознать питаг без подсказки в виде кобана). Предоставляемая языком возможность орфографической игры остается нереализованной. Налицо явный случай несоответствия реального положения вещей и устоявшихся представлений носителей языка об особенностях собственного произношения.

В целом же представления о произношении определяются подспудной готовностью услышать написанное и крайне изумиться открытию о наличии другого, никак не ожидаемого звука при настойчивом требовании прислушаться. Набор провокационных примеров, в которых прогнозируются ошибки при транскрибировании, хорошо известен любому преподавателю фонетики: доброго, сегодня, легкий, шестьдесят, моделировать, лучше, плацдарм, безвкусный и, конечно же, обсуждавшиеся выше частота, жалеть, пятилетка, связать и т. д.

Легче всего осознается носителями языка факт наличия не [о] на месте буквы o и появления глухих на конце слова наперекор букве (soda, cad). Почему? Возможно, данный феномен связан с особым вниманием составителей школьных учебников к подобным примерам в силу их частотности (отработке навыка правописания слов с a, s после мягких во всех трех стабильных учебных комплексах посвящено меньше упражнений), а может быть, и с чем-то другим — например, представлением именно этих тем как первых к изучению в первом классе (наряду с жиши, va—uq, vy—uy — недаром же все мы это помним: начальный школьный опыт оставляет заметный след в сознании человека).

2. Правила чтения, связанные со слоговым принципом русской графики, переносятся на особенности фонетического, аккомодационного уровня

На вопрос, почему в слове *сила* произносится мягкий [c'], обязательно будет получен молниеносный ответ: «Потому что дальше идет u!».

Такой ошибки практически нельзя избежать, даже если сначала разобрать хрестоматийные *играть* — *сыграть* при невозможности *сиграть. Рассказ о влиянии согласных звуков на гласные и упражнения в проставлении аккомодационных точек в соседстве с мягкими не изменят ситуации: кто-нибудь невнимательный обязательно выпалит ошибочный ответ, а остальные не произнесут сокровенной фразы только потому, что будут с ней внутренне бороться, умудренные полученной информацией. Фраза закономерна, она описывает правила чтения: букву *с* нельзя соотнести ни с [с], ни с [с'], пока не узнаешь, какая буква следом. Если дальше *и*, то это [с']! Мы анализируем привычный с детства навык и вербализуем его.

Аналогичные представления вызывают транскрипцию типа [ж'и]знь. Ошибка закономерная и частотная. Намек на нее рождает неуверенность: что-то мешает услышать [ы] и твердый [ж]. Диктат буквы u, которая «смягчает», оказывается сильнее реальности. Получается, что закрепленный в коллективном сознании алгоритм «смягчать — не смягчать» характеризуется большей универсальностью и всеохватностью: мы произносим [жы], а убеждены, что [ж'и]. Радуясь фонетико-графическим воспоминаниям детства, студенты в ходе обсуждения ошибки обязательно продуцируют новое правило: ЖЫ-ШЫ пиши в транскрипции с Ы (выбрана запись курсивом, позволяющая не привносить в формулу «лишних» мыслей о звуках / буквах). Интересно, что за годы преподавания ни разу не было предложено иное — пиши, как слышишь! Выдвигается принципиально многоступенчатая схема — вспомни, как пишется, и сделай наоборот. Эта схема доказывает, что графический облик слова имеет в сознании грамотного человека особую ценность, и не случайно такой же алгоритм выбирается как базовый при создании текста на новографе. Существует шутка, механизм создания смешного в которой ориентирован на непривычность движения от звука к букве, когда выбор буквы задается звуковыми впечатлениями и неожиданными, но совершенно допустимыми заменами с точки зрения соотношения буква — звук (чтобы избежать неактуальных уточнений смысла, снова обратимся к курсиву):

Инструкция: ЖЫ-ШЫ пишется с И (например, ЖИНА).

Попробуйте проанализировать собственные ощущения: не захотелось ли вам вопреки всем знаниям прочитать [ж'и], глядя на провокационное жина?!

При анализе примера *солнце* студенты сомневаются как в твердости звука [ц], так и в наличии [ъ] на месте буквы е. Им хочется настоять на е-образном звуке или хотя бы на [ь]. Колебания связаны с «мнением», свойственным коллективному сознанию, о произношении закрытого [е] или, на крайний случай, [и] на месте орфографического е. Предыдущий согласный при этом должен быть, безусловно, мягким — позиция интуитивно оценивается как слабая по твердости / мягкости, а гласный наделяется иллюзорной силой «смягчения» согласного.

Итак, навыки чтения слога оказываются настолько сильными и универсальными, что определяют общую модель наивного восприятия фонетических особенностей родного языка, иногда поразительно не соответствующую ни направлению аккомодации звуков, ни фактам произношения. В целом эта модель характеризуется двумя особенностями: вопервых, она является буквенной, а не звуковой и, во-вторых, распространяется на все буквенные сочетания без исключения, в том числе и на те, состав которых определяется не правилами графики, а законами орфографии.

Некоторые из пунктов дальнейшего перечня окажутся, по сути, производными от уже сформулированных, тем не менее сквозная нумерация останется принципом изложения материала: подобное упрощение есть следствие неготовности представить исчерпывающую, иерархически организованную картину приоритетов в наивных знаниях фонетического плана.

3. Несовпадение фонемы с буквой мешает осознанию фактов лингвистической теории / постулатов теоретического свойства

Приставка *под*- осознается как идентичная независимо от ее произношения: *поднят, подпись, поднять, подписан*, и никаких проблем в связи с ее представлением в виде <под> не возникает. С другой приставкой в аналогичном ряду примеров *розыгрыш, роспись, разыгрывать, расписывать* дела обстоят сложнее. Студентам требуется время, чтобы смириться с мыслью о ее тождестве при четырех графических вариантах написания, кроме того, фонемная транскрипция в виде единого <pоз> кажется им сначала по меньшей мере удивительной.

С огромным трудом осознается тождество окончаний -ый, -ой (зеленый, больной). Обязательно звучит вопрос: а -ый под ударением не бывает? После повторных объяснений прогнозируется финальное: «А -ий как проверить?».

Фонемная проверка окончаний существительных *поле*, *солнце* оказывается очевидной или затруднительной в зависимости от принятого алгоритма подбора примеров. Студенты соглашаются на *окно*, *кольцо* лишь под действием логических рассуждений и ценой внутреннего усилия, примеры же типа *копьё*, *ружьё* одобряются сразу. Графическая замена $e-\bar{e}$ кажется носителям языка вполне естественной, общепринятой, параллель же $e-\bar{e}$ вызывает недоумение.

4. Характеристика фонетической позиции опирается на буквенный облик слова вопреки научным установкам

При обсуждении позиции перед e обычно не говорится, о звуке, о фонеме или о букве идет речь. Если e все-таки записывается не курсивом,

а заключается в фонемные / звуковые скобки, то делается это без объяснений и ситуация с каверзными примерами типа деталь, детерминизм не рассматривается. Решение обойти проблему принимается, естественно, сознательно — в тех же случаях, когда дискуссия получается спонтанной, в репликах специалистов могут проскальзывать красноречивые оплошности. В беседе с коллегой, профессором МГУ, в связи с поднятой темой был мгновенно, на автомате продуцирован пример — слово бутерброд, якобы доказывающее тезис о представленности сочетаний с твердым перед е в словах, характерных для обиходной речи маленького ребенка. Мысль вдруг обратилась к букве: ни звука [э], ни фонемы <э> в этом слове нет, интуитивные представления носителя языка победили профессиональные установки!

Тема об изменении звуков в потоке речи предполагает рассказ об ассимиляции, аккомодации, диссимиляции и т. д. — обычный и знакомый перечень тем. Но ведь для того, чтобы констатировать указанные явления, звук надо с чем-то сопоставить. С чем? Этот вопрос нигде не обсуждается, все исходят из представления, что и так ясно. Однако не все ясно и не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Аффриката [ч'] в *подсчитать* рассматривается как результат ассимиляции по глухости, мягкости, месту и способу звука [д] — основного представителя фонемы. Такое решение принимается и с точки зрения научной теории, и с точки зрения интуитивного желания носителя языка счастливое совпадение. А с чем сравнивать [у] в просторечном тубуретка (вместо табуретка), реализующем возможность межслоговой ассимиляции гласных? С основным представителем фонемы не получится: там гиперфонема. Можно сравнить с [ъ] — но тогда логика рассуждений будет постоянно «сбоить». Хочется почему-то с а сравнить. Вот только с каким а и откуда а во втором предударном слоге?

Справедливости ради отметим, что оправдать интуитивно подсказываемое a можно и без апелляции к букве, запретной в фонетическофонологических рассуждениях. Прежде всего надо разобраться, что и с чем мы сравниваем, когда констатируем факт редукции. Пример хрестоматийный — $a[a] \partial a$. Принято говорить, что звук [a] представляет собой результат качественной редукции [o]. Вряд ли такой вывод правомерен. Уменьшение артикуляционных усилий не приводит к переходу a-образного звучания в a-образное. Подобное изменение тембра может быть вызвано только действием языкового правила замены одного звукотипа на другой. В ситуации $a[a] \partial a$ // $a[a] \partial a$ // $a[b] \partial a \partial a$ речь должна идти прежде всего о факте фонетического чередования звукотипов, представляющих фонему a-составляються на звукотип [a] в случае безударного слога после твердых. В случае a-сохраняется.

Под звукотипом в данном случае понимается некоторый звуковой эталон, наличие которого осознается рядовыми носителями языка, спо-

собными произнести его изолированно. В русском языке, например, существует шесть звукотипов гласных: [и], [ы], [у], [э], [о], [а]. Понятия звукотипа и звука языка принципиально нетождественны. Звук языка представляет собой звуковую единицу, существование которой осознается профессиональным фонетистом и закреплено практикой транскрибирования ($[a^b]/[\Lambda], [b], [b]$ и т. д.).

О качественной редукции гласных следует говорить, сравнивая эталонный представитель звукотипа [а] (т. е. ударный [а́]) с тем звуком языка, который появляется в случаях $s[a]\partial a$, $c[a]\partial a$ ми; $s[b]\partial a b$, $c[b]\partial a b$. В первом предударном слоге целевая артикуляция, свойственная [а́], не может быть до конца выполнена и возникнет звук не совсем нижнего подъема (иногда его обозначают как [а ^{b}], иногда как [л]); во втором же предударном слоге недовыполненность целевой артикуляции окажется глобальной и появится гласный среднего подъема — [ь].

Получается, что существует как бы два уровня абстракции. На первом устанавливается, какой звукотип связан с той или иной позицией. Если вернуться к исходной точке рассуждений — к примеру *табуретка*, то следует говорить о звукотипе [а] (именно такой звуковой эталон ожидается рядовыми носителями языка, [у] будет расценен как вольность). Второй уровень абстракции позволяет объяснить, каким звуком языка будет реализован конкретный звукотип в результате действия механизма редукции (качественной и количественной): в случае с *табуретка* на месте звукотипа [а] приходится ожидать [ь].

Итак, в результате долгих и сложных рассуждений *табуретка* — *тубуретка* оказались включены в контекст доводов, вроде бы свободных от апелляции к букве. Однако подобный вывод весьма относителен, поскольку само понятие о звукотипах формируется у носителей языка не без участия алфавита.

5. Интуитивные представления о звукотипах во многом определяются знакомством с буквой

Коллективное мнение о качестве и количестве звукотипов в родном языке формируются благодаря некоторым условиям. Наличие смыслоразличительных оппозиций — фактор собственно языковой и безусловно главенствующий. Но не только он действует: знакомство с буквами в раннем возрасте не менее важно. Буквы ы, и, э «удачно» называются — в один звук. Так формируется навык изолированного произношения этих звуков, кроме того, они невольно осознаются как самостоятельные сущности, т. к. для их обозначения есть осязаемый объект — буква. С буквой е сложнее: она называется в два звука. Навык изолированного произношения закрытого [е] не формируется (в отличии от [ы]), и мы не можем продуцировать оппозицию [э]–[е] (в отличии от [ы]–[и]). Как эталон в сознании закрепляется более «свободный» [э], хотя он и менее частотный. Последний фактор в какой-то мере (а возможно, в значительной)

компенсируется официальными и просторечными, подогнанными под общую модель названиями букв, с которыми знакомит малыша мама: δ — [δ], ϵ — [δ] наряду с π — [δ], π — [δ]. Усвоенные в процессе знакомства с азбукой слоги будут не так часто встречаться в словах (но все-таки будут: δ поре δ сарделькой), но это уже неважно: представление о «нормальности» таких сочетаний было сформировано и подкреплено визуальным образом буквы. Все сказанное — гипотеза, которую трудно проверить. Нам не дано узнать, были бы способны русские люди изолированно произнести звук [δ], не встречающийся в начале слова и связанный отношениями дополнительной дистрибуции с [δ], если бы буква δ 0 по-другому называлась (δ 0, δ 0, δ 0...).

6. Буква влияет на ход исторического изменения произносительных норм

Вариант $\mathcal{M}[\mathbf{ы}]$ *кет* перешло в $\mathcal{M}[\mathbf{a}]$ *кет* под влиянием графического облика слова. С особенностями реализации фонемы <a> этот факт никак не связан: тут нет такой фонемы по проверке.

Буква способствовала упрочению позиций эканья как условного факта. Именно условного, а не произносительного. Эканье заменилось иканьем в начале XX века — это в жизни, в узусе, а в книгах старая норма сохранялась как культурный феномен еще сто лет: во всевозможных справочниках, учебниках, фундаментальных и заурядных, известных и не очень, вокализм продолжал описываться в соответствии с экающей нормой. Так описывает особенности произношения «Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы» под редакцией Р. И. Аванесова (5-е изд., 1989). Принятое авторами решение имеет свою историю, оно объясняется сложившейся в середине века практикой нормализаторской работы и тесным образом связано с важной теоретической проблемой — пониманием места вариативности в языке. Все это так. Но почему-то кажется, что приоритет буквы играл в процессе «сохранения» эканья далеко не последнюю роль. Если хочется, то услышишь разницу между лиса и леса, — разницу, которой на самом деле нет. Сам услышишь и другим поможешь услышать, прочитав, например, в педагогическом вузе курс фонетики в соответствии с традиционными установками.

В связи с последним доводом возникает вопрос: насколько можно повлиять на процесс формирования наивных представлений носителей языка об устройстве этого самого языка? По-видимому, можно, и это происходит прежде всего в школе. Один из школьных учебников составлен в соответствии с экающей нормой — учебник М. М. Разумовской и П. А. Леканта. Обучающимся по нему детям будет потом очень трудно услышать, что в *леса* на самом деле произносится [и]: мы безоговорочно верим школьной учительнице и умной книжке. Усилиями методистов у ребенка формируются ложные фонетические представления, и форми-

руются легко, потому как подкреплены авторитетом буквы. Становясь фактом коллективного сознания (все наши дети ходят в школу) они войдут в языковую модель мира.

Итак, кодификационные издания по признаку воздействия на коллективное сознание можно подразделить на непосредственно формирующие оное и лишенные такой силы. Школьные и вузовские учебники, в отличие от всевозможных специальных словарей, обладают фантастическим формирующим потенциалом.

7. Представления о слоге неразрывно связаны с графическим обликом слова

Любой преподаватель знает, что занятия по теме «Суперсегментные единицы и признаки» начинаются с настойчивых рекомендаций делить на слоги транскрипционную запись, а не буквенную. Студенты поначалу ошибаются и делают наоборот, предлагая варианты типа о-шип-ках. Это во-первых. Во-вторых, они явно склонны делать слоги закрытыми и такие предпочтения вряд ли связаны с морфемной структурой словоформы, что красноречиво доказывается примерами типа мос-тик, сев-ший. Почему мы склонны соотносить слоги с буквенной записью, делая их при этом закрытыми? Скорее всего, «наивные» представления о слоге у рядового носителя языка формируются в глубоком детстве в ходе обучения чтению. Сначала в букваре идет сакраментальное Ма-ма мы-ла ра-му, потом примеры усложняются. Чтобы научить ребенка читать слова, содержащие консонантные сочетания, ему помогают разбивать оные, когда одна буква отходит к левому контексту, а другая — к правому: Мос-тик над реч-кой. Графический способ представления соответствующих примеров «работает» на формирование такого навыка: слова дробятся с помощью черточек-палочек. Кроме того, визуальный облик слова постоянно соотносится с требованием читать медленно, по слогам. Получается, что в сознании маленького носителя языка за таинственным термином «слог» закрепляется интуитивное представление о совокупности букв, по указанному принципу «разбитых», сгруппированных.

Данная гипотеза подтверждается результатами исследований, предпринятых Е. Н. Винарской, Н. И. Лепской, Г. М. Богомазовым, В. Б. Касевичем: если четырехлетние малыши предпочитают только открытые слоги, то пятилетние дети дают равновероятное распределение в выборе между закрытыми и открытыми слогами, у семилетних же школьников предпочтение смещается в сторону закрытых слогов. Детей начинают учить читать чаще всего в возрасте 4,5–5 лет — именно в этом возрасте вдруг и появляется желание сделать слог закрытым. С упрочением навыка чтения сформированное желание постепенно доходит до автоматизма, и слог для нас становится единицей письменного кода, ориентированной на перенос.

Еще одно доказательство в пользу высказанного тезиса: если попросить информантов переставить слоги в слове коза, получим явное пре-

имущество [за-ко] над [за-ка]. Даже профессионалы-лингвисты склонны исходить из буквенного облика слова, а не из звукового. То же самое происходит и при скандировании, когда продуцируются варианты типа [д'и-на-мо].

8. Идея частичного совпадения фонем в составе морфов одной морфемы зиждется на орфографических соответствиях

Фонема идентифицируется в пределах морфа — таково жесткое требование, всеми разделяемое и не подвергающееся сомнению на уровне абстрактного правила. Насколько четко мы на самом деле ему следуем, когда делаем транскрипцию? Как проверить слова дорогой, молоко, вождение? Ответ рождается молниеносно: дороже, молочный, водит. Морфы подменены, но на такую вольность принято не обращать внимания. В случаях же с широкий — ширь, водичка — воды, зеленый — зелень подчас не замечается даже сама вольность: идентичность буквенного представления корня рождает иллюзию абсолютной корректности проверки. Мы исходим из интуитивного представления о том, что морфы отличаются только чередующимися фонемами. Нам кажется, что в дороговорого первые четыре фонемы совпадают — отличаются лишь финальные <г-ж>. Возможно, что это и так, хотя ударным [о] будет только перед [ж], перед [г] примеров нет.

Тезис о поэлементном совпадении морфов требует специального обсуждения, которое не приводится ни в одном учебнике по фонетике. Подобное молчание симптоматично. Процедура проверки буквы, заложенная еще в начальной школе, как известно, предполагает возможность замены одного морфа другим. Так формируется и закрепляется в коллективном сознании представление об идентичности тех элементов морфов, которые пишутся одинаково. Это представление становится фактом языковой картины мира любого русского человека, в том числе и того лингвиста, который пишет учебник по фонетике или учит студентов азам фонологической транскрипции. Нам трудно усомниться в том, что кажется само собой разумеющимся и привнесено во взрослую жизнь из глубокого детства.

Тем не менее проблема пофонемного соотношения морфов требует специального осмысления. Как, например, следует поступить с *шептало*? Какая фонема следует после <ш>— <э> в соответствии с *шепчет* (морф отличается конечным чередованием <т // ч>) или <0> в соответствии с *шёпот* (морф сохраняет финальную <т>, зато появляется «лишняя» гласная)? И совсем непросто в этой связи решить вопрос о фонемном статусе [п]. Если проверять «беглой» гласной, то докажем наличие <п>. Отвергая подобную проверку, будем вынуждены признать гиперфонему <п / п' / б / б'>. Последнее решение принимать не хочется. Однако если всегда апеллировать к морфам с «проясненными» гласными, то в *актри*-

се будет мягкая <т'> (актер), в помнишь — мягкая <м'>(запоминать), в оти — мягкая <т'> (отец), а в голодный — мягкая <д'> (голоден ближе, чем голод, хотя неизвестно, следует ли учитывать словообразовательный фактор). И будет ли проверка ставить к примеру ставлю считаться, во-первых, адекватной, а во-вторых, идентичной приведенным выше решениям?

С аффиксами ситуация оказывается ничуть не проще. Можно ли деепричастный суффикс -вии- (скрутившись) проверять, с одной стороны, с помощью в (скрутив), а с другой — с помощью ши (опершись)? Правомерно ли соотносить окончание -ами (карандашами) с ударным -ми (дверьми)? Допустимо ли доказывать фонему <a> в суффиксе -ыва- (переписывать) ударными -ва- (засевать) или -а- (вычищать)? И почему подмена -сь (умывалась) на -ся (умывался) и -ть (читать) на -ти (идти) «узаконена» и описывается как правомерная в отличие от остальных случаев? Все эти и многие другие вопросы еще только ждут своего разрешения.

9. Заученные в детстве последовательности букв формируют систему приоритетов, необъяснимых с точки зрения языковых особенностей

Возможно ли установить направление чередования, представленного несовпадающими фонемами в разных морфах одной морфемы? В морфонологии этот каверзный вопрос не получает единого истолкования. Учеными выдвигаются самые различные критерии поиска исходного морфа: от возможности выбирать его произвольно до строгих алгоритмов, связанных с поиском или морфа начальной (словарной) формы, или самого длинного морфа, или представленного в морфонологически сильной позиции.

Несмотря на неслаженность описанных критериев, объективно всегда существует вариант следования чередующихся единиц, который кажется нам почему-то верным. Любой человек, как профессиональный лингвист, так и рядовой носитель языка, легко выстраивает ряды чередующихся звуков в некоторой «правильной» последовательности, например: [с // с' // ш] и никак иначе. Если привести соответствующие примеры и попросить еще раз подтвердить указанный порядок, наступает сбой: из совокупности форм нёс, носит, ношу носитель языка не готов поставить на первое место именно нёс. Объяснить, почему это происходит, сложно. Однако возможно, что причина кроется опять-таки в тех знаниях о языке, которые были заложены в подсознание с помощью школьного учебника. Ряды чередований задавались на полях или в рамочке списком букв, который ребенок запомнил именно в такой последовательности. И причина выбора в описываемом эксперименте задается на самом деле не особенностями языковой системы, а простым фактом интуитивного узнавания того, что уже где-то видел. Иными словами, некоторый набор букв воспроизводится как «стихотворение».

Таких «стихотворений» мы знаем много! Попробуйте задать коллеге совершенно неправильный с точки зрения профессионального лингвиста вопрос «Назовите набор букв, которые смягчают согласную». Ответ будет мгновенным и вполне прогнозируемым — e, $\ddot{e}$, κ , κ плюс κ . Откуда-то мы знаем эту последовательность, которую выдаем на провокационный вопрос как «стихотворение»?!

Итак, приведенный перечень наблюдений доказывает существование некоего общего набора бытовых фонетических представлений, которые имеют по преимуществу графическую, буквенную обусловленность и в силу своей первичности способны влиять не только на наивные, но и на профессиональные лингвистические научные построения. Адекватное восприятие реалий произношения оказывается иногда парадоксально трудной задачей, требующей профессиональных умений, связанных в том числе с задачей осознать и отрешиться от целого ряда иллюзий, свойственных сознанию рядового носителя языка.

Е. И. Литневская

О НЕКОТОРЫХ ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЯХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ТЕКСТАХ РОМАНОВ ВИКТОРИИ ПЛАТОВОЙ

В главе «Активные процессы в области русского письма» вышедшего в 2008 году коллективного исследования «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков» С. М. Кузьмина отмечает, что усиление апеллятивно-экспрессивной функции языка находит свое отражение и в такой относительно консервативной сфере, как письмо, и приходит к выводу, что языковая игра с буквой получает все более широкое распространение в заголовках и рекламе и «возрастает роль авторской орфографии, то есть намеренное отступление от орфографической нормы, отражающее пристрастия пишущего или его стремление использовать и этот элемент с определенной целью. "Текст печатается в авторской орфографии" — такое примечание в наше время можно встретить не только при публикации старых текстов, но и текстов ныне живущих наших современников» [Кузьмина 2008: 410].

Нам представляется, что инновации в области русского письма проявляются не столько в рекламе и заголовках, сколько в активно развивающихся в последнее десятилетие письменных жанрах разговорной речи.

Одной из интереснейших особенностей современного этапа развития языка является то, что появились новые формы письменной разговорной речи, связанные в первую очередь с распространением новых носителей — компьютеров, соединенных в глобальные сети, и сотовых телефонов, позволяющих не только созваниваться, но и вести смспереписку. Они характеризуются тем, что позволяют письменно общаться on-line, то есть в режиме реального времени, или в приближенных к этому режиму условиях. Анна А. Зализняк называет подобные формы «спонтанной письменной речью» [Зализняк]¹.

Представляется, что эти формы письменной речи проявляют себя в таких основных жанрах, как чаты, форумы, гостевые книги и другие формы интерактивного общения, переписка по электронной почте, а также смс-сообщения (под жанрами вслед за М. М. Бахтиным мы понимаем «относительно устойчивый тип... высказываний, выработанный той или иной сферой использования языка» [Бахтин 1986: 250]). Исследования в области спонтанной письменной разговорной речи носят пока фрагментарный характер. Так, электронной переписке посвящена статья Анны А. Зализ-

Разграничение устной и письменной формы предъявления текста, с одной стороны, и разговорной речи и кодифицированного литературного языка, с другой, отмечено еще в [Русская разговорная речь 1973: 13–17].

няк [Зализняк]. Особенности языка чатов затрагиваются в монографии Г. Н. Трофимовой [Трофимова] и статьях [Гусейнов], [Литневская, Бакланова 2005], [Иванов], [Нестеров, Нестерова], смс-коммуникации посвящена статья [Сидорова], а «аффтарский» язык описан, например, в статьях [Мокробородова 2006], [Князев, Пожарицкая 2007], [Дедова 2007].

При этом на наших глазах возникает ощутимое влияние особенностей данных форм на такие неспонтанные жанры, как рекламные тексты, «креатифф» (размещенные в Интернете произведения на «аффтарском» языке), а также тексты многих современных «бумажных» произведений — как публицистических, так и художественных.

Самой характерной особенностью исконных сетевых жанров, например чатов, является то, что они сочетают устную разговорную речь и письменную форму ее передачи в условиях, приближенных к условиям устной разговорной речи. Однако уровень технологий пока не позволяет вести голосовое общение, нет между собеседниками и визуального контакта. Нехватка при непринужденном разговоре невербальных (жесты, мимика, позы и т. п.) и паравербальных (тон, тембр, скорость, паузы) средств, которые, по мнению психологов, определяют до 55% результата в коммуникативном акте, нуждается в средствах компенсации, и они в значительной степени разработаны.

Паравербальные средства (темп, паузы, тон) передаются при помощи символов, совпадающих со знаками пунктуации, а также при помощи разных буквенных регистров и многократного повторения букв, при этом количество точек часто означает длину паузы, а количество знаков препинания по иконическому принципу соответствует силе эмоций. Громкость, как правило, передается выделением текста прописными буквами, или «капсом» (характерно, что текст, написанный заглавными буквами, воспринимается окружающими именно как крик, и на несколько фраз, написанных таким образом, можно получить ответ «Ты чего орешь?»). В других случаях заглавными буквами может выделяться особо значимая для отправителя информация.

Невербальная информация может замещаться вставкой иконок-«смайликов»; существуют целые списки таких смайликов, отражающих разнообразные оттенки переживаний.

Часто встречается использование вместо слов символов, т. е. идиоматическое письмо: ... *была куча?* (= вопросов).

Большим изменениям в чатах подвергается орфография, причем во всех своих разделах. В буквенном оформлении морфем главным из отклонений от нормативной орфографии в чатах является увеличение числа слов или морфем, написанных в соответствии с фонетическим принципом, иными словами, «пишется, как слышится». Графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию. Отклонения от орфографической нормы могут носить ситуативный характер или быть традиционными, общепринятыми: чё вместо что, щас вме-

сто сейчас, чего-нить вместо чего-нибудь, здрасте вместо здравствуйте, ваще вместо вообще. В лингвистических работах отмечается, что «сильную фонетическую деформацию ряда ударных слов можно объяснить их высокой встречаемостью в PP» [Русская разговорная речь... 1983: 45]; именно эти слова и именно в таком написании, отражающем их особое интонирование, употребляет Л. А. Капанадзе в своих записях звучащей речи [Капанадзе 2005: 89–90].

По большей части подобным образом записываются слова, употребляемые настолько часто, чтобы их запись в «новой» орфографии стала привычной. Подобное написание не носит повсеместного характера, однако формирование узуальной нормы настолько ощутимо, что слова ща, щас (= сейчас), ваще (= вообще), грит (= говорит), тыща (= тысяча), ся (= себя), тя (= тебя) и другие внесены составителями в словарь Т9 сотового телефона — наследника многих приемов, разработанных в интернет-жанрах коммуникации. (Словарь Т9 позволяет клавишу телефона, на каждой из которых «висят» по 4 русских буквы, нажимать не несколько, а один раз, в результате чего словарь предлагает варианты слов по мере убывания их частотности; конечно, пользователи тем самым попадают в зависимость от составителей словаря и их представлений о нашем активном словарном запасе, поэтому многие отказываются от этой услуги, несмотря на возможность добавлять нужную лексику в словарь; тем не менее, больше половины пользователей используют услугу Т9 для экономии времени.)

Уникальной особенностью жанров on-line коммуникации является разработка специальных способов выражения интенций. Сложные прагматические интенции и даже целостные речевые акты могут передаваться TLA (three letter abbreviations, т. е. трехбуквенными сокращениями) или отдельными пиктограммами — смайликами. Из других средств передачи интенции отметим использование вопросительного и восклицательного знака как замены целого высказывания. Бывает, что содержательная сторона коммуникации редуцируется до минимума, и коммуникация сводится лишь к обмену прагматическими интенциями. Встречаются случаи, когда и инициальные, и ответные реплики представляют собой междометия, пиктограммы или бранные слова без дополнительных комментариев. Таким образом, характерной особенностью языка чатов является высокая сложность передаваемых прагматических интенций при упрощении средств их передачи.

Еще одним из жанров письменной разговорной речи является смспереписка. Более сложная в техническом осуществлении и ограниченная в объеме техническими (да и финансовыми) возможностями, смс-переписка развивает еще больше стандартных и индивидуальных компрессивно-компенсаторных средств. Кроме того, особенности телефона как носителя текста породили собственные приемы, неведомые письменным разговорным интернет-жанрам. Как и в чатах, на клавиатуре телефона сложно создать курсив и полужирный шрифт, так что в ассортименте графических средств остаются строчные и прописные буквы, пробелы, знаки препинания и специальные иконки, вносимые в готовом виде.

Прописные буквы в целом используются в тех же функциях, что и в чатах. Это в первую очередь выделение особо значимых слов, смыслового центра высказывания. Часто именно это слово должно произноситься эмоционально и громко, что обычно сопровождается постановкой нескольких восклицательных знаков.

Ограниченность сообщения в объеме знаков может приводить к повышенному вниманию к пробелам. Отсутствие пробела между предложениями, его частями или обособленными оборотами является обычным делом. Более того, при необходимости сэкономить пространство возможно отсутствие пробелов между соседними словами, но в этом случае слова пишутся каждое с прописной буквы, например «ДайСтатьМне лирой,как осенний лес,и поутру ронять свой лист спросонья» (пример из личной переписки. — E. J.).

Вольное обращение с графикой, орфографией и пунктуацией все шире выходит за рамки сетевого общения и все чаще попадает в «бумажную» литературу. Если отображение в репликах персонажей акцента или дефектов речи имеет давнюю традицию использования в художественном тексте, то игра с регистрами, шрифтами и знаками препинания — относительно новое приобретение. При этом автор художественного произведения не ограничен в технических средствах: к принятым в перечисленных выше жанрах письменной разговорной речи приемам он может добавить и курсив, и жирный шрифт, и свободное совмещение кириллицы и латиницы: материальный носитель и здесь накладывает отпечаток на характер текста (возможности же текста на электронном носителе еще шире: здесь и цветовое решение поля и шрифта, и анимация, и гипертекстовые возможности — все, что может повысить информативность и выразительность текста).

В качестве примера приведем несколько романов Виктории Платовой, широко использущей как традиционные, так и новые графикоорфографические отклонения от норм КЛЯ и ярко демонстрирующей интерференцию жанров письменной разговорной речи.

Наиболее частым и достаточно традиционным в литературе отклонением от графико-орфографических норм, как уже было сказано, является отражение в художественном тексте особенностей произношения героя. Это может быть постоянный или временный дефект речи, иностранный или диалектный акцент, например: «Ни щерта не помню, снова полезло марийское "щ": когда Серьга волновался, акцент выпирал особенно сильно» [Платова 2005б: 419].

Так, отражение твердости согласного перед гласным часто обозначается написанием после согласного нейотированной гласной буквы. Так, В. Платова имитирует кавказский акцент:

- «— Так где Василий? спросил Звягинцев у черкеса.
- Ты жэ читал. Уехал твой Василий.
- Когда?
- Вчэра, навэрное.
- Ты-то видел, как он уезжал?
- Нэт. Нэ было мэня. Он с утра с Казбэком был. Потом нэ знаю...» [Платова 2005а: 100].

Отражение в речи персонажа твердости согласного [ч] фиксируется графические не представленным в КЛЯ сочетанием букв в слове вчэра, а написание частицы жэ вообще фонетически не оправдано: как мы понимаем, согласный [ж] твердый, поэтому такое написание частицы жэ фонетически не мотивировано. Однако текст рассчитан на зрительное восприятие, а написание жэ выглядит «не по-русски», и в этом одна из условностей письменной формы существования разговорной речи.

Подобную же условность представляет собой употребление распространенных в on-line жанрах слов типа *щас*. Соответствующие всеобщему компрессивному разговорному произношению, эти слова тем не менее призваны указать на особую разговорность или просторечность речи персонажа или становятся сигналом речевого портрета человека, не владеющего литературным произношением:

- «— Ну! Ну что, у Серьги это прозвучало как «що», неистребимый марийский акцент. Поужинаем?
  - Руки помыть можно?
- Можно, если осторожно, слегка удивился Серьга моей беспричинной тяге к чистоте. Щас провожу и прочие удобства отрекомендую» [Платова 2005б: 373–374].

Особо интересно использование в текстах художественной литературы устойчивых выражений «аффтарского языка». Будучи заведомо ориентированными на реальное разговорное произношение и представляющие собой языковую игру с графикой и орфографией, эти выражения начинают маркировать уже не простречность или плохое владение литературным языком, а принадлежность персонажа к особой субкультуре:

«Пошла ты в жопу, ведьма.

Пошла ты в жёппу!..

Ведьма не уступит. Не может уступить...» [Платова 2006: 264].

При этом подобные написания могут встречаться у Платовой и в авторском тексте, который начинает выступать как несобственно-прямая речь или призма сознания героя, например: «И только сейчас, как стильная деффчонка, обратила внимание на название клуба» [Платова 2004: 110].

Традиционным для художественного текста является обозначение удлиненного гласного или согласного повтором соответствующей буквы: «Оч-чень интересно, что скажет Ленчик обо мне?» [Платова 2004: 133].

В этом случае автор принимает решение о том, будет ли на письме отражено качественное изменение безударного гласного. В. Платова го-

това использовать разные приемы. С одной стороны, встречаем: «Ты, я смотрю, крепкий орешек, — сказал он с веселой ненавистью и даже с бледной тенью уважения в голосе. — Но ничего, мои ребятки тебя на раз расколют, они бо-ольшие специалисты» [Платова 2005б: 534]. В другом тексте оформление иное: «Заросший слабой застенчивой щетиной подбородок подмигивал: «Мы таких дел наваляем, ди-ивчонка, мало не покажется!..» [Платова 2004: 115]. Выделение качественной редукции первого предударного часто становится указанием на аффектированность, игривость, вульгарность или манерность речи персонажа.

Для текстов русской классики XIX века было характерно включение в реплики героя французских слов в оригинальном написании, сопровожденных в советское время переводом в сносках (такова речевая характеристика, например, Степана Верховенского; встречаются варваризмы и в тексте автора-повествователя; вспомним, к примеру, пушкинское полемично-игровое «Она казалась верный снимок / Du comme il faut... / (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)».

В современных же текстах находит отражение новая лингвокультурная ситуация, при которой ожидаемым является хотя бы минимальное владение английским языком: многие английские слова и выражения встречаются без перевода: «Эта мыслишка почему-то развеселила и Динку: show must go on, даже такое — дешевое и хлипкое» [Платова 2004: 355]. При этом возможно сочетание трансрипционной (реже — транслитерационной) записи английского слова кириллицей с написанием латиницей: «Такие книги на дороге не валяются. Мысль намба onе» [Платова 2004: 380]. Распространившееся в совеременной рекламе игровое включение латиницы в кириллическую запись слова тоже находит отражение у В. Платовой: «Он увидел ее еще раз рано утром, когда уезжал из всеволжского дома Коребельникаffа» [Платова 2004: 66].

Как мы знаем, в художественной литературе не приняты графические сокращения слов (*m. е.*, *m. к.* и другие). Однако такие сокращения, широко распространенные в on-line жанрах разговорной письменной речи, проникают и в художественный текст, становясь элементами речевого портрета персонажа: «Прочтя ее, мы некоторое время пребываем в оцепенении. Ничего не скажешь, со вкусом написано. Ничего лишнего. Текст оч. хор. Оч. свеж и нов. И главное — оч. похож. На нас» [Платова 2004: 363].

В тексте В. Платовой появляется и принятое в чатах пунктуационное оформление высказывания. С одной стороны, это произвольное количество точек в отточии: «Гуляющий по крыше ветер относит его голов в сторону, до Васьки долетают обрывки фразы, отдельные звуки, оттого и получается: с..м..е..е..р..ть...» [Платова 2006: 295]. С другой стороны, это парцелляция, при которой каждая часть сложного предложения без каких-либо отделяющих знаков препинания оформляется с новой строки:

«...на юго-западной оконечности тела Ямакаси — Смольный, на юго-восточной — Исаакий, из сердца (расположенного справа) торчит шпиль Петропавловки, в головах у Ямакаси — янтарное солнце, в ногах — июльская радуга,

```
и весь он — вода
и весь он — железо
и весь он — гранит
```

тебе хорошо? — шепчет Ямакаси, и в Васькиной голове гремит гром...» [Платова 2006: 295].

Вольно обращается В. Платова с употреблением восклицательных знаков и шрифтовых выделений и в следующем отрывке: «День пограничника в Елизаветиной интерпретации выглядел как Д-Д-День П-П-По-ооооо!граничника-аааааа! и, несомненно, являлся не самым светлым днем календаря. Репетицией конца света, проводящейся раз в год и с завидным постоянством. Присутствие на репетиции *толстых жаб* совершенно нежелательно» [Платова 2008: 292]. Курсив использован здесь, как и в предыдущем отрывке, для введения в текст чужого высказывания (эту функцию в традиционно оформленном тексте обычно выполняют кавычки). Жирный же шрифт для художественного текста не характерен вовсе.

Встречающееся в смс-сообщениях оформление высказывания без пробелов между словами, но с прописной буквой в начале каждого слова используется В. Платовой для передачи быстрой монотонной речи:

«Но что сказал Чук?

ВрядЛиТыОнасДумалаГекПогиб.

Вот так, безо всякой интонации, плотно подогнав слова друг к другу и оставив лишь небольшие зацепки, зазоры, выступы, чтобы, ухватившись за них и подтянув тело, можно было добраться до вершины смысла: ГЕК ПОГИБ» [Платова 2006: 277].

Как мы видим, часть текста написана капсом, который выполняет здесь ту же функцию, что и в on-line жанрах, — выделение особо значимой информации.

Именно игру с шрифтами и регистрами использует В. Платова и в следующем отрывке: «За три часа ТЭ.ТЭ. успевает дважды (с перерывом на радио) прослушать диск Бреля. В первый раз чтобы понять: то, что делает Жак Брель, — не ее музыка. Ведь на самом деле ее музыка — это ЕЕ МУЗЫКА. После второго прослушивания мысли о ЕЕ МУЗЫКЕ переходят в строчный регистр. Кто-то невидимый (возможно, даже сам Жак Брель) забрасывает ее музыку снежками; она юлит, пытается увернуться и, в конечном итоге, съеживается до "ее музыка". Чтобы разглядеть "ее музыку", микроскоп, конечно, не потребуется, но глаза напрячь придется» [Платова 2008: 430].

Словосочетание ее музыка, написанное в регистре заглавных букв, обозначает осознание героиней своей музыки как выдающегося явления

музыкальной культуры. Смена регистра с прописных букв на строчные фиксирует падение оценки музыки в глазах героини, а довершает снижение оценки заключение словосочетания в традиционные кавычки.

Указанные нами графико-орфографические вольности свойственны не только В. Платовой, но и многим другим современным писателям, в целом следующим принятым в КЛЯ нормам. Современная художественная литература, таким образом, разрабатывает и развивает как специфические приемы языковой игры на уровне графики и орфографии, так и приемы, связанные с интерференцией письменных жанров разговорной речи.

Библиография

Бахтин 1986 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Гусейнов — *Гусейнов Г*. Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей, 2000 // http://nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html.

Дедова 2007 — Дедова О. В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007.

Зализняк — Зализняк Анна А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект // http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm.

Иванов — *Иванов Л. Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста. http://www.ivanoff.

Капанадзе 2005 — *Капанадзе Л. А.* Голоса и смыслы: Избранные работы по русскому языку. М., 2005.

Князев, Пожарицкая 2007 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007.

Кузьмина 2008 — *Кузьмина С. М.* Активные процессы в области русского письма // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ред. Л. П. Крысин. М., 2008.

Литневская, Бакланова 2005 — *Литневская Е. И., Бакланова А. П.* Психологические особенности Интернета и некоторые особенности чата как исконно сетевого жанра // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 6.

Мокробородова 2006 — *Мокробородова Л.* Русский жжот! (язык СМИ в эпоху новографа) // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: Сборник научных работ. Киев, 2006.

Нестеров, Нестерова — *Нестеров В., Нестерова Е.* Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов // http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov.

Платова 2004 — Платова В. Любовники в заснеженном саду. М., 2004.

Платова 2005а — Платова В. Хрустальная ловушка. М., 2005.

Платова 2005б — Платова В. В тихом омуте. М., 2005.

Платова 2006 — Платова В. Тингль-Тангль. М., 2006.

Платова 2008 — Платова В. Stalingrad, станция метро. М., 2008.

Русская разговорная речь 1973— Русская разговорная речь / Ред. Е. А. Земская. М., 1973.

- Русская разговорная речь... 1983 Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Ред. Е. А. Земская. М., 1983. Сидорова — *Сидорова М. Ю*. Засоряют ли СМС-сообщения русский язык, или
- Сидорова *Сидорова М. Ю.* Засоряют ли СМС-сообщения русский язык, или «Неча на зеркало пенять...» // http://marinadoma.narod.ru/inet/sms.html. Трофимова — *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функ-
- Трофимова *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты // http://planeta.gramota.ru/gnt.html.

ГРАММАТИКА И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина

Новые русские

1. Одному из авторов статьи однажды случилось обсуждать некоторую русскую конструкцию с коллегой-лингвистом. Происходил спор, который нередко случается между говорящими, особенно обремененными филологическим образованием: правильно ли так сказать по-русски? Автор говорил, что так сказать нельзя, коллега утверждала, что можно. Особенностью этого разговора было подсознательное, но вполне определенное убеждение автора, что его собеседница имеет меньше прав доверять своей языковой интуиции, чем он. Казалось странным, что она вообще вступила в этот спор и настаивает на своей точке зрения. Коллега была дагестанкой, сравнительно недавно переехавшей из Махачкалы в Москву. Ее безупречный русский язык, отсутствие акцента и владение всем арсеналом языковых средств, какой характерен не просто для носителя языка, но для филолога и ученого, оказались недостаточны для того, чтобы признать ее право на интуицию носителя русского языка. Между тем у нее, с детства владеющей русским языком, использовавшей его в школе, в университете, на работе и в быту, никаких сомнений в собственной компетентности возникнуть не могло. Осознав все это, автор испытал легкий стыд — и задумался.

Дагестан является частью Российской Федерации. Русский язык преподается во всех дагестанских школах, он является основным языком среднего специального образования и единственным языком, на котором дагестанец может получить высшее образование. Еще важнее то, что русский язык играет в Дагестане роль lingua franca. Как известно, Дагестан представляет собой многонациональное и многоязычное сообщество. По разным оценкам, здесь говорят на 30—40 языках, причем 14 из них (включая русский) признаны государственными. Сегодня, встречаясь друг с другом, представители разных этнических групп, как правило, говорят по-русски. Причина этого — не только в массовом владении русским языком, но и в том, что выбор русского языка означает выбор нейтральный, не рискующий задеть этническое самолюбие собеседника.

Основная территория русского языка в сегодняшнем Дагестане — города. Если для сельской местности по-прежнему характерно расселение по этническому и, тем самым, языковому принципу, то в города съезжаются отовсюду. В автобусе, на рынке, в магазине и на пляже Махачкалы слышна преимущественно русская речь. И, что особенно важно,

дети, которые рождаются в крупных городах, очень часто полноценно владеют лишь одним языком — русским.

Попытаемся представить себе, как формируется русский язык населения этой части России. Вот типичная модель семьи, в которой произошел переход с одного из местных языков на русский. Родители выросли в селе, и тем самым их родным языком и основным языком общения до окончания школы почти наверняка был один из языков Дагестана. Русский язык они учили в школе, смотрели русскоязычные телевизионные каналы. Он является для них вторым, неродным языком, хотя, как правило, освоенным до уровня совершенно свободного владения. Их ребенок, родившийся уже в городе, редко вырастает полноценным носителем «родительского» языка — русскоязычная городская среда формирует привычку и желание говорить именно по-русски. Нередко и сами родители, желая помочь ребенку социально адаптироваться, говорят с ним по-русски. А если мать и отец принадлежат к разным дагестанским этносам и не владеют языками друг друга, то русский окажется единственным языком семейного общения. Таким образом, этот выросший в городе дагестанец становится полноправным носителем русского языка. Под «полноправностью» мы имеем в виду то, что это его единственный язык, язык, усвоенный им с детства.

Нетрудно предположить, что его речь будет значительно отличаться от той, которую усваивает ребенок, родившийся, например, в Москве. В социальном окружении городского дагестанца — начиная с родителей и кончая школьными учителями — практически отсутствуют носители той русской речи, которую мы называем литературной. Он усваивает русский язык преимущественно от людей, для которых этот язык является вторым, в некотором смысле — иностранным и потому несущим следы других, материнских языков.

Мы наблюдаем, таким образом, стремительно увеличивающееся число носителей русского языка, речь которых обладает специфическими чертами, своим происхождением обязанными постоянному влиянию языков совершенно другого строя. Кто-то, конечно, может назвать этот процесс искажением русского языка, его порчей или деградацией. Но мы понимаем это иначе: как возникновение нового варианта русской речи, того, что в учебниках по социолингвистике называется этнолектом [Беликов, Крысин 2001: 24], региональным вариантом или даже диалектом. То, что происходит сегодня в Дагестане с русским языком, едва ли можно рассматривать как процесс утраты или деградации языка уже потому, что стандартная русская речь никогда и не была свойственна этому населению России. Дагестан заговорил по-русски сравнительно недавно (в XIX-XX вв.) и, в отличие от многих других регионов, где количество говорящих по-русски сокращается, на данный момент является территорией активного распространения русского языка. Эта ситуация, разумеется, является драматической с точки зрения сохранности дагестанских языков. Однако для русиста речь может идти только о приобретении: о рождении нового варианта русского языка, причем в такой момент, когда лингвисты в основном заняты подсчетом потерь.

Едва ли у нас есть основания всерьез ожидать, что этот вариант русской речи чудесным образом «исправится», утратит свои региональные черты и Дагестан явит нам образец литературной русской речи — даже если на это будут потрачены миллионы федеральной программы «Русский язык». Этих оснований нет прежде всего потому, что процесс языкового сдвига, перехода с местных языков на русский, идет активнее, чем когда-либо, и количество носителей русского языка первого поколения только возрастает; тем самым, не ослабевают и процессы влияния на русский местных дагестанских языков.

Между тем с точки зрения лингвиста этот феномен представляет огромный интерес. Часто ли нам, привычно горюющим об утрате диалектов и малых языков, удается присутствовать при рождении нового варианта языка? Нам дана возможность наблюдать взаимодействие языков разных языковых семей (индоевропейской, нахско-дагестанской, тюркской), обладающих огромными различиями на всех уровнях, от фонетики до синтаксиса. Что может представлять собой дитя столь непохожих родителей? Такими вопросами давно занимается контактная лингвистика; в первую очередь, на материале так называемых пиджинов и креольских языков (классическая работа на эту тему — [Thomason, Kaufman 1988]). Но наш объект нельзя назвать ни пиджином, ни креольским, ни даже смешанным языком: он будет опознан как русский язык любым носителем и любым лингвистом.

Нужно сказать, что аналогичное явление было значительно раньше осознано и осмыслено англоязычным сообществом. Активная колонизаторская политика Великобритании привела, как известно, к распространению английского языка практически по всему миру. И в лингвистике, занимающейся проблемами английского языка, возникло плохо переводимое понятие "Englishes", или "World Englishes", так сказать «английские языки мира». Этой теме посвящены не только многочисленные научные монографии, но и учебники (см., например, [Jenkins 2008]), и научные журналы — World Englishes (Blackwell Publishing Ltd.), Asian Englishes (ALC Press Inc.). Группа «новых английских» (New Englishes — определение термина см., например, в [Jenkins 2008: 22]) насчитывает несколько десятков вариантов, распространенных по всему миру: в Нигерии, Кении, на Карибах, Тринидаде, d Индии, Сингапуре, в Австралии и Новой Зеландии.

Наше пренебрежение региональными вариантами речи, существующими в разных частях России и вне ее¹, отчасти связано, наверное, со

-

¹ См., однако, работы [Иванов 1990], [Кибрик 1998], [Земская 2001], [Протасова 2004].

свойственным любому носителю языка ощущением своих исключительных прав на владение этим языком и неприязнью к отклонениям от того, что он считает правильной речью. Эпизод, рассказанный в начале этой статьи, говорит о том, что от этого чувства несвободны даже лингвисты. Между тем «средний носитель языка» отвергает с такой же неприязнью любое отклонение от стандарта — например, предложенные на занятиях фрагменты диалектного текста, которые привели бы в умиление филолога, оцениваются студентом-менеджером как «неграмотные» и даже «китайские».

Обсуждая статус «новых английских», Генри Уиддоусон [Widdowson 1994], теоретик и практик преподавания английского языка как иностранного, указывает на то, что стандартный (= литературный) английский — это не просто средство коммуникации, но и символическая собственность определенного сообщества, выражение его идентичности, его законов и ценностей. Покушение на стандартный английский означает для его носителей ослабление того, что он олицетворяет: безопасность этого сообщества и его институций. Между тем, говорит Г. Уиддоусон, «право собственности» на английский язык находится в прямом противоречии с его международным статусом: если язык служит коммуникативным нуждам многих различных сообществ, естественно ожидать от него разнообразия форм. Международный язык не может иметь одного «хозяина»...

На сегодня дагестанский вариант (или дагестанские варианты) русского языка функционирует лишь в устной речи и, в некоторой степени, в интернете и на телевидении. Известно, что значимым порогом в развитии языкового варианта является его переход в письменную форму: до тех пор пока отличия существуют только в устной речи, можно при желании не замечать его существования. Имеется, однако, некий фактор, который может изменить вектор развития «нового русского» самым значимым образом. Не стоит забывать о том, что, помимо коммуникативной, одна из важнейших функций языка — самоидентификация. Как справедливо отмечено в книге Дэвида Кристала [Crystal 2009: 175], мотивы существования стандартного английского языка отличаются от мотивов существования его локальных вариантов: если основная функция первого — обеспечивать взаимопонимание, то вторые нужнее для другого: язык является важнейшим средством самоопределения, идентификации себя как представителя определенной социальной группы. Для сегодняшней городской дагестанской молодежи это становится проблемой: они не ощущают себя русскими, в них не видят русских окружающие. Между тем языки, необходимые для определения собственной этничности, утрачены. На наш взгляд, нельзя исключить такого развития ситуации, когда «обрусевшие» городские дагестанцы начнут осознанно культивировать и поддерживать региональные особенности своей русской речи просто потому, что она окажется единственным языковым

маркером их этнической принадлежности (эта тенденция уже намечается на дагестанских интернет-форумах). Не будем забывать о том, что ряд «новых английских» начинают занимать те социальные сферы, которые еще недавно казались прерогативой стандартного английского: например, так называемый Singlish, он же сингапурский вариант английского, является языком многих телевизионных программ, сериалов и комедий. Пренебрегая изучением «новых русских», мы не только рискуем упустить интереснейшее языковое явление, но и недооцениваем важный социальный процесс, происходящий в среде одного из самых быстро растущих населений России.

Предлагаемым ниже очерком мы хотим внести вклад в исследование региональных вариантов русского языка. Материал для него не собирался специально, поэтому работа не может претендовать на необходимую полноту с лингвистической и социологической точек зрения. Тем не менее, мы надеемся на то, что она может вдохновить лингвистов на исследования русской речи такого типа.

2. Статья является попыткой описания лингвистических особенностей русской речи одной из этнических групп Дагестана. Все рассматриваемые ниже примеры взяты из интервью на социолингвистические темы, записанных одним из авторов в селении Арчиб Чародинского района Республики Дагестан. Селение находится в горах (2100 м над уровнем моря) и считается глубинкой даже по меркам горного Дагестана.

В ауле говорят на арчинском языке (лезгинская группа нахскодагестанской семьи), общее число носителей которого не превышает 1500 человек. На сегодняшний день арчинский является единственным языком, на котором общаются между собой жители селения. Хотя все взрослые, за редкими исключениями, помимо родного языка владеют аварским и русским, дети не говорят на этих языках до тех пор, пока не начинают ходить в школу (о языковой ситуации в Арчибе см. [Добрушина 2007]). Русский язык учат в школе, на нем ведется преподавание практически всех предметов в средних классах. Хорошее знание русского языка, как правило, появляется у арчинцев уже после окончания школы — когда они начинают покидать пределы селения, уходя в армию или получая профессиональное образование. Таким образом, русская речь арчинцев — это речь людей, для которых русский язык является вторым, а не первым языком. Важно иметь в виду, что большая часть использованных записей представляет собой разговоры с учителями местной школы. Совершенно свободно владеющие русским языком, нередко получившие университетское образование и использующие русский язык в своей профессиональной деятельности, они, тем не менее, обладают целым рядом специфических особенностей речи, отличающих ее от литературной.

Скажем сразу, что недостаток детальных исследований русского языка Дагестана не позволяет нам сделать выводы о том, как соотносит-

ся описываемый нами идиом с вариантами русского языка, распространенными в других частях республики. Можно предположить, что русская речь носителей других дагестанских языков имеет отличия от того, что удалось заметить нам. Свои особенности, вероятно, обнаружит и язык городов и, в частности, дагестанцев, которые являются носителями именно городского варианта русского языка; это своего рода наддиалектный вариант.

Приводимые ниже наблюдения носят предварительный характер в силу ограниченности корпуса, которым мы на настоящий момент располагаем. Мы ставим перед собой задачу лишь продемонстрировать на конкретных примерах некоторые типы взаимодействия двух грамматик, а не исчерпывающим образом охарактеризовать русскую речь арчинцев. Кроме того, мы в первую очередь обращаем внимание на морфологические и морфосинтаксические особенности этого варианта русского языка и почти не анализируем ни собственно синтаксические свойства русской речи арчинцев (синтаксические особенности русской устной речи вообще изучены недостаточно для того, чтобы проводить такое сравнение), ни ее лексические особенности, ни чисто фонетическую интерференцию (например, произнесение русского x как увулярного; для детальной характеризации фонетических особенностей необходим инструментальный анализ). Однако начнем мы все же с небольшого фонетического наблюдения ^{2} .

Русские примеры приводятся в орфографической записи. Арчинские словоформы приводятся в фонематической транскрипции, близкой к принятой в [Кибрик и др. 1977], оттуда же взяты и сами примеры. Для большей прозрачности грамматической структуры высказывания арчинские примеры сопровождаются глоссами: поморфемным переводом, в котором лексическим морфемам сопоставлены русские лексемы, а грамматическим морфемам — сокращенные обозначения грамматических категорий. Приведем список грамматических глосс: 1 первый (мужской) класс. 2 второй (женский) класс. 3 третий (неличный) класс, 4 четвертый (неличный) класс, АNTE конверб (деепричастие) предшествования, ATR адъективизатор, AUX вспомогательный глагол в аналитическом обороте, СМРК компаратив — сравнительный падеж, CVB показатель общего конверба (деепричастия), DEP зависимый член в аналитическом обороте, ЕL элатив — движение вовне пространства (обозначенного основой), ЕМРН эмфатическая частица, ERG эргатив (падеж деятеля), EVID заглазность (непрямая засвидетельствованность), GEN родительный падеж, HPL лично-множественный класс, IN локализация ин — нахождение в ориентире, INF инфинитив, IPFV основа несовершенного вида, NEG отрицание, NMLZ номинализатор, NPL непично-множественный класс. ОВІ, косвенная основа именных частей речи. PFV основа совершенного вида, Р. множественное число, РОТ основа потенциалиса, REFL рефлексивная частица, SUP локализация супер — нахождение на поверхности ориентира. Точка в строке глоссирования обозначает склеенность двух категорий в одном показателе (например, косвенная основа и класс), в том числе нулевое выражение одной из них (например, нулевое выражение четвертого неличного класса глагольной формы), а угловые скобки « — инфиксальный показатель.

- 2.1. **Лексические** долготы. В речи арчинцев нередко встречаются удлиненные гласные, которые на первый взгляд производят ощущение эмоциональной, экзальтированной речи например, давнооо, большооой и т. п. Ср. следующий пример из текста:
- (1) *Ну, мама по-аварски говорила тогдааа еще, когда мы маленькие были...*
- (2) Утром **рааано** отсюда вышла. После обеда туда заходили [= приходили]. На этот день там ночевали. На следующий день утром рано на базар, **опяааать** оттуда.

Рискнем предположить, что это ощущение неверно. Как и в русском языке, в арчинском одна из центральных функций долготы — это экспрессивность. Однако в арчинском эта экспрессивность часто лексикализована — целый ряд лексем «склеены» с фонетической долготой (ср. [Кибрик и др. 1977, 1: 214–215]). Долгота характерна в первую очередь для лексем, выражающих высокую степень признака, например, $hor\bar{o}k$ 'давно', $\bar{o}k'ur$ 'медленно', $b\bar{o}nis$ 'немного', $t'\bar{i}nna$ 'мало', $d\bar{o}Iz(u-)$ 'большой', $b\bar{e}\chi u$ 'быть высоким', $l\bar{a}\chi a$ 'быть длинным', $t\bar{i}ni\bar{s}$ 'оттуда издалека', ik'en 'все', хотя присутствует и в нейтральных лексемах, где она, возможно, мотивирована исторически, например: $\chi ar\bar{a}\bar{s}i$ 'назад, после, начиная с', $l\bar{i}\bar{c}'i$ 'осколок камня' и др. ³ Ср. пример лексикализованной долготы в арчинском:

- (3) dozia, teb harāši edi-t-ib nokdor дедушка этот.PL раньше NPL.быть.PFV-ATR-ATR.PL дом.PL Selež-ib biq'_-mul-čaj a-r-ši быть.неудобным-ATR.PL место-PL-OBL.IN NPL.сделать-IPFV-DEP qI em-mul i-tu-t mač'aj NPL.AUX.PFV-CVB скала-PL NPL.быть-ATR-4 место.IN Дедушка, раньше дома строили в неудобных местах, там, где были
- *скалы?*(4) wallah, bo-li, tu-w-mi-n lo-wu k' a, клянусь сказать.PFV-EVID тот-1-OBL-GEN сын-и 1.умереть.PFV

horōk-ij‹w›u давно-‹1›EMPH

Клянусь, говорит, его сын умер, давно, <...>.

³ Кроме того, долгота в некоторых случаях бывает обусловлена морфонологически.

(5) "jaša tu-w lo to-r qart-li k',i-s теперь тот-1 парень тот-2 ведьма-OBL(ERG) 1.умереть-INF uw-qi, k'olma-tu tu-w **χага́ši** w-ēI-t'u" 1.сделать.PFV-РОТ другой-АТК.1 тот-1 назад 1-приходить.POT-NEG «Теперь ведьма убьет этого парня, и он не вернется».

Заметим теперь, что подвергшаяся в (1) удлинению русская лексема тогда в этом контексте сближается по смыслу с характеризующимися лексической долготой арчинскими лексемами harāši 'перед, раньше' и $hor\bar{o}k$ 'давно' в (3) и (4), а удлиненная в (2) лексема опять в данном контексте употреблена не собственно в значении 'снова', а в значении 'обратно' и по смыслу идентична лексически удлиненной *хагаši* 'назад, обратно' в (5). Поэтому мы предполагаем, что долгота в русской речи арчинцев (например, в 1 и 2) мотивируется не собственно эскпрессивной функцией, а наличием лексической долготы в близких по смыслу арчинских словах. При этом нет никаких оснований считать, что говорящий по-русски арчинец устанавливает между арчинскими и русскими лексемами жесткие отношения соответствия; вполне вероятно, что они устанавливаются спонтанно в процессе порождения высказывания, что еще более затемняет лексический характер долгот — одна и та же русская лексема (например, тогда) будет в одном контексте произносится с долготой (там, где она близка к значению 'давно'), а в другом — без. У носителя литературного русского языка ощущение экспрессивности этой долготы поддерживается тем, что во многих случаях долгота арчинских слов, хотя и носит лексический характер, в конечном счете мотивирована именно экспрессивной функцией.

- 2.2. Отсутствие предлога. В текстах записанных интервью часто встречаются конструкции, в которых норма требует предлога, но предлог отсутствует. Это нельзя объяснить только тем фактом, что предлоги нехарактерны для нахско-дагестанских языков в целом. В русской речи арчинцев опускаются лишь некоторые предлоги (в первую очередь ε , реже ε , несколько спорных контекстов с опущением предлога μa), в то время как другие предлоги om, y, us, ∂ns всегда сохраняются. Ср.:
- (6) Даже Кумухе многие жили у нас там, они работали там.
- (7) Они говорили хорошем смысле.
- (8) <...> я вот подружилась, подружилась аварцами, легко подружиться аварцами могла.
- (9) Вот когда я была **курсах** повышения там были китайцы, которые жили в Америке <...>

Отклонения от литературной нормы не коррелируют с большей или меньшей частотностью предлога — среди частотных предлогов встреча-

ются колеблющиеся между нормой и опущением (собственно, только θ), предлоги с очевидным преобладанием нормативных употреблений (c) и, наконец, предлоги, никогда, насколько можно судить из имеющегося материала, не позволяющие опущения (y или u3). Менее частотные предлоги ни в одном из доступных нам контекстов не опущены. Таким образом, здесь вряд ли можно говорить о большей или меньшей освоенности предложной грамматики русского языка арчинцами.

Опущение предлога определенным образом связано с контекстом: наиболее характерно опущение предлога в в сочетании с локальными топонимами, также оно происходит в обстоятельственных оборотах времени, несколько раз встретилось опущение в с формами школу, классе. Более точные статистические выводы трудно сделать ввиду недостаточного объема корпуса. Что касается предлога c, он был опущен лишь в четырех случаях из 24, причем только в значении совместности или симметричности (подружиться [с], разговаривать [с]). Другие контексты (пришли с подарками, сто с чем-то, с Дусраха) без предлога нам не встретились. Кроме того, есть ощущение, что опущению предлога может мешать его «слитность» с предложной формой в русской конструкции (*ними, *нею), хотя, строго говоря, для этих выводов у нас тоже недостаточно текстовых данных. А вот с формальной структурой предлога опущение, по-видимому, не связано — во всяком случае, не подлежат опущению не только, как в принципе можно было бы предположить, «слоговые» предлоги у, из, но и «неслоговой» к, в этом отношении формально близкий к ε и c.

Несмотря на отсутствие статистики, можно сформулировать некоторые предварительные предположения о причинах опущения этих двух предлогов.

Предлог c может опускаться потому, что соответствующее значение по-арчински передается показателем специального падежа совместного действия (комитатива) - $\bar{4}u$. Арчинский комитатив сочетается почти исключительно с именами лиц (также с названиями домашних животных) и не употребляется или почти не употребляется в контекстах типа npu-unu c nodapkamu. Поскольку собственно творительного падежа в арчинском языке нет (для кодирования роли инструмента используется тот же падеж, что и для агенса, то есть эргатив), употребление предлога c воспринимается как избыточное, и беспредложный творительный падеж становится средством кодирования совместности.

Сходное объяснение можно предложить и для опущения предлога s. Пространственные значения в языках Дагестана также выражаются чаще всего морфологически, а не сочетанием со служебными словами, как в русском языке. (Русским предложным конструкциям в арчинском языке структурно соответствуют послеложные конструкции, но употребляются они значительно реже.) В следующем примере значение, выражаемое порусски предложной конструкцией c c cpydu, передается по-арчински од-

ной морфологической формой — формой супер-элатива, то есть падежа, обозначающего движение прочь с поверхности объекта.

(10) **χatum-li-ti-š** sot-or at'u-li, inžit грудь-OBL-SUP-EL бусина-PL NPL.резать.PFV-EVID мучение

a<a>vu-li, Sazab Lo-li.<a>c2>сделать.PFV-CVB работа 4.дать.PFV-EVID

Сорвали с груди бусы и мучали, изводили ее.

Отметим также, что опущение предлога особенно характерно для топонимов. В арчинском языке они имеют особый статус: формой цитации для них является форма эссива (обозначение местонахождения), а не форма номинатива, как для обычных существительных. При этом эссив можно у таких лексем считать морфологически немаркированным. Например, название *XIere* 'Хере' (центральный хутор селения) буквально значит 'в Хере'. Это свойство характерно для локальных микротопонимов, но не для названий далеких крупных населенных пунктов, видимо, пришедших в арчинский язык через аварский; ср. в следующем примере морфологически немаркированную форму эссива у названия самого селения (*arša*) и райцентра Цуриб⁴ (*c'ura*) при морфологической оформленности пространственными показателями форм эссива от лексем *anži* 'Махачкала' и *moskow* 'Москва':

c'ura,inžil-l-a,moskow-l-aa<but>d>vuв.ЦурибеМахачкала-ОВL-INМосква-ОВL-IN<3>сделать.РFVbeē'u-t'u-tu-bsudaršalobur-čajмочь.РFV-NEG-ATR-3судв.Арчиберебенок.PL-ОВL.PL(ERG)a<bu</td>3>сделать.РFV

Суд, который не смогли сделать ни в Цурибе, ни в Махачкале, ни в Москве, сделали в Арчибе дети.

Другим важным фактом является то, что, как и творительный падеж, формы предложного и винительного падежей не находят прямых функциональных аналогов в арчинском языке. В каком-то смысле эти русские падежные формы оказываются пустыми функциональными слотами, которые могут быть закреплены за пространственными функциями и без предлога ε — предлог оказывается с этой точки зрения избыточ-

..

В принципе, в этих формах можно было бы выделять локативный показатель -а, но сути дела это не меняет, так как этот показатель присутствует во всех формах этих лексем.

ным. Данная гипотеза косвенно подтверждается тем, что в предложных конструкциях с теми падежами, которые имеют функциональные аналоги в арчинском (родительный, дательный), предлоги в нашем корпусе не опускаются.

Подчеркнем, что мы не имеем в виду, что предложный и винительный падеж в русской речи арчинцев используется исключительно в пространственной функции. В корпусе присутствуют и нормативные употребления винительного падежа для прямого дополнения или предложного падежа в сочетании с теми или иными предлогами (в том числе и предлогом ε), причем таких употреблений явное большинство. Предлагаемая гипотеза призвана объяснить лишь (относительно редкие) случаи отклонения от нормы давлением грамматической структуры родного языка.

Таким образом, те значения, которые по-арчински передаются морфологическими средствами, в русской речи арчинцев также имеют тенденцию передаваться чисто морфологическими средствами, то есть беспредложными падежными формами. Достигается это за счет опущения предлога в соответствующей конструкции. Мы также предполагаем, что возможность такого опущения связана с отсутствием функционального аналога русского падежа в арчинском языке — именно поэтому предлоги $\mathbf{6}$ и $\mathbf{c}$ могут опускаться, а предлоги $\mathbf{u}$ 3 и $\mathbf{y}$ — нет.

- 2.3. **Заглазность**. Яркой чертой арчинских нарративов в русском варианте является употребление формы *оказывается*. В литературном русском языке эта форма близка к категории миратива ⁵: она сопровождает информацию, которую говорящий расценивает как неожиданную.
- (12) Итак, ссора началась с разговора о семье. В процессе нервного обсуждения я сделала для себя небольшое открытие: оказывается, Ромка не считает меня особой высокоморальной и по этой самой причине мою кандидатуру в качестве будущей жены даже не рассматривает (Национальный корпус русского языка: «Даша». № 10. 2004).

В русской речи арчинцев *оказывается* используется явно иначе; часто встречаясь в нарративных текстах, оно не имеет миративного оттенка. Эта форма употребляется в рассказах о событиях, очевидцем которых рассказчик не являлся, — например, о событии, которое имело место до его рождения, как в (13) — то есть выражает значение заглазности, или косвенной засвидетельствованности (о косвенной засвидетельствованности см. [Храковский 2007b]):

_

Миратив, или адмиратив — грамматическая категория, предназначенная для того, чтобы сообщить, что информация кажется говорящему удивительной, неожиданной. О лексеме оказывается для выражения (ад)миративности см. [Храковский 2007а: 618–629].

(13) А это знаете, оказывается, был спор. Раньше люди через лакские горы на базар туда ходили и общались с лакцами. И вот как бы была проблема с дорогами. С аварцами поставить дорогу или через лакские горы с лакцами. Оказывается, там кто-то умный сказал, лучше с аварцами связываться, чем с хитрыми лакцами. И вот так, говорит, дорогу провели, и вот ту дорогу закрыли, и общение с лакцами прекратилось.

Смещение функций *оказывается* в русской речи арчинцев может быть объяснено важной ролью, которую категория эвиденциальности играет в кавказских языках. Хотя в арчинском языке нет специализированной морфологической формы для выражения заглазности, все пропозиции о событиях, непосредственным свидетелем которых рассказчик не является, строятся особым образом. В обычной, незаглазной предикации используется синтетическая форма прошедшего времени, в то время как заглазный режим выражается опущением вспомогательного глагола в аналитической конструкции, которая в арчинской грамматике называется перфектом I [Кибрик и др. 1977, 2: 195].

Перфект I образуется сочетанием конверба (деепричастия) на -li с настоящим временем глагола 'быть', выступающего в роли вспомогательного:

(14) to-t L'al uw-tu-t č'em-n-a, to-t, ijtu-b тот-4 ягненок 4.сделать.PFV-ATR-4 время-ОВL-IN тот-4 мать-3

ba-k'a-li, **eҳ̄u-li edi** 3-умереть.РFV-СVB **4.остаться.PFV-DEP 4.AUX.PFV**

Когда тот ягненок родился, его мать умерла, и он остался (один).

В заглазной конструкции вспомогательный глагол опускается, и сказуемое главной предикации оказывается выражено самостоятельным деепричастием, что в других контекстах невозможно. (Для наглядности в поморфемном переводе такие деепричастия глоссируются не CVB, как обычные деепричастия, и не DEP, как деепричастия в составе аналитической конструкции, а EVID — эвиденциальная форма.) Заглазные конструкции обязательны в некоторых типах нарративов — например, в сказочных текстах или рассказах о далеком прошлом; в прямой речи они встречаются реже, чем незаглазные.

Ср. следующие два примера. В первом случае рассказчик (автор текста) сообщает об убийстве; так как он рассказывает историю, свидетелем которой он не являлся, употреблена заглазная конструкция. Во втором случае рассказчик цитирует слова персонажа, который был участником этого события — самого убийцы. Поскольку используется прямая речь, употреблена не заглазная форма, а синтетическая форма прошедшего времени.

- (15) lib-t'u lo aču-li, ҳit̄a ҳir os̄u-t три-4.REFL ребенок 4.убить.PFV-EVID тогда потом другой-4 lib-t'u dolzu-t adam aču-li три-4.REFL большой-4 человек 4.убить.PFV-EVID
  - <0н...> убил трех детей, а потом остальных, трех взрослых людей убил.
- (16) jella bo-li tu-w bošor-mu: "zari так сказать.PFV-EVID тот-1 мужчина-OBL.1(ERG) я.ERG

a d b d is jemim marči, d is donnol delta v jemim marči, d is don

di-k'i-s a<r>
2-умереть.SG-INF <2>сделать.PFV-NMLZ-OBL-IN

Так сказал этот мужчина: «Я убил, — сказал, — их всех; убил за то, что моя жена была убита».

Ср. также следующий пример, где представлены сразу три разные конструкции:

(17) "tij-maj "un Lo-qi" **bo-li** тот.PL.OBL-OBL.PL(ERG) ты(ERG) NPL.дать.PFV-РОТ **сказать.PFV-DEP edi**" **bo**". — **bo-li**.

edi" bo", — bo-li. 4.AUX.PFV CKA3ATЬ.PFV CKA3ATЬ.PFV-EVID

Клянусь, — сказала она, — они сказали, что ты сказал, что я отдам, — сказала она. (Букв. «Они «"ты отдашь" сказал $_{\rm давнопрошедшее}$ » сказал $_{\rm дасвид}$ », сказала $_{\rm незасвид}$, она.)

Говорящий рассказывает о событии, свидетелем которого он не являлся — высказывании женщины — и маркирует его как заглазное (boli). Женщина при этом пересказывает своему мужу слова других людей, знакомых мужа; эти слова были адресованы ей, а значит она являлась свидетелем события этого высказывания, поэтому оно выражается формой синтетического прошедшего времени (bo). Сами пересказываемые слова являлись цитированием речи мужа, которая имела место до момента речи жены и знакомых мужа, поэтому вложенный глагол речи маркирован как давнопрошедшее — аналогично перфекту I, но со вспомогательным глаголом в прошедшем времени (boli edi). Этот пример показывает, насколько последовательно выражается в арчинском языке категория заглазности, то есть противопоставление прямой и косвенной засвидетельствованности события.

Таким образом, появление в русской речи арчинцев конструкций с оказывается объясняется следующим образом. Для родного языка гово-

рящих выражение категории заглазности является грамматически обязательным. В русской норме нет специальных средств для выражения данной категории. Это заставляет арчинцев искать ее «заместитель» среди функционально близких значений. Они выбирают русскую лексему, выражающую миративность, то есть категорию, которая типологически близка к заглазности. Можно было бы ожидать, что в этой роли выступит русская конструкция с 2080рят: типологически еще более близкая к заглазности категория репортатива, то есть передачи информации с чужих слов. Однако в арчинском языке имеется независимая от заглазности категория репортатива, базирующаяся как раз на глаголе речи, что мешает говорящим на русском языке арчинцам установить «заместительное» отношение русский репортатив 2080рят $\leftrightarrow$ арчинская заглазность с деепричастием на -li.

- 2.4. **Колебания возвратности**. В русской речи арчинцев заметна неустойчивость употребления русских возвратных глаголов: в контекстах, требующих возвратности, глаголы употребляются без возвратности (иногда это приводит к созданию не существующих в норме форм), и наоборот.
- (18) Если я здесь **родила** (= родилась), отец-мать арчинцы, представляешь, я арчибском языке первее говорила, как же я аварка, скажи?
- (19) Одном месте <...> связь бывает, в другом месте не бывает, возможно что в Цурибе родился ребенок, а в Хилихе никак не дозвонили, и там не знают. Если я пойду там сообщу, они что-то большой подарок дают.
- (20) Необразованные наши вот арчинки вот попадаются в больницу.

Колебания объясняются тем, что для нахско-дагестанских языков категория возвратности нехарактерна. Таким образом, здесь мы имеем ситуацию, обратную рассмотренной выше для категории заглазности. Если в случае заглазности в арчинском языке имеется грамматически обязательная категория, отсутствующая в русском языке, так что арчинцам приходится специализировать в этой функции другую доступную форму, то категории, функционально аналогичной возвратности, в арчинском языке просто нет, поэтому приближение к норме в этом фрагменте грамматики оказывается особенно проблематичным.

2.5. Сравнительная конструкция. Несколько иначе обстоит дело со сравнительной конструкцией. В арчинском, как и в других нахскодагестанских языках, морфологическая категория сравнительной степени прилагательных и наречий отсутствует. Сравнительность выражается особыми оборотами.

При сравнении признака у двух объектов ('X выше / старше и т. п. Y-a') существительное, обозначающее эталон сравнения, ставится в фор-

му специального падежа, основной функцией которого как раз и является выражение сравнения (сравнительный падеж на $-\chi ur$).

(21) **jemim-me-\chiur** $\bar{\chi}$ al-lu zon i<w $\bar{t}$ i-li hani **этот.PL-OBL.PL-CMPR** быть.плохим-ATR.1 я <1>стать.PFV-EVID что

Что я, хуже, чем они?

При сравнительной оценке двух ситуаций ('Р предпочтительнее Q') ситуация — эталон сравнения выражается предикативным именем или финитной предикацией, вводимыми союзом kelaw 'чем'; при этом в главной предикации значение сравнительной оценки либо никак не выражается, либо используется статив (морфологически обособленный класс предикатов) со значением 'быть лучше'.

(22) ja-b Summar **kelaw**, bo-li, k'_oi-s χ_oali, этот-3 жизнь **чем** сказать.РFV-EVID 1.умереть-INF 1.быть.лучше

bo-li сказать.PFV-EVID

Чем такая жизнь, — сказал он, — лучше умереть.

- (23) "zon du-L'a-s **kelaw**, eФ̄ti-qi" bo-li я 2-убить-INF **чем** <2>стать.PFV-POT сказать.PFV-EVID «Не надо меня убивать (букв. чем ты меня зарежешь, лучше) я соглашусь <стать твоей>», сказала она.
- (24) wallah bo-li aku ke-l-kan $\bar{\mathfrak{t}}_{\circ}$ ak о
чw>ҳa-s клянусь сказать.РFV-EVID заря 4.стать-INF-ANTE рядом <1>лечь-INF

kelaw, zari ja-b dogi bu-l'u-qi bo-li чем я.ЕRG этот-3 осел 3-убить.РFV-РОТ сказать.РFV-СVВ

«Валлах, — сказал он, — чем лежать с этим ослом до утра, лучше я его прирежу».

В локальном варианте русского языка доминирует стратегия, структурно аналогичная второй арчинской стратегии, причем используется ближайший аналог арчинского *kelaw* — союз *чем*. В результате русский союз *чем* выступает в необычных с точки зрения нормы конструкциях, прозрачно отражающих синтаксические контексты, характерные для арчинского *kelaw*, в том числе без сравнительных форм прилагательных и наречий.

(25) Ну аварскую тоже конечно нацию мы очень уважаем, раз я аварка? Кто же такая, если аварцев не любить? Не знаю. Лакцы **умные** [= умнее], **чем** аварцы.

- (26) Они хотели бы знать аварский язык. Они говорят хотели бы **чем** арчибский даже аварский чтобы знали, с друзьями, говорит, мы говорили бы по-аварски.
- (27) Конечно, Марина, чем русский язык, лучше, наверно, знает английский.

В данном случае мы имеем дело с перестройкой синтаксической конструкции по модели, структурно имитирующей первый язык билингвы.

- 2.6. Употребление указательных местоимений. Менее явно, но все же отклоняются от литературной нормы некоторые примеры употребления указательного местоимения этот, это, это. Ср. следующие контексты, в которых русское местоимение плохо объяснимо исходя из правил организации литературного дискурса, так как референт появляется в тексте в первый (и, собственно, единственный) раз:
- (28) В районе у нас села по-разному говорят. Вот я <...> ездила недавно за этими документами, я в магазине разговариваю с одной женщиной, она говорит ты откуда. Я говорю, из Арчиба. Нет, говорит, ты не из Арчиба, ты из Дусраха.
- (29) В этом году тоже хотели мы побрить, просто это апреле холодные только дни были, а в мае уже **этот Магомед** умер, после этого оставили [фраза произнесена женой умершего, в их доме].

Особенно характерен последний контекст, который, как мы считаем, калькирует употребление указательного местоимения *tow* в арчинском языке.

Из типологии артикля известно, что в некоторых языках артикль делает именную группу определенной и поэтому не сочетается с теми именными группами, где определенность уже выражена (например, с именами собственными или с именными группами, содержащими указательное или посессивное местоимение). Так устроено большинство европейских артиклей, хотя, например, итальянский и разговорный французский несколько отклоняются от этого прототипа. С другой стороны, существуют языки, в которых артикль маркирует определенную именную группу вне зависимости от того, «нужен» ли он ей для выражения определенности. Так функционирует, например, армянский артикль.

И в арчинском, и в русском разговорном языке указательное местоимение, помимо дейктических, имеет и другие функции, в том числе и близкие к артиклю. Однако если в русском языке указательное местоимение этот используется в контекстах, обычных для европейских артиклей, то арчинское указательное местоимение to-w / to-r / to-t, повидимому, развивается в артикль «армянского» типа, то есть употребляется в том числе в именных группах, которые и без этого артикля являются определенными: (30) un-t'aw, bo-li, **ja-r** d-is фonnol da-q'c'a-s ты-кроме сказать.PFV-EVID этот-2 2-я.GEN женщина 2-согласиться-INF

a<r>.u bec'u-t'u bo-li <2>сделать.PFV мочь.PFV-NEG сказать.PFV-EVID

«Никто, кроме тебя, не мог помирить меня с этой моей женой» — сказал он.

Оговоримся, что сочетание указательного местоимения с именем собственным в русском языке не является аграмматичным (Этот Германн, — продолжал Томский, — лицо истинно романическое). Однако с точки зрения даже разговорной нормы его использование в примере (29) кажется прагматически немотивированным. Представляется разумным выводить его из структурно аналогичных употреблений указательного местоимения to- в арчинском языке (пример 30). Если это предположение верно, мы видим здесь еще один тип контактного явления: билингв отождествляет элемент неродного языка с функционально близким ему элементом родного языка, а затем проецирует на первый поведенческие свойства последнего, что приводит к видимым отклонениям от нормы неродного языка.

- 2.7. **Неустойчивость контактных явлений**. Подчеркнем, что описанные выше разнообразные контактные явления в арчинском варианте русского языка не носят последовательного характера. Не только речь одного арчинца может быть ближе к литературной норме, чем речь другого арчинца, но даже одним носителем и в пределах одного контекста может употребляться как литературный, так и «контактный» вариант той или иной конструкции. Ср.:
- (31) В этом году тоже хотели мы побрить, просто это, **апреле** холодные только дни были, а **в мае** уже этот Магомед умер, после этого оставили.
- (32) Необразованные наши вот арчинки вот **попадаются** в больницу. <...> Вот **попадают** в больницу, вот идут же люди, а они поарчински что-то говорят...

В то же время все перечисленные явления встретились в текстах разных говорящих (опущение предлога — у восьми интервьюируемых, колебания в возвратности — у пяти).

Кажется, что в такой ситуации было бы неточно говорить о смешении нескольких различных кодов («литературного» и «регионального») — слишком близки эти системы и слишком размыта граница между ними. Точнее сказать, что говорящий по-русски арчинец постоянно ощущает гравитацию нескольких центров: нормы (в том виде, в котором она ему известна из средств массовой информации и книг) и грамматики родного (возможно, также и аварского) языка. Есть и третий центр притяжения —

«общедагестанская» норма русского языка как она представлена, например, в больших городах Дагестана.

Можно предположить, что городской вариант русского языка, обладающий с одной стороны, значительно более обширной сферой использования и, с другой, представляющий собой перекресток целого ряда родственных, но тем менее значительно различающихся между собой языков, обладает более регулярными чертами, чем арчинский русский. В отсутствие систематических исследований общедагестанского русского, трудно однозначно охарактеризовать конкретные ненормативные контексты как мотивированные структурой собственно арчинского языка. С другой стороны, только через исследования, направление которых намечено настоящей статьей, можно прийти к пониманию этой региональной формы и ее отличий как от общерусской нормы разговорной речи, так и от других дагестанских вариантов русского языка.

Библиография

- Беликов, Крысин 2001 *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М., 2001.
- Вахтин, Головко 2004 *Вахтин Н. Б., Головко Е. В.* Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие. СПб., 2004.
- Добрушина 2007 *Добрушина Н. Р.* Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка // Социологический журнал. 2007. № 1 (http://www.socjournal.ru/article/681).
- Земская 2001 Земская Е. А. (ред.). Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М., 2001.
- Протасова 2004 *Протасова Е. Ю.* Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.
- Иванов 1990 *Иванов В. В. (ред.)*. Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990.
- Кибрик и др. 1977 *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. І. Лексика. Фонетика. Т. ІІ. Таксономическая грамматика. М, 1977.
- Кибрик 1998 *Кибрик А. А.* Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинильчик, Аляска // Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (ред.) Язык. Африка. Фульбе. М., 1998.
- Храковский 2007а *Храковский В. С. (ред.)*. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Храковский 2007b *Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Храковский В. С. (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Crystal 2009 Crystal D. English as a global language. Cambridge, 2009.
- Jenkins 2008 Jenkins J. World Englishes. A resource book for students. London, 2008.
- Thomason, Kaufman 1988 *Thomason, S. G., Kaufman, T.* Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.
- Widdowson 1994 *Widdowson H. G.* The Ownership of English. TESOL Quarterly. 28 / 2. 1994. P. 377–389.

М. Г. Безяева

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЫ

Система коммуникативного уровня русского литературного языка, отражающая соотношение позиций говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации, организуется понятием целеустановки, вариативным рядом конструкций, соответствующим каждой из них, и инвариантными параметрами средств, подчиняющимися особым законам, алгоритму их развертывания [Безяева 2002]. Она представляет собой достаточно устойчивую систему от Пушкина до наших дней.

В существующей литературе, начиная с работ В. В. Виноградова, актуализировалась проблема перехода, образования модальных единиц, их зарождения и возникновения из единиц номинативного уровня, призванного отражать явления действительности, преломленные в языковом сознании говорящего.

Современный семантический анализ, с одной стороны, показывает многовекторность этого процесса на синхронном срезе, с другой, позволяет ставить вопрос о поведении коммуникативных единиц, о причинах их активной жизни и об уходе из этой системы.

Одной из причин «неуживчивости» единицы на анализируемом уровне является ее неподчинение алгоритму развертывания, который для русского языка заключается в том, при реализации в конструкции определенного набора тех или иных коммуникативных семантических инвариантных параметров какого-либо средства 1) ряд из них имеет антонимическое развертывание, в то время как 2) сами параметры и их реализации способны относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации, либо быть распределенными между ними (при этом может маркироваться совпадениенесовпадение позиций слушающего и говорящего и возможная оценка этих позиций). Кроме того, возможно варьирование ряда параметров по отнесенности к тем или иным временным планам и по аспекту реальности / ирреальности. При этом возможно одновременное сосуществование двух реализаций инвариантных параметров в одной конструкции.

Именно следование алгоритму является причиной, дающей способность русским коммуникативным средствам участвовать в формировании конструкций самых различных целеустановок, что и является условием их активной работы на коммуникативном уровне. Неподчинение этому закону приводит к ограничению возможностей средства и заставляет коммуникативную единицу покидать систему. Это относится как к вспыхивающим и быстро гаснущим средствам молодежного жаргона

(например, судьба yes!, wow!, oops), так и к вполне «почтенным» средствам коммуникативного уровня. Например, связь с целеустановкой удивления и, более того, привязанность к ситуации встречи заставили такую единицу, как $\delta a!$, уйти на периферию русского узуса и самой системы.

Положение осложняется тем, что, используя ту или иную коммуникативную единицу и руководствуясь семантическим кодом, естественный носитель русского языка не осознает ее коммуникативных параметров, в отличие от единиц номинативного уровня, которые он с большим или меньшим успехом способен истолковать.

В то же время появление новых единиц часто провоцируется фактором коммуникативной моды. В настоящее время это несомненное влияние английского языка.

Однако в статье речь пойдет о более загадочном явлении. О возрождении почти ушедшей единицы — русском *аже*. Хотя в толковых словарях единица *аже* дается без каких-либо помет на фоне просторечного *ажно*, узус позволял говорить о том, что на современном этапе бытования коммуникативной системы данная единица явно не относится к ее центру (в отличие, например, от *a, ну, же, -то* и т. д.).

Тем не менее, нельзя сказать, что эта коммуникативная единица полностью вышла из употребления. Она используется в разговорной речи старшего поколения, бытует в художественных фильмах как яркое средство характеристики образа, но практически не встречается в речи молодежи, да и среднего поколения, представители которых трактуют ее как устаревшую. Аж практически уходило из употребления. Тем ярче стало его возвращение, взлет в 2008–2009 годах в средствах массовой коммуникации. Русское аж проникло в телесериалы, теле-шоу, передачи о путешествиях и новостные выпуски на самых разных каналах.

Особо остановимся на последних. Узок круг избранных коммуникативных средств, функционирующих в данном жанре. Резкое ограничение на бытование в нем даже базовых средств коммуникативного уровня во имя объективности подачи информации приводит к использованию таких тонких коммуникативных единиц, выражающих оценку ситуации, как, например, твердый приступ гласного или удлинение смычки согласного при запрещенности смычки голосовых связок классической ИК-7. Например, в высказывании $\vec{\Pi}$ алата $\vec{n}$ еров $\vec{n}$ риняла закон о клонировании человека (Мацкявичус), при всей нейтральности номинативного содержания с помощью удлинения смычки явно отражена отрицательная оценка диктором вводимого факта и позиции английских официальных кругов, введена столь распространенная сейчас целеустановка презрения. Более активно используются возможности иных интонационных конструкций, например ИК-6 с параметром знания (в реализации инвариантного параметра как знаний социума): Депутаты обещали и бюджет страны поддержать, / и обойтись без секвестра — 'мы знаем норму поведения депутатов'), а также возможности регистров и темпа речи.

Проникновение в круг избранных вопреки всем законам жанра такой яркой единицы, как русское *аж* не могло остаться незамеченным. Обратив на себя внимание, как Золушка на балу, она вызвала цепную реакцию употребления. Часто она использовалась не совсем умело, но коммуникативная мода брала свое.

В чем же причины падений и взлетов этой единицы?

Как нам представляется, чтобы ответить на этот вопрос, надо обратить внимание на ее семантику и место среди близких ей единиц.

Толкование этой единицы в словарях едва ли поможет решить проблему:

Аж и Ажно (прост)

1. частица. То же, что даже в 4 значении (частица. Употребляется для выражения неожиданности и интенсивности того действия, о котором сообщается. Даже заплакал от радости. Обиделась, даже слушать не хочет).

Аж (Ажно) вскрикнул от радости. Рассердилась, аж затряслась.

- **2.** (аж) частица. Подчеркивает важность, весомость следующей далее части сообщения. Дошел аж до самого министра. Пробежал аж целый километр.
- **3.** Союз. Выражает следственные отношения и усиливает их, так что даже. Светло, аж глазам больно [Ожегов, Шведова 1994].

Коммуникативный семантический анализ позволяет выделить следующие инвариантные параметры A ж, которая:

- 1. Отражает активное личное отношение говорящего к развитию ситуации и ее варианту.
- 2. Связана с контрастом расчета на позитивный (негативный) вариант развития ситуации, на позитивную или негативную норму и реализованным резким качественным и количественным отклонением от нее, которое производит впечатление на говорящего, при этом, если фоново выражено позитивное аж связывается с негативным, если фоново негативное с позитивным.

В понятие позитивного (или негативного) входит: а) бенефактивность / небенефактивность варианта развития ситуации, б) положительная / отрицательная оценка сложившейся ситуации, в) сходство / расхождение позиций говорящего, слушающего, третьих лиц в оценке ситуации.

3. В то же время наблюдения над функционированием аж позволяет говорить о еще одном параметре, определяющим появление этой единицы в современной речи. Ситуация происходит не с говорящим либо с говорящим не в данный момент. Отсюда аж часто разворачивается по позиции третьего лица или социуму.

Например, Я аж вскрикнул при маловероятности Я аж кричу.

Возможно, уход единицы был связан именно с этим, поскольку, как правило, средства коммуникативного уровня способны модифицироваться

по всем временным планам. При этом наиболее актуальна реализация в триаде я / ты — здесь — сейчас. Аж из-за семантически заданных в наборе параметров ограничений не способно пройти по всему алгоритму. Пожалуй, единственной возможностью работать при реализации, актуализирующей значение 'в данный момент' и позиции говорящего, являются структуры: Ну, как? — Аж голова кружится; Устал, аж ноги гудят; Скукотища, аж скулы свело (реализация параметров: расчет на более бенефактивный вариант развития ситуации при реализованности максимально негативного). Однако такие высказывания в современном узусе не очень распространены. В подобных случаях обычно выступает русское прямо с его коммуникативным параметром нарушения прецедентной нормы в одной из своих реализаций. Впрочем, то, что коммуникативная единица, пусть и благодаря семантическим параметрам, начинает реагировать на тип устройства номинативного содержания, является резко сдерживающим фактором ее жизни, бытования в коммуникативной системе, что также приводит к выпадению из нее. Классическая коммуникативная единица не имеет ограничений на семантическое наполнение структуры.

Поясним работу алгоритма развертывания параметров аж в естественной среде обитания, в бытовых и художественных диалогах.

Сначала обратимся к примерам, где два варианта развития ситуации эксплицированы.

- A может, узнала, / что мы с тобой встречаемся. K^2
- Может, сказал кто?
- Kmo сказал-mo? / Kmo знаеm? / Moжеm, no лицу ^{3} noняла?
- -40^{6} по лицу? / Я, знаешь, / на людях как хмурюсь, / стараюсь.
- Старайся, не старайся, / глаза-то не замажешь! / Вон как свеmsm! / Aж слепят! (к / ф «Любовь и голуби»)

(Расчет героини на восприятие третьими лицами варианта развития событий как небенефактивного для нее резко контрастирует с подлинным положением дел, демонстрирующим проявление бенефактивности, с точки зрения говорящего; расхождение позиций собеседников).

— Сегодня muxo, / а вчера вётер был, / аж ставни скрипелии. (p/p) (Бенефактивность наблюдаемого варианта развития ситуации контрастирует с небенефактивностью реализованного в прошлом и расчетами на потенциально возможную небенефактивность)

Однако важнейшее свойство этой единицы, впрочем, как и большинства единиц коммуникативного уровня, является возможность номинативной не экспликации контрастного варианта и контрастной оценки говорящего, впрочем, как и апелляции к позиции собеседника.

[Заболела бабушка в деревне. Разговор о ее постояльце]:

— Он для нее аж в г ^{2} род ездил.

(Обычно к деревенским пожилым людям относятся плохо, не рассматривая их как объект заботы, и за лекарствами в город не ездят — расчет говорящего на небенефактивную норму, в то время как жилец отнесся позитивно, нарушив ее качественно и количественно, к чему говорящий относится позитивно. Совпадение говорящего с позицией третьего лица при позитивной ее оценке и расхождении с негативной нормой).

Что же послужило причиной расширения функционирования русского *аж* в областях, ранее ему недоступных? Ответ один — востребованность коммуникативной семантики и актуализация одной их базовых реализаций параметров этой единицы.

С одной стороны, в настоящее время средства массовой информации уходят от бесстрастной, объективной ее подачи (что было присуще телевидению советской эпохи и входит в требования и принципы подачи информации западных компаний, например, CNN). Отсюда сегодня, как реакция на бесстрастность прошлого, востребованными становятся единицы, отражающие активное личностное начало, способные передавать точку зрения говорящего, в том числе и оценку.

Параметры анализируемой единицы, с одной стороны, связанные с вариантом развития ситуации, который происходит не с самим говорящим, с другой — с активной личной оценкой говорящего и наложением на эксплицированный вариант иного, контрастного типа оценки при апелляции к позиции зрителя эту оценку разделить, создают возможность при современной телевизионной концепции появления аж в текстах таких жанров, где раньше она не встречалась и встретиться не могла.

Рассмотрим возможные в настоящее время ее реализации на текстах телевидения 2008–2009 гг.

Частицей a в первую очередь запестрели тексты **репортажей** корреспондентов.

В этом случае обычно используется следующая реализация: расчет социума, групп социума (третьих лиц) на бенефактивное, позитивное развитие событий; реализация негативного; при этом говорящий — корреспондент — разделяет не эксплицированную отрицательную оценку и призывает к солидаризации слушающего.

[Рассказ о мошеннике]:

Новые батар ^{3} и, / ^{3} импортные / вместо старых. / ^{2} С таким предложением / сантехник обратился к жителям аж дв ^{2} х домов. («Вести. Москва»)

(На фоне плюса минус, предполагаемое жителями бенефактивное развитие ситуации сменяется небенефактивным. Отрицательная оценка действий сантехника. Совпадение позиции говорящего с позицией жителей и, что не менее важно, зрителей).

[В одном из восточных городов власти приняли закон о дне без автомобиля]:

 $\mathit{Л}^3$ дой в этот день / не могут использовать автомобили, / но могут передвигаться пешком, / на велосипедах, / мулах, / ослах. / В день без автомобиля / загазованность снижается / аж на двенадцать процентов. («Другие новости»)

(Расчет чиновников и экологов на бенефактивное развитие событий и положительную оценку их действий контрастирует с небенефактивностью варианта развития ситуации для жителей. Говорящий солидаризируется с негативной оценкой жителей и рассчитывает на аналогичную оценку зрителей).

Ср. B день без автомобиля загазованность снижается на целых двенадцать процентов.

(Говорящий разделяет позицию государства и экологов).

[Репортаж об опасном перекрестке]:

На этом перекрёстке было установлено аж два знака «уступи дорогу». / Один сняли, / заменили знаком «стой». / Понятней не стало. / Тогда водители / сами нарисовали знаки на дороге. / Милиция / обещала их стереть / как нестандартные. («Вести. Москва»)

(На фоне расчета на бенефактивное развитие ситуации сотрудников милиции реализовался ее небенефактивный вариант для водителей. Совпадение оценки говорящего с негативной оценкой водителей, апелляция к единству оценки говорящего и зрителя).

[О готовности трамплина для чемпионата мира по фристайлу на Воробьевых горах при отсутствии снега]:

Снег везли / *аж из Сибири*. (Канал «Россия». «Вести»)

(Позитив на фоне негатива, плюс на фоне минуса. Организаторы рассчитывали на позитивный результат, хотели как лучше, выпавший накануне снег сделал бесполезными усилия и траты. Апелляция к единой оценке со слушающим).

Особенно активно стали использовать aж при сообщениях о кризисе.

При этом частотна реализация на фоне предположений социума и зрителей о небенефактивном развитии ситуации реализовалось нечто позитивное, что получает положительную оценку, которую должен разделить и зритель.

[О книжной выставке 11 февраля 2009]:

Несмотря на кризис / выставка / состоялась. / Правда, площади сократились на треть. / Но количество книг / увеличилось аж до ставосьмидесяти трех тысяч. («Новости». Канал «Столица»)

Могут быть использованы и более сложные реализации алгоритма развертывания.

После затяжного недельного спада / индекс на токийской бирже / **подскочил аж на тринадцать процентов**. (Рен ТВ. 14.10.2008. «Новости»)

(Казалось бы, на фоне расчета на негатив — позитив. Негативные ожидания экономической общественности сменились резким бенефактивным развитием. Однако экспликация позитива может, в свою очередь, оцениваться как ненадежное улучшение при периодических колебаниях, отсюда предположение о недолговечности благополучия, что формирует негативную оценку позитива при расчете на аналогичную оценку зрителей).

Aж стало встречаться в прогнозе погоды. Здесь оно вполне уместно, так как расчет на позитивное развитие ситуации часто сменяется негативным или наоборот, и в не экплицированной оценке этого контраста ведущий солидарен со зрителем.

Причем в ряде случаев отношение может быть разным, но русское *аж* благодаря алгоритму развертывания позволяет выступить единым фронтом со зрителем при любой оценке.

В этом регионе везде плюс. / **В Сочи аж плюс восемь градусов те**пла. (HTB)

(Обычно зимой холодно — расчет на норму — и это для кого-то плохо, для кого-то хорошо. В Сочи эта норма количественно нарушена, что для кого-то хорошо, для кого-то плохо).

Коммуникативная мода заставила появиться *аж* и в речи **спортивных комментаторов**. В ряде случаев это довольно удачно. Чаще всего здесь представлена та же реализация, что и в речи корреспондентов.

[Комментарий выступления дуэта из Америки, исполняющего русский танец. Она — кореянка, переехала в Америку, он — русский из Узбекистана. Дуэт откровенно слабый. В процессе катания рассказывают о паре]:

— Так что здесь получается соединение... / сколько... / аж четырёх культур! / Наш корейско-узбекский дуэт / свое выступление завершил. / Ну, удали, конечно, не хватает. / Они сделали хорошо / только одну поддержку.

(Вероятно, подбирая столь причудливое сочетание, тренеры рассчитывали на успех, а наблюдаемый результат — скорее негатив, чем позитив. Это не осуждение культур, а контраст позитивных намерений и негативного результата).

В то же время коммуникативная мода приводит и к не совсем удачным употреблениям.

[Спортивный комментарий к волейбольному в матчу]:

Особенно отличился Деверт. / Он не только исправно вколачивал мячи, / которых набросал аж семнадцать, / но и участвовал / во всех атаках команды.

(Расчет на менее удачную игру волейболиста в матче двух иностранных команд не очень мотивирован, при этом позитивная норма игрока оценивается немотивированно отрицательно — код средства. Возможно, здесь есть слишком большой расчет на понимание и знание зрителя, насколько нашей команде это выгодно. Например, аж может апеллировать к расчету на победу иной команды, что контрастирует с положительной нормой Деверта и оценивается нами не очень положительно как небенефактивный для нас вариант. Однако слишком большое умолчание в информационном тексте в данном случае неуместно).

Под влиянием моды a ж проникло в запретную жанровую зону **официальных блоков новостей**, в **речь дикторов**.

Но для официальных программ *аж* очень сильное средство **личной** оценки, мощный семантический акцент (сравним с классической ИК-7). Впрочем, в некоторых случаях это вполне уместно.

[Сюжет об английском писателе Гордоне Томасе, который выпустил книгу, содержащую секретные материалы о деятельности английской разведки МИ-5 и МИ-6]

Дела / за семью печатями / теперь в широкой печати. / В Британии / увидела свет книга / с секретными / материалами / о работе разведки. / Автор собрал фактов / аж на четыре сотни страниц. (Канал «Россия». «Вести»)

(На фоне небенефактивности ситуации для английских секретных служб [заметим, что в репортаже содержится информация о проигранном ими суде по запрету книги] бенефактивность ситуации для писателя, читателей, в том числе и говорящего как представителя русского социума и соответствующая оценка. Таким образом, с помощью *аж* информация осложняется насмешкой и легким злорадством).

С другой стороны, при отсутствии языковой интуиции и знания параметров, т. е. при неумелом обращении составители текстов добиваются результата, на который не рассчитывали. Ведь *аж* отражает резкий контраст оценок и при вполне позитивном тексте, т. е. при наличии фонового расчета на позитив, вносит резкое личное отрицательное отношение, следуя заложенным в нем коммуникативным параметрам. Недаром оно часто выступает как одно из скрытых средств презрения, насмешки. Впрочем, как и более редкого позитивного отношения при фоновом негативе, формируя, например, восхищение и одобрение.

Так на одном из каналов накануне выборов мы слышим:

Первый вице-премь ${}^{3}p$ / запланировал на этой нед ^{6} ле / аж пять по ^{1} здок.

Проанализируем вводимый *аж* смысл. Третье лицо, отклоняясь от бенефактивной для себя нормы, рассчитывает на положительный результат, что говорящий оценивает отрицательно, понимая мотивы, и апеллирует к зрителю эту оценку разделить. С определенной натяжкой этот пример можно было бы трактовать и другим образом: глубокий личный восторг физическими возможностями премьера, т. е. говорящий принимает в расчет сложность, небенефактивность такой ситуации для здоровья обсуждаемого лица и позитивно оценивает само стремление нарушить количественную норму. Но то, что данное высказывание может иметь две принципиально разные трактовки, уже является большой коммуникативной неудачей, естественно при отсутствии коммуникативного умысла.

Впрочем, неоднозначность трактовки может быть и вполне уместной, отражая коммуникативные намерения говорящего, так как русское аж, как и всякая другая единица коммуникативного уровня, в соответствии с алгоритмом развертывания способна одновременно вводить две непротиворечиво сосуществующие реализации в одну конструкцию, что типично для диалогической речи. Приведем в качестве примера отрывок из передачи «Квартирный вопрос». Ее героиня — военная летчица, отпраздновавшая свое девяностолетие, яркая, моложавая, необычайно одаренная коммуникативно.

[Героиня входит в обновленную кухню]:

— Тут вам рецепты написали. / Ну так, для красоты / просто. / $Odu_{\text{н-то}}^{3}$ ваш. / Тесто для пирожков.

[Cmex].

- $\bar{\tilde{O}}$ й, / реб ^{1} та. / Даже не ^{1} ерю...
- Салат «Ром $\overset{4}{a}$ шка» / $\overset{1}{m}$ оже.
- Не верю. / Хорошо, конечно. / Необычно. / Непривычно. / В течение сорока лет была кухня, / на которую я изо дня в день смотрёла. / Аж представляете! / Потому сейчас [щ: 3c] мне / надо еще привыкнуть. / К хорошему тоже надо привыкать. / Меня устраивает / всё. / Очень хорошо. / Такое впечатлёние, / что... / ну по мне это всё.
  - По в $\overset{2}{a}$ м, / $\partial \overset{3}{a}$?
  - По мн $\stackrel{1}{e}$, / Д $\stackrel{1}{a}$.
  - Baue настроение такое на этой кухне?
  - Да, ∂_a^2 , ∂a , ∂a . (т / п «Квартирный вопрос»)

В этом появлении a и радость, и растерянность героини. Ее расчет на обновление квартиры дает двойственный эффект. Вид обновленной

кухни ее радует (смена негатива позитивом, что оценивается положительно). При этом она разделяет позицию ведущей и ее команды. Но непривычность увиденного пожилым человеком позволяет аж маркировать растерянность — прежнее соответствие норме более бенефактивно, нынешнее состояние — не совсем. Иначе говоря, было привычно — плюс, сейчас непривычно — минус; было хуже — минус, сейчас хорошо — плюс. Типичное для коммуникативного уровня одновременное сосуществование двух реализаций в одной конструкции.

Резко активизировалось *аж* в **телевизионных сериалах**. При этом оно также может передавать языковую игру реализациями, например в речи замполита — наиболее интеллигентного героя сериала «Солдаты», склонного к ироничному выходу из официального регистра общения.

[На занятиях замполита солдат заснул]:

— Ну что, Соколов? / Проснулся? / Может, тебе кофейку / с молочком / в постельку принести? / Вот объясни мне Соколов, / как / можно / спать, / когда / Нато / свои клешни / аж / на Балканы / закйнуло, / $\frac{3}{3}$?

(Упрек, в котором отражен, с одной стороны, расчет русского социума на более благоприятный вариант развития международной обстановки, который не реализовался и сменился кратно более небенефактивным. Однако кроме этого, вводя аж, говорящий, апеллируя к слушающему, актуализирует с помощью этой единицы свой расчет на более ответственное поведение солдата в этот момент, в то время как он демонстрирует менее бенефактивное для общества, что оценивается отрицательно).

Отметим, что ближайшими соседями русского *аж* по узусу, что отражается и в толкованиях словарей, считаются *даже* и *целый*.

Однако *даже* имеет иные коммуникативные параметры и способно заменить *аж* лишь в некоторых реализациях. В отличие от *аж*, *даже* обладает параметром 1) отклонения от нормы, присущей говорящему, слушающему, третьему лицу, социуму, ситуации, которое обычно не допускается, 2) либо нормы, свойственной не каждому.

Сравним толкование словаря [Ожегов, Шведова 1994].

- 1. частица. Употр. при сообщении о том, что противоречит ожидаемому, осуществляется вопреки ему. Шум не смолкал даже ночью. Все притихли, даже дети. Очаровательно даже без всяких украшений
- **2.** частица. Употр. при сообщении о том, что осуждается как противоречащее узусу. Даже матери грубит. Обидит даже ребенка. Не подаст даже куска хлеба.
- 3. частица. Употребляется при выделении той части сообщения, которое его подтверждает, приводя дополнительные аргументы, или еще более вескую информацию. Умен, даже талантлив. Холодно, даже, кажется, снег идет. Мила, даже красива.

- **4.** частица. Употребляется для выражения неожиданности и интенсивности того действия, о котором сообщается. Даже заплакал от радости. Обиделась, даже слушать не хочет.
- 5. союз. Присоединяет предложение или член предложения со знач. уточнения, добавления. Ветер сильный, даже провода гудят.

Во всех упомянутых в словаре случаях представлена первая реализация инвариантных параметров, кроме первого и третьего примеров третьей главки, дающих реализацию — норма, присущая не всем.

Русское же *целый* обладает параметрами расчета на единство оценки говорящего и слушающего (третьего лица) качественного и количественного отклонения от нормы с учетом бенефактивности — небенефактивности ситуации. Отсюда частотность его появления в жалобах, либо при выражении похвальбы, восторга или гордости. В отличие от *аж целый* более прямолинейно и не играет скрытым соотношением позитива и негатива.

Жапоба

— Хорошенькая ерунда! / Вы под $\tilde{y}$ майте, Фёдор Николаевич, / ка-к $\tilde{b}$ й отч $\tilde{e}$ т! / Кол $\tilde{e}$ йка в кол $\tilde{e}$ йку.

Bepю.

Работа... / Цёлый месяц работы всей бухгалтёрии.

 B_{epio}^{1} . (х / ф «Укротительница тигров»)

Жалоба

- -A здесь бывают дожд u^3 ?
- $Eu\dot{\vec{e}}$ бы! / Порой кажется, что здесь не одна зима, / а целых двадиать. (х / ф «Безымянная звезда»)

Восторг

- [В осажденном Ленинграде]:
- Наст ^{36} сья Андреевна! / А м ^{36} жет, / я подним ^{36} сь / на ^{6} л/ч ^{2} сика. / Чайк ^{1} у польём.
  - [Грудной смех]
- Замотался. / Просто хочется посидеть / рядом / с талантливой женщиной.
- $Mau^{2}p!$ / [грудной голос] $\uparrow$ Вы смешной человек! / [Скрипуче] $\downarrow$ Где же я вам чau -то возьму!
  - $\stackrel{\text{h2}}{=}$ Если дело / только в $\stackrel{2^3}{=}$ том... / Продукты д $\stackrel{3}{\text{ай}}$! (...)
  - E^{0} же мой! / $\mathbf{H}^{0}$ лый огр ^{0} мный л ^{0} щ! / C ум ^{2} сойти!

Отсюда в высказывании *Первый вице-премьер запланировал целых пять поездок* использование *целый* даст положительную оценку (отклонение от количественной нормы, расчет третьего лица на позитивную оценку, говорящий оценивает позитивно, понимая бенефактивность варианта развития ситуации для общества, и призывает разделить эту позицию слушающего). При первой и наиболее реальной трактовке русского *аж* сопоставляемые единицы выступают практически коммуникативными антонимами. Однако и *целый* едва ли будет также уместно в данном жанре из-за яркой оценочной позиции.

В то же время $\mathbf{u}$ елый может функционировать и в презрении, при этом реализация aж и $\mathbf{u}$ елый могут максимально сближаться, участвуя в коммуникативном дублировании.

Он тут целую философию изобрел. Ср. Он аж целую философию изобрел.

Целый дает в своей реализации расчет говорящего на единство оценки со слушающим небенефактивной позиции третьего лица.

Аж выражает негативную оценку говорящим позиции рассчитывавшего на позитивный результат третьего лица, которую должен разделить и слушающий.

Таким образом, бегущая над номинативным уровнем строчка значений, выражаемых средствами коммуникативного уровня, может серьезно изменить посыл текста, при этом несоизмеримо более тонкими языковыми способами, чем это делают столь мощные средства оценки, как русское *аж*. Профессиональный отбор средств в определенных жанрах массовой информации, несомненно, требует либо блистательно развитой языковой интуиции, либо осознанного владения их семантикой.

Библиография

Безяева 2002 — *Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.

Виноградов 1954 — *Виноградов В. В.* Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1954. № 1.

Виноградов 1975 — Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.

Ожегов, Шведова 1994 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994.

Т. С. Жукова, М. Н. Шевелёва

Мы с благодарностью посвящаем эту статью Софье Константиновне Пожарицкой, чьи диалектные исследования использованы здесь и в других наших работах. С благодарностью за постоянный живой интерес к историколингвистическим разысканиям, щедро предоставляемые материалы своих полевых записей, за поддержку, за замечания и советы, за неизменную готовность поделиться научными впечатлениями и готовность к сотрудничеству, так важные для нас — коллег и учеников разных возрастов, за живую и свободную атмосферу научной университетской дискуссии и научной жизни.

«Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими

1. Формы перфектной группы — та область глагольной грамматики, где на восточнославянской (вост.-слав.) территории обнаруживаются явные диалектные различия. Особый интерес в этом отношении представляет славянский плюсквамперфект, судьба которого в разных вост.-слав. диалектных зонах оказалась различной, при этом сходство обнаруживается между северо-востоком и юго-западом восточнославянского ареала — северо-восточными русскими говорами (архангельскими, вологодскими), с одной стороны, и украинскими и белорусскими, с другой.

В славянских языках «безаористного» типа, к которым относятся все восточнославянские и западнославянские (кроме лужицкого) и словенский [Маслов 1984 / 2004: 226], перфект превратился в универсальный претерит, а плюсквамперфект приобретает вид был + -л — рус. ходил был (др.-рус. ходиль есмь быль, 3 лицо ходиль быль), словацк. bol som volal, укр. був ходив и т. п. ([Маслов 1984 / 2004: 226]; см. также [Шевелева 2007: 216–218]). В русистике этот тип образования плюсквамперфекта часто называют «русским плюсквамперфектом» (см., например: [Горшкова, Хабургаев 1981: 305–306] и др.), что не вполне удачно в общеславянском контексте, поскольку эта форма известна и другим славянским языкам, ср. у А. И. Соболевского более корректное «давнопрошедшее второго типа (вида)» [Соболевский 1907: 164, 242]. П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава предлагают, следуя западноевропейской традиции наиме-

нования подобных перфектных новообразований в языках, утративших старое простое прошедшее, называть эту форму «сверхсложным прошедшим» [Петрухин, Сичинава 2006], [Петрухин, Сичинава 2008]. Возникновение рассматриваемого типа образования славянского плюсквам-перфекта относится, очевидно, к праславянской эпохе — об этом говорит ареал его распространения, а также фиксация уже в старейших письменных памятниках (в вост.-слав. — уже XI–XII вв.) (см. [Шевелева 2008: 233, 239]). По отношению к исконному славянскому плюсквам-перфекту со связкой в аористе с имперфектной основой или имперфекте типа δt (δt) – t (который на вост.-слав. почве принадлежит исключительно книжной традиции) эта форма является новообразованием — за отсутствием устоявшейся и непротиворечивой терминологии будем называть ее условно «новым» плюсквамперфектом.

Семантическая и формальная история этой «новой» формы плюсквамперфекта в вост.-слав. диалектах складывалась неодинаково, причем выявляемые изоглоссы обнаруживают соответствия и за пределами вост.-слав. ареала.

2. Замечательный материал по истории плюсквамперфекта в диалектной зоне вост.-слав. юго-запада (украинско-белорусской) дают памятники XV–XVI вв., написанные так наз. «простой мовой», в сопоставлении с данными современных украинских говоров.

«Проста (руска) мова» — новый литературный язык Юго-Западной Руси XV-XVII вв., возникший на основе делового языка Великого Княжества Литовского и близкий к народно-разговорному субстрату (украинскому или белорусскому) ([Толстой 1988: 59-61]; [Успенский 2002: 388-392]; [Мозер 2002] и др.), — широко отражает употребление «нового» плюсквамперфекта. При том что «проста мова» «отнюдь не совпадает с живой диалектной речью» [Успенский 2002: 388], совмещая в себе церковнославянский, польский и местный разговорный компоненты, на морфологическом уровне, как отмечают исследователи, диалектный субстрат преобладает: морфология «простомовных» текстов «в основном отвеча[ет] правилам, общим для грамматического строя украинского и белорусского языков. Специфические черты, идентифицируемые как украинские или белорусские или же как узкодиалектные, обычно не допускаются» [Мозер 2002: 241]. Польские и церковнославянские элементы выступают в «простой мове», главным образом, в области лексики и синтаксиса, при этом украинский вариант «простой мовы» более славянизирован, белорусский — в большей степени полонизирован [Успенский 2002: 389-391]; [Аниченко 1969: 35-37].

В XV–XVI вв. на «простой мове» создаются памятники разных жанров, возникают переводы канонических текстов на украинскую и белорусскую «простую мову» [Толстой 1988: 68–71]. Большой объем и нарративный характер евангельских текстов дают богатый материал по употреблению глагольных форм.

Источниками нашего материала послужили:

- Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг. (далее ПЕ), переведенное с церковнославянского на украинскую «простую мову» в Пересопницком монастыре на Волыни. ПЕ отражает украинские диалектные черты на всех уровнях и считается одним из наиболее значительных памятников истории украинского языка [Житецкий 1876]; [Чепига 2001]. Показательно, что употребительность плюсквамперфекта в ПЕ возрастает как раз в тех частях текста, которые, по мнению исследователей, переведены «ближе к народной речи» (Евангелие от Иоанна и особенно Евангелие от Луки) [Житецкий 1876: 4].
- «Страсти Христовы» (далее СХ), апокрифическое сочинение на основе Никодимова Евангелия, переведенное на белорусский вариант «простой мовы» не позднее 1460-х гг. с латинского (скорее всего через посредство польского) источника; исследовано по опубликованному списку РНБ, Q. І. 391, датируемому А. А. Туриловым 1482 г., менее вероятно 1467 г. [Карский 1897 / 1962]; [Турилов 1998: 59–60]. Примеры употребления «нового» плюсквамперфекта из СХ, наряду с аналогичными примерами из западнорусской Библии Скорины нач. XVI в., впервые приведены в связи с историей «форм давнопрошедшего» А. И. Соболевским [Соболевский 1907: 242].

Данные **современных украинских говоров** исследованы по сборникам записей 1970–2000-х гг. (см. список источников).

Плюсквамперфект представлен как живое явление в той или иной степени в большинстве украинских говоров, но наибольшее распространение он имеет, видимо, в юго-западных говорах [Верхратский 1902]; [Бевзенко 1960: 321], [Бевзенко 1980: 141]; [Герман 1998: 149–151]; [Толстая 2000]. Исследованные диалектные записи представляют практически все говоры северного и юго-западного наречий украинского языка, формы плюсквамперфекта зафиксированы в говорах всех групп, всего отмечено около 100 примеров.

В современном украинском литературном языке также сохраняется «новый» плюсквамперфект, но его употребление связано главным образом с разговорной речью и художественной литературой [Грамматика 1969: 377–378]; [Бевзенко 1960: 320–321]; [Загнитко 1996: 45]. Известен плюсквамперфект и в современном белорусском языке — литературном и в диалектах [Гістарычная марфалогія 1979: 224–225]; [Аниченко 1957: 177–179]. Зона восточнославянского юго-запада славянский плюсквамперфект в основном сохраняет, при этом, что очень показательно, прежде всего в живой устной речи.

Обратимся к проблеме значений и истории этой формы по данным названных памятников и современных украинских говоров.

3. Как отмечалось в работах [Шевелева 2007]; [Шевелева 2008], «новый» плюсквамперфект в древнерусских памятниках и современных севернорусских говорах фиксируется в трех основных типах значений:

- 1) результативном (смещенно-перфектном) типа *Отвец тоже был потонул* арх. плюсквамперфект *был -л* в таком употреблении синонимичен северо-западному причастному перфекту (плюсквамперфекту) типа *У нас Галя наплакавши была*, в этих говорах отсутствующему [Пожарицкая 1991: 789]; [Пожарицкая 1996: 273–274];
- 2) антирезультативных (недостигнутого или аннулированного результата) типа Я за морошкой была пошла, да воротилась арх., развивающихся на базе результативного в контексте противопоставления последующему ходу событий;
- 3) отделенного от настоящего прошедшего, часто называемого значением давнопрошедшего, типа Я была лошадей кормила арх. (см. [Шевелева 2007: 225–232, 241–248]; [Шевелева 2008: 215–220] и др.), рассматривался диалектный материал из работ С. К. Пожарицкой [Пожарицкая 1991]; [Пожарицкая 1996] и имеющиеся записи из [Мансикка 1912]; [Мансикка 1915]; [Чернышев 1970]; [Шапиро 1953]; [Обнорский 1953].

В исследованных памятниках Юго-Западной Руси «новый» плюсквамперфект употребляется достаточно широко: в ПЕ зафиксировано окоо 90 случаев употребления данной формы, в СХ — более 40 случая. Столь широкое употребление «нового» плюсквамперфекта не отмечалось ни в древнерусских памятниках XII—XIV вв., ни в великорусских XV—XVI вв. (см. [Шевелева 2007]; [Шевелева 2009]). Книжный плюсквамперфект в обоих памятниках отсутствует совсем.

Плюсквамперфект в ПЕ и СХ выступает в тех же названных трех типах значений. Те же типы значений обнаруживаются у «нового» плюсквамперфекта в исследованных материалах украинских говоров.

3.1. В памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. плюсквамперфект чаще всего употребляется в **смещенно-перфектном** (результативном) значении: в ПЕ это около 2 / 3 всех имеющихся примеров, в СХ соотношение примерно то же¹.

В результативном значении плюсквамперфект может употребляться в памятниках и в зависимых предложениях (придаточных относительных и причинных), и в независимых. Чаще всего в обоих памятниках встречаются определительные конструкции, частотны и причинные с союзом 6o, ср. характерные примеры из ΠE :

и съдъли тамь фарисее и законоу оучителеве. которыи жь то были пришли зо всъхъ сълъ мъста галилеиского... (ПЕ, Лк 5, 17) — ср. в современном Синодальном переводе: «фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи»;

_

¹ Точную статистику привести невозможно, поскольку некоторые примеры допускают не один вариант трактовки — по-видимому, в ряде случаев можно говорить о совмещении компонентов двух значений, т. е. о переходных случаях, демонстрирующих путь развития грамматических значений формы (см. об этом ниже).

потомь вшоль и то(т) дроугый оучнкъ. къторый быль перше пришо(л) къ гробоу. и оувидъть, и оувъроваль (ПЕ, Ин 20, 8) — «потом вошел и тот другой ученик, который прежде пришел к гробу, и увидел, и уверовал», ср. в церк.-слав. Остр. Библ. 1581 г. причастие: Тогда оубо вниде и другыи оученикъ, пришедыи прежде къ гробу, л. 45; в совр. рус. Синодальном переводе: «и другой ученик, прежде пришедший ко гробу»;

Воини (ж) емше їса, и вели его до каияфы архїерем. где ж то оучители и старшій зобрали(с) // были (ПЕ, Мт 26, 57) — совр. рус. перевод: «...отвели Его к Каифе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины» = 'были собравшимися';

и вспоманоуль петръ слово їсво. которое емоу <u>быль повидъль</u> (ПЕ, Мт 26, 75) — ср. в Остр. Библ.: *И поману Петръ глъ ісовъ реченыи ему*, (л. 15 об.), в совр. рус. переводе: «слово, сказанное ему Иисусом»;

или вси и наилиса и зобрали опосли што <u>было остало</u> окроуховь дванадесать кошовь (ПЕ, Лк 9, 17) — ср. причастие в Остр. Библ.: u адоша и насытиша са вси и взаша <u>избывшаа</u> им оукрухы (л. 33); в совр. рус. переводе: «И ели и насытились все, и <u>оставшихся у них</u> кусков набрано двенадцать коробов»;

И рекль оученик ω (м) своимь абы емоу лодю изьеднали для народа, $u(\mathcal{H})$ бы его не cmu(c)кали. бо много u(x) быль оуздоровиль (ПЕ, Мк 3, 9–10) — «...дабы не теснили Его. Ибо многих Он исцелил»;

прото такь мовили родители его. иже са бояли жидовь. бо са южь были змовили жидове (ПЕ, Ин 9, 22) — «потому так отвечали родители Его, что боялись иудеев, ибо иудеи сговорились уже, чтобы..., ср. в Остр. Библ. книжный плюсквамперфект: Си рекоста родитела его, ако боастаса жидовь, оуже бо са бъху сложили жидове. да аще кто его исповъсть ха... (л. 49 об.);

и просиль его весь наро(д) стороны гадариньскои. абы $\tilde{w}$ ишоль $\tilde{w}$ нихь бо см $\underline{\delta}$ ыли велми $\underline{o}$ устращили (ПЕ, Лк 8, 37) — совр. рус. перевод: «И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они $\underline{o}$ 6 выли великим страхом», ср. в Остр. Библ.: ... ако страхомь веліе $\underline{o}$ 4 одръжими $\underline{o}$ 6 устрахомь деліе $\underline{o}$ 6 одръжими $\underline{o}$ 6 об.) и др.

Ср. сходные контексты в СХ:

и чоули есмо англы говорачо к жона^м. которые <u>пришли были</u> до гробоу і сва...(СХ, л. 34 об.) «и мы слышали ангелов, говорящих женам, которые <u>пришли</u> (= пришедшим) к гробу Иисуса»;

тисьць тысьчей ангело пели хваленіа бжья. иже оуси стые аньелове сошлись были на погребеніе ε^{c} а своего (СХ, л. 15) «и тысячи тысяч ангелов пели хваления Богу, ведь все святые ангелы сошлись на погребение Господа своего»;

але голо сосиплыи звина заню дань пред силною жалостію. Оуже бы страти оусю силоу говореніа (СХ, л. 11) «но голос ее осипший изменял ей, потому что язык из-за сильной жалости уже утратил способность говорить»;

митостивыи $z^{\overline{t}}$ ь <...> хоте^л слово проговорити. до мл^c тівеи матки своеи. але пере^д болестію а жалостію не могль говорити. те^ж прото иже гоубы шіа горло оусе было ютекло. $\ddot{w}$ преть кого бить a (СХ, л. 12) «милостивый Господь хотел сказать слово своей милостивой матери, но из-за боли и скорби не мог говорить, потому что губы, шея, горло — все отекло от тяжких побоев» и др.

Появление плюсквамперфекта в таких контекстах возврата к более ранним событиям, результат которых отнесен ко времени основной линии повествования, закономерен для нарративного текста. При этом важно подчеркнуть, что плюсквамперфект в обоих памятниках, особенно широко в СХ, вполне может употребляться с тем же смещенно-перфектным значением и в независимых предложениях, ср.:

 $u\ \omega$ бое са <u>были постартии</u> въ <u>днехь своихь</u> (ПЕ, Лк 1, 7) «и оба состарились уже (= были состарившимися)» — ср. в Остр. Библ.: $u\ oбa$ <u>заматортвии</u> въ <u>днехъ своихъ <u>бъста</u> (л. 27), в совр. рус. переводе: «и оба были уже в летах преклонных»;</u>

И все мѣсто было зышлоса къ дверемь. и оуз(д)оровиль и(х) много (ПЕ, Мк 1, 33) «и весь город сошелся к дверям, и исцелил многих», в древнейшем славянском переводе здесь читался книжный плюсквам-перфект с тем же значением: и въ высь градъ събралъ съ (Мстисл. Ев., 55б), — любопытно, что в Остр. Библ. это чтение заменено на аномальное и бъ весь градъ събраса, (л. 17 об.) с двумя аористами, калькирующее разговорную форму с двумя л-претеритами (о подобных гиперкорректных образованиях см.: [Шевелева 1993: 149–150]; [Шевелева 2007: 219]);

а и домь <u>бы(л)</u> наполнилса $\vec{w}$ вонности ω ноеи добре запашнои, // масти (ПЕ, Ин 12, 3) «И дом <u>наполнился</u> благоуханием (= был наполнившимся) ароматной мази (мира)»;

да с преславного ω бличь α его. оуже оуса краса <u>сплыла была</u> (СХ, л. 10 об.);

а оуже тогды ни ω дное силы не им ^{4} ть оу своемъ престомъ теле. такъ <u>стомильса бы ^{7} </u> на молитве. ажь на нага ^{8} <u>стомит не могль</u> (СХ, л. 6 об.) «и уже тогда не имел никаких сил в своем пресвятом теле, так <u>устал</u> на молитве, что на ногах стоять не мог»;

 ∂a з оного роушенїа тела его его потъ кривавыи капа^л на землю. me^{∞} и престата голова его. $ma\kappa b$ з оного потоу кривавого. $nec{3}$ змочиласе была измочона была албо понорена (СХ, л. 6) «и при движении тела Его пот кровавый капал на землю, и пресвятая голова Его так этим потом кровавым $nec{2}$ смочилась, как будто в воде была намочена или погружена в воду» и др. В большинстве подобных контекстов плюсквамперфект имеет смещенное статально-перфектное значение результирующего состояния в прошлом.

Надо сказать, что в исследуемых памятниках плюсквамперфект с результативным значением употребляется шире, чем книжный плюсквамперфект в церк.-слав. текстах, — это хорошо видно по сопоставле-

нию ПЕ с церк.-слав. текстом Евангелия, ср. приводимые выше соответствия по Остр. Библ. 1581 г., имеющей также югозападнорусское происхождение и при этом отражающей стандартный церк.-слав. текст Библии, восходящий к Геннадиевской Библии 1499 г. [Алексеев 1999: 204-216]. «Новому» плюсквамперфекту ПЕ в церк.-слав. тексте в большинстве случаев соответствует не плюсквамперфект: это могут быть причастные конструкции, в том числе и книжные атрибутивные (см. приведенные выше соответствия в Остр. Библ., ср. так же в совр. русском переводе); может быть аорист, т. е. обычное повествовательное время, не акцентирующее специально семантику смещенной перфектности (ср. в Остр. Библ.: Воини же емше іса, ведоша к Каіафъ архіереови, идъже книжници и старци <u>събраша сл</u> (л. 15 об., Mт 26, 57) — в ΠE : <u>зобрали</u>ся были; Храмина же $\underline{ucnлънисм}$ $\ddot{w}$ вона масти 6π говонныа (л. 51, Ин 12, 3) в ПЕ: <u>домь бы(л) наполнилса</u>; многы бо <u>иси $\pm$ ли</u> (л. 18, Мк 3, 10) — в ПЕ: бо много их быль оуздоровиль и др.); гораздо реже — в целом лишь в 11 случаях из 92 — в церк.-слав. тексте мы находим книжный плюсквамперфект в соответствии с «новым» плюсквамперфектом в ПЕ (ср. приведенные соответствия к Ин 9, 22; Мк 1, 33; ср. также: и бъху съдаще фарисее и законобучителіе, иже баху пришли й всакіа веси Галилеискіа (Остр. Библ., л. 30, Лк 5, 17) — в ПЕ: которыи жь то были пришли ср. сходные результаты сравнения «простомовного» Креховского Апостола с церк.-слав. текстом [Огиенко 1930: 379]).

Интересен контекст ПЕ с несколькими формами плюсквамперфекта, из которых в церк.-слав. тексте плюсквамперфект соответствует только одной: и южь са темно было оучинило. бо їс еще к нимь не пришоль <u>быль.</u> а на мори $\ddot{w}$ велико(г)[о] // вътроу влъны <u>были всталі</u> (ПЕ, Ин 6, 17–18) — ср.: И тма абіе <u>бысть</u>, и не о $\widehat{y}$ <u>бъ пришель</u> к нимъ $\widehat{ic}$. море же вътру велію дыхающу (Остр. Библ., л. 47), ср. совр. Синодальный перевод: «Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось». Употребление плюсквамперфекта во всех трех случаях в «простомовном» переводе показывает, что главным в значении этой формы был отнюдь не таксисный компонент предшествования, а перфектный: результирующее состояние здесь представлено во всех трех случаях, и локализация этих «состояний» на основной оси повествования практически совпадает (или различия во времени их возникновения несущественны) — перед нами описание единой картины. По-видимому, в значении плюсквамперфекта здесь (а может быть, и в других случаях) присутствует еще некоторый эмфатический компонент подчеркивания значимости данных событий — ср. наблюдения С. К. Пожарицкой о эмфатическом компоненте при употреблении севернорусского плюсквамперфекта [Пожарицкая 1996: 273]. Такая полная нейтрализация таксисного компонента значения формы и присутствие компонента выделительного создает «мостик» к значению давнопрошедшего, которое в исследуемых памятниках в большинстве случаев представлено в комплексе с результативным — в контекстах, совмещающих компоненты обоих значений. По-видимому, в исследуемый период последнее значение плюсквамперфекта, отличающееся от аористного только подчеркнутым отнесением действия к не связанному с настоящим прошлому и обычно сопровождающееся эмфатическим выделением, в зоне вост.-слав. юго-запада только начинало формироваться (см. об этом ниже).

Таким образом, первичное результативное значение было в языке «простомовных» югозападнорусских памятников XV–XVI вв. основным значением «нового» плюсквамперфекта, причем обусловленности влиянием употребления книжного плюсквамперфекта церк.-слав. источников здесь нет — напротив, «новый» плюсквамперфект часто используется как некнижная форма, заменяющая специфически книжные причастные конструкции. Есть все основания предполагать, что «проста мова» в данном пункте отражает грамматическую систему диалектов Юго-Западной Руси XV–XVI вв.

Данные современных украинских говоров подтверждают это предположение: сейчас в украинских диалектах плюсквамперфект вполне употребителен в смещенно-перфектном значении. Как и в исследованных памятниках, результативный плюсквамперфект может в говорах употребляться как в зависимых предложениях, так и в независимых последнее в диалектной разговорной речи, естественно, встречается чаше.

Ср. в придаточных причины:

Вуна ўт'ікала ў л'іс / бо^у там блис'ко буў л'іс / але^и ўже до^у л'іса вуна не^и ўсп'іла / по^уто му шо <u>были</u> йійі <u>ўлапали</u> (Надсанские говоры, УГПЗ 2005: 13)² «Она бежала в лес, потому что там близко был лес, но до леса она не успела (добежать), потому что ее <u>схватили</u>»;

Ая-я, та я чула, як хтос віходив з хати, бо кланинули були двері, а я ше думала, хто це війшов з хати і не вертаїсі (Гуцульско-покутские говоры, Лесюк 2008: 276) «Ая-я, да я слышала, как кто-то выходил из хаты, потому что хлопнули двери, и я еще думала: кто это вышел из хаты и не возвращается».

Ср. в независимых предложениях:

Йа шла дом'іў / а тамк'и серед горба хата і така була ж'інка товарисна / і йа зайшла до нейі / а хлопц'і с'а были попр'атали / йа лише до хаты / а пар'ібк'и до хаты / йа выскочила на п'іч / а ўни мене т'агнут іс печ'і / тогды мене обл'али (Надднестрянские говоры, ГПЗ 2000: 35) «Я шла домой, а там на холме была хата и там женщина знакомая, и я зашла к ней. А ребята спрятались (= были к этому моменту спрятавшиеся). Я только в хату, и ребята в хату, я вскочила на печь, а они тянут меня с печи: тогда меня и облили (водой)»;

² Диалектные примеры приводятся с сохранением записи источника за исключением снятых знаков ударения.

от нам так бог даў / шо пайіехаў / да ї заблудиў м³иі д'івд / а тад'і вин изл'ів на дуба дак пришоў Ил':а / прийівхаў на б'ілим кан'ів / і прин'ув проскору // і тад'ів шчо ж в'ин // було пришло багато воўкуоў адин кривен'ки // в'ин тад'ів ус'ім падаў проскури (Восточнополесские говоры, сказка, ГУМ 1977: 145) «Вот так Бог дал нам, что поехал мой дед (в лес), да и заблудился, и тогда он залез на дуб. И пришел Илья, приехал на белом коне и принес просфору. И тогда что же он... А пришло (= было пришедших) много волков, один кривенький. Он тогда всем подал просфоры» — ср. приведенные выше аналогичные контексты из памятников с были пришли и под.;

ну потому ўже йак'іс'мо б'іл'ши грали / то ўжес'мо йіздили / і до Збаража грати вистави // ўже добри наўчилис'і були грати // так шо / грали багато таких йак нив'іл'ник / йак Наталка Полтаўка... (переходные волынские / надднестрянские говоры, ГУМ 1977: 255) «но потом уже как-то больше играли, уже ездили и в Збараж играть представления. Уже хорошо научились играть. Так что играли много таких (пьес), как «Невольник», «Наталка Полтавка...»;

I войска дуже було II і бис ц'ілу ніч йісмо зач'ели йте II а други ій ден' I ўже с'і розвидн'іло I то ўже I ўже же II то було с'і вісепало I ўже так було зб'іж'а на поли (Надднестрянские говоры, ГУМ 1977: 231) «И войско было большое, и всю ночь шли. А на второй день прояснилось. То уже рожь осыпалась, уже столько зерна было на поле...» — статально-перфектное значение — и др.

Обратим внимание, что, как и в памятниках XV–XVI вв., в результативном значении чаще встречается плюсквамперфект от непереходных глаголов СВ (ср. о том же для севернорусского плюсквамперфекта [Пожарицкая 1996: 274]), однако есть употребления и с переходными глаголами, ср., например:

Василь, як фронт проходив, то він зброї багато <u>був назбирав</u>, тий тако-во помагав. Ілько то був у партизанах (Гуцульско-покутские говоры, Лесюк 2008: 242) «Василь, когда фронт проходил, то он много оружия <u>насобирал</u>, так вот и помогал. Илько-то был в партизанах (собрал ранее, а потом помогал этим оружием партизанам)» и др. — ср. в памятниках контексты типа: бо много u^x быль оуздоровиль (ПЕ, Мт 3, 9–10), см. выше.

Как и в памятниках, в говорах встречаются примеры, где на первый план, кажется, выходит выделительный компонент значения плюсквам-перфекта, ср.:

Потом попався в плен я <...> I тамака я <u>був найшов</u> собе друзей, так пуддерживалісє мі (Среднеполесские говоры, ГСМ-І 2003: 23) «Потом я попал в плен <...> И там я <u>нашел</u> себе друзей, так мы и поддерживали друг друга». Обозначенное плюсквамперфектом действие здесь результативно, однако по отношению к предыдущему звену цепи событий оно является последующим, не обозначая регресса, поэтому в таком кон-

тексте то же соотношение событий вполне могло быть выражено и простым прошедшим — плюсквамперфект прежде всего эмфатически подчеркивает это прошедшее результативное не связанное с настоящим действие. Подобные контексты являются переходными от результативного значения плюсквамперфекта к значению давнопрошедшего.

Следует специально обратить внимание на то, что в современных украинских говорах, в отличие от памятников XV–XVI вв., результативное значение плюсквамперфекта не является преобладающим — в семантике формы обнаруживается дрейф в сторону двух других значений, прежде всего значения давнопрошедшего. По всей видимости, перед нами отражение пути развития значений «нового» плюсквамперфекта в диалектной системе вост.-слав. юго-запада: первичное перфектное значение сохраняется, но употребительность его уменьшается, в то время как вторичные значения получают развитие (см. об этом ниже; о пути эволюции значений «нового» славянского плюсквамперфекта см. [Шевелева 2007: 216–220]; [Шевелева 2008: 218–220, 232–233]).

Рассмотренные данные юго-западных источников свидетельствуют о первичности и архаичности результативного значения «нового» славянского плюсквамперфекта. Тем самым снимается высказывавшееся в литературе предположение о том, что «новому» (сверхсложному) плюсквамперфекту результативное значение никогда не было свойственно [Петрухин, Сичинава 2006]; [Петрухин, Сичинава 2008]. Севернорусские формы с таким значением (ср. Отец тоже был потонул; Все ребята у ней там были родились; Наше время было прошло; Померли были все; Корова опять отелилась была и под. [Пожарицкая 1991: 789]; [Пожарицкая 1996: 273]) находят явное соответствие в украинских говорах и юго-западных памятниках XV—XVI вв. и являются несомненным архаизмом, а не вторичной диалектной инновацией.

3.2. Антирезультативные значения в памятниках XV–XVI вв. представлены меньшим числом примеров, чем смещенно-перфектное. В большинстве случаев это значение аннулированного результата, возникает оно в контекстах противопоставления последующему положению дел — преимущественно в прямой речи (об условиях реализации этого значения в древнерусских памятниках см. [Шевелева 2007]; [Шевелева 2008]). Ср. примеры из ПЕ:

радоуйтеса съ мною, // бо нашла есми драгмоу. котороую была есми згоубила (ПЕ, Лк 15, 9) — противопоставление 'потеряла / нашла', ср. в

³ Мы отдаем себе отчет, что имеющиеся в нашем распоряжении украинские диалектные примеры связаны с разными говорами, поэтому статистические данные о степени представленности значений плюсквамперфекта не могут быть полностью надежными — необходимо исследование конкретной диалектной системы. Однако поскольку эти диалектные материалы представляют все говоры северного и юго-западного наречий украинского языка (всего 9 групп говоров), определенные тенденции пронаблюдать можно.

Остр. Библ.: *ако обрътохъ драхъму погибшую* (л. 37), совр. рус. Синодальный перевод: «я нашла <u>потерянную</u> драхму»;

то(т) то снь мои оумрль бы(л). а засл есть южиль. загиноуль быль. и юпл (т) са нашоль (ПЕ, Лк 15, 24) — ср. в Остр. Библ., сохраняющей чтение первоначального перевода Евангелия: тако снъ мой сей мртвъ бъ и оживе. i изгиблъ бъ и обрътесл (л. 37 об.), — противопоставление 'мертв был / ожил', 'пропавшим был / нашелся' в церк.-слав. тексте во втором случае выражено плюсквамперфектом, результат которого аннулируется соотнесенным с ним действием в аористе (в первом случае аналогичное значение имеет конструкция с прилагательным), в «простомовном» же тексте в «новом» плюсквамперфекте стоят выражающие «отмененные» действия члены обеих пар;

Никто же взышоль на но едно то(т) которыи быль зышоль з но снь члч(с)кы(и). которыи же то е(ст) в но (ПЕ, Ин 3, 13 — 'сошел с неба / взошел на небо, (сейчас) находится на небе'), ср. причастие в Остр. Библ.: И никто же взыде на но, токмо същедыи с но се, снъ чл кіи, сыи на но , как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» — и некоторые др.

Как и для результативного значения, «новому» плюсквамперфекту ПЕ в церк.-слав. тексте Евангелия чаще соответствует причастие, изредка — книжный плюсквамперфект. Антирезультативность во всех подобных случаях задается контекстом противопоставления, который аннулирует результат имеющей перфектное значение формы.

В тех же условиях реализуется антирезультативное значение плюсквамперфекта в СХ, ср.: *а како живи есте. которые неколи оумерли были есте* (СХ, л. 32 об.) «как живы вы, те, которые некогда умерли»;

 $u \, \underline{nodha^n}$ мене некоторыї из мѣстца кде $\underline{oyna^n}$ есми бы $\underline{n}$ (СХ, л. 37 об.) «и поднял меня некто с того места, где я упал»;

лъпше весельсе иже ω вию котороую <u>есми бы</u> давно <u>страти</u> нашо есми (СХ, л. 12 об.) «лучше радуйтесь, что овцу, которую давно потерял, я нашел теперь» и некоторые др.

В некоторых случаях «отмененность» действия выясняется только в широком контексте, в то время как с позиции описываемого момента повествования значение плюсквамперфекта результативное; ср., например, в рассказе о Лазаре, впоследствии воскресшем:

Рекла пакь емоу Мар Φ а сестра того который <u>быль оумрль</u>. $\overline{cu}$. $\omega(\mathcal{H})$ // смерьдить (ПЕ, Ин 11, 39) — «сказала ему Мар Φ а, сестра того, которыи умер: Господи, уже смердит», ср. причастие в Остр. Библ.: $\overline{cna}$ ему <u>сестра оумершаго</u> Мар Φ а (л. 50 об.), так же в совр. Синодальном переводе;

ср.: велми <u>засмоутилисе есмо были</u> коли искали есмо тебе а не нашли есмо тебе (СХ, л. 36 об.) «мы очень (тогда) опечалились, когда искали тебя, но не нашли». Подобные примеры хорошо показывают, как антирезультативное значение может «рождаться» из результативного, «наводиться» контекстом и ситуацией.

В современных украинских говорах антирезультативные значения реализуются в тех же условиях контекста противопоставления, ср.:

У мене ϵ підозра на вдного чоловіка, що я з ним робила в коперативі, їго <u>були</u> такі <u>взьили</u>, а потому віпустили (Гуцульско-покутские говоры, Лесюк 2008: 240) «У меня есть подозрение на одного человека, с которым я работала в кооперативе, его все-таки <u>взяли</u>, а потом отпустили»;

Я цей вірш про дуб... я його <u>почала писати була</u> на своїй говірці, але потім залишила (Среднеполесские говоры, ГСМ-І 2003: 365) «Я это стихотворение о дубе...Я <u>начала (было)</u> его писать на своем говоре, но потом бросила»;

У нас тут боценя як <u>било злетівло</u>.. нормальне.. Як воно злетівло одне? Одне било в гніздів, а друге злетівло.. То зараз заявілі — і прийіехала страж, і тоє боценя і <u>внеслі</u> аж на гніздо (Западнополесские говоры, ДС 2006: 345) «У нас тут аистенок как <u>слетел</u>... нормально... Как он слетел один? Один был в гнезде, а другой упал... и сразу заявили, и приехала служба, и этого аистенка подняли прямо в гнездо»;

ср. случаи, где аннулированность результата следует из общих знаний о последующем положении дел, т. е. задается конситуацией (ср. выше аналогичные примеры из памятников):

Дак тад'і ў старе ўремйа тоже н'імц'і <u>бул'і паприйежджал'і</u> / да закупл'ал'і земл'у (Среднеполесские говоры, ГЧЗ 1996: 82) «Так тогда в старые времена тоже немцы <u>понаехали</u> и закупали землю» (позже немцы уехали) и под.

Следует обратить внимание на то, что в говорах антирезультативное значение несколько употребительнее, чем в памятниках XV–XVI вв., — по-видимому, можно говорить о некоторой тенденции к укреплению его позиций сравнительно с перфектным значением. С наибольшей очевидностью это прослеживается в материалах полесских говоров — возможно, под влиянием русского языка (литературного типа и южнорусских говоров).

В севернорусских же говорах, сохраняющих плюсквамперфект, условия реализации антирезультативного значения формы те же, что в украинских говорах и юго-западных памятниках XV—XVI вв., ср. примеры из [Пожарицкая 1996: 272]: Парализовало ей было, да отошло; Я за морошкой была пошла, да воротилась; Сын-то женился был на учительнице, да запил, она его выгнала и под.; ср. также примеры типа: Бабушка-та зашла была — она на сарай ходила, вот иш какой сарай-то высокой — она сажу пахать убирать пошла была, не знаю, испугалась, не знаю, чево у ей получилось, ну вот и зашла на медпункт-от арх. [Пожарицкая 1996: 272], — где «отмена» результата последующими событиями следует только из широкого контекста, значение плюсквамперфекта

здесь нельзя назвать собственно антирезультативным — он только маркирует отнесенность результата к не связанному с настоящим прошлому, а конситуация указывает на отсутствие этого результата в момент речи (ср. подобные украинские примеры).

3.3. Значение давнопрошедшего в «чистом» виде представлено в исследуемых памятниках XV–XVI вв. редко — в большинстве случаев оно сосуществует с результативным в контекстах, показывающих путь развития от перфектного значения к значению подчеркнуто не связанного с настоящим прошлого, ср. выше (3.1.) о контексте из ПЕ и южь сы темно было оучинило. бо $\overline{ic}$ еще к нимь не пришоль быль. а на мори $\overline{w}$ велико(г)[о] // вътроу влъны были встал $\overline{i}$ (Ин 6, 17–18).

Ср. примеры из СХ — из отступления, описывающего историю жизни Пилата:

Бы^{^{n}} некоторыи коро^{^{n}} атоу^{^{c}} имене^{^{m}}. которыи ^ж некоторую девкоу имене^{^{m}} пила. дочкоу некакого мелника телесне позналь бы^{^{n}}. да з нее сна выроди^{^{n}} (СХ, л. 22 об.) «Был некий король по имени Атус, который некую девушку по имени Пила, дочку одного мельника, познал телесно и от нее родил сына» — плюсквамперфектом здесь обозначено первое звено нарративной цепочки рассказа, отнесенного в не связанное с настоящим прошлое (ср. подобное употребление плюсквамперфекта в начале рассказа в новгородской берестяной грамоте № 724 XII в. [Зализняк 2004: 176]; ср. о такой функции плюсквамперфекта [Петрухин, Сичинава 2006: 201–202]).

Ср. в рассказе о том, что произошло, когда Иисус пришел в Иерусалим (причем рассказу этому непосредственно предшествует монолог Марии, уговаривающей его остаться с ней, т. е. хронологическая последовательность событий не нарушается):

прото $^{\infty}$ нине со мною оуси плачте <...> але коли $^{\infty}$ млстивыи бо $^{\epsilon}$ пришо $^{\pi}$ бы $^{\pi}$ до ероусолима оушо $^{\pi}$ оу до $^{\omega}$ симоно $^{\theta}$. а тамока вечера $^{\pi}$ и съ апостольми своими. (СХ, л. 5) «...но когда милостивый Бог пришел в Иерусалим, вошел в дом Симонов и там вечерял с апостолами своими».

В ПЕ такое употребление плюсквамперфекта в рассказе о дистанцированных от настоящего событиях чаще сочетается с таксисным регрессом — возможно, в связи с более книжным синтаксисом этого памятника (см. выше, 2.), ср.:

пришоль пакь ω п A^m $i\bar{c}$ до каны галилеискои где то <u>оучиниль быль</u> з воды вино (ПЕ, Ин 4, 46) «Иисус пришел опять в Кану Галилейскую, где <u>претворил</u> воду в вино», ср. в Остр. Библ.: *Пр идеже пакы* $i\bar{c}$ в Кану Галилеиску, идъже сътвори воду в вино (л. 46).

Обращает на себя внимание при этом то, что в таких ретроспективных сообщениях о событиях не связанного с настоящим прошлого плюсквамперфект в ПЕ употребляется значительно шире, чем в церк.-слав. тексте, где часто это значение остается неэксплицированным, ср., например, в рассказе о событиях в Иерусалиме после совета Синедриона:

архїерее и законници <u>были росказали.</u> если бы кто видъль его. где будеть. иже бы повъль. абы его поймали (ПЕ, Ин 11, 57) — ср. в Остр. Библ.: <u>даша</u> оубо архіерее и фарисее заповъдь да аще кто ощутить его гдъ буде^т, повъсть, ако да иму^т его (л.51), ср. в совр. рус. Синодальном переводе, где, как и в церк.-слав. тексте, предшествование приказа первосвященников описываемому моменту времени не выражено и, строго говоря, вне широкого контекста не очевидно: «Первосвященники же и фарисеи дали приказание, что, если кто узнает, где Он, то объявил бы, дабы взять Его» (о совете Синедриона говорилось в Ин 11, 47–53).

Думается, высокая частотность употребления плюсквамперфекта в подобных контекстах предпрошедшего в «простомовном» переводе Евангелия может быть связана не столько с собственно таксисной функцией формы (таксисное употребление может часто идти и от синтаксиса ПЕ), сколько с ее способностью выражать значение отстоящего от настоящего прошлого и подчеркивать это отстояние — в части примеров, как мы видели, такое значение представлено без таксисного регресса.

Таким образом, материалы юго-западных памятников XV–XVI вв. позволяют говорить о наличии у плюсквамперфекта значения давнопрошедшего, но оно еще в большинстве случаев выступает в комплексе в другими семантическими компонентами — по-видимому, в исследуемый период как самостоятельное значение оно только начинает оформляться.

Данные современных украинских говоров подтверждают предположение о эволюции семантики плюсквамперфекта в сторону развития значения давнопрошедшего: в говорах оно представлено значительно шире, чем в памятниках XV–XVI вв.

Ср. примеры с плюсквамперфектом от глаголов СВ, обозначающим подчеркнуто дистанцированные от момента речи события:

А з вовками ви зустрічалися в лісі? — А-а, з вовкамі стречавсє. Ну, я був сторожом і богато стречався. Мєнє поставілі булі хліб... ну, колі в сорок шостом году, ото яг було вже того... так єни поставілі сторожом (Среднеполесские говоры, ГСМ-1 2003: 97) «А с волками вы встречались в лесу? — А-а, с волками встречался. Ну, я был сторожем и много встречался. Меня поставили хлеб...Ну, когда в 46-м году, это как уже было того... так они поставили сторожем»;

ср. в рассказе о известном в селе поверье, представленном как давно произошедший случай, передаваемый с чужих слов:

Дес' казали шо <u>дез' дажно</u> <u>wз'ала б ∞ ла</u> повітрул'а д'ітину та не тоту лишила дале. Не тоту д'ітину <u>лишила б ∞ ла</u>. Дес' така поуоворка иде с стар ∞ х до стар ∞ х. Вйт стар ∞ х до стар ∞ х, так усе тото иде. Шо <u>wз'ала б ∞ ла</u> повітрул'а д'ітину, та підмін'ала, не тоту лишила (Закарпатские говоры, Толстая 1999: 480) «Когда-то говорили, что <u>когда-то давно взяла</u> поветруля (дух ветра) ребенка и оставила не того по-

том. Не того ребенка <u>оставила.</u> Такая байка идет от стариков к старикам. От стариков к старикам, так все идет. Что <u>взяла</u> поветруля ребенка, да подменила, не того оставила»;

ср. также в начале рассказа о некоей давней истории:

Було то дуже даўно, жила собі ўдова кн'агин'а з двома малиме г'іточ'каме: сином та дон'коў. Трафелосе одного разу, шо до кн'агин'і була зайшла стара вігма... (Буковинские говоры, Жилко: 249) «Было это очень давно, жила вдова княгиня с двумя маленькими детьми: сыном и дочкой. Случилось однажды, что к княгине зашла старая ведьма...»

В подобных случаях плюсквамперфект в значении давнопрошедшего маркирует в рассказе о некотором происшествии начальную точку его сюжета, акцентируя внимание на этой «завязке» (обратим внимание, что не на «экспозиции», как в русском жили-были — ср. здесь в простом прошедшем жила собі ўдова кн'агин'а, — а именно на начале движения событий) — ср. сходное употребление в приведенных выше примерах из CX: быⁿ некоторыи коро ^{n} Атоус имене ^{m} которыи ^{m} некоторую девкоу... телесне позналь бы ^{n} да з нее сна выроди ^{n} (л. 22 об.), ср. также в начале рассказа о приходе Иисуса в Иерусалим: коли ^{m} млстивыи бо ^{n} пришо ^{n} бы ^{n} до Ероусалима оушо ^{n} оу до ^{m} Симоно ^{6} ... (л. 5).

Употребление плюсквамперфекта в подобных случаях подчеркивает отнесение события к не связанному с настоящим прошлому и акцентирует внимание на этом событии — выделительный компонент здесь присутствует практически всегда. То же мы видим и в употреблении севернорусского плюсквамперфекта от глаголов СВ в значении давнопрошедшего, ср.: Холодна зима была, / День крутила — ночь мела, / Заморозила была молодчика бравого [Чернышев 1970: 240]; Он уехал, дак она взади поехала была [Пожарицкая 1996: 275].

В украинских говорах нередко встречается плюсквамперфект в значении давнопрошедшего и от глаголов НСВ — так же, как в говорах севернорусских, при этом в памятниках XV–XVI вв. подобных примеров практически нет, ср. диалектные употребления:

шо ў кого було таке запас / <u>були носили</u> / а то ўже стали / а то сви товоры, ГУМ 1977: 123) (Среднеполеские говоры, ГУМ 1977: 123) (Среднеполеские говоры, ГУМ 1977: 123) «что у кого было в запасе — <u>носили</u>, а то уже теперь стали... а то свиты носили» (носили тогда);

йак ото проймоў голод / дак на Печерс'ко^уму район'і / на Печерс'ко^уму / там мойі д'іўчата <u>були робили</u> / дак казали ми^ен'і... (Говоры, переходные между среднеполесскими и средненадднепрянскими, ГБ 2008: 88) «Как прошел голод, так в Печерском районе...в Печерском — там мои девочки <u>работали</u>, так говорили мне...» — подчеркивается, что работали <u>тогда:</u>

Тоди токого й лекарства, як тепер... його, може, й немаєка, а тоди <u>була</u> рожа <u>нозивалася</u>, ця-то знає. Ліце отоке робіца... (Среднеполесские говоры, ГСМ-1, 2003: 73) «Тогда такого лекарства, как теперь...

его, может, и не было, а <u>тогда</u> рожа (болезнь) <u>называлась</u>, эта вот (о дочери) знает. Лицо вот такое делается...»;

ср. со значением повторяющегося (обычного) действия в отдаленном прошлом, что точнее всего соответствует русской конструкции с бывало:

А імйа с'в'ашчен: ик призначаў сам пе "ре "важно // йак шчос' быў нав'іт' злостиўс'а / то даваў д'ітин'і так'е імйа / йак в'ін сам хт'іў // і не мали права пе "речити // колис' так'иї звичаї // зараз ўже того нима (Бойковские говоры, УГПЗ 2005: 137) «А имя священник сам давал обычно. Когда, бывало, даже сердился, давал ребенку такое имя, как он сам хотел, и не могли возражать. Когда-то был такой обычай, сейчас уже этого нет» и др.

Во всех таких случаях с плюсквамперфектом НСВ отнесение действия к отделенному от настоящего прошлого также сопровождается его эмфатическим выделением — ср. то же в севернорусских говорах: Раньше-то была по Мезени ходила; А я была лошадей кормила; Я тоже на Татьяну-ту ругалась была; В сороковом году покупал был платки-ти арх. и под. [Пожарицкая 1996: 274–275].

Как мы видим, юго-западные источники указывают на развитие значения давнопрошедшего: в современных говорах оно стало не только употребительным и оформившимся самостоятельным значением плюсквамперфекта, но и распространилось на сферу НСВ. Именно утверждение в сфере НСВ свидетельствует о разрыве с первичным перфектным значением формы, из которого значение давнопрошедшего «вырастает» и с которым в «простомовных» текстах XV-XVI вв. оно, как правило, еще связано, и о превращении его в самостоятельное грамматическое значение. Исследованные данные показывают путь развития этого значения славянского плюсквамперфекта, специфичного именно для «новой» формы, и подтверждают предположение, что оно развивается последним [Шевелева 2007]; [Шевелева 2008], — в юго-западной вост.слав. зоне в XV-XVI вв. этот процесс только начинался. Тем самым подтверждается и предположение о том, что данное значение явилось результатом внутренней эволюции семантики «нового» славянского плюсквамперфекта, а не привнесено иноязычным (финно-угорским) влиянием — подобные предположения, как известно, относительно севернорусского плюсквамперфекта не раз высказывались (см.: [Шевелева 2007]; [Шевелева 2008], см. об этом также: [Петрухин 2007]; ср. [Петрухин, Сичинава 2006]). В то же время наши материалы показывают, что в юго-западной вост.-слав. диалектной зоне это значение развивается, по-видимому, позднее, чем на севернорусской территории, где оно было известно уже в XII в. (ср. данные новгородских источников, см. [Шевелева 2007: 230-231]; с другой стороны, ср. данные южнорусской КЛ XII в., не отражающей значения давнопрошедшего, в отличие от севернорусских памятников того же времени [Шевелева 2007: 247]). Достаточно большой разрыв во времени развития этого значения между северными и юго-западными вост.-слав. диалектами ставит вопрос о причинах «ускоренной» эволюции плюсквамперфекта в севернорусских говорах. С одной стороны, стимулирующим фактором могло стать поддерживающее влияние финно-угорского субстрата (см. [Шевелева 2007: 248]; [Петрухин 2007]). С другой стороны, нельзя исключать и диалектных различий в темпах процесса перестройки всей временной системы между северной и южной частью вост.-слав. ареала, что могло способствовать и более быстрому развитию вторичного значения у плюсквамперфекта, — по крайней мере, некоторые основания для предположения о более раннем завершении этого процесса в севернорусской зоне существуют [Шевелева 2009а]. Скорее всего, сработало несколько факторов.

Особо следует отметить эмфатический компонент, присутствующий в значении давнопрошедшего, видимо, всегда — на это указывают материалы и памятников, и диалектов (см. выше). При этом эмфатическое выделение просматривается и в случаях употребления плюсквамперфекта в других значениях, прежде всего в первичном результативном (см. примеры выше). Создается впечатление, что выделительный компонент в юго-западной диалектной системе становится обязательным в семантике формы уже в XV-XVI вв. Именно с развитием эмфатической функции «нового» плюсквамперфекта может быть связано широкое его употребление в «простомовных» памятниках — значительно более широкое, чем употреблялся книжный плюсквамперфект в памятниках церк.славянских (см. выше). Сказанное С. К. Пожарицкой о «новом» плюсквамперфекте в севернорусских говорах: «Сказуемое, оформленное таким образом, производит впечатление семантического центра всего высказывания; кажется, что таким способом актуализируется обозначение того действия, которое говорящему представляется главным» [Пожарицкая 1996: 273], — вполне применимо и к исследованным материалам памятников и диалектов юго-западной вост.-слав. зоны. Характерно, что в СХ наибольшее число форм плюсквамперфекта сосредоточено в отличающихся высокой экспрессией фрагментах, где рассказывается о страданиях Христа; в ПЕ введение «нового» плюсквамперфекта на месте аориста или причастия церк.-слав. текста создает эффект логического выделения — так оформляются обычно важные для евангельского рассказа события (см. примеры выше).

С этим же связано нередко встречающееся в юго-западных памятниках и говорах употребление плюсквамперфекта при повторении уже известной информации — к ней тем самым не просто возвращаются, но и подчеркивают, создавая эмфазу. Ср. в приведенном выше контексте о приказе первосвященников *архіерее и законници были росказали* (Ин 11, 57) плюсквамперфект не просто возвращает к более раннему событию, но и повторяет сообщение о нем; ср. также: *а коли юн тое мовиль. многыи пакь оув'ърили в него. тогды мовиль те к жидомь юнымь. которыи //*

тоо были оув трили в него (ПЕ, Ин 8, 30–31) — ср. в говорах еще более ярко выраженный эмфатический повтор в однородном ряду:

Церкйа / йак револ'уц'ійа була / дак кругом даж'і / кругом церкв'і ход'іл'і / прав'ілос' // а се ўже ў потом / закр'іл'і церкйа // позакр'івал'і бул'і церкйа (Среднеполесские говоры, ГЧЗ 1996: 137) «Церкви, когда революция была, так вокруг даже, вокруг церкви ходили, (служба) отправлялась. А это уже потом закрыли церкви, позакрывали церкви» и др.

Таким образом, в диалектной системе вост.-слав. юго-запада плюсквамперфект, сохраняя первичное перфектное значение и развивая значение дистанцированного прошедшего, в то же время развивает эмфатическую функцию — это эмфатическое прошедшее (ср. [Маслов 1984 / 2004: 63] о судьбе плюсквамперфекта в славянских языках «безаористного» типа). Сходная картина наблюдается, по всей видимости, в северовосточных русских говорах.

4. Как мы видим, при некоторых отличиях в хронологии становления последнего значения плюсквамперфекта, диалектные системы востслав. юго-запада и северо-востока, сохраняющие форму «нового» славянского плюсквамперфекта, в целом сходны. Эти системы кардинально отличаются от системы говоров великорусского Центра и южнорусских, где семантика формы сузилась до антирезультативной уже к XV–XVI вв. и плюсквамперфект уже к этому времени достаточно продвинулся по пути превращения в устойчивую конструкцию «недействительного наклонения» с неизменяемым было, оформившейся, видимо, в XVII в. (см. о данных памятников великорусского Центра [Шевелева 2009]).

На общеславянском фоне соответствия обнаруживают именно востслав. системы северо-восточного и юго-западного типа (о севернорусских говорах см. [Пожарицкая 1996: 260]) — прежде всего в западнославянских языках: словацких, чешских, польских говорах, — где форма «нового» плюсквамперфекта, как правило, при сохранении первичного результативного значения развивает вторичные, особенно значение дистанцированного прошедшего, и эмфатическую функцию. Обратим внимание, что сохранение «нового» славянского плюсквамперфекта характерно прежде всего для живой разговорной и диалектной речи⁴.

Севернорусские и украинские говоры в отношении истории плюсквамперфекта представляют общий тип развития с другими славянскими

⁴ Для словацкого языка это общеизвестно (см., например: [Horák 1964: 286–298]; [Смирнов 2005: 289]). Показательны в этом отношении данные чешского языка: в нормативных описаниях современного чешского литературного языка указывается, что форма плюсквамперфекта сейчас «полностью исчезла» [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 264], — однако, по сообщению С. С. Скорвида (рецензия на дипломную работу [Жукова 2009]), в чешской разговорной речи, в том числе в записях в Интернете и в телерепортажах, эта форма сейчас вполне употребительна во всех трех основных рассмотренных нами значениях.

языками «безаористного» типа, говоры же великорусского Центра и южнорусские демонстрируют инновацию, отличающую их от остальной части славянского ареала.

Источники⁵

- ГБ 2008 *Бідношия Ю. І., Дика Л. В.* Говірки Бориспільщини: сучасні діалектні тексти та памятки мови. Київ, 2008.
- ГПЗ 2000 Говірки південно-західного наріччя / Упор. Н. М. Глібчук. Львів, 2000.
- ГСМ-1 2003 Говірка села Машеве Чорнобильського району / Уклад.: Ю. І. Бідношия, Л. В. Дика. Т. 1. Тексти. Київ, 2003.
- ГУМ 1977 Говори української мови / Уклад. С. Ф. Довгопол, А. М. Залеський, Н. П. Прилипко. Київ, 1977.
- ГЧЗ 1996 Говірки Чорнобильскої зони. Тексти / Упор. П. Ю. Гриценко та ін. Київ, 1996.
- ДС 2004 *Хібеба Н*. Бойківське весілля: стан і перспективи мовознавчих досліджень // Діалектні студії 4. Львів, 2004.
- ДС 2006 *Бідношия Ю*. Етнолінгвістичні записи з Північного Підляшшя // Діалектні студії 6. Львів, 2006.
- Лесюк 2008 *Лесюк М.* Мовний світ сучасного галицького села (Ковалівка Коломийського району). Івано-Франківськ, 2008.
- Остр. Библ. Острожская Библия 1581 г. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 г. М.; Л., 1988.
- ПЕ Пересопницьке Євангеліє 1556–1561 рр. Дослідження. Транслітерований текст. Словопокажчик. Київ, 2001.
- СХ Страсти Христовы. Труд Тупикова Н. М. СПб, 1901.
- Толстая 1999 *Толстая М. Н.* Несколько текстов из села Синевир // Славянские этюды. Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.
- Толстая 2001 *Толстая М. Н.* Из материалов карпатских экспедиций // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М. 2001
- Толстая 2006 *Толстая М. Н.* Домашний скот в обычаях восточных славян (из диалектных записей) // Исследования по славянской диалектологии. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006.
- УГПЗ 2005 Українські говірки південно-західного наріччя / Упор. Н. М. Глібчук. Львів, 2005.

Библиография

Алексеев 1999 — Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Аниченко 1969 — *Аниченко В. В.* Белорусско-украинские письменно-языковые связи. Автореф. дисс. . . . докт. филол. наук. Минск, 1969.

Аниченко 1957 — *Анічэнка V. В.* Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV–XVI ст. // Ученые записки Мозырского пед. института. Вып. 1. 1957.

Бевзенко 1960 — *Бевзенко С. П.* Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.

_

⁵ Мы выражаем признательность М. Н. Толстой за помощь при поиске украинских диалектных текстов.

- Бевзенко 1980 Бевзенко С. П. Українська діалектология. Київ, 1980.
- Верхратский 1902 Верхратський І. Про говір галицьких лемків. Львів, 1902.
- Герман 1998 *Герман К. Ф.* Атлас українських говірок північної Буковини. Т. 2. Словозміна. Службові слова. Чернівці, 1998.
- Гістарычная марфалогія 1979 *Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І.* Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мн., 1979.
- Горшкова, Хабургаев 1981 *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Грамматика 1969 Сучасна українська літературна мова. Морфологія / За ред. І. К. Білодіда. Київ, 1969.
- Житецкий 1876 Житецкий П. И. Описание Пересопницкой рукописи XVI в. с приложением Евангелия от Луки, выдержек из других евангелистов и 4-х страниц снимков. Киев, 1876.
- Жукова 2009 *Жукова Т. С.* Плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. в сопоставлении с данными современных украинских диалектов. Дипломная работа. МГУ, 2009 (рукопись).
- Загнитко 1996 Загнітко А. П. Знову давноминулий? // Лингвістичні студії. Вип. 2. Донецьк, 1996.
- Зализняк 2004 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Карский 1897 / 1962 *Карский Е. Ф.* Западнорусский сборник XV в. Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге Q.1. № 391 // Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
- Мансикка 1912 *Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2.
- Мансикка 1915 *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // ИОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 4.
- Маслов 1984 / 2004 *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии // Избранные труды. М. 2004.
- Мозер 2002 *Мозер М.* Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hung. 47 / 3–4. 2002.
- Обнорский 1953 *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Огиенко 1930 Огієнко І. Українська літературна мова XVI ст. і Крехівський Апостол 1650-х років. Варшава, 1930.
- Петрухин 2007 *Петрухин П. В. Жили-были*: вопрос закрыт? // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 2 (14).
- Петрухин, Сичинава 2006 *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.
- Петрухин, Сичинава 2008 *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 1 (15).
- Пожарицкая 1991 *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // Revue des Études slaves. 1991. V. LXIII / 4.
- Пожарицкая 1996 *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996.
- Смирнов 2005 *Смирнов Л. Н.* Словацкий язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005.

- Соболевский 1907 *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
- Толстая 2000 *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балтославянские исследования 1998—1999. XIV. М., 2000.
- Толстой 1988 *Толстой Н. И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI— XVII вв.) // Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Турилов 1998 *Турилов А. А.* Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV начале XVI в. // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w. M., 1998.
- Успенский 2002 *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI– XVII вв.). М., 2002.
- Чепига 2001 *Чепіга І. П.* Пересопницьке Євангеліє унікальна памятка української мови // Пересопницьке Євангеліє 1556−1561 рр. Дослідження. Транслітерований текст. Словопокажчик. Київ, 2001.
- Чернышев 1970 Чернышев В. И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.
- Шапиро 1953 *Шапиро А. Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.
- Шевелева 1993 *Шевелева М. Н.* Аномальные церковнославянские формы с глаголом **бытти** и их диалектные соответствия // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993.
- Шевелева 2007 *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 2.(14)
- Шевелева 2008 *Шевелева М. Н.* Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 2 (16).
- Шевелева 2009 *Шевелева М. Н.* Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Рус. яз. в науч. освещении. 2009. № 1 (17).
- Шевелева 2009а *Шевелева М. Н.* «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Рус. яз. в науч. освещении. 2009. № 2 (18).
- Широкова, Васильева, Едличка 1990 Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1990.
- Horák 1964 Horák E. Predminulý čas v slovenčine // Slovenská reč. R. 29. № 5.

Д. В. Сичинава

РУССКИЕ МАРГИНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С БЫЛО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ^{1}

Настоящие заметки основываются на материале, оставшемся за рамками нашей работы [Сичинава 2009] о русском было. Описывая на материале Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru) довольно четко выделяющийся (и уже довольно неплохо изученный, хотя на материале корпуса обнаружилось и много нового) круг значений русского «канонического» было, мы обнаружили, что значительное количество контекстов, преимущественно из устной речи, с трудом укладывается в прокрустово ложе русского «прототипического» было. Вместе с тем они обнаруживают неожиданное сходство с тем довольно широким кругом употреблений, которые свойственны русскому диалектному плюсквамперфекту (и формам с несогласуемым было) и которые пока наиболее подробно описаны Софьей Константиновной в двух ее работах [Пожарицкая 1991], [Пожарицкая 1996]. В указанной статье мы смогли уделить этой проблеме всего несколько строк петитом (с. 366—367), здесь же имеем возможность остановиться на ней подробнее.

Полезно также сделать в этой связи ряд замечаний общего характера. Вообще изучение грамматических конструкций на материале корпусных данных ставит перед исследователями ряд проблем, связанных с омонимией и многозначностью конструкций. В ряде случаев встает вопрос о границе между общепризнанными конструкциями и синтаксическими построениями, которые к «конструкциям» в обычном случае не относят (глагольная сериализация и подобное). Исследование русской конструкции с было показывает, что помимо прототипических случаев, обычно находящихся в фокусе внимания исследователей (или, если угодно «того, что им кажется, что они изучают»), в русском языке есть похожие конструкции (возможно, разного происхождения) с разной степенью «втянутости» в орбиту прототипического было.

«Прототипическое» было и маргинальные конструкции

К «прототипическому было» в указанной статье мы относим контексты, где частица используется для семейства так называемых а н т и р е - 3 у л ь т а т и в н ы х (в понимании работы [Плунгян 2001], где эта конст-

¹ Некоторые положения этой статьи были представлены на круглом столе «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», проведенном 13–14 марта 2009 г. факультетом филологии и искусств СПбГУ совместно с Институтом лингвистических исследований РАН. Приношу благодарность П. М. Аркадьеву и С. С. Саю за высказанные комментарии к докладу.

рукция аттестуется как «антирезультативная par excellence» [Плунгян 2001: 74]) значений. К ним относятся:

- проксимативное значение действие могло бы быть осуществлено, но этого не происходит (специально это значение выражает специально не рассматриваемая нами конструкция *чуть было не* с участием нашей частицы) (1)
- аннулированный результат (2),
- нарушение ожидаемых последствий осуществленного действия (3) т. н. макроситуации [Князев 2004], в частности, скорое пресечение едва начатой макроситуации).
- (1) **Позабыл было** вам сказать еще об одном довольно замечательном обстоятельстве. (Победители конкурса // «Столица». 15.04.1997)
- (2) **Написал было** еще слово «УМОЛЯЮ», но зачеркнул его и отдал листочек Ванюшке. (Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт. 1998)
- (3) Дед неуклюже **поднялся было** с места, но что-то замешкался, что-то завозился, и тут она увидела, что на стуле стоит туго стянутый узел красный платок в горошек. (Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 5. 1978).

Нет, кажется, сомнений, что наша конструкция в этом ряду употреблений (вполне сформировавшихся уже в середине XVIII века) — прямая наследница древнерусского плюсквамперфекта (напьсаль быль) и типологически характерной для него семантики [Петрухин, Сичинава 2006].

Этот набор, безусловно, является основным употребительным в кодифицированном языке литературы второй половины XX — начала XXI в. Но единственная ли это современная русская конструкция с такой формой?

Например, Т. Л. Попова-Боттино [Попова-Боттино, в печати] рассматривает следующий пример (4) из Астафьева как доказательство того, что «нарушение естественного течения событий» [Вагепtsen 1986] для русского было не обязательно:

(4) Они **было**, на своем рабочем месте **пытались** объяснить и объяснили наконец...

Эта конструкция примерно синонимична вошедшей в литературный язык конструкции с бывало, имеющей хабитуальную семантику («регулярный повтор некоторой ситуации в прошлом»). Отметим пунктуационное / интонационное обособление частицы у Астафьева, в целом не характерное для было — но обычное для бывало. Встает вопрос о ее происхождении. Возможны следующие версии, причем обе они находят поддержку в древнерусском и диалектном материале:

То же происхождение, что и у прототипического *было*, а именно древнерусский плюсквамперфект со значением 'прекращенной ситуа-

ции'; существует также (прежде всего, в северных диалектах [Пожарицкая 1991]) *было* со значением 'хабитуалис в прошедшем', 'временной план прошедшего', близкое к *бывало*;

Просто финитное *было* со значением 'имела место такая ситуация, что' и сериализация сказуемых, ср. избыточное *есть* в тех же северных говорах (скорее северо-западных) и некоторых древних памятниках [Шевелёва 2007].

Такая конструкция не является «литературной» в том смысле, что носит крайне маргинальный характер в языке художественной литературы, где встречается до 80% современных конструкций с было (о регистровом статусе конструкции см. [Сичинава 2009: 364–367]). Однако в устной (причем далеко не только региональной) речи, прессе, а также электронной коммуникации (форумах и т. п.), где было встречается вообще реже, картина в то же время заметно пестрее.

Экспериенциальные употребления

В примере (5) из устного корпуса речь идет о единичной ситуации ('имела место такая ситуация, что' — это так называемое экспериенциальное значение; об экспериенциальных предложениях в русском языке и их грамматикализации см. [Вострикова 2009]):

(5) Тут праздник какой-то **было показывали** из кафедрального собора там / (речь 22-летнего москвича-музыканта в 2000 году)

В ряде случаев можно предположить возможное происхождение подобных употреблений. Так, в значительном классе экспериенциальных предложений мы явно имеем дело с изначальной конструкцией с двумя предикациями: δ ыло (mа κ , umo): P или P — δ ыло. Для этого значения, по нашим наблюдением, особо характерна контактная позиция δ ыло и полнозначного глагола, хотя это нуждается в дополнительных исследованиях на более представительном корпусе примеров (о контактном и дистантном δ ыло в прототипическом употреблении см. [Сичинава 2009: 367–368]).

По данным корпуса устных текстов (далеко не всегда на знак «/» в корпусе можно полагаться как на обозначение реальных пауз, хотя «некоторое непрямое отношение к способу произнесения слэши имеют» [Гришина 2005: 95–96]; см. в этой статье Е. А. Гришиной о принципах подачи устных текстов) можно сделать предварительный вывод о том, что имеет место континуум случаев между сказуемым отдельного предложения и полностью безударной частицей.

В следующем случае имеется отдельное выраженное подлежащее при *было* и пауза между двумя предложениями — следовательно, имеют место две предикации без следов грамматикализации:

(6) [№ 2, жен, 37] *Конечно I да I на Красной площади в пионеры прини*мали I было конечно все это. (Беседа с социологом на общественнополитические темы. Москва // Фонд «Общественное мнение», 2001) Похоже устроен и следующий пример, где отсутствует подлежащее вроде 9mo, но пауза отмечена:

(7) [№ 4, муж, 35] Один раз было / попал / не помню в каком году / сейчас скажу / в 91-ом / я был в Москве на Красной площади 7 ноября и видел Горбачева / на Мавзолее стоит. Мне понравилось. С москвичами транспаранты нес какие-то... (Беседа с социологом на общественно-политические темы. Воронеж // Фонд «Общественное мнение», 2003)

Следующий пример, где δ ыло не отделено, допускает еще и двойную трактовку:

(8) [№ 0] Птичий рынок / это общественная организация? [№ 6, муж, 44] Это необщественная организация. [№ 10, жен, 46] Нет ну митинги сколько было разгоняли. [№ 0] Санкционированные? [№ 10, жен, 46] Нет / несанкционированные. Их объявляют несанкционированными и не разрешают. (Беседа с социологом на общественнополитические темы. Москва // Фонд «Общественное мнение», 2001)

Здесь возможны две трактовки исходной синтаксической конструкции: 'Сколько было митингов, их еще все разгоняли'. 'Митинги, сколько бы их было, разгоняли'.

Особый класс случаев экспериенциальных предложений связан с употреблением полнозначных глаголов с семантикой попытки. При их употреблении возникает значение отмененного результата (в отличие от примера из Астафьева с *было пытались объяснить!*), но этот эффект объясняется чисто контекстуально ('один раз было так, что пытались' = 'не получилось'). Любопытно, что это употребление пересекается с соответствующим классом случаев «литературного» *было* (примеры 11–12 из [Сичинава 2009: 387–388]):

- (9) [№ 10, жен, 46] А с другой стороны / по-моему / в Англии / да / было / пытались выйти на эту судебную реформу / значит заменить там 300 пожизненных сроков на 15 пожизненных сроков. Не согласились. (Беседа с социологом на общественно-политические темы. Москва // Фонд «Общественное мнение», 2001)
- (10) [№ 8, жен, 22] Что как раз с долларом и с евро стали что-то крутить. Вот сейчас это / возможно / было / хотели сделать / а сейчас это как-то притихло и все / даже не знаю. (Беседа с социологом на общественно-политические темы. Москва // Фонд «Общественное мнение», 2003)
- (11) Один Раскольников бедный **позарился было** на поступок и что вышло? (Александр Каменецкий. Выродок // «Лебедь». Бостон. 16.06.2003)

(12) **Попробовала было** Маргарет Тэтчер, обеспокоенная ростом терроризма, предложить ввести паспорта— не дали: покушение, сказали, на неотъемлемые права личности. (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века. 2000).

В ряде случаев сериализация намечается, как нам кажется, в контексте подбора синонимов говорящим. Характерно, что более «общий» синоним δ ыло во всех этих примерах препозитивен, выбор второго синонима носит уточняющий характер:

- (13) [Николай, муж, 33] Но ситуация заключается в том / что при желании «расчистить» / получить частоты / что было / происходило в других субъектах Федерации / частоты найти можно. (Интервью менеджера компании сотовой связи. 2005)
- (14) [Интервьюер] *И как там это было / происходило?* (Об обрядах. Беседа филолога с информантом // Экспедиция филологического фта МГУ, 2005)
- (15) А были случаи / когда рубили? [Респондентка, жен, 82] Говорят / да. **Было** / случилось так. [Интервьюер] И чего? Как / что произошло? [Респондентка, жен, 82] Подохли или сумасшедшие станешь. (Об обрядах марийцев. Беседа филолога с информантом // Экспедиция филологического ф-та МГУ, 2005)

Хабитуальные употребления

Вернемся к отмеченному на примере из Астафьева «хабитуальному» было. Для него характерна, прежде всего, такая яркая черта сочетаемости, как отсутствие ограниченности только формой прошедшего времени. Как и близко синонимичная ему частица бывало, такое было употребляется с будущим (ср. придет бывало). Известна такая форма и в говорах, и в вошедших в Корпус художественных произведениях.

- (16) Как **придет было** с ней, все хотел, чтобы Машка косу свою рыжую расплела поскорей и поменьше чтоб выпивала. (М. Вишневецкая)
- Ср. пример из разрабатываемого сейчас в рамках НКРЯ Корпуса диалектных текстов, с имперфективирующим -ива- в полнозначном глаголе (было говаривали фактически равнозначно бывало говорили):
- (17) Вот приезжают мужики два рыбака сюда заносят снасть, она берёт вересинку, зажигает вересинку и этой обносит эту снасть и перешархивает. Начинает со второго. [Читает] молитву воскрёсную. Мне ещё было говаривали мужики: «Как из этого дому поедем того году ловить, дак год оправдан будёт, хорошо попадёт рыбы» (Архангельская область, запись А. Л. Мороза, 1997)

Надо отметить, что в русистике уже известно сочетание хабитуальной и антирезультативной семантики у маргинальной конструкции «было + будущее». Последняя отмечена в работах А. А. Потебни, В. И. Чернова и др., на письме она нередко выступает с обособлением частицы (пойдет, было, и вернется) [Вагептьеп 1986: 11]. В Корпусе второй половины XX — начала XXI века таких примеров не встретилось. В свете существования хабитуальных контекстов, где было синонимично бывало, не обязательно рассматривать такие контексты как результат контаминации «литературных» пойдет бывало vs. пошел было и вернулся; частица было, возможно, просто демонстрирует в таких условиях свою неоднозначность:

(18) Он соберет, было, рекомендации у известных писателей, изловчится, да и ударит по приемной комиссии. А его возьмут да и отишбут. (Литературная Россия) [Чернов 1970: 263]

Сочетаемость значения 'прекращенной ситуации'

К обсуждаемой проблематике можно отнести также отмеченную в разговорной речи расширенную по сравнению с литературным языком сочетаемость «прототипического» было. Значение «прекращенной ситуации» с глаголом несовершенного вида в литературном языке практически представлено только у глагола хотеть (85% случаев по [Barentsen 1986]) и его синонимов, а также конативных глаголов вроде пытаться или пробовать. В XVIII–XIX веках данный показатель еще был активен в литературном языке при других глаголах НСВ (я шел было); соответствующее ограничение и до сих пор отсутствует в говорах (ср. прежде всего указанные статьи С. К. Пожарицкой).

Однако ср. следующий пример из современной разговорной речи (Северо-Запад), не несущей диалектной окраски, но вполне отвечающий исходной широкой сочетаемости было:

(19) И / снова / и с тех пор шахта наша села // То было гремела / а теперь / потом села / перестала план выполнять / а потом вообще закрыли ее [Сергеева, Герд (ред.) 1998]

Маргинальные модальные употребления было

Два маргинальных типа употреблений *было* связаны с модальными значениями. Отметим в этой связи теорию модализации русского *было*, которое, с точки зрения ряда авторов, функционирует в современном языке фактически как показатель ирреального наклонения. Самым известным сторонником этой точки зрения был А. А. Шахматов, недавно к этому вопросу в свете грамматической типологии обратился П. В. Петрухин; подробнее о «модальной» трактовке *было* см. [Barentsen 1986: 14 ff] и [Сичинава 2009: 374–379]).

В периодике и устных текстах, представленных в НКРЯ, попадается не менее десятка примеров ненормативной конструкции с *было*, дублирующим прошедшее время у модальных глаголов (*могло было*, *следовало было*). Возможно, она возникла под влиянием модальных конструкций с нормативным *было* и неглагольной лексемой (*надо было*, *должен был, возможно было*). Сколько нам известно, такое избыточное *было* не описано в литературе:

(20) ...слышались в трамваях упреки избирателей в адрес старой КПСС, сводившиеся к тому, что нам не следовало было торопиться с созданием незрелого «лагеря социализма»... (Геннадий Гусев. Мы за социализм без «родимых пятен» // «Советская Россия», 15.08.2003).

При поиске в Google находится более 17 тысяч *могло было* и более 5 тысяч *следовало было*.

Наконец, отметим редчайший тип ненормативного *было*, встреченный нами в НКРЯ: здесь *было* выступает вместо *бы*. Его можно было бы безоговорочно связать с оговорками или плохой расшифровкой, если бы не типологически свойственное ряду форм плюсквамперфекта и дополнительно маркированного прошедшего («ретроспективного сдвига») значение смягчения просьбы; именно оно и выступает во встретившихся примерах. Существенно, что оно присутствовало и в русском языке XVIII в. [Словарь XVIII, т. 2: 180–181]. Поэтому возможно, что и этот класс имеет отношение к кругу значений обсуждаемых нами форм.

(21) [№ 0, жен, 23] Есть еще какие-нибудь мысли по поводу нашего сельского хозяйства / проблем. То / что с ним связано. Министерство сельского хозяйства. [№ 1, жен] Нам было хотелось побольше. [№ 0, жен, 23] Побольше чего? [№ 1, жен] Продукции. [№ 3, муж] Самое главное / чтобы снизили им налоги. (Беседа с социологом на общественно-политические темы. Самара // Фонд «Общественное мнение», 2003)

Таким образом, материал НКРЯ (в основном устной речи) показывает, что конструкций с *было* разной степени грамматикализации имеется несколько, и что они, скорее всего, имеют разное происхождение. Мы видели, что в ряде контекстов употребления их пересекаются, и не всегда легко сказать, с каким из *было* мы имеем дело. В разговорном языке есть целый класс примеров, в котором процесс сериализации глагола *было* из соседнего простого предложения и превращения в частицу еще не завершился. Если здесь действительно можно использовать предлагаемую М. Н. Шевелёвой параллель с избыточным *есть*, отмеченным с древнерусского периода, то перед нами картина колеблющейся грамматикализации, продолжающейся уже более чем полтысячи лет. Параллельно существует и другое *было*, восходящее к плюсквамперфекту, круг развития которого уже закончен и все сильнее ограничивается литературным языком.

Библиография

- Вострикова 2009 *Вострикова Н. В.* Экспериенциальные предложения: о грамматикализации дискурсивных функций // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
- Гришина 2005 *Гришина Е. А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка: // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 94–110.
- Князев 2004 *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–304.
- Петрухин, Сичинава 2006 *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.
- Плунгян 2001 *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88.
- Пожарицкая 1991 *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // Revue des études slaves. 1991. LXIII / 4. C. 787–799.
- Пожарицкая 1996 *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах северноруского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996. С. 268–279.
- Попова-Боттино (в печати) *Попова-Боттино Т. Л.* Проблема размещения частицы *было* с точки зрения комммуникативного анализа // Вопросы языкознания (в печати).
- Сичинава 2009 *Сичинава Д. В.* Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселёвой и др. М., 2009. С. 362–396.
- Сергеева, Герд (ред.) 1998 *Сергеева Н. С., Герд А. С.* (ред.). Русская разговорная речь европейского Северо-Востока России. СПб., 1998.
- Словарь XVIII— Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984—.
- Чернов 1970 *Чернов В. И.* О приглагольных частицах *было* и *бывало* // Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. Вып. 24. Смоленск, 1970. С. 258–264.
- Шевелёва 2007 *Шевелёва М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Barentsen 1986 *Barentsen A. A.* The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Vol. 8. Amsterdam, 1986. P. 1–68.

М. М. Громова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ГОВОРАХ СРЕЛНЕЙ ПЁЗЫ (АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В данной работе рассматривается употребление форм плюсквам-перфекта в современных говорах Архангельской области. Все приведенные примеры собраны М. М. Громовой и Д. О. Преловской в диалектологической экспедиции 2008 года под руководством М. К. Амелиной в деревнях Мосеево, Калино, Баковская, Езевец (Мосеевский сельсовет Мезенского р-на Архангельской области) 1.

Информантов, использующих в речи плюсквамперфект, можно условно поделить на 4 возрастные группы: 1925–1930, 1934–1941, 1955–1961 и 1984–1991 года рождения (далее в примерах *I*, *2*, *3*, *4* соответственно). Большинство из них постоянно живут в деревнях Мосеевского сельсовета; некоторые ранее жили в других деревнях Мезенского района.

Молодыми носителями диалекта плюсквамперфект осознается как самостоятельная грамматическая форма с набором собственных значений и активно употребляется (более половины всех примеров записано от информантов четвертой возрастной группы — младше 25 лет). Выезжая в города, за пределы диалектной зоны, молодежь старается не использовать эту форму ввиду ее отсутствия в литературном языке.

В говоре записано 54 случая употребления плюсквамперфекта (не считая форм с пропущенной связкой в тех же контекстах); из них 44 формы с осн. глаголом СВ и 9 — с НСВ; 1 контаминированная форма со страдательным причастием пр. вр. Глаголов СВ: переходных — 16, непереходных 28. Глаголов НСВ: переходных 6, непереходных 3. Формы с пропущенной связкой в статистику не включены. У всех форм НСВ определяется значение давнопрошедшего.

Важной особенностью рассматриваемых форм, на которую уже обращали внимание исследователи, является согласованность / несогласованность связки. Так, в материалах первой мосеевской экспедиции в 100 примерах из 130 связка координирована (согласована с основным глаголом по роду и числу), в 10 — некоординирована; в оставшихся примерах и связка, и основной глагол стоят в форме среднего рода, «демонстрируя... нейтрализацию различия согласованных и несогласованных конструкций». При этом в других населенных пунктах Архангельской об-

До этого в Мосееве побывали две диалектологические экспедиции филологического факультета МГУ — в 1968 и 1990 гг. Впервые синхронное состояние плюсквамперфекта в данном районе представлено С. К. Пожарицкой в статье [Пожарицкая 1996] — первой работе, полностью посвященной функционированию форм плюсквамперфекта в северных говорах и основанной, в частности, на материалах экспедиции 1990 г.

ласти количество несогласованных форм значительно больше [Пожарицкая 1996: 270–271].

Во всех записанных нами контекстах глагольная связка координирована; в трех случаях основной глагол представлен формой среднего рода: Это-то всё было сгорело; Сено было высохло, да вот сено косить надо... (1); Дак, вот видишь, она присохла. Это вчера было так ободралося (2).

Случаи употребления несогласованного *было* зафиксированы лишь в сочетании с глаголом в форме настоящего времени — в синтаксической конструкции «было так» [Пожарицкая 1996: 277], [Шевелева 2007: 220–224], в которой *было* не входит в состав сказуемого: *Какой там взвоз* — *ступешки, лесенка, а раньше <u>было</u> на конях <u>заезжают!</u> (2); ... Раньше-то <u>было</u> всё косят, а сейчас такого добра нету (1).*

Без обращения к аудиоматериалам сложно отличить плюсквамперфект с несогласованной связкой от структуры «было так», а плюсквамперфект с согласованной связкой — от нескольких сказуемых, соединенных бессоюзной связью, одно из которых является глаголом быть в личной форме. В наших записях есть только один спорный случай (записан Д. О. Преловской): Раньше говорили: Баковы — врали. Какой дедко был все врал, да после тех и остальных стали вралями звать (2).

Как отмечают исследователи, в современном русском языке сохранились остатки древнерусской системы энклитик [Зализняк 2008: 48]. В частности, как синтаксические (часто — и как просодические) энклитики продолжают функционировать личные местоимения в косвенных падежах и некоторые частицы (же, ли, бы и т. д.). Известно, что в древнерусском языке словоформы был, были в составе плюсквамперфекта стояли в блоке энклитик на последнем месте; в самостоятельном же употреблении они были энклиноменами [Зализняк 2008: 39–40].

В северных говорах «законсервировались» некоторые архаичные явления (в том числе и сама форма плюсквамперфекта); можно предположить, что и система энклитик в них разрушена не так сильно, как в литературном языке. Рассмотрим синтаксический статус связки, основываясь на правилах определения «энклитических» и «неэнклитических» контекстов, сформулированных М. Н. Толстой².

-

^{«...1.} Если форма начинает фразу, то она не является энклитикой. 2. Если форма стоит в предложении дальше тактовой группы глагола, к которому она относится, то она не является энклитикой. 3. Если форма входит в блок энклитик и занимает в нем а) срединное место, или б) начальное место после глагола, к которому она относится, то она является энклитикой. Эти положения являются безусловными. Кроме того, существуют контексты, "свидетельствующие в пользу" энклитичности какой-либо формы ("условно энклитические" позиции): 1) форма стоит во фразе левее глагола или входит в его тактовую группу; 2) форма непосредственно примыкает к блоку энклитик, т. е., возможно, входит в него» [Толстая 2000: 135].

28 раз связка находится в препозиции к основному глаголу, 26 — в постпозиции. 7 раз в препозиции связка отделяется от глагола другими словоформами: Прошлой год была руку сломала (1); Картошка в прошлом году была вся выгнила; Раньше были там строили; Это вчера было так ободралося; Какой дедко был всё врал (2); Иринка была гулять пошла (3); С ним была и сестра ходила (4).

В постпозиции связка отделяется от глагола в четырех случаях из 26: Хочешь, я тебе покажу, чё я купил в Архангельске был (4); Ну где родилась-то я была; А Димка тот тоже учился да поступил в Москвуто был (1); Фекла говорит ещё, вот у меня ведь кто-то из Москвы весь день сидел, говорит... всё выспрашивал да был (2). В последнем примере употреблен постпозитивный союз да, весьма частотный в исследуемом говоре; здесь он поставлен в середину второго сказуемого, отделяя связку от основного глагола.

34 раза связка употреблена в энклитической, 14 — в условно энклитической позиции (личные местоимения в косвенных падежах, примыкающие к глаголу, считаются синтаксическими энклитиками), 6 раз — в неэнклитической позиции: Не знаю, она там у сестры учится в Новодвинске. Там учится. Она девка-то красивенька. А Димка тот тоже учился да поступил в Москву-то был; Уехал в Киров на зароботок, да и был женился... Хоронили. Позатот-там день наверно (1); Да я вся была уплакалась. Всю свадьбу проплакала (2); Коров-то у нас были угонили (3); Мама крота испугалась, крота-то когда была притянула; Хочешь, я тебе покажу, чё я купил в Архангельске был (4).

Таким образом, в большинстве случаев употребление связки во фразе близко к энклитическому; в отдельных примерах правила расстановки энклитик нарушаются, причем неэнклитическое употребление свойственно информантам всех четырех возрастных групп, что позволяет расценивать подобное состояние системы как стабильное.

Что касается просодического статуса связки, то двусложные формы в постпозиции к глаголу и форма м. р. *был* в большинстве случаев являются просодическими энклитиками; в препозиции двусложные формы чаще всего ударны.

Как известно, формы плюсквамперфекта в говорах функционируют в нескольких значениях. Традиционно основным для древнерусского и «русского» плюсквамперфекта считается значение предпрошедшего: «...Относительным временем был только плюсквамперфект, указывавший на прошедшее, предшествовавшее другому прошедшему (чаще аористу), а не моменту речи, т. е. обозначавший "предпрошедшее" (или "преждепрошедшее" время)» [Горшкова, Хабургаев 1981: 304]. Выделяется также результативное значение: «Давнопрошедшее время обозначало в древнерусском языке действие, совершенное раньше другого действия, также в прошлом, а также отнесенный к прошлому результат еще ранее совершенного действия» [Борковский, Кузнецов 2006: 261]. П. В. Петру-

хин определяет у древнерусского плюсквамперфекта следующие значения: прошедшее в прошедшем, перфект в прошедшем, антирезультатив (прекращенная ситуация, недостигнутый результат, аннулированный результат), начало нового эпизода, описание природных явлений [Петрухин 2008: 217].

М. Н. Шевелёва выделяет у современного северного плюсквамперфекта три типа значений: антирезультативное (не разделяя значения недостигнутого и аннулированного результата), результативное («смещенно-перфектное») и давнопрошедшее («неактуальное прошедшее») [Шевелева 2007: 225–229]. П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава считают основными для плюсквамперфекта в абсолютном употреблении значения «неактуального прошедшего» и «аннулированного результата», в относительном — антирезультативное значение, отмечая, что в говорах чаще встречается значение «прекращенной ситуации», чем «прерванного действия» или «аннулированного результата» [Петрухин, Сичинава 2006: 206–211].

Значение давнопрошедшего действия обычно отмечается у форм плюсквамперфекта в контекстах с одним сказуемым (т. н. абсолютный плюсквамперфект [Пожарицкая 2005: 144–145]). Также оно по умолчанию приписывается неполным контекстам, когда нет возможности для определения других значений: Мы записались были... на это... не помню, на что записались были; Коров-то у нас были угонили; Там девчонки почти все замуж повыходили были (3); А мне — я двадцати пяти лет взамуж вышла была; Прошлой год была руку сломала; Это-то всё было сгорело; Ну где родилась-то я была. Дом-от (1); Там, короче, Ромка с Кристинкой уже приехали были. Я там заглыхаю; Я «Звезду по имени Солнце» играть был научился (4); Мой муж был убил волка (2).

Это значение встречается также в более широких контекстах, где нет соотнесенности с другим действием в прошлом. Большая часть записанных фраз является репликами в диалоге (контексты полные): Ты давай это, как я позвоню, бери трубку-то больше, а то я не знаю, что я с тобой сделаю! а то я тогда не знал был, что с тобой сделать; Хочешь, я тебе покажу, чё я купил в Архангельске был?; Маша, вот честно скажу, я её был полюбил с первого взгляда; Помнишь, ты мне была сказала, что я мальчик?; Я говорю, девочка одна у меня написала была целую тетрадку; Надеюсь, я к тебе не прижался был? (4); Сено было высохло, да вот сено косить надо. Раньше-то было всё косят, а сейчас такого добра нету (1).

Значение **предпрошедшего** действия определяется в примерах с двумя сказуемыми, обозначающими последовательные события, одно из которых выражено плюсквамперфектом, а другое — формой простого прошедшего времени: *Мама крота испугалась, крота-то когда была притянула*; *Маш, я честно скажу, я приехал был, я почти сутки не спал* (4); Дак, вот видишь, она присохла. Это вчера было так ободралося; Раньше говорили: Баковы — врали. Какой дедко был все врал, да после

тех и остальных стали вралями звать (2); Школа <u>была построилась</u> да и сгорела. Ночью загорелась да сгорела. Там она на отшибе была. Хоро́ша была школа выстроена. Дотла сгорела. Ницё не остала (1); Я сейгод выудила, она не могла икру выметать. Сашка говорит, тоже <u>попала</u> была такая (3).

Антирезультативное значение (недостигнутого / отмененного результата, прекращенной ситуации) отмечают сами носители диалекта, выводя его из самого факта относительного употребления плюсквамперфекта, а не из синтаксически выраженного противопоставления двух событий: Уехал в Киров на зароботок, да и был женился... Хоронили. Позатот-там день наверно; Тогда река-то не была, а река была ручеек. Ребята были перескакивали (теперь это невозможно — река стала широкой); Тут по угору-ту Федосья жила. Это по-старому-ту. Потом этот. У Геннадия старой дом тоже был тут у них. Уж до окошек построили были (дом не достроили) (1); У нас у Васи какие-то были развелись. Побежат — только обои шуршат. А у него земля была насыпана, а сверху опилок. А потом этот опилок-то убрали и землю наносили (и насекомые исчезли) (2); Я пока с тобой говорила, Иринка была гулять пошла, она уже с гулянки вернулась, а я всё с тобой разговариваю; Гдето была нашла петелку, не знаю где! (только что. Вяжет веники) (3); Ты же вместе с ним медляки танцевала дак. А сначала сама ты выбежала была из клуба-то (выбежала, но вернулась и танцевала всю ночь); Этот телефон мне достался от брата. С ним <u>была</u> и сестра <u>ходила</u> (больше с ним не ходит — теперь телефон принадлежит информанту); Блин, вот начал был... сидел тут с тобой, ты мне ляпнула чё-то... (хотел что-то сказать, но забыл); Не знаю как получилось, я <u>уехал был</u> в Ильинск и жил на свою стипендию... (уехал, но через год вернулся. Комментарий информанта: Если б я щас уехал — я мог бы сказать «уехал». Это было, понимаешь, в прошлом, давно. Я же потом приехал) (4).

Значение прекращенной ситуации может также быть выражено конструкцией было + наст. вр.: Какой там взвоз, — ступешки, лесенка, а раньше <u>было</u> на конях <u>заезжают!</u> (3); Сено было высохло, да вот сено косить надо. Раньше-то <u>было</u> всё косят, а сейчас такого добра нету (1).

Результативное (смещенно-перфектное) значение в данном говоре у плюсквамперфекта не представлено. Оно последовательно выражается посессивным перфектом [Пожарицкая 2005: 150–151] со связкой в пр. вр. Субъект действия при этом обозначен предложно-падежной формой y + Gen. или не эксплицирован: V меня куплен был да стоял на повети. От старости она спузырела (задняя, фанерная стенка комода пошла пузырями) (1); Пойман был зайцик-от. Раньше-то много зайциков имали (бабушка нашла зайчонка) (2); Заполоем тоже вчера метали. V них кучи уже были сгребёны (3).

Соответственно, **перфектное** значение (ситуация, актуальная в момент речи) закреплено за посессивным перфектом в наст. вр.: *Тут у меня*

тут доска положона, штобы хлама не видно крепко-то; Это клюква. Смолота с песком. Пробуйте. Я смолола (1); Дак есть тут места. У кого пройдёно, так уж в ново место не пойдёшь, дорожки придерживаются (на болоте тропинки) (2); Я ей говорю: так што, у тебя нет капусты-то? Дак нет, у меня всё посажёно; Не, парни местные, жёны у них набраны со стороны (3).

Отмечена также контаминированная форма с двумя связками: *Ой, кака школа нова выстроена была была!* (1). По всей видимости, здесь происходит наложение результативного и антирезультативного значений (школу построили, но она почти сразу сгорела).

Случаев употребления посессивного перфекта информантами млад-ше 25 лет не зафиксировано.

Очевидно, значение актуального прошедшего для плюсквамперфекта в северных говорах не характерно. Такой вывод подтверждается примерами, в которых действие в прошлом обозначается формой плюсквамперфекта, а действие, предшествующее ему, — формой прошедшего времени (или, возможно, плюсквамперфектом без связки): Не знаю, она там у сестры учится в Новодвинске. Там учится. Она девка-то красивенька. А Димка тот тоже учился да поступил в Москву-то был (1); Может, там стояло зеркало, и кто-то отразился); Ты когда улетала в этой одежде, я себя был ругал, ты ее зашивала. У нас дома была вещь, что тебе надеть, а я тебе не дал (Комментарий информанта: Потому что «был» — потому — например, объясняется, почему «был» — так и есть. После «был» идет объяснение конкретно вот этого, почему ругал. В объяснении не надо «был») (4).

В конструкциях со значением времени с союзами когда, а, как ситуация, актуальная для действия в прошлом, выраженного формой плюсквамперфекта, может быть задана формой прошедшего времени НСВ или бытийным глаголом: Я тут ему был позвонил, когда уезжал вот, и я был спросил, — ну как вы ребенка? и я ему сказал: будет (4); Я пока с тобой говорила, Иринка была гулять пошла, она уже с гулянки вернулась, а я всё с тобой разговариваю (3); А пожар был, сарай весь поцернел был (1); Раньше были там строили, как корова была (2).

Возможна и обычная последовательность: Когда он был роботал, ещё был совхоз (2); Мама крота испугалась, крота-то когда была притянула (кошка принесла в дом крота) (4).

При повторном упоминании действия, выраженного плюсквамперфектом, связка может опускаться: Что-то я такое слупое был сделал... чё-то я такое сделал, глупость какую-то... (4); Теперь уж больше чё огород ростим да картошка. Картошка в прошлом году была вся выгнила. Какой-то дождь пал. Вся выгнила, и всю зиму без картошки жила; И вередилась, крепко была вередилась (2).

То же происходит в цепочке плюсквамперфектов, обозначающих последовательные или одновременные события; действие связки как бы распространяется на несколько форм плюсквамперфекта в пределах фразы³: Я тут ему был позвонил, когда уезжал вот, и я был спросил, — ну как вы ребенка? и я ему сказал: будет; Я тебе целый день был звонил, ты трубку не брала, я тебя разорвать был готов! (4); Фекла говорит ещё, вот у меня ведь кто-то из Москвы весь день сидел, говорит... всё выспрашивал да был (2).

Поэтому следует осторожнее определять значение предпрошедшего: не исключено, что план прошедшего в контексте эксплицитно не выражен, а форма прошедшего времени является на самом деле плюсквамперфектом без связки. В таком случае все формы плюсквамперфекта в контексте имеют значение давнопрошедшего действия.

Выпадение связки во втором или третьем по счету плюсквамперфекте во фразе расценивается носителями диалекта как норма (*Так я просто «был» забыл повторить*), в первом же — как ошибка, результат невнимательности (*Они связанные. Я неправильно сказал, понимаешь?*).

Возможно и другое объяснение такого распределения форм — явление «цепной реакции» ([Сичинава 2008: 258–259], со ссылкой на [Шендельс 1970: 106–107]), имеющееся «в ряде генетически не связанных языков» и состоящее в том, что плюсквамперфект задает первое событие, а все последующие обозначаются основным прошедшим временем, используемым в нарративе. При этом плюсквамперфект «заряжает» своими семами претерит. Рассказчик может дать всю цепочку событий в плюсквамперфекте или только начать с него, «предоставив остальное влиянию цепной реакции».

Таким образом, плюсквамперфект в рассматриваемом говоре имеет следующие значения: предпрошедшего действия, являющееся для него исконным в общеславянской глагольной системе; значение антирезультатива, которое может также обозначаться синтаксической конструкцией 6ыло + наст. вр., и значение давнопрошедшего, по умолчанию определяемое во всех остальных контекстах. Смещенно-перфектное значение у плюсквамперфекта не зафиксировано; оно закреплено за страдательным причастием пр. вр. и формой простого прошедшего времени.

ли рядом находим другой перфект с глаголом» [Бернштейн 1948: 212]. В материале грамот Мирчи I Старого (кон. XIV — нач. XV вв.) нами зафиксированы также случаи выпадения связки в цепочке перфектов 2 л. мн. ч. и 1 л. ед. ч.

³ Похожее явление есть в хорватском языке, где при нанизывании перфектов связка бессистемно выпадает примерно у половины форм (krnji perfekt). Это свойственно фольклору, разговорной речи и публицистике [Silić, Pranjković 2007: 193]. На выпадение связки перфекта в тех же условиях в языке болгаровалашских грамот XIV–XV вв. указывает С. Б. Бернштейн: «Следует, однако, указать, что вспомогательный глагол в 3 л. мн. ч. опускается в том случае, ес-

Библиография

- Бернштейн 1948 *Бернштейн С. Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV–XV вв. М.; Л., 1948.
- Борковский, Кузнецов 2006 *Борковский В. И.*, *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
- Горшкова, Хабургаев 1981 *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Зализняк 2008 Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Петрухин, Сичинава 2006 *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.
- Петрухин 2008 *Петрухин П. В.* Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008. С. 213–240.
- Пожарицкая 1996 *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996. С. 268–279.
- Пожарицкая 2005 Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.
- Сичинава 2008 Сичинава Д. В. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008. С. 241–274.
- Толстая 2000 *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балтославянские исследования 1998–1999, XIV. М., 2000. С. 134–143.
- Шевелева 2007 *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шендельс 1970 *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Silić, Pranjković 2007 *Silić J., Pranjković I.* Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta. 2. izd. Zagreb, 2007.

Я. А. Пенькова

БУДЕТЬ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ XII–XV ВЕКОВ)

0. В деловых древнерусских памятниках XII—XV вв. глагольные образования от основы **буд-** представлены формами презенса ($\mathit{будеmb}$), императива ($\mathit{буди}$) и причастными формами (типа $\mathit{будa}$ / $\mathit{будa}$). Формы презенса употребляются как независимо, так и в составе именного сказуемого и т. н. «будущего сложного II» (ниже — $\mathit{бydem}$ + - n). Среди всех употреблений глагольных образований от основы буд- выделяется ряд контекстов с независимым $\mathit{будemb}$ и конструкцией $\mathit{бydemb}$ + - n , которые свидетельствуют о начале процесса функционального сближения указанных форм с разрядом служебных слов.

Одним из факторов, способствующих данному сближению, является, по-видимому, особое значение основы. Как показано в [Горшкова, Хабургаев 1997: 312–319]; [Мустафина 1984], все формы от основы будверевнерусском языке обладают модально-аспектуальным значением «возможного выявления признака в будущем», условно обозначаемым как 'окажется' [Горшкова, Хабургаев 1997: 317].

Благодаря постепенной утрате синтаксической связи между компонентами будеть + -n и некоторым особенностям синтаксиса независимого будеть, которые будут рассмотрены ниже, предикативность будеть ослабевает, выдвигая на первый план различные модальные значения, развивающиеся из 'окажется'. Будеть, теряя глагольность, превращается в союз или модальную частицу.

В современных русских говорах представлено большое число частиц и союзов, исторически восходящих к будеть. С. К. Пожарицкая на основе данных АОС выделяет у слова буде три основных типа употребления: 1) функционирование в качестве сравнительного союза (у него рубашка с начёсом, буде байка); 2) в качестве условного союза, в том числе в соединении с соотносительными союзами дак, тогда (я задавлюся, буде ты не пойдешь за меня замуж; буде поедешь, тогда посмотрю); 3) в качестве частицы с субъективно-модальным значением (вы булку-то ешьте, мне Дуська опять буде принесет) [Пожарицкая 2007].

Древнерусские памятники XII–XV вв. содержат много свидетельств функционального сближения *будеть* именно с условным союзом, данных о сближении *будеть* с сравнительным союзом нет, с модальной частицей — крайне мало (по-видимому, последние две тенденции проявляются гораздо позднее первой).

Ряд исследователей связывают происхождение условного союза бy-dem с конструкцией бydemb + -n, в которой с течением времени происходит синтаксический реанализ: n-причастие переосмысливается как пре-

терит, синтаксическая связь между частями структуры ослабевает, будеть начинает восприниматься как показатель модальности высказывания и, теряя согласование в лице и числе, застывает в неизменяемой форме буде / будет (см, напр., [Соболевский 1907 / 2005: 245–246]; [Кузнецов 1953 / 2005: 256]).

Другие предполагают также участие независимого полнознаменательного *будеть* в формировании условного союза *буде / будет* [Плотникова 1954: 263]; [Шевелёва 2006], [Шевелёва 2008].

Условный союз *буде*, еще распространенный в языке XVIII в., в дальнейшем сохраняется только в говорах, а в литературном языке уже в начале XIX века является архаизмом и канцеляризмом [Кузнецов 1953 / 2005, 256–257].

Как показано М. Н. Шевелёвой, в деловых памятниках XVI–XVII вв. *будеть* фактически уже функционирует в роли условного союза, однако предикативности до конца еще не утрачивает, напр.: **А** <u>будет</u> у него роду не станетца, а выкупать не пахотять... взять по той же цѣне (Ворон. д., 2, 1620 г.) [Шевелёва 2008].

Памятники XII–XV вв. отражают еще более ранний этап процесса превращения *будеть* в условный союз. При этом как контексты с независимым *будеть*, так и с конструкцией *будеть* + -л обнаруживают общие особенности употребления, в частности — тенденцию к препозиции *будеть* во фразе.

1. Независимое будеть в языке деловых памятников XII–XV вв.

В данном разделе речь пойдет о тех употреблениях независимого будеть, которые свидетельствуют о некоторой переходной ситуации между собственно полнозначным будеть, употребленным в каком-либо из своих значений (например, 'находиться', ср.: $\mathbf{A}$ что єси поимал в Торжку ц(є)рк(о)вноє, колоколы, книги, кузнь, что <u>будет</u> оу тобє, или оу твоих воюръ, или въ твоен вотчине, то ти все подавати по целованью [ДДГ, № 9, 1375]), и будеть в роли показателя условности, потерявшего лексическое значение и сохранившего только модальное значение 'окажется'. Приведем примеры из деловых грамот конца XIII—XV веков:

- 1) **А что** <u>будеть</u> монхъ селъ в **Новъгородьской волости или монхъ** слугъ, тому буди судъ безъ перевода [ГВНП, $\mathbb{N}$ 4, 1296–1301] 'а что касается моих сел или слуг, которые окажутся в новгородской волости, тому всему пусть будет суд без промедления / без перевода дела';
- 2) а <u>бүдет</u> в твоеи **Жчине** тѣх людеи з Дон**8**, которые шли, и тѣх ти всѣх Ѿп8стити [ДДГ, № 19, 1402] 'а окажется в твоей вотчине кто из людей, которые с Дона шли, и тех всех тебе следует отпустить':
- 3) а что <u>будет</u> на твои люди, которыи тебъ служат, пени старыи, или суды, и хто отъ судов, и отъ пень, и отъ порук оутеклъ... и тому

всему дерть по наше первое докончаніе [ДДГ, № 35, 2 экземпляр, вариант **Б**, 1436] 'а что окажется / случится на твоих людей, которые тебе служат: штрафы прежние или суды, и кто-нибудь от судов, и от выплаты штрафов, и от поручительств освободился... и тому всему конец согласно нашему первому договору'.

В приведенных выше контекстах *будеть* употреблен в высказываниях, вводящих какой-либо аспект рассматриваемой ситуации, относительно которого должно последовать распоряжение некоторого лица. В подобных конструкциях *будеть* употребляется в составе устойчивой начальной структуры $\mathbf{a}$ (что / кто) будеть + gen. (nom.), вводящей тему высказывания.

Особо необходимо обратить внимание на пример 3, в котором отсутствие у *будеть* согласования в числе с формами подлежащего **пени**, **суды** показывает, что *будеть* здесь выступает в роли вводящего тему модального показателя, распространяющего свое модальное значение не только на имена существительные, являющиеся формальными подлежащими (пени, суды), но и на всю следующую придаточную часть и хто отть судов, и отть пень, и отть порук оутеклъ.

Таким образом, здесь будеть выступает в роли некоего показателя условия-темы, хотя связь с полнозначным независимым будеть в значении пространственной локализации еще вполне ощутима. Подобные структуры с будеть, вводящим тему (без относительного местоимения кто / что или с местоимением после будеть), станут широко употребительными в деловом языке Московской Руси XVII века, ср.: А будет ему и порутчиком его того покраленаго заплатити будет нечем, и их исцу за иск отдати головою до искупу (Улож. ц. Алекс. Мих.).

2. Будеть в составе конструкции будеть + -л.

Данная конструкция широко распространена в юридических и деловых памятниках XII–XV вв., где она употребляется чаще всего в контекстах, вводящих или уточняющих условия реализации некоторой санкции. Далее мы будем обсуждать именно контексты подобного рода, наиболее употребительные и показательные в интересующем нас аспекте.

В текстах XII–XIII вв. структура *будеть* + -л в условных предложениях близка к аналитической, а в подавляющем большинстве случаев при *будеть* употреблен условный союз, напр.: а <u>шже</u> <u>боудоуть</u> с нимь крали и хоронили то всехъ выдати [РП, 24] 'если окажется, что они с ним воровали и прятали (если окажутся с ним воровавшими и прятавшими), то всех выдать'.

В более поздних текстах XIV—XV вв. конструкция будеть + -л фактически уже не употребляется после условного союза. Форма будеть, вобрав в себя значение условия и стремясь к препозиции во фразе, начинает употребляться чаще всего в предложениях с корреляционной свя-

зью, выступая в роли показателя условности, ср.: а <u>што будеть</u> дедъ твои сильно <u>дежать</u> или иныи кназь на Новегороде, того ти не дежти [ГВНП, №14, 1326-1327] 'а (если) окажется, что твой дед или иной князь какое-нибудь насилие совершал в Новгороде, того (такого) тебе не следует делать'.

В грамотах XIV—XV вв. выделяется ряд контекстов с будеть + -n, свидетельствующих о начале процесса разрушения конструкции и превращения будеть в показатель модальности всего высказывания, а затем — и в условный союз. Эти употребления обнаруживают градацию от более тесной связи между будеть и n-формой к почти утраченной связи между ними или вовсе к отсутствию согласования между бyдеть, n-формой и формой подлежащего.

- **2.1.** Контексты, в которых конструкция *будеть* + -л сохраняет целостность, однако употребляется во вводящей структуре *а кто / что будеть...*, т. е. в синтаксической позиции, в которой в дальнейшем обнаруживаются признаки утраты связи между *будеть* и л-формой:
- 1) а кто <u>будеть купиль</u> села въ в сеи волости в Новгородьскои при деде моемь Арославе, и при Васильи, при Дмитрии при Андреи, и при отци моемь при Михаиле, и при кнази при Юрьи, при Дмитрии: кто будеть даром отъмлъ или сильно, а то поидеть бес кунъ к Новугороду [ГВНП, № 14, 1326–1327] 'а если окажется, что кто-то купил (букв.: окажется купившим) села в Новгородской волости при моем деде...: кто окажется даром отнявшим (села) или насильно, пусть идет без денежной компенсации в Новгород...';
- 2) а хто <u>будет покупил</u> земли данные служнии или черных люд(и)и, по о(т)ца моего животе, по кназ(а) великог(о) по Иванове, а те, хто взможеть выкупит(и), инее потагнут к черным людем [ДДГ, N 11, 1389] 'а (если) окажется, что кто-нибудь купил (букв.: окажется купившим) земли оброчные, принадлежащие слугам или податному народу, после смерти отца моего, князя великого, Ивановой: а те, кто сможет выкупить, относятся к простым людям'.

В приведенных примерах конструкция будеть + -л, входящая в состав первой части сложного предложения, помимо значения условности, дополнительно приобретает еще и функцию введения темы. В этих контекстах следствие, указанное в главной части (инее потыгнут к черным людем), соотносится не с условием первой (а хто вудет покупил земли данные служнии...), а с условием второй зависимой части (а те, хто взможеть выкупит(и)...), в то время как первая часть представляет собой некое подобие заголовка, вводящего более широкую тему.

В дальнейшем параллельно с разрушением синтаксических связей между *будеть* и *л*-формой бывший вспомогательный глагол приобретает способность употребляться в роли показателя условия-темы самостоятельно, а не в составе указанной конструкции (ср. употребления незави-

симого $\mathit{будеть}$ в той же функции, рассмотренные в п. 1, а также см. ниже пп. 2.2, 2.3).

- **2.2**. Контексты, в которых между *будеть* и *л*-формой вклинивается противительный союз:
- 3) а кто <u>будеть</u> давныхъ людии въ Торжьку и въ Волоце, <u>а позоровалъ</u> ко тфери при Олександре и при Арославе, темъ тако и седети, а позоровати имъ ко мне (/к тобе) [ГВНП, № 4, 1296– 1301]; [ГВНП, № 5, 1296–1301] 'а если окажется, что кто-то давно живет в Торжке или Волоке, а относился к Твери при Александре и при Ярославе, тем так и жить, а принадлежать мне / тебе';
- 4) а кто <u>будет</u>, служа нам, кназем, <u>а вшол</u> в каково дело, а того поискав своим кн(α)зем, а того своим суд(α) пам шпчим не судити [ДДГ, № 9, 1375] 'а (если) окажется, что кто-нибудь, служа нам, князем, замешан в каком-нибудь споре, то в том произвести следствие своим князьям, а того (дела) судьям общим не судить'.

Приведенные контексты могут быть истолкованы двумя способами. Возможна интерпретация, при которой перед нами независимый *будеть*, употребленный в конструкции *а кто будеть* (+ gen.), и форма перфекта без связки, ср. выше: а <u>будет</u> в твоен **Шчине** тъх люден з Дон\$, которые шли, и тъх ти всъх \$ п\$ стити [ДДГ, \$ 19, 1402].

С другой стороны, подобные примеры в похожем окружении зафиксированы и без союзов, ср.: а кто <u>вудеть</u> закладень <u>позороваль</u> ко мне а жива въ Новъгородьскои волости, техъ всехъ отступилъ са есмь Новугороду [ГВНП, № 4, 1296–1301]. Семантика конструкции *будеть* + -л в последнем случае та же, что и в примере 3: «'окажется, что [нечто уже произошло]'» [Зализняк 1995: 159]. Все это позволяет нам рассматривать наличие союза, вклинивающегося между *будеть* и л-формой, как свидетельство разрушения именно конструкции *будеть* + -л.

Таким образом, примеры с союзом между компонентами рассматриваемой конструкции (типа **а кто будеть а вшол**) представляют собой контаминацию двух различных структур: конструкции *будеть* + -л и а кто будеть + gen. с независимым будеть в роли показателя темы. Повидимому, к XIV веку л-форма, входящая в состав интересующей нас структуры, превратившись из причастия в простой претерит, уже становится предикативным центром высказывания, а будеть начинает восприниматься исключительно как показатель потенциальной модальности, благодаря чему функционально сближаются семантически тождественные будеть в независимом употреблении и тот же глагол из конструкции будеть + -л- (об этом же см. [Шевелёва 2008]).

- **2.3**. Контексты, в которых *будеть* распространяет свое модальное значение не только на л-формы, но и на другие глагольные формы:
- 5) а кто $\underline{\text{буд}(e)}$ ть богаръ и слугъ къ тобе, брату моему молодшему, от мене $\underline{\text{отъехал}}$ до сего докончаныя, или по семь докончаны

<u>приедеть</u>, на тыхъ ми нелюбьта не держати [№ 5 ДДГ, ок. 1367] 'а если окажется, что кто-то из бояр и слуг к тебе, брату моему младшему, от меня перешел до заключения этого договора, или после заключения этого договора перейдет, на тех мне обиды не держать';

6) а кого <u>будешь</u> ботаръ наших и слуг, и людеи московьских, и кнажен(ь) та великог(о), или что <u>еси пограбил</u>, или что оу людеи <u>поимано</u>... то ти все отъдати [ДДГ, №9, 1375] 'а (если) окажется, что ты кого-нибудь из бояр наших и слуг, и людей московских, и княжества великого, или что ты захватил, или что-нибудь у людей отнято... то тебе все отдать'.

Все приведенные контексты построены примерно по одной и той же модели: в препозиции ко всей фразе находится структура *а кто / что будеть*, вводящая тему; затем, как правило, указывается тема высказывания и, наконец, употребляется *л*-форма и другие глагольные формы, связанные с последней сочинительной связью. *Будеть* теперь распространяет свое модальное значение не только на *л*-форму, но и на однородные ей причастия (поимано, изможенъ) и формы презенса (приедеть, взможет).

Одновременное употребление при л-форме связки **єси** (функционального эквивалента полноударному **ты** [Зализняк 2008: 240]), и **кудешь** (см. пример 6) свидетельствует о том, что *будеть*, хотя и сохраняет изменение по числам, воспринимается уже преимущественно как показатель модальности.

- **2.4.** Контексты, в которых согласование между *будеть* и *л*-формой отсутствует:
- 8) $\mbox{A}$ что $\mbox{будут}$ поклажен твонуъ боюръ, Семеновы Федорович($\mbox{a}$) или иных боюръ твону, мене дошло, великого кн($\mbox{a}$) за, и миѣ то $\mbox{будати по сему целованію [ДДГ, № 30, вариант <math>\mbox{b}$, 1433] 'а что окажутся поклажи твоих бояр, Семена Федоровича или других бояр твоих, до меня дошло, до великого князя, то мне то отдать по этому целованию';
- 9) Λ что еси, $\Gamma(0)$ с(поди)не, поималъ казну мою, или м(а)ти твога поимала, или что мои поклажаи <u>поимали вудет</u>, и то ти мнѣ **Ждати** [ДДГ, № 36, вариант Б, ок. 1439] 'а что ты, господин, захватил казну мою, или матъ твоя захватила, или что мои поклажи захватили, окажется, и то тебе мне отдать'.

В примере 8, как и в подавляющем большинстве употреблений δy - δemb + -n в памятниках этого же периода, $\delta y \delta emb$ стоит в начале высказывания непосредственно за местоимением **что** перед именной группой с главным именем в форме Им. п. множественного числа **поклажен**, с которым и согласуется в числе. $\mathcal{I}$ -форма, напротив, удалена и от $\delta y \delta emb$, и от подлежащего настолько, что говорящий, по-видимому, не будучи в состоянии удержать в памяти весь отрывок, предшествующий n-форме, прибегает к безличной форме **дошло**.

Перед нами структура, которая может быть результатом контаминации 3-х различных конструкций, широко представленных в грамотах XIV–XV вв.: 1) а что будут + nom. с независимым будеть в роли показателя темы (ср.: $\mathbf{\Lambda}$ будет ли которага налога великому кн($\mathbf{\Lambda}$) 3:6 // ... [ДДГ, № 26, ок. 1430]); 2) а что + -л форма (ср.: $\mathbf{\Lambda}$ што, г(о)с(поди)не, кназ($\mathbf{L}$) велики, по нашим грѣхом, състалоса от нас... [ДДГ, № 51, 1448]); 3) будеть + -л (типа а что будут... дошли...). При этом в нашем контексте, при отсутствии формального согласования в числе между будут и лформой, сохраняется семантика, характерная в целом для конструкции будеть + -л (проявление в будущем результата прошедшего события).

Таким образом, данные грамот показывают, что четко разграничиваемые в текстах раннедревнерусского периода независимый *будеть* и вспомогательный полузнаменательный *будеть* в текстах XIV–XV вв. функционально сближаются. Происходит это, по-видимому, по нескольким причинам.

Во-первых, практически в любом употреблении рассматриваемый глагол сохраняет свое модальное значение 'окажется'.

Во-вторых, к XIV–XV вв. в конструкции *будеть* + -л категория времени начинает обозначаться л-формой, на лицо дополнительно указывает форма подлежащего (ср. с эволюцией формы перфекта [Хабургаев 1978]), а *будеть* постепенно становится независимым модальным показателем, теряя согласование и с л-формой, и с подлежащим.

Однако в XIV–XV вв. *будеть* до конца глагольности еще не потеряло. По-видимому, как раз в этот период *будеть* из бывшей аналитической конструкции начинает сближаться с независимым *будеть* (ср. п.1), а также с т. н. «вводящим» *будеть* (см. [Шевелёва 2008]), чему способствуют общность их семантики и тяготение к препозиции во фразе.

Особого внимания требует пример 9, представляющий один из редких в деловых памятниках XII–XV вв. случаев постпозиции будеть по отношению к n-форме.

Надо заметить, что будеть в конструкции будеть + -л, по данным памятников XII–XV вв., в подавляющем большинстве контекстов оказывается в препозиции по отношению к л-форме. Несколько увеличивается количество случаев постпозиции будеть только в XV в. По-видимому, это связано с тем, что значение условности, которое развивается к XIV в. у будеть благодаря частотному употреблению в условных конструкциях в соседстве с условным союзом (см. об этом выше), к XV в. перестает быть обусловленным позицией начала условной конструкции. В то же время будеть постепенно утрачивает свои глагольные признаки и начинает восприниматься уже не как вспомогательный, а как некий вводный элемент со значением 'окажется' (ср. вводное кажется в современном русском языке, а также, употребление буде в говорах в значении 'может быть, вероятно': Если, буде, Олеша, спросит, то я зайду к нему, буде, арх. [СРНГ 2002: 242–244]).

3. Итак, все 5 типов употреблений *будеть* объединены общими особенностями. Во-первых, *будеть* сохраняет модальное значение 'окажется' независимо от того, какой конструкции он принадлежит.

Во-вторых, в подавляющем большинстве употреблений в грамотах XIV–XV вв. *будеть* тяготеет к препозиции во фразе, а значит, к позиции, типичной для условного союза.

Наконец, общие синтаксические особенности независимого и вспомогательного *будеть* приводят к взаимовлиянию различных конструкций, в которых употребляется интересующий нас глагол, к размыванию границ между ними, к проникновению в них новых форм (см. выше п. 2.3), благодаря чему функционально сближаются *будеть* в независимом употреблении и тот же глагол из конструкции *будеть* + -л.

Данные грамот XIV–XV вв. позволяют выявить намечающуюся в текстах XV века тенденцию к интерпозиции *будеть* во фразе. А неизменяемое *будеть* в интерпозиции является, как известно, источником возникновения модальной частицы со значением предположительности [Шевелёва 2006].

Библиография

Горшкова, Хабургаев 1997 — Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.

Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Кузнецов 1953 / 2005 — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.

Мустафина 1984 — *Мустафина Э. К.* Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет» (к вопросу о будущем времени в древнерусском языке). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.

РП — Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века. СПб., 1888.

Плотникова 1954 — Плотникова В. А. К вопросу об образовании союза если в русском языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т.5. М., 1954.

Пожарицкая 2007 — Пожарицкая С. К. Реликты бы, было, буде, бывает, бывало // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 3. СПб., 2002.

Соболевский 1907 / 2005 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907 / 2005.

Хабургаев 1978 — *Хабургаев Г. А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1978. № 2.

Шевелёва 2006 — *Шевелёва М. Н.* Некнижные конструкции с формами глагола **выти** в Псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.

Шевелёва 2008 — *Шевелёва М. Н.* О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 6.

Давид Пинеда

НУ БОГ С ИМА! НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОРМАМИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГОВОРЕ Д. ВАРЗУГА

В данной статье внимание сосредоточено на употреблении окончания -ма и -мы в Тв. п. мн. ч. в говоре д. Варзуга Мурманской области. В основу исследования положено сравнение материала, собранного в полевых условиях во время экспедиций на Кольский полуостров в августе и ноябре 2001 г., с данными, представленными в печатных работах, в том числе в статье С. К. Пожарицкой [Пожарицкая 2001]. Эти работы в основном посвящены описанию говоров сопредельных территорий Архангельской области и Карельской республики.

Общая картина морфологии говора

Результаты нашей первой экспедиции в Варзугу были опубликованы в журнале «Полярный вестник» № 4. В статье, посвященной морфологическим особенностям говора этой деревни, были названы в частности такие черты, которые отличают говор от литературного языка (ЛЯ), например: употребление одной и той же формы Р., Д. и П. пад. ед. ч. у существительных I склонения $u \mid bi$: на тони, по реки, на той стороны, к Любы; употребление Р. и В. пад. ед. ч. местоимения она в форме ей, ней: собирать ей, у (н)ей; форма оне в мн. ч. Им. пад. вместо литературного они; отсутствие чередования согласных в глаголах типа печь, текёт, текёт, текёт, текёт.

Но одной из наиболее интересных черт этого говора является употребление в Тв. пад. мн. ч. окончаний [ма] / [мы] / [м]. И. С. Меркурьев в предисловии к словарю «Живая речь кольских поморов» (1979), вместе с названными формами, упоминает также окончание -м, совпадающее с окончанием Д. пад. В нашем материале до сих пор встретилось мало примеров с этим окончанием. Притом не всегда ясно, следует ли за твердым [м] окончания сильно редуцированный гласный или нет. Другой проблемой являлся в некоторых случаях двусмысленный характер такой формы, как [ол'éн'ьм]: идет ли речь здесь о Тв. пад. мн. ч. оленям или ед. ч. оленем? Не всегда удается узнать ответ из контекста, опираясь на форму сопровождающего прилагательного или местоимения. Примеры с такими двусмысленными формами в эту статью не включены.

Здесь внимание будет сосредоточено на окончаниях [ма], [мы] и на форме ЛЯ [м'и]. Форма [м'и] является единственной формой в речи младшего поколения деревенских жителей. Анализу был подвергнут за-

писанный материал только тех жителей, речь которых содержала и другие диалектные черты: оканье, частое употребление частиц $\partial a\kappa$ и -mo / -ma, Р. Д. и П. пад. существительных I склонения на -u / -ы, стяжение гласных в прилагательных и глаголах (бела; стреляш).

Дистрибуция окончаний Тв. пад. мн. ч. в севернорусских говорах

Как следует из СНРГ и ДАРЯ, кроме формы ЛЯ -a[м']и, в русских говорах встречается еще несколько вариантов окончания: <м'и> (тоже в ЛЯ: людьми, детьми); <ми> (в Заонежье); <им'и> (преимущественно в Тульской и Восточной группах южнорусского наречия); <ама> / <ома> (около Онежского озера; в Бельском, Красноборском, Котласском и Вилегодском районах Архангельской обл. и в Великоустюжском районе Вологодской обл.); <ами> (Прионежье).

Как известно, в ДАРЯ не вошли русские говоры Карелии и северной части Архангельской обл., так что для установления дистрибуции разных окончаний Тв. пад. мн. ч. в зонах, сопредельных с Кольским полуостровом, нужны дополнительные источники.

Что касается Архангельской обл., то в этой статье приводятся данные, опубликованные в работе О. Г. Гецовой [Гецова 1997]. В качестве общеархангельской черты автор упоминает наличие форм Тв. пад. мн. ч. на [ма] у числительных и местоимений. У существительных и прилагательных дистрибуция немного сложнее: в северной части Архангельской обл. встречается окончание [ма] и у прилагательных (бе́лыма). В некоторых южных районах это окончание распространяется и на существительные (нога́ма, коро́выма). В коношских, вельских, устьянских и частично красноборских говорах (т. е. на юге области) окончание [ма] не отмечено исследователями ни у существительных, ни у прилагательных.

Об окончаниях Тв. пад. мн. ч. в русских говорах Карелии интересные данные были найдены на сайте www.geocities.com/Athens/4280/obrazcy (сейчас уже не действующем), где были опубликованы результаты экспедиции студентов университета в Йоэнсу (Финляндия). Материал был собран в деревне Кузаранда Медвежьегорского р-на. Этот материал показывает, что кроме окончания ЛЯ [м'и] употребляются формы [мы] (в существительных; в личном местоимении намы) и [ма] (в прилагательных; в указательном местоимении; отдельные примеры в существительных). Другие источники дополняют картину: «Звучащая Хрестоматия» дает примеры с э́тьма ма́льчикамы (д. Педасельга Прионежского рна); за нама (д. Великая Нива Медвежьегорского р-на). Чуть поближе к д. Варзуге, в Кандалакше (уже в Мурманской обл.), И. С. Меркурьев записал р'еб'ат' ишкамы, а в д. Кузрека с йетыма шостамы. Интересна здесь форма личного местоимения 1 лица нама, которая пока не встретилась в нашем материале, и твердое окончание ъма / ыма в указательном местоимении

Дистрибуция окончания Тв. пад. мн. ч. в говоре д. Варзуга

В собранном нами материале представлена преимущественно речь старшего поколения. В их речи, как правило, сохраняется много диалектных черт, уже утраченных в речи деревенской молодежи. Но и в речи представителей старшего поколения можно наблюдать колебание в употреблении того или иного окончания Тв. пад. мн. ч. Это прежде всего происходит в речи более образованных информантов, или у тех, кто много читает или даже выписывает журналы. Также у информантов, которые играют важную роль в политической или культурной жизни деревни, окончания [ма] и [мы] отсутствуют или встречаются менее часто, чем в речи других информантов.

Изучение материала показывает, что в речи почти всех наших информантов встречаются формы Тв. пад. мн. ч. на [амы]. У многих отмечены случаи употребления окончания [ама]. Но при расшифровке материала возникают трудности, поскольку в неударной позиции часто трудно различать редуцированные формы -амы и -ама. В исследуемом говоре произношение звука [ы] отличается от ЛЯ — это звук более нижнего подъема и приближен к [ъ]. Поэтому в неударных слогах разница между [ъ] как редукционной степенью [а] и редукционной формой звука [ы] намного менее выразительна, чем в ЛЯ. В результате этого не всегда ясно, имеем ли мы дело с окончанием [амы] или [ама]. Кроме того наблюдается колебание в степени редукции окончания [ама]: есть примеры, где произносится с полной редукцией [мъ], но в нескольких случаях гласный приближается к [л]. Однако в большинстве примеров употребления Тв. пад. мн. ч. в собранном материале, в отличие от ЛЯ, нет смягчения [м] перед гласным.

С другой стороны, в материале встретилось несколько примеров, где нет сомнения в произношении [ама] или [амы]. Это касается прежде всего ударных окончаний, которые реализуются в местоимениях, например *своима́, всема́, има́* и др.

Кроме этих форм отмечены и случаи формы на [м]. Часто они встречаются в речи одного и того же информанта, как редуцированный вариант форм [мы] и [ма].

Ниже следуют зафиксированные в материале примеры форм Тв. пад. мн. ч. в существительных, прилагательных и местоимениях.

Существительные

В существительных отмечены примеры четырех разных окончаний: [м], [ма], [мы] и [м'и]. В речи записанных нами жителей Варзуги формы на [ма] и [мы] распространены шире, чем форма ЛЯ [м'и]. В записях речи некоторых информантов даже вообще не встречаются примеры окончания [м'и].

Большинство примеров Тв. пад. мн. ч. относится либо к типу [ама], либо к типу [амы]. Как уже было сказано, в некоторых случаях трудно

определить качество последнего гласного. Примеры с ясным [ама] немногочисленны: дефкама, рукама, материалама. Примеров с окончанием [амы] намного больше: коммунистамы были; с мужыкамы; с оленимы; жонкамы. Но не везде в записи произношение конечного гласного отчетливо, например: рукама / мы; оленимы / ма.

В некоторых примерах перед [мы] или [ма] встречается гласный [и]: *с оле́нимы*; *со сосе́димы*. Здесь [и] скорее всего — позиционный вариант [а], как в ЛЯ.

В материале встретилось мало примеров окончания Тв. пад. мн. ч. без предыдущего гласного, как в ЛЯ в словах *людьми*, *детьми*. Мы слышали именно эти два примера: *людьми*, *детьми* / *детьми*, то есть, с мягким [м'].

Примеры с окончанием [ам'и] наблюдаются преимущественно в речи активистов культурной жизни деревни и читающих журналы и книги. У других информантов преобладают формы с твердым [м]. Иногда отмечаетя колебание у одного и того же информанта; так, например, один информант сказал с голя́шками, а через пятнадцать секунд: с голя́шкама.

Прилагательные

Что касается прилагательных, то примеров встретилось меньше, но и отмеченные формы позволяют сделать некоторые выводы. Наблюдения показывают, что кроме соответствующего формам ЛЯ окончания [м'и] (с рускими-то; белыми) употребляется только [има] (молодыма; старыма; маленькима), т. е. не встретилось ни одного примера с формой *[имы].

Местоимения

Что касается личных местоимений первого и второго лица, то встретились формы с окончанием [м'и] c нами; вами, и с [мы]: c вамы.

Насколько позволяет судить наш материал, у указательного местоимения существуют только формы с окончанием [ма]: либо [jéт'има], с приставным [j], либо [éт'има], без него. Местоимение *тот* встретилось в форме *тема*.

У притяжательных местоимений наблюдается кроме формы ЛЯ *свойми* также много случаев диалектного *своима*: *свойми рукамы*; *своима рукамы*; *жонкамы своима*; *за своима*.

Местоимение *весь* отмечено в материале в Тв. пад. мн. ч. с окончанием [ма]: *со всема́ с моло́дыма*; *со сосе́димы со всема́*.

В записях встретился случай употребления числительного *пять* в Тв. пад. *пяти́мы*.

Зафиксированные формы показывают, что у многих информантов основными окончаниями Тв. пад. мн. ч. являются окончания с твердым [м]. Они употребляют эти формы последовательно, и только иногда в их речи отмечены формы с мягким [м']. У существительных преобладает окончание [мы]; у прилагательных, наоборот, эти формы отсутствуют — их место занимает [ма]. У местоимений ситуация примерно такая же, как у прилагательных: нет примеров окончания [мы] (кроме *с вамы*), преобладает окончание [ма].

Изложенные выше наблюдения можно наглядно представить в таблице 1 (двойной знак обозначает высокую частоту данного окончания):

-ма -мы -м'и Существ. +Прил. ++ + 1, 2 л. + Мест. лич. 3 л. ++ + Мест. притяж. ++ Мест. показат. ++

Таблица 1: Дистрибуция окончаний Тв. пад. мн. ч. в говоре д. Варзуга

Насколько можно судить исходя из собранного материала, употребление разных окончаний не зависит от синтактического или семантического контекста: не влияют на выбор окончания разные предлоги или окончания сопровождающих прилагательных, существительных и т. д. Встречаются комбинации прилагательного на [м'и] с существительным на [мы]: белыми воронамы: местоимения на [ма] с существительным на [мы]: своима словамы; жонкамы своима; с этима с ушамы. Однако пока не отмечено сочетания прилагательного на [ма] с существительным на [м'и].

Окончания [мы], [ма] прибавляются не только к словам, образующим унаследованный словарный запас терских говоров, но и к словам ЛЯ, обозначающим современную технику: *самолётамы*, *материалама*, *рюкзакама*.

С предлогом c или вообще без предлога встретились формы Тв. пад. мн. ч. на [мы], [ма] и [м'и]: с $меж \partial y$ — [м'и] и [мы]; с 3a — [ма] и [мы]; с nod — [м'и]. Примеры с последними тремя предлогами имеют мало значения из-за низкой частоты этих предлогов в изученном материале.

Окончания [ам'и], [амы] и [ама] встречаются как под ударением (рыв-ками; мужыками; рукама), так и в безударной позиции (рёлками; деревнямы; дефкама). Ударное [ма] встречается в местоимениях своима, има.

Формы окончания Тв. пад. мн. ч. д. Варзуга в сравнении с формами других севернорусских говоров

Если сравнивать дистрибуцию разных окончаний Тв. пад. мн. ч. в д. Варзуга с дистрибуцией в русских говорах Архангельской обл. и Карельской республики, то прежде всего бросается в глаза отсутствие окон-

чания [ма] в существительных в говорах северных р-нов Архангельской обл., в то время как в говорах Карелии, а также в некоторых говорах южных районов Архангельской области это окончание есть. Другим интересным фактом является отсутствие в Архангельских говорах окончания [мы], столь распространенного в говоре д. Варзуга. Этот факт сближает говор д. Варзуга с русскими говорами Карелии.

В заключение можно сказать, что необходимо дальнейшее исследование дистрибуции окончаний Тв. пад. мн. ч. у личных местоимений, особенно 1 и 2 лица, а также изучение употребления окончаний [мы] или [ма] у количественных числительных (типа *пятима*). Интерес представляют также интересные формы Тв. пад. мн. ч. существительных с ударением на -ми в ЛЯ (типа детьми, людьми).

Библиография

- Гецова 1997 *Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Выпуск II: Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- ДАРЯ Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II. Морфология. М., 1989.
- Звучащая хрестоматия *Касаткина Р. Ф. (отв. ред.)*. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры: Приложение № 1 к Бюллетеню фонетического фонда русского языка. М.; Бохум, 1991.
- Мельниченко 1985 *Мельниченко Г. Г.* Хрестоматия по русской диалектологии. М., 1985.
- Меркурьев 1997 *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1997.
- Пожарицкая 2001 Пожарицкая С. К. К истории фонемного состава флексий творительного падежа множественного числа в русском языке // Вопросы русского языкознания. Выпуск IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.
- http://www.geocities.com/Athens/4280/obrazcy/koi_peredovaja.htm (сайт Эса Анттикоски в университете Йоэнсуу).

И. Б. Качинская

ДОЧКИ-МАТЕРИ: НЕРЕГУЛЯРНОЕ СКЛОНЕНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Исследование основано на материалах 14 выпусков «Архангельского областного словаря» $(AOC)^1$, Картотеки «Архангельского областного словаря», Электронной картотеки AOC и собственных полевых записях автора, сделанных в архангельских говорах $(A\Gamma)$.

1. По данным Картотеки АОС, в синонимический ряд понятия 'родная мать' входит более 50 лексем (в основном это дериваты с корнями мам- и мам-), из них в вокативной функции зафиксировано 24. Синонимический ряд понятия 'родная дочь' содержит 20 лексем, в вокативной функции зафиксировано 8. Самый большой словообразовательный ряд существительных со значением 'родная мать' дает основа мам-. У слов мами (мамь) и дочи (дочь) при склонении происходит чередование основ (мам-/мамер- и доч-/дочер-), и каждая основа послужила производящей для целой группы дериватов:

мам-: (ма́ма, ма́мо) — ма́мка, ма́менька, ма́менка, ма́монька / ма́монько, ма́мынька, мама́ня, мама́ша, ма́мочка, ма́мошка, маму́ля, маму́ниха, маму́ха, маму́чина, ма́мушка / ма́мушко, ма́му́ша, мама́нька, мама́шка, мама́шенька, маму́хина;

мат-: (мати, мать, ма́тя) — ма́тенка / ма́тенко, ма́тенька, ма́тина, ма́тка / ма́тко, ма́точка, ма́тушка / ма́тушко;

матер-: (ма́терь) — матерёнка, матерёшко, матери́шка / матери́шко, ма́терка.

К разным основам (мат- и мам-) часто присоединяются одинаковые суффиксы:

-к- — ма́м<u>к</u>а, мама́нь<u>к</u>а; мама́ш<u>к</u>а; ма́т<u>к</u>а / ма́т<u>к</u>о; ма́тер<u>к</u>а;

 -енк- / -ёнк — ма́менка, ма́тенка, матерёнка;

 -еньк — ма́менька, ма́ма́шенька, ма́тенька;

-очк- — ма́м<u>очк</u>а, ма́т<u>очк</u>а;

-ушк- — ма́м<u>ушк</u>а, ма́т<u>ушк</u>а / ма́т<u>ушк</u>о.

Вызывает некоторые сомнения суффикс -ошк- (мамошка), слово с которым зафиксировано в фольклоре:

Йеросла́нова **ма́мошка** да пе́рвой раз зра́довалася... Йерусла́на спороди́ла (ЛЕШ. Палащелье).

Возможно, это делабиализованный суффикс -ушк-, возможно, фонетический вариант суффикса -очк- с утратой затвора (что менее вероятно для АГ). Ср. с этим: девчёношка, жо́ношка, сва́тошка, у́тошка, соро́кошка, ду́тошка, мя́кошка и проч. При этом слова ду́тошка, жо́ношка поданы в АОС как отсылочные к ду́тушка, жо́нушка, а слово девчёнош-

^{1 13, 14-}й выпуски находятся в печати.

ка подано как отдельная словарная статья наряду с девчёнушка, девчёночка, девчёнышка и девчёнышко [АОС, 10: 391]. Суффикс -о́шк- встречается и как ударный, в том числе для обозначения людей: старушо́шка, детино́шка — в последнем случае слово зафиксировано в фольклоре:

Детин<u>о</u>шка молодой иную полюбил (ПРИМ. Зимняя Золотица).

От основы мам- встречаем суффиксы -ушк-, -ышк-, -ошк- (ма́мушка, ма́мышка, ма́мошка), а также -оньк-, -а́ньк- (ма́монька, мамойнька, ма́мынька). Большинство суффиксов с начальным -у- оказываются ударными: -у́ль-, -у́них-, -у́х-, -у́чин-, (маму́ля, маму́ниха, маму́ха, маму́чина). Суффиксы -уш- и -ух- встречаются как в ударном, так и в безударном варианте (ма́муша и маму́ша, ма́муха и маму́ха). Суффикс -ушк- (ма́мушка, ма́мушка) — безударный.

Лексему *маму́хина* мы рассматриваем как производную от *маму́ха* + -ин-, хотя *маму́ха* и *маму́хина* записаны в разных районах. Возможно, для этого слова следовало бы выделить самостоятельный суффикс -у́хин-; ср.: -у́чин- (маму́чина):

Йе́й маму́хина сто де́л наостовля́ла (В-Т. Тимошино). Ма́ти — ма́ма, маму́чина, де́дюха, та́тюха — та́тька, Коля́ха, а Про́ньку — того́ ника́к (не зовут) (КРАСН. Пермогорье).

Дериваты существительных со значением 'родная дочь' образуются от трех основ: $\partial o u$ -, $\partial o u e p$ - ($\partial o u e p$ -) и $\partial o h$ -:

доч-: (дочи, дочь, доча) — дочка, дочейка, доченька, дочечка, дочушка, дочинушка, дочинушка, дочурка, дочуха, дочуша, дочушенька;

дочер-: дочерка / дочёрка;

дочер'-: (дочерь, дочеря) — дочерька, дочеришко;

дон'-: донька

Весьма продуктивным, как обычно, оказался суффикс - κ -, он присоединяется практически ко всем основам. Есть и другие суффиксы, обслуживащие сразу несколько основ:

-к- — до́чка, до́черка, до́черька, до́нька;

-ишк- — до́ч<u>и́шк</u>а, дочер<u>и́шк</u>о; -еньк- — до́ч<u>еньк</u>а, дочу́ш<u>еньк</u>а.

Возможно, лексема *до́нька* является заимствованием — или непосредственно из украинского языка через украинских переселенцев (высланных или «вербованных»), или даже из советских кинофильмов. В АОС (12 вып.) она подана с пометой *нов*. В то же время в АГ финальное *-нька* встречается во многих терминах родства (гл. обр. в составе суффиксов *-еньк-*, *-оньк-*, *-уньк-*): *та́тенька*, *ма́менька*, *ба́бенька*, *ба́бенька* и *ня́нька*. Параллелью к паре do<u>чка</u> ~ do нька может быть и пара do нь do н

2. Слова, включающие понятия 'мать' и 'дочь', распределены по всем трем склонениям, большинство из них относится к 1-му склонению; сохраняется также особое «нерегулярное» склонение.

	1 скл.	2 скл.	3 + особое
мать	ма́ма, мама́нька, мама́ня, мама́ша, мама́шенька, мама́шка, ма́менка, ма́менька, ма́менька, ма́менька, ма́монька, ма́мочка, ма́мошка, маму́ля, маму́ниха, маму́сиа, ма́му́шна, ма́му́шна, ма́мушка, ма́мынька, ма́та, ма́тенка, ма́тенька, ма́тере́нка, ма́тери́шка, ма́терка, ма́терка, ма́терка, ма́терка, ма́терка, ма́терка, ма́теря, ма́тина, ма́т-ка, ма́тушка, ма́тя	ма́мо, ма́монько, ма́мушко, ма́тен- ко, матерёшко, матери́шко, ма́т- ко, ма́тушко	ма́терь, мать, ма́ти
дочь	до́ча, доче́йка, до́ченька, до́че́рка І доче́рка, до́черька, доче́ря, до́чечка, дочи́нушка, до́чи́шка, до́чка, дочу́рка, дочу́ха, до́чуша, дочу́шенька, до́чуш-ка, до́нька	дочери́шко	до́черь, дочь, дочи

Все существительные 1-го скл. относятся к женскому роду, существительные 2-го склонениия имеют грамматический средний род, мы бы сказали, недостаточно ярко выраженный. В подавляющем большинстве примеров использован только И. п.:

Ма́тко вдова́ (ЛЕШ. Кельчемгора). Воло́тька, тушы́ тра́ктор, чиго́ **ма́мо** орё́т? (КАРГ. Лёкшма). **Ма́монько** та́м, бра́телко та́м и племе́нник та́м (КАРГ. Волосово).

У слова **дочери́шко** единственный пример также зафиксирован только в И. п.:

У ней <u>сыни́шко</u> йе́сь, **дочери́шко** (ОНЕЖ. Пурнема).

Возможно, средний род здесь спровоцирован синтаксической конструкцией: грамматическим выравниванием параллельных однородных членов, к тому же имеющих суффикс -*ишк*-.

Употребление слов 2 скл. в косвенных падежах фиксируется редко:

- **Р.**: *Худо, как ма́мушка нет* (КАРГ. Кречетово).
- В.: Осержу́сь на ба́тюшка, ой, на ма́тушка (ПРИМ. Нёнокса).

В последнем примере средний род может быть спровоцирован синтаксическим параллелизмом: на ба́тюшка > на ма́тушка.

В примере с пожеланием большого количества молока при доении матушкой называется корова:

- Мо́решко под **ма́тушко**.
- *Спасибо* (УСТЬ. Сабуровская).

Здесь либо В. совпадает с И. ($\mathit{мáтушкo}$) — и существительное оказывается грамматически неодушевленным, либо начальная форма должна восстанавливаться как $\mathit{máтушкa}$, но происходит ослабление лабиализации ([o] вместо [y]: nod $\mathit{mamyuky}$, что, может быть, косвенно подтверждается формой $\mathit{mopeuko}$ вместо $\mathit{mopeuko}$).

Во всех случаях грамматического среднего рода (2 скл.) нет ни одного с синтаксическим согласованием по среднему роду, только по женскому:

Не́т ма́мо-то, ма́мо-то уйе́хала (ПИН. Кеврола). Ма́мо померла́ в во́семьдесят два го́да (ПИН. Кушкопала). Тут ма́тенко у меня́ и умерла́, скоре́хонько (ПИН. Шардонемь). Быва́ло, на ре́чьку ма́мушко-поко́йенка ходи́ла (МЕЗ. Карьеполье). Одна́ матери́шко да четы́ре сы́на (КАРГ. Лёкшмозеро).

Почти во всех случаях фиксации среднего рода этот средний род (2 скл.) является вариантом женского (1 скл.):

ма́ма ~ ма́мо, ма́монька ~ ма́монько, ма́мушка ~ ма́мушко, ма́тенька ~ ма́тенько, ма́тенко, ма́тенко, ма́тери́шка ~ ма́тери́шко, ма́тка ~ ма́тко, ма́тушка ~ ма́тушко.

Исключения составляют слова матерёшко и дочерищко.

Слово- и формообразование оказались тесно связаны с грамматикой.

Падежные окончания 1-го склонения для большинства лексем достаточно тривиальны, стоит отметить лишь редкость употребления Π . π ., что характерно для всех слов лексико-семантической группы «Термины родства».

Архаические лексемы *ма́ти* и *до́чи* до сих пор остаются весьма частотными. Наряду с ним существуют варианты *ма́ть* и *до́чь*, и, соответственно, *ма́терь* и *до́черь* (когда происходит выравнивание парадигмы по косвенным падежам). Так как в И. ед. в каждом случае встречаются все три варианта, приходится признать их самостоятельными лексемами:

Ся́ка **ма́ти** ду́мат о свойо́м тешы́ ['ребенке'] (МЕЗ. Целегора). У на́с три́ ма́тери: **ма́ть** родила, **ма́ть**-земля́ и **ма́ть** Го́спода Ису́са Христа́ (ОНЕЖ. Анциферовский Бор). Уш йи́ста **ма́терь**, а гово́ря уш и́ста ма́терина (ХОЛМ. Ломоносово).

 Γ о́сьти норовя́цце, **до́ци** прийє́дёт со фсё́й семьйо́й (ШЕНК. Верхопаденьга). Туд **до́чь** йе́йная то́жо вза́муш вы́шла на четверы́х, овдове́ла (КАРГ. Лёкшма). А э́то твоя́ **до́черь**? (ЛЕН. Тохта).

В то же время все три лексемы могут иметь общую парадигму склонения в косвенных падежах.

Сохраняется противопоставление И. в форме *ма́ти* (*до́чи*) всем косвенным падежам, для которых характерна основа *матер-* (*до́чер-*), в том числе лля B.:

- Р. У ма́тери ма́ти сто годо́ф жыла́ (УСТЬ. Строевская). А ма́ти та́м жывё́т у ма́тери чего́ пота́шшыш не́чего ташшы́ть ['воровать']. (МЕЗ. Бычье).
  - А у **до́цери** де́воцька йе́сь, **до́ци**-то йейо́ и задя́ржываит, она никуда́ не хо́дит (ВИЛ. Павловск). Од **до́чери** ни хле́ба, зя́ть не родня́ (КАРГ. Ухта).
- Д. Пришли к ма́тери, ма́ти сули́т (ЛЕШ. Вожгора). Она́ пожъlа́-пожъlа́ да и уйе́хаlа, а ма́ти йе́сь, ну во́т, к ма́тере. (ВИЛ. Павловск).
  - Г **до́чери** в любу́ю по́ру я прибегу́. **До́чи**-то одна́ (ПИН. Ёркино). **До́чи** йе́сь, дак и себе́ доста́неца да **до́чере** (КРАСН. Пермогорье).

В. Ма́ти за ма́терь, жэна́ за жэну́, фсё́ то́лько и де́lo, фсё у йеwó, у йеwó фсё хорошо́. Она тоўста́я ста́lа как ма́ти, на ма́терь нахо́дит (ВИЛ. Павловск). Я как помру́, ма́терь к себе́ прибери́ (ПИН. Нюхча). Йе́жэли ма́терь привезё́ш — я́ с тобо́й жы́ть не бу́ду (ХОЛМ. Копачёво). Не обижа́йся на ма́терь (МЕЗ. Мосеево). Чьти́ оцца́ и ма́терь, долгове́к и шча́слив бу́деш на земли́ (ПИН. Ёркино).

О́на по́сле-то до́цери-то — до́ци-то фперёт ыйо́ умерlа́ (ВИЛ. Павловск). Спаси́бо, те́шша, за твою́ до́черь (КРАСН. Верхняя Уфтюга).

Т. *А ма́ти-то с ма́терью* двоюро́дницы (МЕЗ. Майда). *До́чи*, *з до́черью* (ПИН. Явзора).

Противопоставление И.-В. сохраняется и при замене архаической формы (ма́ти, до́чи) на новую (мать, дочь): И.-В.: мать — ма́терь // дочь — до́черь:

Ты, говорю, **ма́терь** ниче́м ста́виш, а тебе́ ху́до ведь бу́дет, как **ма́ть** помре́ (ПИН. Кеврола). **До́ць до́церью** на са́мом де́ле, сы́н сы́ном, кака́я сноха́ попадё́ця (ВИЛ. Павловск).

В то же время, как это произошло в ЛЯ, В. п. может ориентироваться на И., и тогда И. = В. (для обеих форм: $m\acute{a}mu$ и mamb // $d\acute{o}uu$ и doub):

- В. Пойехали розыскивать ма́ти (КАРГ. Лядины). Пока́ йещё́ оця́ да ма́ти боя́ця, а на свою во́лю выйдуд, дак фсё́ (КАРГ. Ухта). Ма́ти-то ско́лько дак сlу́шат, а оцца́-то ни до зва́нья, в lánomь не звоня́т (ВИЛ. Павловск). Алексе́ю жэни́це неохо́та, а огруби́ть оця́-ма́ти то́жо не хо́чеце (МЕЗ. Дорогорское).
  - Она́ дожыда́д до́ци (МЕЗ. Долгощелье). Я до́ци спасла́ (ШЕНК. Верхопаденьга).
- В. Та́к-то о́н запьйо́т и не заслу́шат мою́ ма́ть как ма́ть (ПИН. Ёркино). Сы́н-то руга́ед да на́ печь пеха́ет, ма́ть-то (ШЕНК. Ямская Гора). От чешли́вой (свиньи) де́ти ро́дяцца не фсе́ ра́вны: кото́ры жоркийе, кото́ры то́жэ чешли́вы, кото́ры в ма́ть, кото́ры ф хряка́ (ПЛЕС. Рыжково). Са́му сере́дну до́чь-то жони́ла (КРАСН. Верхняя Уфтюга). Я́ ма́лу до́чь назвала́ Ли́дой ф че́сьть йе́й (ПРИМ. Солза).

При одинаковой в принципе падежной парадигме в И. ед. оказалось три формы: *ма́ти*, *мать*, *ма́терь* и, соответственно, *до́чи*, *дочь*, *дочерь*. Т. е. если в Р.-Д. встречается форма *ма́тери* (*до́чери*) — то неясно, к какой из «начальных» форм ее следует возводить: *ма́ти*, *ма́ть* или *ма́терь* (*до́чи*, *дочь* или *до́черь*). Если в одном контексте совмещены И. и косвенный падежи, то за «начальную» форму принимается словоформа И. падежа:

ма́тери > мать: Как чего́ йе́ш, так на́до не оставля́ть, а то, гря́т, от ма́тери оста́нися, ма́ть умрё́т (КАРГ. Лёкшма). А до́чька-то, она́ не по ма́тери, она́ по Ко́льке, высо́кая така́я, ма́ть-то ма́ленькая (ШЕНК. Котажка). По ма́тери называ́ли — в Исто́миной бы́л Михаи́л То́ничь — ма́ть Антони́ной зва́ли (ШЕНК. Ямская Гора). У йе́е оцё́ва ма́ть, а мое́й ма́тери ма́ть — то сё́стры бы́ли (УСТЬ. Синики). У зе́тя ма́тери не́ту, ма́ть-то Га́ля, вот они́ де́воцьку на́звали Га́лей (ПИН. Ёркино).

- до́чери > дочь: До́чери-то, зашуми́т ['начнет ругаться'] a фсё до́ць, моло́тка-то и́ош челове́к (ЛЕШ. Шегмас).
- ма́тери > ма́ти: У ма́тери ма́ти сто годо́ф жыла́ (УСТЬ. Строевская). Ма́ти помрё́ — дак ма́тери прицита́йеш, та́к фсё скра́ю, оте́ць — так оте́ць (ПИН. Ёркино).
- дочери > дочи : У доцери доци уж взамуш вышла (В-Т. Вершина).
- ма́тери > ма́терь: У ма́тери ма́терь она ста́рой ве́ры-то (ПИН). Ольгу́шэй ма́терь зва́ли, Ольгу́шычь по ма́тери зва́ли (КРАСН. Верхняя Уфтюга).
- до́чери > до́черь: Жыла́ у до́цери, вод до́церь-то прийе́хала (ВИН. Сельцо). До́черь тут недале́ко жыве́т, так у до́цери (ШЕНК. Ямская Гора). А до́цери-то две́ ушли́ вза́муш, одна́ до́церь оста́лась (ЛЕШ. Усть-Нявта).

В то же время формы ма́тери и до́чери (Р., Д.-П., И. мн.) могут объединяться в одном контексте не только с начальной формой ма́ти / ма́ть / ма́терь (дочи / дочь / до́черь) — но и с другими лексемами со значением 'родная мать':

- ма́тери ~ ма́ма: Ба́бушка ф Ку́чькасе жыла́, по ма́тери ма́ма (ПИН. Нюхча). По ма́мы ма́терь (ПИН. Кеврола).
- ма́тери ~ ма́мушко: Мы́ у ма́тери одни́ росли́, ма́мушко умерла́ в во́семьдесяд два го́да, она́ без мужыка́ жыла́ (ЛЕШ. Березник).
- ма́тери ~ ма́тка: Ма́тка-то умерла́, вот ба́тька ожэни́лся на ма́тери (ПРИМ. Нёнокса). У ма́тери они́ обита́юця, кака́ ма́тка, така́ и замя́тка, не на́ми ска́зано (ПИН. Веркола).
- ма́тери ~ ма́тушка: Йе́сли не́т оцца́ и ма́тери, то неве́ста иде́т в большо́й у́гол и причита́йет: «Не́т ро́дна ма́тушки, ба́тюшки» (ХОЛМ. Копачѐво).
- дочери ~ доча: Доца да у доцери сынок (ЛЕШ. Вожгора).

Наблюдается сохранение архаического окончания -е в Р.:

Р. Од доци-то две девоцьки не знаю, ф къкой кlас-от оне ходили, матере-то уш не мене ['poctom']. Йиздит на тракторе и на машыне — машына у матере-то къг заведена, смоя (ВИЛ. Павловск).

Там у **доцере** походя я фсё тамоко (ВИЛ. Павловск).

Окончание -e в Д. ($m\acute{a}mep\underline{e}$) мы склонны считать ориентацией на 1 скл.:

Д. Надо матере в ноги поклонице (КОН. Вельцы). Утону́л двою́родный бра́т, опя́ть к матере схоро́нен (ВИЛ. Тырпасовская). А матере-то фсё не хоте́lося дели́ть-то йи́х, дели́ця да. А матере-то гля́нецца шы́пко. И во́т он фсё ровно́ йейо́ ladóм-то не пригlacúў, ба́ба-то wеть не на́до дак, ну́, она́ пожы́а-пожы́а да и уйе́хаlа, — а мати йе́сь, ну во́т, к матере (ВИЛ. Павловск).

Дочи йесь, дак и себе достанеца да дочере (КРАСН. Пермогорье).

Обращает на себя внимание перенос ударения с корня на суффикс в пределах парадигмы склонения слова $\partial \acute{o}u$. Так, наблюдаются варианты:

- Р. дочери, дочере, дочери, дочери;
- Д. дочери, дочере, дочере, дочери.

(Примеры с формами дочери и дочере в Р. и Д. см. выше.)

- **Р.** Лю́тки жывё́т, у доцери́ (ЛЕН. Тохта).
- Р. У доче́ри-то йе́сь парене́к ['сын'] (КАРГ. Ошевенск). Она́ у доче́ри (ПЛЕС. Першлахта). Опа́ть прийе́хано у доце́ри, ма́ть в ба́ню пово́де. Две доште́ри. Йе́йной доце́ри, йе́й вну́ка родна́я. Не́ту у меня́ доче́ри (КАРГ. Ухта).
- Д. Дочи йесь у меня, г дочере́ ушла́. Она́ на Ны́Іогу-то йешшо́ ця́сто хо́дид г доцере́-то. Хоте́Іа доцере́-то показа́ть, я ф цё́м ходи́Іа (ВИЛ. Павловск). Она́ г доцере́ перешла́, до́м-от продала́. Доцере́ свойе́й-ту говори́ла. Пошто́ жэ она́ г доцере́ идё́т? Не идё́т ишшо́ г доцере́-то та́мока? (ШЕНК. Верхопаденьга). Доцере́ справля́ла, дак и ко́ньцилась ['умерла'] (УСТЬ. Березник). Ни одной доцере́ пlа́тьйишка-то не потхо́дят (УСТЬ. Строевская). Продала́ до́м-то Мари́ниной-то доцере́ (ЛЕН. Суходол).
- Д. А нонь дочери ходу не дайот (ПЛЕС. Горка).
- И. мн. Доцери не пишут (КАРГ. Лёкшмозеро).

Все случаи с ударением на $-\acute{e}p$ - (Р. $\emph{доч\'e}pu$, Д. $\emph{доч\'e}pe$, В. $\emph{доч\'e}pゅ$, И. мн. $\emph{доч\'e}pu$) мы отнесли к начальной форме $\emph{доч\'e}pя$, зафиксированной и в И. п.:

А́нны Олексе́йевны, гли́-ко, **доце́ря** (ПЛЕС. Поромское). О́т прийе́дет **доце́ря** от (ОНЕЖ. Пурнема). Тýт э́та **доце́ря** вот, туд зе́ть, тут вну́к (КАРГ. Архангело).

Формы *ма́терь*, *до́черь*, регулярные в В., могут использоваться и в И. Происходит выравнивание парадигмы, исчезают чередования, нерегулярное склонение стремиться к стандартному 3-му:

Как пра́зничёк, ма́терь не дайо́т поспа́ть (МЕЗ. Долгощелье). Оте́ц да ма́терь не пусти́ли в до́м (МЕЗ. Сояна). Пошторы́ су́тки иска́ла ма́терь своі́о, пото́м пришо́л отве́т: ва́ша ма́терь лежы́т в больни́це, где поко́йники (ЛЕН. Рябово). Позо́рно бы́ло зауго́лка принесьти́. А тепе́рь зауго́лкоф нано́сят — ма́терь с оццё́м води́сь, принесу́т и фсё́, куда́ де́нессе?! (ХОЛМ. Чёлмохта).

Жыла́ у до́цери, вод до́церь-то прийе́хала (ВИН. Сельцо). До́черь тут недалё́ко жывё́т, так у до́цери (ШЕНК. Ямская Гора). До́церь бума́гу жале́йе, ницего́ не пи́шэт (ВИН. Заостровье). Буржу́йом до́церь была́ (ШЕНК. Шеговары). До́черь роди́ла ма́льчика (ВЕЛЬ. Судрома). У Шу́рки до́черь отошла́ от мужыка́-то (КРАСН. Верхняя Уфтюга). И у нейо́ до́черь, и у меня́ до́черь — подру́ги бы́ли (ШЕНК. Котажка).

Среди АГ не зафиксированы говоры, в которых эта форма была бы для И. п. единственной. География употребления формы *ма́терь* (*до́черь*) в И. п. достаточно широка и практически совпадает с географией употребления слов *ма́ти*, *мать* (*до́чи*, *дочь*). Иногда вариативность проявляется в одном контексте:

Ма́ти-то оцсіодова, из э́того до́му, а я́ зьде́сь. И́хна-то ма́терь, Ю́рке-то (ПИН. Ёркино). И до́ци кака́я, ма́терь созваlа йе́дак, ма́ти созваlа́ йе́дак (ВИЛ. Павловск).

Доцерь йесь и не возьму́т, до́ци йе́сь (ШЕНК. Верхопаденьга). До́церь йесь А́нна, до́ци (ЛЕШ. Юрома).

Выравнивание парадигм может происходить не одновременно, в одном контексте встречаются *мать* и $\partial \acute{o}$ черь:

Ма́ть — по де́тям, жена́ — по му́жу, **до́черь** — по **ма́тери** [причитают]. (ПИН. Шардомень).

- **4.** Как только архаические формы *ма́ти*, *до́чи* заменились формами *мать*, *до́чь*, появилась тенденция к выравниванию парадигмы по регулярному 3-му склонению не только в случаях *ма́тери* > *ма́терь* и *до́чери* > *до́черь*, но и для случаев *мать* > *ма́ти*, *до́чь* > *до́чи*. Нулевое окончание в И. = R. (*мать*, *до́чь*) противопоставлены окончанию -R в R. = R. = R. мн. (*ма́ти*, *до́чи*):
  - Р. Он у ма́ти-то нагу́льной, ма́ти пья́нь (МЕЗ. Бычье). У ма́ти бы́ло дете́й мно́го (ВИН. Заостровье). Так у ма́ти оди́н сы́н да одна́ доця́, так са́мы любы́ де́ти (ЛЕШ. Койнас).
    - А у сестры-то, у сестры-то уж доци выдана да, да у доци уш па́рень йе́зь да (ВИЛ. Павловск). Доци нет, а неве́ска неве́ска и йесь, цюжо́й целове́к (МЕЗ. Бычье). Жыве́т у до́ци (ПИН. Веегора). Нигде́ никого́ не́ту, ни дете́ныша, ни до́ци (КАРГ. Волосово).
  - Д. Надо мати подарок да доци подарок вот сколько сlавно (ВИЛ. Павловск). Я сказала мати, што жалица не пойду, йесли не зажывём [с мужем]. Воды сходила наносила с колоца в байну, помогаю хорошо, помогаю мати (МЕЗ. Бычье).
    - Γ до́чи она́ йе́здит фсе́ (МЕЗ. Баковская). Прийе́хала г до́ци (УСТЬ. Бестужево). Γ до́ци иду́, на́ть понаве́дать (МЕЗ. Бычье). Стари́нна у меня́ ико́ночька, я́ йейо́ до́чи оддала́ (ПРИМ. Нёнокса).
  - П. На йейной доци-то жэнился (КАРГ. Ошевенск).
  - И. мн. А те сы́ны, до́чи (ВИЛ. Тырпасовская). Ма́мушки ска́жут: ка́к там на́шы до́чи? (В-Т. Тимошино). А э́то йе́йны туд до́ци да сыновья́ со сво-има́ до́цьками (ПИН. Явзора). На посе́лки до́чи жыву́т, ма́ти умерла́ (ПИН. Чакола). Э́вонде у меня́ до́ци не опуска́ют (ШЕНК. Верхопаденьга). В Москве́ до́ци жыву́т (КРАСН. Верхняя Уфтюга).

Для лексемы *мать* новая форма Т. п. пока не зафиксирована — т. е. пока не встретились формы **ма́тью* или даже **ма́тей* — с ориентацией на 1 склонение. Но имеется форма нового Т. $\partial \acute{o}$ чью:

3 дя́ди Ми́шыной до́чью (ХОЛМ. Сия).

Т. е. слово *дочь* имеет полную парадигму, характерную для стандартного 3-го склонения:

И. дочь, Р. дочи, Д. дочи, В. дочь, Т. дочью, П. дочи, Зв. дочь

Слово *до́ча* в АГ также следует признать вполне самостоятельной лексемой, оно зафиксировано в ед. ч. во всех падежах, надежно отличающих 1 скл. от 3-го:

И. доча, В. дочу, Т. дочей, Зв. доча.

Падежи Р.-Д. не принимаются во внимание, т. к. в 1-м и 3-м скл. Р. п. совпадают, а Д. п. в 1 скл. часто имеет окончание [-и] либо из-за рефлекса «старого ятя», либо у слов с мягкой основой в системе, когда P = I.

- **И.** До́ця-то прийедет, дак ницево́, а до́ци не́т, дак пло́хо (ЛЕН. Рябово).
- В. Я тожэ доцю изругала (ВИЛ. Селяна).
- Т. А Пе́тя за мной зза́ди стойит, я говоріо: Поздравля́ю тебя́ з до́чей (МЕЗ. Бычье). А́нька умерла́, ты́ у меня́ бу́деж до́чей (ПРИМ. Нёнокса).
- **Зв.** До́чя, жыви́ у одны́х хозя́йеф. ПРИМ. Зимняя Золотица. Вот та́к, дорога́я до́чя (ХОЛМ. Сия).

Слово *мать* имеет неполную парадигму 3-го склонения: не хватает стандартной формы Т. п.

Новой формой для Т. п. оказалась форма мати:

До́ци с **ма́ти** венико́ф мне привезли́-то (МЕЗ. Долгощелье). Спе́рва с **ма́ти** пи́ли (ЛЕШ. Вожгора).

Имеются примеры, в которых падеж интересующей нас словоформы не вполне ясен (Т.? И.?):

[Родную мать] — мамка, а было вре́мё до е́тово — ма́терью зва́ли, ма́ти. Ма́тушкой зва́ли да ма́ти [свекровь] (ВИН. Заостровье).

Таким образом, словоформа *ма́ти* зафиксирована в И., Р., Д., В., Т. и в И. мн. Тем не менее в нашем материале не встретился говор, в котором бы слово *ма́ти* оказалось несклоняемым.

Имеются примеры ориентации 3-го (или особого) склонения на парадигму 1 склонения:

- И. А тожэ одна матя оцца-то не было. Так вот бабушкина-то мать и выжыла (КАРГ. Архангело).
- **В.** Мы́ боя́лись **ма́терю** (ХОЛМ. Сия). Он к тебе́ приста́нёт (привыкнет), меня за **ма́терю** не бу́дет щита́ть (МЕЗ. Погорелец). **Ма́терю** при́дут зва́ть, **ма́терь** зва́ть бу́дут кла́няца [о свадьбе]. (ЛЕШ. Вожгора).
- **Т.** Мальчи́шко с **ма́терей** ушо́л. Вну́чек с **ма́терей** не ле́зёт и спа́ть (ШЕНК. Поташевка).

Как видно из примеров, формы ма́тя, ма́терю иногда выглядят еще «случайными», окказиональными. В первом примере с И. п. форма ма́ти соседствует с формой мать, в последнем примере на В. п. форма ма́терю «подправлена» синонимичной формой ма́терь. И. п. *ма́теря не встретился.

Мы представили сводную таблицу склонения лексем со значением 'мать' и 'дочь' для слов с нерегулярным типом склонения (мámu, dóчu), с тенденцией к стандартному 3-му (mámepb, dóчepb и mamb, doчb) и стандартному 1-му (mámg и dóчa, doчépg).

	1 скл.		3 + особое скл.		MH	мн. ч.	
	мать	дочь	мать	дочь	мать	дочь	
И.	ма́тя	до́ча, доче́ря	ма́ти, ма́ть, ма́терь	до́чи, до́чь, до́черь	ма́тери, матеря́	до́чи, до́ча, до́че́ри, дочерья́	
P.		до́чи, доче́ри	ма́тери, ма́тере, ма́ти	до́чери, дочери́, до́чере, до́чи	матере́й	дочере́й	
д.		<i>доче́ре</i> [доч'е́р'и]	ма́тери, ма́тере, ма́ти	до́чери, до́чере, дочере́, до́чи	матеря́м	дочеря́м	
B.	ма́терю	до́чу, доче́рю	ма́терь, ма́ти, мать	до́черь, до́чи, дочь	матере́й	дочере́й	
Т.	ма́терей	до́чей	ма́терью, ма́ти	до́черью, до́чью	матеря́ми	дочеря́ми	
П.			ма́тери	до́чери, до́чи		дочеря́х	
Зв.		до́ча, доче́ря	ма́ти, ма́ть, ма́терь	до́чи, дочь, до́черь			

Однако в настоящее время ни в одном отдельно взятом архангельском говоре не встречается какая-то одна парадигма: архаическая или новаторская. Очень высока омонимия – когда одна и та же словоформа обслуживет несколько падежей. Для всех падежей в рамках «нерегулярного» склонения сосуществует несколько синонимичных форм, в том числе для именительного, что затрудняет подачу примеров в словаре.

Список сокращений районов Архангельской области:

B-T.	Верхнетоемский	ЛЕШ.	Лешуконский
ВЕЛ.	Вельский	ME3.	Мезенский
ВИЛ.	Вилегодский	нянд.	Няндомский
ВИН.	Виноградовский	ОНЕЖ.	Онежский
КАРГ.	Каргопольский	ПИН.	Пинежский
КОН.	Коношский	ПЛЕС.	Плесецкий
КОТЛ.	Котласский	ПРИМ.	Приморский
КРАСН.	Красноборский	УСТЬ.	Устьянский
ЛЕН.	Ленский	ХОЛМ.	Холмогорский
		ШЕНК.	Шенкурский

Мархье Пост

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОДЧИНЕННОСТИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Большинство описаний синтаксиса полипредикативных высказываний в русских говорах строится по образцу описаний грамматической системы литературного языка. Однако спонтанная русская диалектная речь строится по иным принципам, нежели литературный язык. В диалектной речи отношения между предикативными единицами далеко не всегда выражаются при помощи сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, и подчинительные союзы встречаются редко.

В данной статье излагается, какие альтернативные способы для выражения отношения подчиненности существуют в диалектной речи. Вопервых, в диалектной речи широко представлено бессоюзие, так как устная коммуникация далеко не всегда нуждается в эксплицитных лексико-грамматических показателях связанности, которая, как правило, уже выражается при помощи просодических средств. Во-вторых, как справедливо пишет С. К. Пожарицкая, в русской диалектной речи «не только союзы, но и частицы осуществляют коннексию фрагментов текста в полипредикативном единстве, связанном единством темы» [Пожарицкая 1997: 126]; [Пожарицкая 2005: 175]. Значения самых распространенных диалектных служебных слов отличаются диффузностью; они полисемантичны и полифункциональны [Пожарицкая 1997: 126]; [Пожарицкая 2005: 175]. Самым известным примером такого полифункционального коннектора является севернорусское слово дак, которое обычно занимает последнее место в синтагме или высказывании 1. Предпринималось множество попыток определить частеречную принадлежность данного слова исходя из синтаксических категорий литературного языка. Севернорусское дак называется и союзом, и коррелятом (или соотносительным словом), и модальной частицей. Ниже предлагается новый анализ слова дак, согласно которому оно рассматривается как прагматическая частица, играющая роль показателя связей между выраженными или имплицитными ментальными единицами.

Прежде чем приступить к изложению в подробностях диалектных способов выражения межпредикативных связей, следует сосредоточиться на терминологии. Важно отличать семантическую подчиненность от грамматического подчинения, а также семантическую сочиненность от грамматического сочинения. Передаваемая мысль не всегда соответству-

[«]Экзотическому», по словам М. Н. Преображенской [1985], севернорусскому словечку дак посвящены многочисленные работы, в том числе докторская диссертация [Post 2005]. Подробные обсуждения прежних описаний данного слова см. в [Пост 2002]; [Post 2005].

ет синтаксическому строю конструкций. Например, между двумя предикативными единицами, которые синтаксически соединяются сочинительным союзом, могут существовать отношения подчиненности на семантическом уровне. Отношения взаимозависимости между мыслями, представленными в предикативных выражениях, далеко не всегда выражаются вербально, как показывает следующий придуманный пример:

 Наконец я приехала домой, вошла в кухню, а мужа нет! Он уже лег спать. Устал.

Говорящий рассказывает о череде событий, между которыми существуют разные отношения, такие, как временные и причинно-следственные. Эти отношения также могут быть выражены с помощью подчинительных конструкций, как в варианте 1':

1'. Когда я наконец приехала домой, я, войдя в кухню, не застала мужа, потому что он уже лег спать, из-за того что устал.

Однако и без такого четкого указания характера связей слушающий понимает смысл высказанного, включая их взаимоотношения. Люди понимают друг друга и без сложных конструкций, содержащих более или менее излишние показатели связей.

Во многих языках подчинительные и сочинительные союзы, знакомые нам по русскому литературному языуа, вообще отсутствуют. Такие языки обходятся без таких слов, как u, μ 0, μ 0

Во многих языках и диалектах такие отношения, как семантическое сочинение и подчинение, если они вообще выражаются какими-то лексико-синтаксическими средствами, выражаются при помощи наречий, частиц и деепричастий. Во время разговора происходит обмен и актуализация большого количества информации. Только часть этой информации выражается эксплицитно. В неподготовленной речи большая часть актуальной информации вообще не выражается словесно, а лишь предполагается или имплицируется. В этом отношении Р. Карстон [Carston 2002], работающая в традиции теории релевантности [Sperber, Wilson 1986], говорит о неопределенности или недостатке определенности речи (indeterminacy и underdeterminacy). Неопределенность широко представлена в спонтанной речи и относится также к отношениям между

² Выражение «underdeterminacy», а тем более его перевод «недостаток определенности», имеет отрицательный оттенок, хотя несомненно, что в устной речи степень определенности обычно достаточна для успешной коммуникации.

предикативными единицами — таким, как причинным, уступительным и т. д. Ниже приводятся наглядные примеры того, что семантический характер таких связей не обязательно передается при помощи экплицитных лексико-грамматических средств.

Это явление совсем не ново. Уже в начале XX века В. Мансикка заметил, что в речи русских крестьян «[въ] построеніи предложеній наблюдается простота и краткость. Отрывистая ръчь крестьянина обходится безъ придаточныхъ и вводныхъ предложеній» [Мансикка 1914а: 168]. Две части сложной мысли просто выражаются одна за другой, без всяких синтаксических или лексических указаний на их взаимоотношение. Вот несколько примеров из работ [Мансикка 1912]; [Мансикка 1914а]; см. также [Мансикка 1914б]:

- 2. У нас баба, помёрла нонь-то, знала эты слова. (Кар. / Арх., [Мансикка 1914а: 168])³
- 3. Простудиўся быў, лес возиў. (Арх., [Мансикка 1912: 140])
- 4. *Я стритиў ево, едет мимо.* (Арх., [Мансикка 1912: 140])

Нет ничего странного в том, что синтаксическое подчинение намного менее употребительно в диалектах, на которых говорят малообразованные бабушки и дедушки, чем в речи вышеобразованных людей, говорящих на нормированном, литературном языке, и тем более чем в напечатанных текстах. Тогда как В. Мансикка в своем материале все же отмечал случаи употребления подчинительных союзов, В. И. Трубинский отметил, что в исследованном им пинежском говоре подчинительные союзы на самом деле почти отсутствуют [Трубинский 1984].

Важно помнить, что в устной речи огромную роль в выражении связанности кусков текста выполняет просодия. Уже в 40-е годы А. Б. Шапиро осознал, что «трудно настаивать на том, как и на другом истолковании без учета интонации и ритма, с какими они были произнесены» [Шапиро 1949: 91]. Даже если специализированные лексические или синтаксические показатели отсутствуют, связанность между частями высказывания выражается с помощью просодических средств — деления звукового потока на части, размещения акцентных выделений и выбора мелодических акцентов.

Как упоминалось выше, вместо союзов в говорах (особенно севернорусских) часто употребляются недифференцированные, полифунциональные частицы типа ведь, то, так, вот, дак и да. Отношения выражаются не конкретно, а лишь в общих чертах (см. [Евтюхин 1979]). В севернорусских говорах просодические средства являются менее выразительными, чем в других русских говорах и литературной речи [Пауфошима 1983]. Поэтому исследователи-фонетисты предлагают интересную

_

 $^{^{3}}$ В примерах, взятых из работ других авторов, сохраняется их транскрипция.

теорию о том, что обилие в севернорусских говорах «избыточных» слов, как -то, да, дак и вот даже в конце фраз не случайно совпадает с отсутствием ясных просодических конечных границ фразы. Частицы, возможно, компенсируют отсутствие четких просодических границ и играют роль пограничных сигналов [Пауфошима 1983: 18]; [Никитина, Пожарицкая 1993: 156–158]; [Пожарицкая 1997: 128]⁴. С. К. Пожарицкая предполагает, что дак может выполнять разные функции одновременно: функцию показателя конечной границы синтагмы и функцию коннектора с неопределенной семантикой [Пожарицкая 1997: 128]; [Пожарицкая 2005: 177]. Впрочем, согласно ниже предлагаемому анализу коннектора дак, его семантика является не совсем неопределенной.

Перейдем к более подробному описанию двух из самых известных частиц с недифференцированным значением — севернорусским частицам ∂a и $\partial a\kappa$ [Post 2005]:

- 5. кормят да поят да (ДАРЯ, карта № 10)
- 6. Она давно не роботат, больна дак (АОС, том 10)

Слово ∂a выражает семантическую сочиненность, например при соединении однородных членов в перечислении, как в данном примере (ср. [Лейнонен, Лудыкова 2001]; [Post 2005]). Частица ∂a пользуется для симметрического связывания элементов на одном уровне [Post 2005], а $\partial a \kappa$ употребляется в контекстах с отношениями семантической подчиненности и ассиметрии. В примере № 6 «больна» представляет причину того обстоятельства, что женщина не работает. В учебнике по русской диалектологии [Пожарицкая 1997]; [Пожарицкая 2005] С. К. Пожарицкая с полным основанием замечает, что $\partial a \kappa$ является едва ли не универсальным союзным средством в структурах с подчинительной связью ^{5} . В. И. Трубинский отмечает — в той же статье, где сказано, что в исследованном им пинежском говоре почти отсутствуют подчинительные союзы — что на месте подчинительных союзов в этом говоре очень часто пользуется комбинация служебных слов mo и $\partial a \kappa$, как в следующем высказывании:

7. С Ле́нин **то** града прие́дут у́тром ф Шо́тову Го́ру, **дак** ве́чером все́ зна́ют. Пин. Арх [Трубинский 1984]

В данной структуре слова *то* и $\partial a\kappa$ лишь в общих чертах указывают на то, что есть отношения зависимости между предикативными единицами. Из этого не следует, что $\partial a\kappa$ является подчинительным союзом в обычном, синтаксическом понимании этого термина. Это лишь означает, что слово $\partial a\kappa$ употребляется в контекстах таких семантических отношений, которые в литературном языке часто выражаются с помощью подчинительных союзов. Это слово имеет более общую функцию и значе-

.

⁴ Данный вопрос обсуждается подробно в [Post 2005].

Вместе с близким ему по значению ак [Пожарицкая 2005: 176].

ние, чем союзы литературного языка. Дак не является союзом в синтаксическом смысле, например, потому, что это слово, в отличие от подчинительных союзов и наречий, всегда занимает одно и то же место по отношению к выражениям, которые оно соединяет. К тому же частица ∂ak никогда не является синтаксически или семантически обязательным словом и может употребляться одновременно с союзами.

Согласно анализу, представленному в диссертации, посвященной этому слову [Post 2005], слово дак является типичным примером дискурсивной, или прагматической частицы (pragmatic particle; [Foolen 1996]). Прагматические частицы не могут быть ударными. Они никогда не являются обязательными, ни грамматически, ни семантически. Однако они облегчают коммуникацию, указывая на то, как помеченное выражение относится к контексту (в широком смысле), или на отношение говорящего или слушателя к его содержанию [ср. Foolen 1996]. Дак обладает первой из этих двух функций, т. е. фунцией указывания на то, как высказывание относится к другой известной, доступной, актуализованной информации. Далее речь пойдет о том, в чем именно заключается эта фунция, а также будут приведены примеры данного слова в разных контекстах.

Словечко $\partial a\kappa$ употребляется в различных семантических контекстах и в разных позициях в высказывании: в начале, в конце и внутри высказывания, а именно в позиции между двумя синтагмами. В имеющейся литературе о слове $\partial a\kappa$ дается много примеров возможных контекстов, в том числе, в Apxanzenbckom областном словаре $(AOC)^6$ и в статье Ю. В. Шуйской [Шуйская 2002], где автор показывает, что слово $\partial a\kappa$ играет роль в дискурсе. Ниже даются некоторые примеры из говора д. Варзуга Терского района Мурманской области, начиная с примеров употребления частицы $\partial a\kappa$ в начальной позиции:

8. **Дак** вот так, но еще чево тебе надо-то? (д. Варзуга, Терск. р-н Мурм. обл.)⁷

В следующем высказывании $\partial a \kappa$ употребляется в позиции между двумя фонетическими синтагмами: ⁸

9. А холодный ветер дак север.

А в десятом примере дак заканчивает высказывание:

10. Ко мне никого... этих батюшков, не зовите. Умру дак.

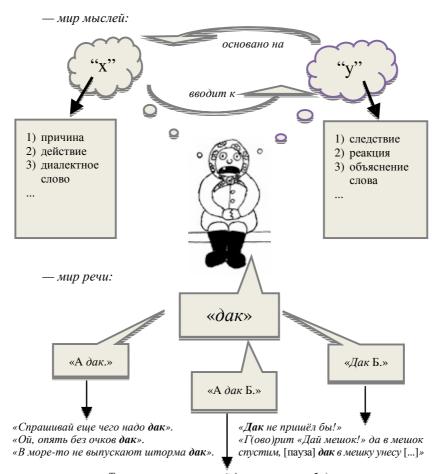
Автор статьи о слове $\partial a \kappa$ в АОС (том 10) — Е. А. Нефедова.

Все остальные примеры тоже взяты из записей говора д. Варзуга (Тер. Мурм.). Они даются в орфографической записи. Звуковые файлы к варзужским высказываниям доступны через сайт http://www.uib.no/personer/Margje.Post.

Если определить фонетическую синтагму как речевой такт, то частица *дак* является частью одной из синтагм, как правило, первой; ср. сноску 10 ниже. Во всяком случае, частица является пограничным сигналом и в просодическом смысле, по крайней мере в говоре Варзуги; см. [Post 2005].

Схема, представляющая соотношение между мыслями и высказываниями при употреблении частицы дак, с примерами из говора д. Варзуга (Терск. Мурм.)

(Автор рисунка бабушки — Давид Пинеда)

«Так, еще чего спрашивай дак я отвечать буду».

«Убил дак убил, не убил дак пропала».

«А пото́м дак в избе́ досу́шивают».

«Ша́ньги с моро́шкой дак оне́ моро́шечники называ́лись».

Согласно результатам анализа употребления слова дак в севернорусском говоре д. Варзуга [Post 2005], частица дак всегда выражает одно и то же основное значение во всех позициях и контекстах. Это общее значение частицы дак состоит в следующем. Частица дак свидельствует о существовании асимметричного отношения между двумя ментальными единицами x и y, где x является основой некоторой мысли, пропозиции или утверждения y. Другими словами, $\partial a\kappa$ маркирует «x $\partial a\kappa$ y», где x вводит y, а y основывается на x (см. схему). Данное описание напоминает о «зависимой» и «главной» частями в статье Е. Н. Никитиной и С. К. Пожарицкой [Никитина, Пожарицкая 1993].

 $\mathcal{A}$ ак маркирует — а не выражает — отношения между такими информационными единицами, как условие и действие, причина и следствие, указание места и отличительный признак этого места, между диалектным словом и его объяснением (см. прямоугольники под мыслями «х» и «у» на схеме).

В литературном языке отношения, о которых сигнализирует частица $\partial a\kappa$, выражаются разными синтаксически и семантически специализированными словами. $\mathcal{A}a\kappa$ имеет более общее значение. Согласно представленному выше анализу, слово $\partial a\kappa$ само по себе не выражает эти отношения, оно лишь указывает на существование такого рода отношения. Какое именно отношение имеется в виду, следует из контекста или остается неопределенным. Степень «полезности» слова $\partial a\kappa$ — или его «излишности» — зависит от того, насколько то скромное значение, переданное частицей $\partial a\kappa$ — « κ вводит к κ » — уже известно из контекста, без помощи вспомогательной частицы $\delta a\kappa$.

Лишь одна из двух ментальных единиц x и y должна быть выражена. Этим объясняется вариативность в позиции слова $\partial a\kappa$ в высказывании. Это наглядно показывает следующая пара примеров. Первый пример уже приводился выше:

11. Так, еще чего спрашивай дак я отвечать буду.

Второй пример очень схож с первым. Он отличается только тем, что в нем вторая часть сложной мысли не выражается. Оба высказывания были на самом деле произнесены одной и той же диалектоносительницей:

12 Но кого, спрашивай еще чего надо дак.

В примере № 13, как и в предыдущем примере, говорящий посредством употребления частицы *дак* имплицирует, что он(а) будет отвечать. Данное истолкование было подтверждено другим диалектоносителем⁹. Данное высказывание представляет собой не только приглашение собеседника к тому, чтобы задавать вопросы, но приглашение с импликацией — с указанием на следствие этих вопросов. В следующем примере также отсутствует вторая часть:

13. Ой, опять без очков дак.

У К сожалению, удалось задать вопрос об истолковании данного высказывания только одному жителю Варзуги.

Частица $\partial a\kappa$ имплицирует следствие из высказанной мысли — в данном контексте тот факт, что говорящий плохо видит показываемые им фотографии. Собеседники легко понимают это из ситуации. Употребление частицы $\partial a\kappa$ здесь, как и везде, необязательно, но присутствие частицы облегчает для слушателей истолкование высказанного. Смысл выражения без $\partial a\kappa$ было бы менее ясным:

13'. Ой, опять без очков.

Выражение «опять без очков» может служить самостоятельным утверждением, а присутствие слова $\partial a\kappa$ показывает эксплицитно, что это выражение служит основой для другой мысли.

Вербальное представление единицы x, т. е. основы — А, а выражение единицы y, т. е. утверждения, — Б. Как сказано выше, А или Б может отсутствовать. Другими словами, возможны конструкции типа «А $\partial a\kappa$ Б», «А $\partial a\kappa$ » и «Дак Б» (см. схему). Частица $\partial a\kappa$ всегда является клитикой, что означает, что слово $\partial a\kappa$ не может быть ударным и подчиняется просодически левому или правому контексту:

- энклитическое дак (A_дак) имплицирует какую-то следующую за высказанной (в выражении A) мысль;
- *проклитическое дак (дак_Б)* имплицирует, что высказанное (в выражении Б) основывается на какой-то известной, доступной информации.

Предложенное описание частицы $\partial a\kappa$ дает наглядное представление о том, что коннективные слова связывают не только лингвистические выражения, но и невысказанные, ментальные элементы, которые играют важную роль в спонтанной, нестандартной речи, в которой далеко не вся обмениваемая информация нуждается в эксплицитной выражении.

В заключение уместно подчернуть, что в неподготовленной речи, а особенно в спонтанной диалектной речи малообразованных носителей языка, большая часть той информации, которая передается во время разговора, не выражается вербально. Слушатель все равно понимает смысл, а если нет, то он(а) может спросить объяснения, чего читатель напечатанного текста не может.

К тому же, многое выражается менее эксплицитно чем в литературном языке, а лишь в общих чертах, например, с помощью недифференцированных частиц, как дак в севернорусских говорах. Классификация предикативных единиц, по образцу письменного литературного языка, на сложноподчинненные и сложносочиненные предложения плохо подходит к описанию диалектных языковых систем. Следующие примеры (14–15) наглядно показывают, что такая классификация часто является сложной, и, на мой взгляд, бессмысленной:

14. Так, еще чего спрашивай дак я отвечать буду.

Данное высказывание можно перевести на литературный язык разными конструкциями:

- 1) с помощью бессоюзной конструкции:
- 10' Спрашивай еще, я отвечать буду.
- 2) с помощью сложносочиненного предложения с сочинительным союзом:
  - 10"Спрашивай еще и я буду отвечать.
- 3) с помощью сложноподчиненного предложения с подчиненным союзом:
  - 14‴ Если ты еще спросишь, то я отвечу.

А куда отнести диалектную конструкцию, не ясно: это сложносочиненное или сложноподчиненное предложение? В примере № 15 хозяйка рассказывает о старом доме, куда они с братьями раньше ходили в школу. Она объясняет диалектологу, о каком доме идет речь:

15 — А вот, там, <u>мимо вы шли</u> **дак**, <u>окна забиты</u>, этот Петр Прокопьевич будет ремонтировать да, сказал... это, музей будет там.

Предикативная единица в синтагме ^{10} «Там мимо вы шли дак» может соответствовать как сложноподчиненному предложению (15a′, 15a″), так и сложносочиненному предложению (15a″):

15а «мимо вы шли»:

15а′ Там, где вы шли мимо (подчинение)

15а" Там, мимо чего вы шли (подчинение)

15а" Там, вы там шли мимо (, помните?) (сочинение)

Во втором случае предикативная конструкция является утверждением, а не придаточным предложением, как в первом переводе. А следующая синтагма в данном примере — выражение «окна забиты» — уже совсем не соединяется лексическо-синтаксическим способом с остальным частями высказывания, даже не с помощью частиц. Эту синтагму можно перевести как обстоятельство с придаточным предложением (15б'), а также как сочиненное утверждение (15б'):

15б «окна забиты»:

15б' там, где окна забиты (подчинение)

15б" окна там забиты (сочинение)

Данные примеры показывают, что подобные неопределенные, совсем краткие диалектные конструкции не входят в грамматическую сис-

¹⁰ Для данной статьи несуществен вопрос о том, является ли частица дак частью предикативной единицы или только следует за ней — ответ на этот вопрос зависит, среди прочего, от определения термина «предикативная единица»; ср. сноску 8. Частица дак здесь определяется как часть фонетической синтагмы, так как на просодическом уровне она почти всегда является энклитикой, будучи последним словом речевого такта.

тему с бинарной оппозицией сочинения и подчинения ^{11} , потому что разница между ними грамматически не выражается. Главный смысл выражается и без этого. К тому же, севернорусские говоры обладают свообразным средством для того, чтобы сигнализировать о тождестве отношения сочиненности и подчиненности, — частицами ∂a и $\partial a \kappa$.

В. Е. Гольдин пишет, что «[в]ыражение сочинительных отношений (присоединение, соединение, сопоставление), как известно, решительно преобладает в диалектной речи над выражением причинно-следственных, условных и других отношений подчинительного характера» [Гольдин 1998: 46]. Это, конечно, правильно в грамматическом смысле, в том смысле, что в говорах редко употребляются такие бесспорные показатели грамматического подчинения, как подчинительные союзы. Однако диалектоносители, также как и другие русские, передают мысли с отношениями подчиненности, прекрасно обходясь без конструкций с грамматическим подчинением. На севере России развились особые частицы, как ∂a и $\partial a\kappa$, выполняющие роль показателей семантической сочиненности и подчиненности.

Библиография

- АОС Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Том 10. Москва, 1999.
- Гольдин 1998 *Гольдин В. Е.* Заметки *о частице «вот»*. Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998.
- ДАРЯ Диалектологический атлас русского языка, выпуск III, часть 2. Синтаксис, лексика. М., 2004.
- Евтюхин 1979 *Евтюхин В. Б.* Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц. Севернорусские говоры, 3. Л., 1979.
- Лейнонен, Лудыкова 2001 *Лейнонен М, Лудыкова В*. Конечное слово *да* в коми языке с ареально-типологической точки зрения // Suomalais-ugrilaisen seuran aukakauskirja. 89. 2001.
- Мансикка 1912 *Мансикка В.* О говоре шенкурскаго уезда архангельской губернии // Известия отделения русскаго языка и словесности императорской академии наукъ. XVII. 2. 1912.
- Мансикка 1914а *Мансикка В.* О говоре северно-восточной части пудожскаго уезда. Известия отделения русскаго языка и словесности императорской академии наукъ. XIX. 4. 1914.
- Мансикка 19146 *Мансикка В.* О говоре Никольскаго уезда // Известия отделения русскаго языка и словесности императорской академии наукъ. XIX. 4. 1914.
- Никитина, Пожарицкая 1993 *Никитина Е. Н., Пожарицкая С. К.* Служебные слова в просодической организации диалектного текста. Исследования по славянскому историческому языкознанию: памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993.
- Пауфошима 1983 *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

¹¹ На самом деле, во многих теориях выделяется и третья категория — категория присоединения, но это не играет роли для нашей аргументации.

- Пожарицкая 1997 Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 1997.
- Пожарицкая 2005 Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.
- Пост 2002 *Пост М.* Проблемы изучения слова дак: достижения и недостатки // Полярный вестник. 5 [http://uit.no/humfak/publikasjonar/2].
- Пост 2008 *Пост М.* Говор деревни Варзуга Терского района Мурманской области в лингвогеографическом контексте // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008.
- Преображенская 1985 *Преображенская М. Н.* Служебное слово *дак* в севернорусских говорах // Восточные славяне: языки, история, культура: к 85-летию академика Б. И. Борковского. М., 1985.
- Трубинский 1984 *Трубинский В. И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
- Шапиро 1949 *Шапиро А. Б.* Некоторые особенности в употреблении частиц и союзов в русских говорах // Бюллетень диалектологического сектора института русского языка. 5. М.; Л., 1949.
- Шуйская 2002 *Шуйская Ю. В.* Слово дак в аспекте дискурса // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002.
- Carston 2002 *Carston R.* Thoughts and Utterances // The Pragmatics of Explicit Communication. Oxford, 2002.
- Foolen 1996 *Foolen A.* Pragmatic particles. Handbook of Pragmatics. New York; Philadelphia, 1996.
- McCoy 2001 *McCoy S.* Colloquial Russian Particles -то, zhe, and veo' as Set-Generating («Contrastive») Markers: A Unifying Analysis. [Докторская диссертация]. Boston University. Boston, 2001 [http://people.bu.edu/smccoy/].
- Post 2005 *Post M.* The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula): an information structuring device in informal spontaneous speech. [Докторская диссертация]. Universitetet i Tromsø. Tromsø, 2005. [http://hdl.handle.net/10037/246].
- Sperber, Wilson 1986 Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and Cognition. Oxford, 1986.
- Vallduví, Vilkuna 1998 *Vallduví E., Vilkuna M.* On Rheme and Contrast // Syntax and Semantics. 29: The Limits of Syntax. San Diego, 1998.

Э. Г. Шимчук

РУССК. ДИАЛ. -*KA* (-*KO*)

Хотя в последнее время русские диалектные частицы стали привлекать к себе больше внимания ([Евтюхин 1979]; [Касаткина 1988]; [Касаткина 2003]; [Касаткина 2005]; [Лейнонен 2003]; [Петрунина 2007]), однако до сих пор не существует даже достаточно полного списка этих единиц, а имеющийся конкретный материал описан и изучен очень неравномерно.

Ценные наблюдения за поведением некоторых севернорусских частиц содержатся в исследованиях С. К. Пожарицкой и ее учеников (см., в частности, [Никитина, Пожарицкая 1993]; [Князев, Левина, Пожарицкая 1997]). К описанным ими частицам, участвующим в оформлении фраз и синтагм, можно добавить лексему -ка (-ко). Но она заслуживает специального внимания еще и потому, что ставит перед исследователем особую задачу: ее нелегко отличить от диалектного аффикса -ка (-ко), «приклеивающегося» к основе ряда самостоятельных слов. Поиск критериев разграничения подобных единиц, несомненно, интересная лингвистическая задача.

Выделенная диалектная лексема может быть соотнесена с литературным приглагольным постпозитивным элементом -ка, который обычно относят к энклитикам, то есть словоформам, входящим в одну тактовую группу с предшествующей словоформой. Однако у литературной частицы есть свойства, сближающие ее с аффиксами. Несколько аргументов в пользу квалификации -ка в качестве аффикса см. в [Перцов 1996: 575–582]. Важнейшие из них:

- 1) литературное - κa сочетается с весьма ограниченным кругом глагольных форм;
- 2) оно не обладает способностью перемещаться в пределах включающей его синтаксической конструкции (ср. nогляди-ка сюда $\sim$ *nогляди сюда-ка и он бы npoчuman сmam-ю $\sim$ он npoчuman бы cmam-ю).

Общепринятая интерпретация (лит. $-\kappa a$ — это все-таки энклитика, хотя и особая) определяется тем, что у нее есть синтаксические свойства, которых не может быть у аффикса.

Прежде чем обратиться к диалектной лексеме, попытаемся выяснить, что дают для понимания этого элемента его языковые истоки. Лит. и диал. -ка (-ко) возводятся к праиндоевропейской усилительной частице. В праславянском она выступает в виде -ko (и ряда вариантов с другими вокалическими исходами). Рефлексы этой частицы представлены в большей части славянских языков [Фасмер: 147]. Особенности вокализма, характерные для древнейшей эпохи, объясняют вариативность фонетического облика ее современных соответствий. Скудные данные рус-

[СлРЯ XVIII] фиксирует различие между употреблением «просторечным» и простонародным. По определению составителей, простонародные слова, не будучи в собственном смысле диалектно ограниченными, «близки к областным словам по признаку их чуждости... речи образованных людей» [СлРЯ XVIII; Правила пользования словарем, 1984: 36]. Как простонародное оценивается в данном описании употребление -ка и -тка в сочетании с личными местоимениями, наречиями и вводными словами. К сожалению, иллюстративные примеры, приведенные в словарной статье -КА [СлРЯ XVIII; вып. 9, 1997], единичны (мне-ка, здорово-ка — в знач. приветствия, право-тка 'действительно, в самом деле'). Все употребления -ка — в составе реплик из пьес петербургских авторов XVIII в., которые, как можно предположить, сознательно ориентировались на живую речь. Поэтому есть основания допустить, что в языке персонажей этих пьес отражаются особенности диалектной северо-западной зоны.

Обратившись к современному диалектному материалу, можно обнаружить, что лексема -ка (-ко), употребляющаяся в обширной зоне северных, северо-западных и северо-восточных говоров [СРНГ], отличается от своего литературного соответствия и широтой синтаксической сочетаемости, и значением (при этом по имеющимся данным определить географическое распределение и условия употребления вариантов невозможно). Нами был проведен анализ уникального материала картотеки [АОС], содержащей несколько сотен записей контекстов с элементом -ка (-ко). Они позволяют представить специфические черты двух формально тождественных единиц, существующих в современных диалектах в виде словоформы и аффикса. Опираясь на материал картотеки [АОС] (примеры из этой картотеки далее даются без указания на источник) и дополняя его в необходимых случаях данными других диалектных словарей, попытаемся вначале обрисовать частицу -ка (-ко). Для нее характерна свободная сочетаемость с единицами практически всех грамматических классов. Она возможна как энклитика в следующих группах:

- с глаголами в индикативе: Иду по лесу, чюю-ка колокольчики звенят; Тоже пеку, да то молока не достанешь-ка, то не поспею; Она шьет-ко [СРНГ; Волог., 1898];
- с глаголами в императиве: Вот уноровите-ка девушки; Вот так излатте-ка; Иди-ка схватала дак; Робя, погляди-ко-те, какой заяц катит [СРНГ; Костром]; Гриша, сбегай-ко ты по овец-то; [СГСП];
- с существительными в различных падежных формах: А голоды-ка эки были; На, я тебе сапоги-ка дам; Мне без сахару-ка церници не сварить; Она мне сестрениця-ка будет; Вой, кума-ка, кум приехал; Он-ка сказал попу-ко [СРНГ; Олон., 1885–1898];
- с прилагательными и местоимениями-прилагательными: Большаяка картоцька там; Купите новые-ка ботинки мне; Эта деревня-то вот наша-ка [Меркурьев];
- с личными и возвратными местоимениями: Я-ка ницео не знаю; Вы-ка еще не женаты? Она-ка думала как в гости; Семьдесят мне-ка цетвертой; Как не стыдно тебе-ка? Себе-ка брал? Я с ним-ко посижу дня три дак не могу больше; Мне-ка дядя ушол в приняты; Обуфь дай мне-ка [Меркурьев];
- с числительными: Три-ко не усилишь, а тут девять;
- с наречиями: Не ходили в Цясовеньскую сегодня-ка, вечоро-ка? А у них негде-ка жить; Потомо-ка меня на верефке вытегали;
- с частицами: Вот ишь сколько формоф; Неужли-ко это кошки?;
- с союзами: А-ко помочило так опять и нелюбо;
- со вводными словами и сочетаниями: Передавали крыши знашь-ко посносило; Не хочет чуешь-ко; Молчи-ко, он, вишь ли-ко, мне бачил: я де приведу утре лошадей [СРНГ; Вят.,1896].

Интересно, что -ка (-ко) может присоединяться к сочетанию некоторого опорного слова с другой частицей, см. последний пример, а также следующие: Я бы ка знала; Каблучок-от ка пониже; Он здесь-от ка есь. -Ка (-ко) может дублироваться (Мне-ко дай-ко муки; Дай-ко мне-ко вязанку). Отмечены, впрочем, и фразы, в которых выделены два фонетических слова с помощью разных постпозитивных частиц — -ка (-ко) и -то (-та): Он семидесяти, а мне-ко в этом-то году будет сто годов; Оногдася-ко побежала денек-то получать; Ак вот наберись-ко денек-то; Эта деревня-та вот наша-ка. Во многих севернорусских диалектах (архангельских, владимирских, вологодских, костромских, новгородских, тверских, ярославских и др.) элемент -ко мог быть даже «инкорпорирован» в глагольные формы, ср пиши-ко-те, поговорим-ко-те и даже не брани-ко-тесь [СРНГ; Твер., 1902]. Необходимо, впрочем, указать, что формы с инкорпорированным элементом засвидетельствованы только диалектными записями XIX и начала XX в.

Существенно, наконец, что сочетания с рассматриваемой частицей тяготеют к началу фразы, хотя они могут занимать и любую другую позицию.

Таким образом, приведенные данные показывают, что современное северное -ка (-ко) ведет себя как лексема, у которой практически нет ограничений морфосинтаксической сочетаемости. Почему же диалектная частица, в отличие от литературной, маркирующей только формы и лексемы с императивным значением [Левонтина 1991: 137–138], отличается такой свободой употребления? Причина в том, что в севернорусской фразе, с ее обычным выделением «каждого фонетического слова в особую синтагму» ([Никитина, Пожарицкая 1993: 157], со ссылкой на предшествующие работы П. С. Кузнецова и Р. Ф. Касаткиной), она используется как универсальное средство, с помощью которого говорящий выделяет важную для него в данный момент информацию, выражаемую предшествующей частице опорной словоформой, с которой она объединяется в одно фонетическое слово.

Оценивая особенности функционирования частицы -ка (-ко), можно сказать, что в коммуникативной структуре высказывания она способна акцентировать самые разнообразные компоненты: тему (Уже-ко я картошечкы поцишчу), рему (Она мне сестрениця-ка будет), вопросительную и невопросительную составляющую вопроса (Себе-ка брал? Не ходили... сегодне-ка, вечоро-ка? Цо-ка делать ему? Куда мне-ка их?), императивную и любую иную составляющую императива (Ответь-ко мнека; Приезжай-ко опять к нам; Дай мне-ка поесть), восклицательную лексему восклицания (Такой-ка жених баской! Лентяй-ко экой!) и обращение (Вой, кума-ка, кум приехал!). Может она использоваться и для ритмического оформления фразы (как в прибаутке У меня-ко для тебяка испечена кулебяка). Если частица не десемантизирована, то она усиливает, подчеркивает самые разнообразные смыслы высказывания побудительность, например, просьбу, увещание (Робята! Отправьте-ко вы письмо-то, сколько дней валяется [СГСП]), предположение (Он-ко не перед войной родился?), неожиданность чего-либо (С кем-ко я играл!), обычность / необычность сообщения (Концерт зафтре, де здесе-ка), противопоставление (Три-ко не усилишь, а тут девять) и нек.др. Следует, впрочем, сказать, что есть и такие сочетания с -ка (-ко), которые ведут себя как своего рода готовые клише, не формирующиеся в речи, а хранящиеся в готовом виде, в заданной «упаковке». Это, думается, относится к частотным сочетаниям с местоименными формами типа мне-ка, тебе-ка, каждое из которых представлено в имеющемся материале несколькими десятками употреблений.

В целом же северный диалектный материал свидетельствует о том, что частица -ка (-ко), в отличие от литературного соответствия, во-первых, является типичной энклитикой и, во-вторых, имеет иное, широкое усилительно-выделительное значение. Специализация семантики литературной частицы, по-видимому, определяется ограничением ее сочетаемости.

Неполнота данных не позволяет представить хотя бы пунктирно историю интересующей нас русской частицы. Однако они дают возмож-

ность установить, как в ходе исторического развития некоторые устойчивые сочетания с частицей $-\kappa a$ ($-\kappa o$) превращаются в самостоятельные цельные слова, в составе которых прежняя энклитика выступает в роли словообразовательного форманта.

Известно, что частицы способны входить в комплексы, сливающиеся в единую форму. «Прилипая» друг к другу или к словам иного типа, частицы образуют «лексикализованные, грамматикализованные и полуграмматикализованные комбинации» [Николаева 2008: 299]. Одно из проявлений такой эволюции — образование северных местоименных слов с постфиксом -ка (-ко), таких, как что-ка (что-ко), кто-ка (кто-ко), какой-ка (какой-ко), когда-ка (когда-ко) и др. под. Они представляют собой, бесспорно, особые цельные слова. Установить границу между этими словами-сращениями, в составе которых бывшая частица функционирует как словообразовательный аффикс, и свободными группами позволяет регулярность смыслового приращения, выражаемого аффиксом, по происхождению связанным с частицей, и наличие в литературном языке ряда других словообразовательных показателей (а именно то, -либо, -нибудь) с аналогичным значением неопределенности. Приведем несколько примеров: Приведут в поле или куды-ко ('куда-нибудь'); Уху каку-ко ('какую-то') сварили; Тысяча да восемьсот с чем-ко ('чемто'); Надо учицца на кого-ко ('кого-нибудь'); Чтобы кто -ко ('ктонибудь') напокасть сказал, этого не слыхала [СГСП].

Иногда, впрочем, трудно разграничить полное сращение и переходные случаи, примерами которых могут служить выделяемые некоторыми диалектными словарями сращения типа нынека, тудака, тужока и нек. др. под. (см., например, [ОСАГ: 22–70 и 293–303]). Во фразах с подобными единицами их компоненты сохраняют значения, характерные для них в других сочетаниях. Поэтому здесь нет возможности решить, имеем мы дело с цельным словом или с сочетанием слов.

Подведем итоги. Данные архангельских и — шире — северных говоров со всей очевидностью показывают, что рассмотренная частица индоевропейского происхождения, сузившая свои возможности и закрепившаяся в несвободном приглагольном употреблении в русском литературном языке, в значительной части северной диалектной зоны, с одной стороны, характеризуется свободой расположения во фразе, с другой, образуя в ходе эволюции языка устойчивые сочетания с некоторыми местоименными словами, превращается позже в аффикс, пополняющий ряд так называемых постфиксов. Таким образом, в некоторых современных русских северных говорах существует -ка (-ко) — энклитическая частица и -ка (-ко) — словообразовательный аффикс.

Библиография

Евтюхин 1979 — *Евтюхин В. Б.* Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

- Зализняк 2008 Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Касаткина 1988 *Касаткина Р. Ф.* Русская диалектная суперсегментная фонетика. Дисс. . . . докт. филол. наук. М., 1988.
- Касаткина 2003 *Касаткина Р. Ф.* О некоторых значениях частицы же // Архангельские говоры. Словообразование. Лексика. Семантика. Вопросы русского языкознания. Вып. Х. М., 2003.
- Касаткина 2005 *Касаткина Р. Ф.* Калейдоскоп частиц в русских народных говорах // Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005.
- Князев, Левина, Пожарицкая 1997 Князев С. В., Левина А. Н., Пожарицкая С. К. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып.VII. М., 1997.
- Левонтина 1991 *Левонтина И. Б.* Словарные статьи частицы КА и существительного МЕСЯЦ // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Лейнонен 2003 *Лейнонен М.* Слово ДАК в русской диалектной речи // Русский язык сегодня. 2. М., 2003.
- Никитина, Пожарицкая 1993 *Никитина Е. Н., Пожарицкая* С. К. Служебные слова в просодической организации диалектного текста // Исследования по славянскому историческому языкознанию / Отв. ред. Б. А. Успенский, М. Н. Шевелева. М., 1993.
- Николаева 2008 *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих» частиц). М., 2008.
- Перцов 1996 *Перцов Н. В.* Элемент -*ка* в русском языке словоформа или аффикс? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Петрунина 2007 *Петрунина С. П.* Служебное ТО в среднеобских говорах // Вестник Томского гос. университета. № 204. Томск, 2007.

Словари

- АОС Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–12. М., 1980–2004.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.Т. 2. М., 1955.
- Меркурьев *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. М., 1979.
- ОСАГ Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.
- СГСП Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Под. ред. Е. А. Голушковой. Пермь, 1973.
- СлРЯ XI–XVII Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 7. М., 1973.
- СРГК Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 2. СПб., 1995.
- СРНГ Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Филин. Вып. 12. Л., 1977.
- СлРЯ XVIII— Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.; СПб., 1984—.
- Фасмер Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.

И. Б. Иткин

В чем виноват фальшивомонетчик? (Словообразовательные метаморфозы NOMINA AGENTIS НА - ЧИК)

Эта небольшая заметка представляет собой попытку систематизации и объяснения некоторых любопытных фактов, обнаруживаемых в сфере русского суффиксального словообразования — как кодифицированного, так и окказионального.

Русские суффиксальные nomina agentis обладают достаточно обширным словообразовательным потенциалом; в частности, они свободно присоединяют суффиксы -(e)cm g(o) и $-(e)c\kappa(u u)$, ср., например: бунтарь бунтарство, бунтарский; трюкач — трюкачество, трюкаческий; ученик — ученичество, ученический; затворник — затворничество, затворнический; издатель — издательство, издательский; опекун — опекунство, опекунский; ростовщик — ростовщичество, ростовщический. Из этого правила, однако, имеется примечательное исключение, касающееся слов с суффиксом -чик — алломорфом -щик после зубных шумных (ср. наладчик, перебежчик, извозчик, разносчик, летчик и т. д.). В первый момент может показаться, что имена деятеля на -чик вообще не сочетаются с рассматриваемыми суффиксами, но более тщательный анализ показывает, что это не вполне так: по крайней мере для трех слов современные словари указывают соответствующие производные — только вместо суффикса -чик в них выступает суффикс -ник: начетчик начетнический, начетничество, фальшивомонетчик — фальшивомонетничество, захватчик — захватнический. Никакая другая трактовка приведенных примеров невозможна: в семантическом отношении соответствующие пары ничем не отличаются от, скажем, затворник — затворничество или ростовщик — ростовщический, слово начетник в значительной степени устарело (оно отсутствует уже в словаре [ОСРЯ 1989]), а слов *захватник и *фальшивомонетник в современном русском языке нет вообще.

Если бы рассматриваемое явление (далее — «ч/н-правило») ограничивалось тремя словами, его можно было бы отнести к разряду грамматических курьезов; однако данные словарей В. И. Даля и Д. Н. Ушакова, Национального корпуса русского языка и Интернета согласно свидетельствуют о том, что в действительности оно распространено гораздо шире. Вот наиболее показательные примеры:

 попутчик — попутничество, попутнический, попутничать. Слова попутничество и попутнический, по-видимому, автоматически возникли в русском языке с появлением в начале 1920-х гг. или даже раньше (сразу после Октябрьской революции) «политического» значения слова *попутчик* — «лицо (чаще всего — писатель и т. п.) непролетарского происхождения, сотрудничающее с Советской властью». Оба слова приобрели такое распространение, что были включены в словарь Ушакова [Ушаков 1935–1940, т. III, стлб. 597]. Окказионализм *попутничать* встретился, в частности, в статье архимандрита Константина (Зайцева), написанной в 1957 г.: «Померкла ложь, облегчавшая успехи Советской власти — попутничать ей "за совесть" становится труднее»;

- лазутчик лазутничество, лазутничать. Слова лазутничество и лазутничать представлены у В. И. Даля [Даль, т. II: 234], причем именно как производные от лазутчик: слова *лазутник в словаре Даля нет;
- доносчик доносничество. Слово доносничество неоднократно встречается в книге Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (1873–1885), ср.: «Фискалов не любили: народ от них отвращался, а власти не спешили приниматься за дела, ими вчиняемые; однако вкус к доносничеству очень распространился в эту эпоху». Выдающийся историк явно предпочитал это слово более обычному термину доносительство, в то время, впрочем, еще тоже не вполне утвердившемуся. При этом авторов доносов Костомаров именует исключительно доносчиками, ср., например: «Такие рассуждения направлены были против доносчиков и соглядатаев...»; слово *доносник в его сочинениях не отмечено. Сравнительно широко представлено слово доносничество и в современных Интернет-текстах, ср.: «...За доносничество получали чтото около 10–20% от стоимости имущества того, на кого доносили».
- волокитник волокитничество, волокитничать. Глагол волокитничать 'затягивать решение важных вопросов' встретился в одном из писем В. И. Ленина (1922): «...Как учить торговать и не волокитничать наши бюрократ-торги». В Интернете этот глагол и существительное волокитничество встречаются неоднократно, ср., например: «Надо ли мне брать с собой спальник и пенку? Прошу с ответом не волокитничать»; «...Торговля национальная душится в пользу иностранцев, процветают мздоимство и волокитничество». При этом если глагол волокитничать в принципе можно рассматривать как производное не от nomen agentis волокитическая волынка', то для существительного волокитничество такое решение неприемлемо: слова волокитничество и волокита являются, в сущности, синонимами, и появление второго из них объяснимо только наличием промежуточного звена слова волокитчик;
- растратичик растратничество. «Растратничество ведь это типично русское явление», писал В. П. Катаев, комментируя законченную им незадолго до этого (в 1926 г.) сатирическую повесть

- «Растратчики» (!). Встречается это слово и в Интернете, ср.: «Помимо элементарного воровства, бытует **растратничество**»;
- перебежчик перебежничество. Слово перебежничество, не зафиксированное ни в каких словарях и ожидаемо отсутствующее в Национальном корпусе русского языка, в Интернете встретилось несколько сот раз. Вот один из примеров, принадлежащий, судя по всему, человеку образованному: «Пушкин Булгарину не простил перебежничество во вражеский стан государевых людей»;
- откатчик откатничество, откатнический. Слово откатничество также встречается в Интернете довольно часто. Один из примеров его употребления особенно выразителен. Автор рецензии на роман Алексея Колышевского «Откатчики» (название которого, судя по всему, отсылает к уже упоминавшейся повести Валентина Катаева «Растратчики») описывает его содержание следующим образом: «...В книге идет речь не только об откатнической деятельности Германа. <...> Есть в книге приключения и мало связанные с откатничеством»:
- подрядник подрядничество, челобитник челобитничество. Существительные подрядничество и челобитничество встретились в Интернете не менее 10 раз каждое. Ограничимся двумя примерами: «Подрядничество прежде всего требует творческого подхода и уважения к проекту»; «В каждой религии воспитывается одно челобитничество и покорность».

Как видно, благодаря мене суффиксов некоторые nomina agentis на чик приобретают способность образовывать глаголы на -a(mb), ср. noпутничать, лазутничать, волокитничать; в норме существительные на -шик / -чик такой способностью не обладают. Еще более удивительным следствием «ч/н-правила» оказывается возможность подстановки -ник вместо -чик перед диминутивным суффиксом -ок / -ек, который легко сочетается с существительными на -ник (ср. родственничек, племянничек, помощничек и т. д.) и вообще не сочетается с существительными на -чик. Нам удалось выявить по крайней мере один бесспорный пример такого рода: это слово попутничек. Лексема попутник встречается в диалектах ('подорожник') и в профессиональном сленге яхтсменов и планеристов ('попутный ветер'), но в значении 'случайный спутник' она практически не употребляется. Соответственно, в таких контекстах, как: «Соловей-попутничек, / Ты слетай на хуторчик. / Сядь у милки пред окном / И скажи ему поклон!» (частушка), «Мой попутничек двурогий, / месяц молодой, / Проводи до той дороги, / что вела домой» (В. Ершов, «Чиркнет спичка в чистом поле...»), «— Черт, вот навязался попутничек... — тяжело вздохнул Брэм...», «Шут потихоньку, осторожненько подошел к князю Николаю. — Ну здравствуй, попутничек! — и протянул ему руку...», «Ничего себе попутничек с чувством прекрасного попался!» (последние три примера взяты из Интернета; их число можно было бы несколько умножить), — слово *попутничек* может интерпретироваться только как уменьшительное от *попутник*.

Итак, полностью «ч ч/н-правило» может быть сформулировано следующим образом: перед палатализующими суффиксами — -еств(о), $-ec\kappa(u\check{u}), -a(mb), -o\kappa$ — агентивный суффикс $-u\kappa$ заменяется суффиксом -ник. Важно отметить при этом, что речь идет не о более или менее устойчивой тенденции, а об абсолютно жесткой закономерности. Даже в такой далекой от кодификации сфере языковой деятельности, как Интернет, противоположные примеры — производные на -чичество, -чический, -чичать, -чичек — не встречаются практически никогда. Показательна реплика посетителя одного из форумов: «С моей домработницей мне повезло сразу — хотя меня и пугали бывалые рассказами о том, как цветет среди них и воровство, и наводничество (как это сказать-то?..)». Столкнувшись с необходимостью образовать абстрактное существительное от слова наводчик «пособник воровской шайки, указывающий квартиру для кражи», автор этой записи справедливо отметил нестандартность такого образования и тем не менее построил его в полном соответствии с правилом.

Нет сомнений, что возникновение «ч/н-правила» связано со стремлением избежать появления в соседних слогах двух одинаковых согласных. Тем самым оно оказывается важным дополнением к широко распространенному в русской морфологии явлению (в статье [Иткин 2005] мы назвали его «Правилом 1»), в соответствии с которым «если суффиксальная морфема имеет в своем составе согласный C_1 или группу согласных C_1C_2 , то ее сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных), невозможна или затруднена» [Иткин 2005: 50]. Действием Правила 1 объясняется целый ряд запретов на образование форм словоизменения и словообразовательных дериватов, причем средством разрешения морфонологического конфликта во многих случаях служит использование синонимичного аффикса, имеющего «подходящий» фонемный состав (ср. Леночка, Венечка, кабаний, простота, хвостатый, соловьев, запеленатый вместо ?? Ленонька, *Вененька, *кабаниный, *простость, $^{?}$ хвостастый, *соловьей, *запеленанный и т. д.). Таким образом, единственное отличие «ч/н-правила» от «Правила 1» состоит в том, что в случае с заменой суффикса -чик в позиции палатализации суффиксом -ник язык стремится избежать появления двух одинаковых фонем в составе одной и той же морфемы, а не двух соседних.

Как исключения из «ч/н-правила» могут рассматриваться только производные с суффиксом -ий: приказчичий, перевозчичий, извозчичий, также редкое разносчичий (ср.: «...Я возвратился в Лондон, купил себе разносчичий билет за две гинеи и все потребности к торгу...» — Ф. Мариетт, «Иафет в поисках отца»). Все эти прилагательные, во-первых,

являются старыми¹, а во-вторых, противоречат правилу лишь на графическом уровне: в словах на -зчик, -счик, -жчик перед -ик произносится [ш':], сочетание же в двух соседних слогах щ и ч допустимо, ср. бунтовщический, заговорщичество, заговорщический, а также приведенные выше ростовщичество и ростовщический. В то же время, как показывают слова доносничество и перебежничество, «ч/н-правило» в его нынешнем виде ориентировано в первую очередь на буквенный, а не на фонетический состав дериватов.

Библиография

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.

Иткин 2005 — *Иткин И. Б.* Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // Славяноведение. 2005. № 4.

ОСРЯ 1989 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989.

САР — Словарь Академии Российской 1789-1794. Т. I-VI. М., 2001.

Ушаков 1935–1940 — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1935–1940.

*извощичанье!), извозничій и извощичій [САР, т. І, стлб. 574].

Ценные, хотя и не во всем надежные материалы относительно начального этапа формирования «ч/н-правила» содержит словообразовательное гнездо слова извощикъ в «Словаре Академии Российской 1789–1794», где представлены следующие производные: извозничаю и извощичаю, извозничанье (но не

О. В. Кукушкина

НОРМЫ ПОСТРОЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА КАК ОСНОВА МОРФОНОЛОГИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Русское слово обладает устойчивой фонетической и морфемной организацией. Чтобы составная единица была удобна для произнесения и понимания, она должна строиться по законам этой организации. Анализ системы основных морфонологических вариантов, используемых в СРЛЯ при соединении основ и формантов, показывает, что эти варианты непосредственно связаны с законами построения русского слова и обусловлены ими. В данной статье рассматривается эта связь.

Нормы построения слова, важные для морфонологии, можно разделить на структурные и акцентуационные. Структурные нормы проявляют себя на морфемных швах и в финали слова — они накладывают существенные ограничения на фонемные сочетания, которые здесь допустимы. Можно выделить следующие шесть основных структурных позиций, в которых в СРЛЯ наблюдается регулярное морфонологическое варьирование: (1) $\underline{VIV}$, (2) $\underline{CIV}$, (3) $\underline{CIC}$, (4) $\underline{VIC}$, (5) CC, (6) CCV# (1— шов между основой и формантом, # — позиция конца слова, C — согласная фонема, V — гласная). Во всех этих позициях действуют свои ограничения, связанные с нормами построения слова, и деривационные части русского слова (основы и форманты) должны иметь специальную систему вариантов, чтобы соблюсти эти нормы.

1. Ограничение, действующее в первой позиции (на морфемном шве типа $\underline{VIV}$) проявляет себя в виде запрета на зияние и реализуется при соединении открытой основы с неприкрытым формантом. В СРЛЯ данный запрет распространяется на швы с наиболее плотным соединением морфем, то есть суффиксальный и флексионный. Он позволяет избежать стяжения соседних гласных и потери морфемного шва, то есть ситуаций типа ne(mb) + eu = ne|eu > neu. Стяжение экономит усилия говорящего, но потеря морфемного шва и сокращение длины форманта мешает правильному восприятию и затрагивает интересы слушающего. СРЛЯ защищает здесь интересы последнего и требует, чтобы перед неприкрытым формантом основа «закрывалась». Запрет на зияние имеет важнейшее морфонологическое следствие: русским открытым словоизменительным и словообразовательным основам нужен особый закрытый вариант, так как им регулярно приходится соединяться с неприкрытыми формантами. По отношению к открытой основе закрытый вариант выглядит либо как усеченный (ср. $\underline{nuca|}mb - \underline{nuu}|y$, $\underline{naльmo} - \underline{naльm}||uu\kappa|o)$, либо как наращенный (ср. читa|mb - читa(j)|v, $читa(n)||\kappa|a)^1$. В последнем

¹ При членении слов символ '∥' используется для обозначения словообразовательного шва, символ '|' для обозначения словоизменительного шва.

случае для закрытия используются особые однофонемные морфемные сегменты интерфиксального типа — консонизаторы ^{2} . Способ образования закрытого варианта, что типично для морфонологии, лексикализован, однако само наличие такого варианта для русской открытой исходной основы практически обязательно.

2. Вторая структурная позиция — морфемный шов типа <u>CIV</u> — кажется, на первый взгляд, не требующей никаких преобразований, однако она вносит большой вклад в поддержание самого регулярного вида русских морфонологических чередований — чередования конечных согласных основы по твердости / мягкости. Важнейшая норма, действующая здесь, — это требование коартикуляции согласной и гласной. По фонетическим законам русского языка коартикуляция должна обеспечиваться за счет подстройки последующей гласной, то есть проходить «прогрессивно». В соответствии с этим при соединении закрытой исходной основы с неприкрытым формантом должен видоизменяться формант, а не основа: его начальная гласная должна выступать в нужном позиционном фонетическом варианте, а твердость / мягкость финали основы должна сохраняться. Это означает, что в случаях типа ϕ умбол + исм, и ∂ (mu) + uмы должны получать производные типа футбол і ыст, иды. Однако на морфемном шве коартикуляция часто осуществляется за счет чередования конечных согласных основы, то есть не фонетически, а морфонологически (регрессивно). Главную причину этого можно видеть в том, что способ произношения начальной гласной является существенным различительным признаком для многих русских неприкрытых формантов. Они «не желают» видоизменять свое звучание, и в тех фонетических позициях, где это возможно (т. е. после парных по твердости / мягкости согласных), выступают только в одном произносительном варианте (чаще всего «переднем», «мягком»). В этом случае подстраиваться приходится основе, так как требование коартикуляции носит обязательный характер³.

В СРЛЯ, однако, есть и такие неприкрытые форманты, которые имеют нужный произносительный вариант для подстройки под твердость / мягкость основы (ср., например, именные флексии: закон\(a\) и кон\(a\) нов\(b\) и син\(a\) ий; суффикс \(-0\kappa -: угол\(a\) и угол\(a\) но угол\(a\) и угол\(a\) но угол\(a\) но особность / неспособность неприкрытого форманта подстраиваться под твердость / мягкость основы является его важнейшим индивидуальным морфонологическим параметром, нуждающимся в специальном описании.

² См. подробнее [Кукушкина 2008].

Исторически произносительная устойчивость и независимость начальной гласной многих послеосновных неприкрытых формантов связана с тем, что в праславянский период, когда складывался основной набор аффиксальных средств, коартикуляция осуществлялась «регрессивно», то есть не за счет гласных, а за счет согласных фонем.

Помимо коартикуляции, в позиции <u>CIV</u> действуют и некоторые более частные нормы, накладывающие ограничения на возможные здесь сочетания. Они также непосредственно влияют на сочетаемость форманта с основой. Так, все форманты с начальной фонемой /э/ ведут себя как «смягчающие», то есть соединяются только с морфонологически мягкими вариантами основ, так как в СРЛЯ практически действует запрет на сочетания «парная твердая фонема + /э/» (ср.: $\underline{soo}|a$, но $\underline{soo'}|e$, $\underline{sop}|a$, но гор' le, гор' lleц и т. п.). Все форманты с начальной фонемой /и/ требуют перед собой мягких морфонологических вариантов (парных или шипящих) от основ на заднеязычные, так как сочетания типа [кы], [гы], [хы] для русского слова аномальны (ср.: $\underline{\kappa \mu u z}|a$, но $\underline{\kappa \mu u z'}|u$; $\underline{ne\kappa}|y$, но $\underline{ne\kappa'}|u$; танк, но танк' | шст и т. п.). При отсутствии явных ограничений на фонемную сочетаемость поведение неприкрытого форманта в отношении предшествующей закрытой основы гораздо менее предсказуемо. Оно зависит от разных факторов, в том числе и от грамматического типа аффикса. Так, если именные флексии подстраиваются под основы, то есть коартикуляция здесь обеспечивается фонетически, то остальные форманты в большинстве своем предъявляют к их конечной согласной определенные требования. Чаще всего они не допускают перед собой морфонологически твердых вариантов основ.

Произносительная независимость многих русских формантов и запреты на некоторые конкретные фонемные сочетания имеют очевидное морфонологическое следствие: поскольку русским закрытым основам приходится сочетаться с неприкрытыми формантами разных типов, им необходимо иметь к а к $\,$ т в е р д ы й, $\,$ т а к $\,$ и $\,$ м я $\,$ г к и й $\,$ в а р и - а н $\,$ т. Такие варианты, образуемые с помощью чередования конечной согласной, реально или потенциально имеют все русские закрытые основы (кроме основ на $\,$ - $\,$ ј и $\,$ - $\,$ и).

3. Наибольшие ограничения накладываются в СРЛЯ на сочетания согласных, что проявляется в позициях <u>СІС</u> и *СС#* (ср.: веснін(ий), несілію, веснію, ветрію; с помощью <u>СІС</u> здесь обозначаются и случаи типа <u>СІС#</u>). Соседние согласные должны быть (1) совместимы по твердости / мягкости и (2) должны располагаться в той последовательности, которая не противоречит слоговой позиции. Для соблюдения этих норм в СРЛЯ активно используется морфонологическое варьирование.

Главное ограничение, регулирующее сочетаемость твердых и мягких фонем, можно, вслед за В. Г. Чургановой, описать с помощью «правила отвердения», согласно которому парные мягкие фонемы (кроме /л'/) должны заменяться твердыми в позиции перед переднеязычными [Чурганова 1973: 116–117]. «Переднеязычные» прикрытые форманты в СРЛЯ составляют среди продуктивных явное большинство (ср. неслоговые варианты суффиксов с беглыми гласными: -ск-, -ств-, -н-, -ц-, а также глагольные суффиксы -ну-, -т-, -ш-, -вш-), и русским парно-мягким исходным основам необходимы парно-твердые варианты

для соединения с ними. Таким образом, правило отвердения, вместе с требованием коартикуляции согласных и гласных (см. выше), создает устойчивую функциональную основу для чередовании конечной согласной основы по твердости / мягкости.

Ограничения второго типа, требующие определенного расположения звуков в группе согласных, связаны со степенью звучности и нормами построения слога. Согласно этим универсальным нормам, в общем случае в начале слога звучность должна резко возрастать, а в конце плавно падать [Князев, Пожарицкая 2005: 108]. Поскольку слоговая структура русских морфем очень разнообразна, то одним и тем же сочетаниям согласных приходится оказываться в разных слоговых условиях — как в начале слога, так и в конце слога (и слова). Вероятность того, что без видоизменения исходной основы (или форманта) согласная при образовании составной единицы (формы слова или производного слова) попадет не на «свое» слоговое место, в СРЛЯ очень высока.

Исторически это связано с той принципиальной перестройкой слоговой структуры, которая имела место в ходе формирования современного русского слова. Расположение согласных фонем в составе русских морфем «настроено» на порождение слова с открытой слоговой структурой, поскольку основная часть этих морфем использовалась еще в праславянском языке в период действия закона открытого слога. Соответственно, сочетания согласных в «исконных» морфемах были построены по принципу восходящей звучности, то есть удобны для позиции начала слога. После падения редуцированных возникли закрытые слоги, и одно и то же сочетание согласных стало попадать в разные слоговые условия. Это потребовало от языка развития системы специальных средств, позволяющих устранить несоответствие между уровнем звучности согласной и той актуальной слоговой позицией, в которой она должна выступать при образовании составных единиц.

Главными «нарушителями спокойствия» в области звучности являются наиболее звучные согласные — сонорные и /в/. Они особенно чувствительны к слоговой позиции и создают два главных типа неудобных сочетаний согласных: (а) конечные сочетания типа tR# (t — любая согласная фонема, в том числе звучная, R — фонема из группы звучных) — такие сочетания нарушают требование нисходящей звучности в конце слога и слова; (б) сочетания со срединным звучным (tRt) — эти сочетания одинаково неудобны как для конца, так и для начала слога, так как создают в середине консонантной группы нежелательный перепад по звучности или же (в случае группы сонорных) плохо обеспечивают ее нарастание или спад. Третий нежелательный тип сочетаний — это (в) сочетания двух согласных с одинаковой степенью звучности, например, двух взрывных.

Если при соединении основы и форманта (в том числе нулевого) возникает угроза возникновения одного из подобных сочетаний, то ее желательно устранить. Специфика русского языка заключается в том, что он, как и в случае коартикуляции, использует для этого не только фонетические, но и морфонологические средства. Важнейший адаптационный прием — выделение звучного в отдельный слог — осуществляется в СРЛЯ либо фонетически — за счет вставки перед ним гласного звука (ср. $munucm^{b}p$ и т. п.) или оглушения, либо морфонологически — за счет использования особых вариантов основы или форманта. Русские именные основы и (реже) форманты располагают для этого особыми вариантами, позволяющими добавлять дополнительный слог в сочетание согласных. Такие варианты — их можно назвать вокализованными образуются с помощью беглой гласной. Эта гласная, в отличие от вставляемого гласного звука, осознается как особая фонема, а не позиционный фонетический вариант, что проявляется в ее графико-орфографической фиксации. Наличие вокализованных вариантов является нормой для русских именных основ и именных суффиксов, способных порождать конфликтные сочетания согласных, а также для закрытых приставок. В таких вариантах нуждаются прежде всего неслоговые основы и форманты, а также основы, содержащие в финали сочетания типа tR). Замена невокализованного варианта основы или форманта на вокализованный позволяет избежать возникновения нежелательного для слоговой позиции сочетания согласных. Ср.: /-тра/: <u>ве-тр</u>|а, но /тр#/: <u>ве-тер</u>|0, /-мна/: <u>у-м||н|</u>а, но /мн#/: <u>у-м||ён</u>| θ ; /-л'ца/: <u>у-да-л'</u>||ц|а, но /гЛ'ц/:

В глагольном слове регулярно используются другие типы морфонологических вариантов: «усекающие» одну из согласных (ср. $npunec + \pi | 0 = npunec | 0$, $npunec + \pi | 0 = npunec | 0$), «сливающие» два звука с одинаковой звучностью в один (ср. основы на κ , ε , κ + κ + κ + κ + κ - κ + κ + κ - κ

Кроме норм, ограничивающих фонемную сочетаемость, на стыке согласных действуют и (3) фонетические нормы, приводящие к потере морфемного шва. Они требуют «слитного» произнесения согласных одинакового или близкого способа и места образования. Не все двучленные, (трехчленные, четырехчленные) сочетания согласных могут выступать как двухчленные (трехчленные, четырехчленные) фонетически, так как при нормальном темпе произнесения две входящие в них фонемы должны быть представлены одним звуком. Ср. сочетания двух одинаковых согласных, а также такие сочетания как /кск/, /тск/, /тц/, /тч/, /тсч/ и т. п. Если на морфемном шве возникает такое сочетание, то возникает опасность его потери. Этому препятствуют особенности произношения звука, замещающего сочетание фонем — его долгота и наличие долгого затвора (в случае взрывных). Однако фонетических средств может быть недостаточно. Так, однофонемные приставки с- и в-, сочетающиеся с основами, начинающимися с той же одиночной согласной, хорошо опо-

знаются по долгому произношению согласной фонемы (ср.: cllcadumb, sllsuhmumb). Однако если в начале основы находятся две и более согласных, то длительность не помогает, и нормой здесь является использование вокализованного варианта приставки (ср.: collcmasumb, sollsneчb и т. п.). Ср. отсутствие такого варианта в случаях типа pacllckasamb, то есть там, где приставка неоднофонемна и ей не грозит полное фонетическое «поглощение» основой. Вокализация, позволяющая избежать слитного произношения, активно используется и на стыке основы и суффикса. Ср., например, победу вокализованного варианта над фонетическим $(\mullck = [uk])$ в паре $kyne[u]kluŭ — kyneullecklu\~u$.

Русская орфография обычно игнорирует фузионные процессы и требует полной записи фонемного состава основы и форманта. Это значительно облегчает восприятие значения написанной составной единицы, так как позволяет быстро и правильно определить ее морфемный состав (ср.: $\mathit{мытыllcn}$, а не * $\mathit{мыцa}$). «Фузионные» написания типа $\mathit{pыбa}[\mathbf{q}]\mathit{кий}$ (вместо $\mathit{pыбak|lckuй}$), а также написание составных суффиксов $\mathit{чик}$ // $\mathit{чиμ}(\mathit{a})$ // $\mathit{чиμ}(\mathit{a})$ (на месте ck + uk , ck + uh) представляют собой в этом отношении явное отклонение.

Итак, нормы, регулирующие сочетаемость согласных, активно проявляют себя на морфемном шве и в позиции конца слова в виде морфонологических преобразований (вставки беглой гласной, усечения, чередования), позволяющих устранять нежелательные сочетания. Эти преобразования создают и поддерживают систему особых вариантов основ и формантов, прежде всего, в о к а л и з о в а н н ы х.

4. Позиция <u>VIC</u> является наиболее безопасной с фонетической точки зрения, однако и здесь в СРЛЯ действует структурное ограничение, делающее необходимым морфонологическое варьирование. На это ясно указывает регулярное появление консонизатора при соединении открытой исходной основы и прикрытого именного форманта. Ср.: $zpe(mb) + \kappa =$ $zpe(\pi)\kappa|a$, мгу + ник = мгу($\mathbf{u}$)ник, кофе + н(ый) = кофе($\check{\mathbf{u}}$)ный и т. п. Невозможность прямого соединения открытой основы с большинством прикрытых именных формантов связана, в первую очередь, с необходимостью укрепления морфемного шва между ними. Производные слова одного и того же типа имеют типовую морфемную структуру и воспринимаются через нее. Типичное русское имя имеет структуру $CVC||VC^2$ то есть образуется от закрытой основы. Это не может не влиять на восприятие единиц со структурой типа CVCVC, порождаемых при непосредственном соединении открытой основы и прикрытого суффикса поконсонантного типа. Конечная гласная основы воспринимается здесь как часть суффикса, что чревато переразложением (ср. $zp||e\kappa|a$, * $uum||a\kappa|a$, *мг||уник, *коф||еный). Использование особого сегмента-консонизатора позволяет полностью сохранить исходную основу и при этом надежно

⁴ См., например, [Чурганова 1973].

отделить ее от форманта. Таким образом, как и в случае зияния, консонизатор выступает как средство создания особого варианта открытой основы — з а к р ы т о г о. Этот вариант нужен исходным открытым основам ^{5} не только для соединения с неприкрытыми, но также и прикрытыми формантами — почти все именные форманты поконсонантны, то есть требуют перед собой основ закрытой структуры.

6. Шестую позицию (CV#) можно назвать «слабой». Таковой она является для конечной безударной гласной. Конечная безударная гласная, в случае ее функциональной избыточности, может редуцироваться в русском слове до нуля. Это явление нашло отражение в ходе известного исторического процесса отпадения конечной гласной и привело к варьированию формы конечных открытых формантов (-cя/-сь, -mu/-mь, -ою/-ой, -u//-0), а также клитик (ср.: ж/же, ли/ль, бы/б, уже/ужи др.). Использование варианта без конечной гласной русский язык допускает с большой осторожностью — оно разрешается, если не порождает конечного сочетания согласных, не нарушает схему ударения, не создает омонимию. Тем не менее, конечная позиция создает большие возможности для отсутствия безударной гласной, и русские конечные форманты открытой структуры регулярно выступают в особых, «редуцированных» вариантах. Это позволяет устранять избыточный компонент означающего.

7. Помимо структурных вариантов, русским основам и формантам нужны также акцентуационные варианты — ударный и безударный. Их необходимость также определяется законами построения русского слова. При всей нефиксированности и подвижности русского ударения, оно подчиняется определенным нормам. Для русского изменяемого слова главной такой нормой является сохранение единого ударения. Поскольку основа при словоизменении может усекаться, принцип единого ударения реализуется в СРЛЯ в виде колонности, то есть расположения ударного слога на одном и том же расстоянии от начала слова. По мере развития русского языка принцип колонности реализуется все более последовательно и строго, и установление колонного ударения составляет основное содержание акцентной эволюции русского изменяемого слова 6.

Стремление к соблюдению колонности влияет как на акцентуационную, так и на структурную морфонологическую вариативность. Так, чтобы колонное ударение было соблюдено у глаголов типа zosop>u|mb (т. е. глаголов, у которых ударная гласная усекается при образовании закрытого варианта словоизменительной основы), ударение должно переместиться с основы на флексию (ср. $zo-so-p>u|mb^3$ и $zo-so-p'|>v^3$,

⁵ В норме все такие основы в СРЛЯ являются глагольными; именные открытые основы аномальны — это либо аббревиатуры, либо неизменяемые заимствования.

⁶ См. об этом в [Зализняк 1985: 9, 372 и сл.].

zo-bo-p' $|>uшb^3$, zobop' $|>^3u$), то есть быть подвижным. Для поддержания такой «подвижности», позволяющей соблюсти принцип колонности, флексии должны иметь оба акцентуационных варианта — как безударный, так и ударный.

Колонность помогают поддерживать и вокализованные варианты основ. У русских имен с флексионным ударением в формах с нулевым окончанием ударение вынуждено перемещаться на основу. В таких случаях этом случае вставка беглой гласной перед последней согласной основы компенсирует утрату ударной флексии и позволяет сохранить колонное ударение (ср. $cma-m'j|>a^2$ — $cma-m>eŭ|0^2$, nc|>a, n>ec|0, yee $m\kappa |> a^2 - \mu e - m > o \kappa |^2 0$ и т. п.). Носители русского языка остро реагируют на семантически неоправданное нарушение принципа колонности, и если язык не предоставляет им возможности избежать такого нарушения, они могут отказываться от употребления форм слова. Так, например, у существительных с флексионным ударением, не располагающих вокализованным вариантом основы, возникают большие проблемы с нулевым окончанием (ср. избегание мечт>a - *m>evm|0, тахта - *m>axm|0(схема ударения b) при нормальности (1) M>aчma-M>aчm, 6>aхmae>axm|0 — здесь ударна основа, а не флексия (схема ударения a), и принцип колонности не нарушается; (2) cmamb>j|a-cmam>eŭ|0-3десь утрата ударной флексии компенсируется вокализованным вариантом).

Отклонения от принципа колонности русский язык стремится использовать в семантических целях. Нарушающее колонность подвижное ударение в СРЛЯ в значительной степени грамматикализовано и служит для противопоставления одних групп форм другим (ср., например, противопоставление форм ед. и мн. ч. существительных). Слов с таким ударением в СРЛЯ немного, однако они, как правило, отличаются высокой употребительностью и поэтому в наибольшей степени нуждаются в повышении различительной силы формантов.

Акцентуационные варианты нужны основам и формантам не только из-за словоизменительных особенностей (усечения, нулевого окончания и использования ударения для различения групп форм). Главная причина их существования связана с тем, что место расположения ударного слога является важной отличительной чертой русского слова, частью его означающего, его различающим параметром. У непроизводных и нечленимых слов оно индивидуально и «работает» на лексическое значение, помогая опознавать его. Здесь все зависит от основы. Ее ударность / безударность является исторической данностью, и словоизменительные форманты, соединяющиеся с ней, должны иметь как ударный, так и безударный вариант, чтобы сохранять акцентуационные свойства этой основы.

Принципиально иначе устроено ударение в суффиксальных производных словах — здесь в русском языке активно идет процесс морфологизации ударения, то есть его «привязки» к суффиксу. В результате это-

го процесса, охарактеризованного А. А. Зализняком как развитие доминантности у русских суффиксов, слова с одним и тем же суффиксальным формантом получают все более единообразное, унифицированное ударение, укрепляющее связи между ними и помогающее опознавать словообразовательное значение. В результате суффиксальный формант приобретает устойчивые акцентуационные свойства — он может вести себя как самоударный, левоударный или правоударный. К настоящему времени в литературном языке достигнута такая степень морфологизации ударения, когда акцентуационные свойства у большинства русских суффиксов уже в значительной степени сложились и производящие основы должны подчиняться этим свойствам. Поскольку одной основе приходится соединяться с суффиксами разных акцентных типов, она должна иметь для этого разные акцентуационные варианты, и прежде всего ударный и безударный (ср.: $z > od + u\kappa$ (- $u\kappa$ - — левоударн. суффикс) = $z > o \partial || u \kappa$ и $z > o \partial + > o \kappa (-o \kappa - mpaboyдарн. cyффикс) = <math>z o \partial || > o \kappa |0$, $z o \partial \kappa |> a$ и т. д.). Однако разные варианты приходится иметь и многим слоговым суффиксам, поскольку процесс выработки единого места ударения завершен еще далеко не во всех словообразовательных типах, и «сильные» в акцентном отношении русские основы могут продолжать сохранять исходное ударение, несмотря на требования суффикса '.

* * *

Итак, система основных морфонологических вариантов в русском языке теснейшим образом связана с нормами построения русского слова и функционально обусловлена ими. Главные виды морфонологического варьирования русских основ и формантов могут быть описаны в виде следующих пяти закономерностей, отражающих эту связь:

- 1) закрытым основам нужен как твердый, так и мягкий морфонологический вариант это необходимо для соблюдения правила отвердения и коартикуляции согласных и гласных;
- открытым основам нужен закрытый вариант он позволяет избежать зияния и сохранить типовую структуру производного именного слова;
- 3) основам и формантам, создающим неудобные сочетания согласных, нужен вариант, позволяющий избегать таких сочетаний; эту функцию выполняют прежде всего вокализованные варианты основ и формантов — они позволяет соблюсти нормы слогопостроения, а также сохранить колонность словоизменительного ударения;
- 4) конечным открытым формантам, помимо полного, нужен редуцированный вариант, позволяющий устранять избыточную часть означающего;

См. о сильных и слабых основах, о доминантных и недоминантных суффиксах в работе [Зализняк 1985].

5) основам и формантам для соединения друг с другом нужен как ударный, так и безударный вариант — это позволяет им соблюдать при соединении акцентуационные требования друг друга.

Перечисленные виды вариантов составляют ядро русской морфонологической системы, являются его главными составляющими. Они закономерны, предсказуемы и в полной мере принадлежат синхронии. И хотя специфика способов образования морфонологических вариантов (их многообразие, слабая предсказуемость и лексикализованность) мешает видеть их обязательность, она ни в коей мере не отменяет сам их системный характер и обусловленность действующими в синхронии закономерностями.

Библиография

- Зализняк 1985 Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Князев, Пожарицкая 2005 *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика. Графика. Орфография. Орфоэпия. М., 2005.
- Кукушкина 2008 *Кукушкина О. В.* Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиции морфонологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2008. № 5.
- Чурганова 1973 Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.

Е. Р. Добрушина

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПРИСТАВКА ИЛИ ПЕРИФЕРИЙНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ПРИСТАВКИ *O- / ОБ(О)-)*

В [Добрушина, Пайар 2001] подробно рассматривались приставки *про-*, *при-*, *до-*, *y-*, *за-*, *из-*, *вы-*, *от-*, *пере-*; приставка *по-* бегло рассматривалась в [Добрушина, Пайар 2002] и [Добрушина 2008]. В данной работе будет сформулирована предварительная гипотеза об абстрактном общем значении приставки o-/of(o)-1.

1. Общее значение приставки — понятие и терминология

Начнем с обсуждения понятия «общее значение приставки» и связанной с ним терминологии. В [Добрушина, Пайар 2001] выдвигался тезис о наличии у русской глагольной приставки, как, впрочем, и у других языковых единиц, например, у глагольной основы, такого единственного значения, которое, часто не входя непосредственно в значение приставочных лексем, все же всегда, наряду с другими семантическими объектами, является основой их значения. Это значение, более абстрактное, нежели значения лексем, авторы назвали формальной схемой. От понятия инвариант понятие формальная схема, по представлению авторов, отличается тем, что не предполагает вхождение описываемого абстрактного элемента в значение лексем, содержащих приставку. Сутью понятия авторы считали то, что в каждой конкретной лексеме выделяемый элемент вступает в закономерное взаимодействие с контекстом так, что значение лексемы оказывается результатом такого взаимодействия.

За прошедшие с периода создания работы годы подход, основанный на поиске абстрактного обобщающего значения очень многозначных единиц, обеспечивающего их семантическое единство, стал более традиционным. В частности, появились работы Н. В. Перцова [Перцов 2001], смело использующего термин инвариант в книге о грамматической семантике, А. Д. Кошелева, вводящего понятия функциональная схема (модель) и элементарная лексема в работе о лексеме брать [Кошелев 2005] и понятие когнитивная схема и когнитивное значение в работе о приставке об- [Кошелев 2004], и Анны А. Зализняк, назвавшей близкое понятие концептуальной схемой [Зализняк 2006]. Как видим, слово схема прижилось в современных описаниях того, что когда-то называлось инвариан-

Вопрос о том, являются ли единицы о- и об- одной приставкой или двумя, рассмотрен в [Кронгауз 1998], здесь же, несмотря на то, что существуют семантически противопоставленные глаголы типа омыть — обмыть, они пока будут трактоваться как алломорфы одной приставки.

том. Продолжим использовать термин **формальная схема**, чтобы пока не делать утверждений ни о когнитивном, ни о концептуальном статусе искомых абстракций. Кроме того, слово **формальный** наилучшим образом отражает представление о том, что речь идет о таких абстракциях, которые без конкретного языкового наполнения остаются очень далекими от значений, с которыми лингвист имеет дело, анализируя лексемы.

2. Схема и частные значения

Одним из аргументов, выдвигавшихся десять лет назад против слишком абстрактных и не слишком понятных толкований, был следующий: в сознании носителей языка нет ничего подобного, носитель языка и понять-то такую формулировку не может, поэтому трудно допустить, что эти формулировки имеют отношение к реальному языку и как-то в нем работают. В качестве контрдовода воспользуемся формулировками А. Д. Кошелева о различении концептуальных и частных значений приставок: «Концептуальное значение недоступно непосредственной языковой интуиции носителя языка (будем говорить, что оно находится в языковом подсознании) и поэтому его экспликация требует определенной аналитической работы. Частные значения напротив, описывают те же референтные ситуации вполне конкретно и очевидно: "направить движение вокруг предмета", "направить действие на всю поверхность предмета", "нанести ущерб кому-либо"... Каждое такое значение непосредственно отражает свойства своего подкласса референтов и никаких интерпретаций не требует. Оно доступно интуиции носителя языка (находится в языковом сознании). Отвечая без всякой подготовки на вопрос о значении, скажем, приставки о-, носитель языка описывает именно частные значения. В отличие от концептуального, частное значение задает узкий класс однотипных, прототипически схожих референтных ситуаций. Итак, с приставкой связаны два типа значения: концептуальное и частные. Концептуальное значение дает общее описание всего класса референтов, а частные значения дают конкретные описания отдельных подклассов типичных референтов этого класса» [Кошелев 2004: 93].

3. Три когнитивные схемы А. Д. Кошелева

Семантика приставки o- / $o\delta(o)$ - подробно описана в [Кошелев 2004], где выдвигается тезис о том, что все или почти все частные значения и употребления этой приставки охватываются тремя общими значениями (тремя когнитивными схемами): «внешнее действие» ($o\deltaomu$), «тотальное действие» ($o\deltacmy$ чать), «новое качество» (odepевенеть):

«о- / об- 1 — "внешнее действие": *X обошел Y (дом кругом) / обмазал лицо / оправил алмаз* — 'действие, названное мотивирующим глаголом, происходит на поверхности или во внешнем пространстве Y-а и связано с Y-ом';

- o- / об- 2 "тотальное действие": *X обстучал Y (всю стену) / обзвонил друзей / одарил детей* 'действие, названное мотивирующим глаголом, захватывает весь протяженный или распределенный в пространстве объект Y, распространяется на весь Y';
- о- / об- 3 "новое качество": У одеревенел / обезумел / ожил / оглох / овдовел; Х оплодотворил / освятил У-а 'мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на качественно новое свойство, состояние или положение дел Y-а'» [Кошелев 2004: 68].

Здесь будет предложено еще более абстрактное описание этой приставки, объединяющее все ее употребления, то есть все три когнитивные схемы из работы А. Д. Кошелева. Проиллюстрирована гипотеза будет только на трех глаголах — по одному для каждого когнитивного типа. Несомненно, что механизмы возникновения соответствующих одной и той же когнитивной схеме значений могут быть очень разными у разных глаголов и анализ лишь одного глагола каждой группы мало показателен. Рассмотрение глаголов всех типов должно стать предметом гораздо более обширного исследования, чем данное.

4. Формальная схема

Приставка o- / $o\delta(o)$ - означает, что

- 1. Терм Т, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, вовлечен в процесс Р.
- 2. По отношению к процессу P терм T оказывается разделен на две области T-i и T-e, так что P охватывает только T-e, но не область T-i.
- 3. Область T-і является основной частью T, тогда как T-е это периферийная область T.

5. «Внешнее действие»

Поясню это толкование на примере глагола *омывать* во фразе: *Остров омывают* воды *Средиземного моря*. Ср. примеры из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ):

- (1) Античное теплое море ласково омывало тогда еще общий блаженный полуостров, и узкую береговую кромку, гальку и песок, устилали своими телами граждане полусонной, но грозной временами Империи, уставшие от долгих зим и получившие, наконец, свои небогатые отпускные [Александр Каменецкий. Спасатель (2003) // «Лебедь» (Бостон). 05.05.2003, НКРЯ].
- (2) Курбатов осознал себя у Камня, но с южной, теплой стороны, там, где **омывает** Камень река Чусовая [Лев Аннинский. На краю Отечества // «Нева», 2003, НКРЯ].

Допустим, что глагольная основа ^{2} МЫТЬ означает действие, направленное на достижение чистоты объекта. Тогда o- в данном примере означает, что:

- 1. Терм *остров*, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, становится объектом процесса МЫТЬ.
- 2. По отношению к процессу МЫТЬ терм *остров* оказывается разделен на две области *внешняя* (по отношению к морю) часть острова и внутренняя (по отношению к морю) часть острова, так что Р охватывает только внешняя часть острова, но не область внутренняя часть острова.
- 3. Область *внутренняя часть острова* является основной частью *острова*, тогда как *внешняя часть острова* это периферийная область *острова*.

Следствием такого значения является невозможность сказать, что действие по-настоящему применено к обрабатываемому терму, ведь подчеркивается, что оно воздействует лишь на периферию. Поэтому глагол *омыть* используется метафорически, сказать *море моет берег невозможно.

6. «Тотальное действие»

Глагол МЫТЬ по классификации А. Д. Кошелева относится к глаголам «внешнего действия». Рассмотрим теперь глагол «тотального действия» обстучать на примере В поисках тайника он обстучал стену.

- (3) Все-таки так много было потрачено сил и даже обстукана стена легким молоточком на предмет проверки пролегания в ней электрических проводов. [Галина Щербакова. Армия любовников (1997), НКРЯ].
- (4) Пронзительно крича, двигался маневровый паровозик; около вагонов, обстукивая молоточками колеса и хлопая крышками букс, проворно суетились перепачканные потные смазчики; слышалось мощное дыхание и гудки паровозов [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973), НКРЯ].

Допустим, что основа СТУЧАТЬ связана со звуком, который возникает при нанесении ударов по поверхности, поэтому СТУЧАТЬ требует предлога: *стучать* можно *по стене* (например, в ситуации обыска, чтобы на слух найти тайник, пример 5) или *в стену* (чтобы было слышно за стеной, пример 6)).

(5) В гостиной **стучали** по стенам поверхностно, как бы нехотя. Гигант сдернул ковер и потопал ногами в пол, отчего на паркете остались замысловатые, словно выжженные следы [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924), НКРЯ].

² Сочетание глагольная основа используется здесь в специальном терминологическом значении — по отношению к анализу семантического взаимодействия приставки и основы, см. об этом [Добрушина, Пайар 2001: 12–20].

- (6) Тот отвечал тем же, кроме того, кажется, куда-то писал на ювелира, что он не дает соседям покоя: всем стучит в стены щеткой [Василий Шукшин. Как Андрей Куринков, ювелир, получил 15 суток (1970–1974), НКРЯ].
- 1. Терм *стена*, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, становится объектом (не поверхностью ведь предлога нет) для процесса СТУЧАТЬ (так как надо исследовать всю стену).
- 2. По отношению к процессу СТУЧАТЬ терм стена оказывается разделен на две области часть, объединяющая точки, в которые попали удары и часть, объединяющая точки, в которые не попали удары, так что нанесение ударов охватывает только первую, но не вторую области.
- 3. Область часть, объединяющая точки, в которые не попали удары является основной частью стены, тогда как часть, объединяющая точки, в которые попали удары это периферийная область стены.

Как это ни парадоксально, но в таких глаголах значение «тотальности охвата объекта» является следствием идеи о том, что действию подчинена только часть объекта, тогда как важен весь объект. Именно поэтому к сочетанию обстучать стену естественно добавить слово всю — подобные слова свидетельствуют как раз о том, что обратное актуально, что в реальности подвергнуть действию всю стену невозможно. Так, слово настоящий или слово буквально при определенном типе лексем является надежным маркером использования слова в метафорическом (то есть ненастоящем!) значении, ср. он настоящий осел; я буквально поседел от страха; обстучать буквально всю стену.

7. «Новое качество»

Рассмотрим глагол *окаменеть* на примере *парень окаменел от страха*, ср.:

- (7) Все обступили колыбель и **окаменели** от страха, увидевши, что в ней лежало неживое дитя [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832), НКРЯ].
- (8) Ничего особенного не было в желтых американских ботинках с толстой подошвой и шишками на носках, но Арий Петрович ясно видел, как в одну из этих ботинок грациозно упиралась французским каблуком стройная ножка в лакированной модной туфельке... Все ножки под столом стояли неподвижно, точно окаменели от страха, увидав Ария Петровича [Б. А. Садовской. Наполеониды (1924), НКРЯ].
  - Глагол каменеть вполне частотен, ср.:
- (9) Славка оба раза каменел от страха, будто встречные люди могли разбудить и встряхнуть снаряд... [Владислав Крапивин. Трое с площади Карронад (1979), НКРЯ].

Допустим, что глагольная основа КАМЕНЕТЬ означает 'становиться камнем'. Найти пример, в которых глагол (о)каменеть заведомо был бы использован в прямом значении, не удалось, но ср. близкое к прямому употребление в примере10:

(10) Ее поразила арабская мебель в завитушках, похожая на окаменевших пуделей, и тайные комнаты за дверями, замаскированными яркой мазней местных модернистов... [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002, НКРЯ].

По-видимому, прямое употребление возможно в сказочном контексте, кроме того, контексты типа буквально / как будто / точно окаменел и как окаменевший свидетельствуют о наличии в языковой системе прямого значения («становиться камнем»), из которого выводится переносное («становиться похожим (по коннотациям) на каменный»). Поэтому правильнее все же трактовать прямое значение:

- 1. Терм *парень*, рассматриваемый как представляющий собой некоторую целостность, подвергается процессу *становиться камнем*.
- 2. По отношению к процессу становиться камнем терм парень оказывается разделен на две области набор свойств, совпавших со свойствами камня и набор свойств, не совпавших со свойствами камня, так что становиться камнем охватывает только первую, но не вторую области.
- 3. Область набор свойств, не совпавших со свойствами камня является основной частью терма парень, тогда как набор свойств, совпавших со свойствами камня это его периферийная область.

Не важно, в прямом или переносном смысле человек становится камнем, все равно это ненастоящий камень, не тот, который создан природой, все равно по своей сути (происхождению, форме, возможности обратного превращения и др.) это человек, а не камень. Таким образом, именно при этой когнитивной схеме значение приставки очень близко к значению основы, ведь в основе уже содержится метафора — нельзя стать деревом или камнем, ими можно только быть от природы. Поэтому соответствующие этой схеме глаголы являются чистовидовыми³, не имеют вторичных имперфективов.

_

Десять лет назад термин чистовидовая приставка приходилось писать в кавычках, чтобы подчеркнуть идею о том, что чистовидовых, то есть лишенных семантической нагрузки приставок не бывает, а бывает только точное совпадение значения приставки со значением глагольной основы. Теперь же этот тезис кажется настолько очевидным и общепринятым, что без кавычек можно обойтись и просто считать термин чистовидовой метафорическим, ведь лексемы, для которых метафорическое значение основное, не требуют кавычек.

8. Склонность o- / oб(o)- к порождению метафорических значений

А. Д. Кошелев включает оговорку **метафорически** в толкование третьей когнитивной схемы, но элементы метафоричности во всех значениях рассматриваемой приставки очень регулярны. Приставка o- l o6(o)- метафорична уже по своему абстрактному значению: действие охватывает терм не по-настоящему, распространяется вроде бы на терм, но на самом деле не на ту его часть, которая соответствует его сути.

Библиография

- Добрушина, Пайар 2001 *Добрушина Е. Р., Пайар Д.* Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Добрушина, Пайар 2002 Добрушина Е. Р., Пайар Д. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа KA3) // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik, Sw / Mengel (Hrsg). Munster; London; Hamburg, 2002.
- Добрушина 2009 *Добрушина Е. Р. Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. Материалы международной конференции 18–20 июня 2009 года / Под ред. О. В. Фокиной. М.; Ярославль, 2009. С.147–151.
- Зализняк 2006 *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Кошелев 2004 *Кошелев А. Д.* О концептуальных значениях приставки *o- / об- //* Вопросы языкознания. 2004. $\mathbb{N}_2$ 4.
- Кошелев 2005 *Кошелев А. Д.* К проблеме лексической многозначности. Описание общего значения глагола *брать / взять //* Язык. Личность. Текст: К 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 315–365.
- Кронгауз 1998 *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Перцов 2001 Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

А. В. Птенцова

КРИЧАТЬ ВЫПЬЮ: ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СРАВНЕНИЯ?

- 0. В предлагаемом тексте изложено одно частное наблюдение, сделанное во время работы над словарными статьями семантического поля «звуки голоса» для Толкового словаря русского языка активного типа ¹.
- С. К. Пожарицкой была проделана большая работа по описанию семантики творительного падежа в северно-русских говорах и, зная о ее интересе к данной теме, я бы хотела опубликовать здесь этот текст в знак благодарности за самые первые мои лингвистические уроки, полученные около двадцати лет назад в диалектологической экспедиции в деревне Мосеево Архангельской области.
- 1.1. Творительный падеж, имеющий в современном русском языке большое количество разнообразных значений, регулярно привлекает внимание исследователей.

Как отмечается В. В. Виноградовым, понятие творительного падежа было введено в грамматику русского языка Лаврентием Зизанием в его труде 1596 года «Грамматика словеньска» [Виноградов 1972: 144]. С тех пор значения этого падежа неоднократно дополнялись и уточнялись.

А. М. Пешковский выделял для русского языка следующие значения творительного: творительный орудия (Пленять своим искусством свет — Крылов); действующего лица в страдательных оборотах (Чины людьми даются — Грибоедов); причины (Случалось ли, чтоб вы / ...Ошибкою добро о ком-нибудь сказали? — Грибоедов; кроме того, сюда же «сочетания творительного с глаголами болезни» — болеть чахоткой, мучиться астмой, страдать плевритом); способа (Иван Иванович... очень хорошо подтягивает басом — Гоголь); усиления (криком кричит, стоном стонет); творительный полупредикативный (Я видел твой корабль игралищем валов — Пушкин); предикативный (Он сделался комендантом), а также Его сделали комендантом); «ограничения» (пополнеть лицом); пути (Лесом частым и дремучим / По тропинкам и по мхам / Ехал всадник — Майков) и, наконец, творительный времени (Дело происходило уже осенью, в Ницие — Чехов) [Пешковский 1956: 282–284].

Р. Мразек разделил все случаи использования творительного беспредложного на семантические и синтаксические употребления, выделив

¹ Предлагаемый текст был обсужден на заседании Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Автор выражает благодарность участникам обсуждения — Ю. Д. Апресяну, В. А. Апресян, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, И. В. Галактионовой, М. Я. Гловинской, Б. Л. Иомдину, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Санникову и Е. В. Урысон.

внутри каждой группы частные подзначения. Общее число таких подзначений — 11; к первой, «семантической», группе относятся творительный социативный, инструментальный, меры, ограничения, причины, места, времени и творительный образа действия [Мразек 1964]. Для нашей темы наиболее интересен этот последний тип, частным случаем которого является, по Р. Мразеку, творительный сравнения, речь о котором пойдет ниже.

Еще большее число значений — 17 — выделяется для русского творительного А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980].

Более 20 значений творительного выделяется в [РГ 1980: 482], из них для нашей темы наиболее важны значения способа и образа действия (жить пенсией, петь басом, ходить толной), а также внешнего признака, качества и свойства (спуск террасами, записка карандашом, хоть волком вой).

При этом, как отмечал В. В. Виноградов, увеличение числа значений творительного падежа «парализуется и ограничивается превращениями многих форм и употреблений... в отдельные слова-наречия. Так, форма *стрелой* в выражении *нестись стрелой* тяготеет к категории наречия. Вообще формы творительного падежа сравнения, образа и времени... являются в современном языке гибридными наречно-субстантивными образованиями. Для нас *летом*, зимой, залпом (выпить залпом), рысью и т. п. уже не формы творительного падежа соответствующих существительных, а слова-наречия» [Виноградов 1972: 147].

1.2. Из всех многочисленных значений данного падежа здесь будет рассмотрен особый круг его употреблений, семантически примыкающий к творительному сравнения — это случаи типа *кричать выпью*.

Но прежде чем рассмотреть такие случаи, остановимся на особенностях употребления творительного сравнения.

«Творительный сравнения... представляет совсем своеобразную, в современном русском языке довольно часто встречающуюся разновидность значения образа действия... Посредством его образ действия передается косвенно, с указанием лица, животного или вещи, для которых способ совершения этого действия, качество или интенсивность его особенно типичен, напр. *смотрит волком, полетел птицей, лежит бревном*... Важнейшей отличительной чертой его является то, что передаваемый им признак принадлежит кому-чему-н. не объективно, не в самом денотате, а лишь субъективно, в представлении автора высказывания. Можно трансформировать, напр., таким образом: Т: *летит стрелой* → *летит + его полет напоминает полет стрелы*» [Мразек 1964: 67].

Это значение падежа было подробно рассмотрено в работе Е. В. Рахилиной, где данное значение усматривается у творительного в двух случаях — в стативной ситуации, когда описывается особая форма объекта, и в динамической ситуации, когда описывается особый характер движения. В первом случае в форме творительного падежа выступает

имя, обозначающее объект характерной формы, ср. приводимые в работе примеры Стулья располагались / поставили правильным овалом; сложить руки крестом на груди; выпятить грудь колесом. Во втором случае — если описывается движение объекта, в ситуации подчеркивается какая-то качественная характеристика — например, скорость или направление, ср. лететь / нестись стрелой / птицей / молнией; падал / летел камнем [Рахилина 2000: 82].

Чуть отвлекаясь в сторону, здесь хочется отметить, однако, что во всех обсуждаемых в работе случаях, где представлены стативные ситуации, речь скорее идет не о творительном сравнения, а о творительном оформления, по классификации Р. Мразека; этот творительный «выражает, как что-либо внешне формируется, группируется, какой наружный вид получает в связи с действием» [Мразек 1964: 76]². На долю же сравнительного значения из числа рассмотренных автором остаются только употребления творительного при глаголах движения.

В самом деле, сравним значения падежа в поставить стулья овалом и, например, нестись стрелой. Первое высказывание означает примерно 'переместить стулья так, что их расположение становится похожим по форме на овал' — сам субъект действия при этом с овалом не сравнивается, он лишь каузирует объект принять форму овала. Второе же высказывание значит 'перемещаться так, как перемещается стрела' — и в этом случае со стрелой сравнивается именно субъект действия, идея каузации отсутствует. Легко видеть, что два данных примера семантически неоднородны; ср. также компоненты толкований 'так, что' и 'так, как' для первого и второго случая соответственно.

Эта же разница существует и для остальных примеров двух данных групп. Отметим особо, что даже в выпятить грудь колесом, где не предполагается никакого отдельного объекта каузации, а объектом является, так сказать, часть самого субъекта (выпятить грудь колесом означает, условно говоря, примерно то же, что выпятиться колесом), описанное различие остается. Данное выражение означает не 'выпятить грудь так, как ее выпячивает колесо' (в отличие от упомянутого выше нестись стрелой — 'перемещаться так, как перемещается стрела'), а 'выпятить грудь так, что она (или шире — сам объект) становится похожим на колесо'.

Но для обеих ситуаций — не имеет значения, пренебрегаем ли мы семантическим различием между ними или нет — принципиально важно, чтобы описывались наблюдаемые события и их легко доступные для

-

Отметим, что в работе [Зализняк 2006: 351, 355] подобные употребления отнесены к значению образа действия; ср. приводимые автором примеры сложить тетради стопкой, свернуть лист бумаги трубочкой, построиться рядами и др. В этой работе творительный образа действия противопоставлен творительному сравнения, в отличие от концепции Р. Мразека, согласно которой, как говорилось выше, сравнительное значение является частным случаем значения образа действия.

визуального восприятия особенности. «Во всех "ненаблюдаемых" случаях используется конструкция с *как*, не имеющая такого рода ограничений... Творительному же остаются "простые", зримые ситуации — положение в пространстве в определенной форме или особенное движение [Рахилина 2000: 83].

Вот некоторые примеры из НКРЯ: Пятнышко солнца ластилось, скакало котенком по коленям (В. Астафьев); Если бы у этого человека была квартира и деньги на будущее детей, то он не стал бы прыгать козлом на глазах у миллионов людей («Столица»); Он прыгает петушком вокруг большой крытой серой машины (А. Мариенгоф); Мой Гамлет в лосиновых сапожищах и в тюленьей, шерстью вверх, куртке, с размаху, безотчетным порывом прыгает тигром на табурет (В. А. Гиляровский); Перевитая лентой густая коса падала змеей на обнаженную руку (И. С. Тургенев); В один из погожих тех вечеров словно бы выпал из ветвей, упал паучком и оказался вдруг с нами четвертый из ее друзей (В. Маканин)³.

2.1. Перейдем теперь к рассмотрению случаев типа кричать выпыю. В указанной работе Е. В. Рахилиной отмечается также следующее: «Интересно, что зрительный эффект, как это часто случается в естественном языке <...> в нашем случае прямо соотносится со слуховым, звуковым, так что предикаты, описывающие характерный звуки, также легко описывают творительный сравнения: крякать уткой, квакать лягушкой, петь / разливаться соловьем, реветь белугой, выть волком» [Рахилина 2000: 84].

Но приведенные примеры, как кажется, не вполне однородны. Первые два подразумевают, что кто-то имитирует соответствующих животных, и передают не идею сравнения, а, так сказать, идею тождества. В самом деле, следуя логике изложенных рассуждений, нужно предположить, что сравнение подразумевало бы акцент на самой характерной, «бросающейся в уши», особенности звука, издаваемого соответствующим животным или птицей, и о совпадении (или даже менее строго — о сходстве) с этим звуком человеческого голоса лишь в отношении такой особенности. В данном же случае очевидно, что речь идет о полном совпадении голосов — или, по крайней мере, о стремлении к полному совпадению.

Разливаться соловьем и реветь белугой в современном языке могут быть употреблены только в переносном значении и действительно несут идею сравнения. Что же касается выражений петь соловьем и выть волком, то они могут иметь и прямой, и переносный смысл; в первом случае они обозначают имитационные действия и относятся к тому же типу, что

Отметим все же, что во всех данных примерах (где, безусловно, используется именно творительный сравнения) употреблены только глаголы движения, и ситуация, обозначенная ими, является динамической.

и *крякать уткой*, *квакать лягушкой*, а в переносном смысле, как и *разливаться соловьем*, *реветь белугой*, передают идею сравнения ^{4} .

Рассмотрим подробнее употребления первого типа. Как кажется, для их обозначения уместно употребить название «творительный имитации».

Однако надо сделать две оговорки. Во-первых, необходимо понимать, что речь здесь идет только об имитации звуков, и никогда — об имитации зрительно воспринимаемых признаков. Все глаголы, от которых может зависеть творительный падеж с данной семантикой — обязательно «звуковые», ср. свистеть, лаять, кудахтать, ухать; см. также примеры выше и ниже.

Во-вторых, такой творительный возможен только у имен, указывающих на животных и птиц, а также насекомых (последнее вполне допустимо, хотя и встречается значительно реже, ср. *пищать комаром*, жужжать мухой).

Вот несколько примеров описываемого творительного из НКРЯ: Скворец, скосив на нее круглый, живой глаз юмориста, стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и свистит иволгой, передразнивает сойку, кукушку, старается мяукнуть кошкой, подражает вою собаки, а человечья речь — не дается ему (М. Горький) [показательно, что здесь некоторые однотипные действия, часть которых представлена интересующим нас способом, описаны при помощи глагола передразнивать и подражать]; Когда шли пьесы, где действие весной в деревне, он всегда сидел в кулисах на стремянке и свистел соловьем (М. Булгаков); Шаман Бэки выкрикивал молитвы и, прижав к волосатому лицу бубен, то свистел дроздом, то гукал, как филин, то рычал, как медведь, или завывал волком (В. Ян); Оказывается, ни о чем не говорят, а просто хохочут без всякой причины, кричат петухом, лают пособачьи, хрюкают, мяукают (Н. Носов).

Примечательно, что многие примеры такого рода связаны с «охотничьими» контекстами, причем в этом случае в форме творительного выступают названия более, так сказать, «изысканных», «нетривиальных» животных или — чаще — птиц, чем в других употреблениях. Причина понятна: речь в таких контекстах идет о специальных охотничьих навы-

так и к значению образа действия.

⁴ Анна А. Зализняк относит, однако, случаи типа выть волком, реветь белугой к значению образа действия: «Сравнение, лежащее в основе творительного образа действия, не может быть неожиданным — тогда оно не будет понятно, то есть оно берется из уже имеющегося арсенала — в отличие от конструкций с творит. сравнения, которые неисчерпаемы... При повторном употреблении сопоставление может переходить уже в разряд конвенциональных. Предельный случай — сравнения с наиболее типичным представителем данного действия... например: выть волком (белугой), извиваться ужом <...> вцепиться коршуном» [Зализняк 2006: 356]. Очевидно, что описанные случаи являются переходными и в принципе могут быть отнесены как к значению сравнения,

ках, отсутствующих у других людей. Ср. весьма характерный пример: Даже заядлый охотник Лебедь не умел столь хорошо свистеть рябчиком, как я, а у моего отца это и вовсе не получалось (А. Ким). Ср. еще: Тотчас же в комнату входит ученик знаменитого охотника. Оглядевшись осторожно, он кричит перепелом. Ему отвечает чириканье скворца, и в комнату заглядывает Охотник (Е. Шварц); Но прежде чем лодка пристала к берегу, Увару Ивановичу еще раз удалось удивить своих знакомых: заметив, что в одном месте леса эхо особенно ясно повторяло каждый звук, он вдруг начал кричать перепелом (И. С. Тургенев).

Таким образом, «творительный имитации», примыкая семантически к творительному сравнения, тем не менее представляет собой относительно независимый тип употреблений. Повторимся, однако, что круг таких употреблений весьма ограничен: данная семантика встречается только у творительного имен, указывающих на животных, птиц (иногда насекомых), и такое употребление возможно только при «звуковых» глаголах.

Здесь следует сказать еще об одной важной особенности данного типа творительного. Интересно, что субъектом действия при таких глаголах (по крайней мере, прототипически) является человек. В самом деле: при том, что типичным случаем имитации является не только подражание людей голосам птиц, но и наоборот — воспроизведение птицами голосов людей, невозможно сказать *Шегол свистел Иваном Ивановичем, но только Иван Иванович свистел щеглом.

Данная разновидность творительного падежа, вероятно, характерна в настоящее время именно для литературного языка, ср. замечание С. К. Пожарицкой: «Тв / п в сравнительном обороте, широко используемый в фольклорных произведениях и в поэзии (типа *петь соловьем, ходить гоголем*), в обиходно-бытовой диалектной речи почти не встречается» [Пожарицкая 2004: 133]. (Автор, однако, оговаривается: «Отсутствие в диалектной речи ряда конструкций обусловлено спецификой устной формы ее реализации, поэтому нельзя считать локальной особенностью отсутствие или малую употребительность таких конструкций, которые продуктивны преимущественно в деловом или художественном стилях письменной речи либо в фольклоре» [Пожарицкая 2004: 133]).

2.2. В связи со сказанным чрезвычайно интересно остановиться на истории формирования сравнительного значения творительного падежа.

В [Творительный падеж 1958] указывается, что «предком» сравнительного значения данного падежа было значение превращения, отражающее древнее представление о способности человека оборачиваться тем или иным животным. Древнейшим поэтому являются употребления типа Се же есть первое тело свое хранить мертво и летаеть орломь и ястребомь и ворономь и дятлемь рыщуть лютымь зверьмь и вепремь дикимь летають змиемь рыщуть рысию и медведьмь (Ио. Экз. Болг., 211; цит. по [Творительный падеж 1958: 181]).

Ср. еще из Слова о полку Игореве (далее СПИ): Боянь бо вещий аще кому хотяше песнь творити то растекашеся мыслию по древу серымь вълкомь по земли шизымь орломь подь облакы (СПИ, 53); Всеславь... скочи влькомь до Немиги съ Дудутокъ (СПИ, 62); А Игорь князь поскочи горностаемь къ тростию и белымь гоголемь на воду (СПИ, 63); А Игорь князь... въвръжеся на бръзь комонь и скочи съ него босымь влькомь (СПИ, 63) [Творительный падеж 1958: 181].

Затем происходит семантическая трансформация: «Если в некоторых примерах из древних текстов субъект действия (движения) меняет свою материальную оболочку, превращается в животное или птицу с совершенно определенной целью, то в более позднее время тот же самый творительный в тех же самых или схожих грамматических условиях обозначает по сути дела животное или неодушевленный предмет, движение которого напоминает движение субъекта» [Творительный падеж 1958: 183]. Ср. обсуждаемый в этой работе пример Полечю рече зегзицею по Дунаеви омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле (СПИ, 62 / 63) [Творительный падеж 1958: 181].

Необходимо заметить, однако, что семантически идея имитации, представленная в *кричать выпью*, ближе древней идее превращения, чем семантика сравнения, представленная в соответствующем употреблении современного творительного падежа.

Существенную разницу между творительным имитации и творительным превращения составляет лишь то, что в приведенных примерах из древних памятников используется значительно более широкий круг предикатов. Как легко видеть, в подобных случаях возможны любые глаголы, обозначающие действия, которые воспринимаются зрительно. И это неудивительно: превращение в первую очередь есть именно зрительно воспринимаемый процесс.

В отличие от этого, полное тождество, являющееся целью имитации в рассматриваемых нами современных употреблениях, достижимо как раз только в звуковой сфере, что и обусловливает обсужденное выше семантическое ограничение на тип используемых предикатов.

Таким образом, творительный имитации, по-видимому, представляет собой промежуточную стадию семантического перехода творительного превращения в творительный сравнения. Идея имитации, разумеется, не тождественная идее превращения, все же очень близка последней: имитация, не будучи непосредственно превращением в кого-то, является, тем не менее, как бы попыткой такого превращения.

Нужно отметить, что в современном языке творительный превращения сохранился лишь в поэтической речи, принципиально ориентированной на неоднозначность прочтения и допускающей поэтому одновременно и идею сходства, и идею тождества субъекта действия с объектом, обозначенным творительным падежом (ср. введенный В. В. Вино-

градовым термин «творительный метаморфозы» [Виноградов 1972]). В непоэтическом употреблении идея тождества выражается творительным предикативным.

Как показала Анна А. Зализняк, «творительный метаморфозы» является переходным случаем между творительным предикативным и творительным сравнения: два последних значения противопоставлены тем, что «творит. предикативный... содержит утверждение «Х есть У», а творит. сравнения, наоборот, имплицирует «Х не есть У», в то время как «творительный метаморфозы», как было сказано, дает совмещение этих значений [Зализняк 2006: 360].

Очевидно, что в современном языке творительный имитации в этом ряду занимает положение, промежуточное между «творительным метаморфозы» — потомком древнейшего значения превращения — и творительным сравнения.

Учитывая историю возникновения рассматриваемой функции, можно объяснить, почему субъектом действия в ситуации имитации является человек. Идея превращения, послужившая семантической базой для творительного имитации, видимо, связывалась в первую очередь с человеческим существом. В самом деле, кажется естественным предположить, что и способность к превращению, и потребность в нем имеет именно человек.

С другой стороны, нельзя не отметить все же, что творительный имитации, как было показано выше, настолько близок творительному сравнения, что это может вызвать искушение объединить их в одну группу.

Библиография

Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.

Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Пожарицкая 2004 — Пожарицкая С. К. Беспредложный творительный падеж в севернорусских говорах на общеславянском фоне (семантика и синтаксис) // Исследования по славянской диалектологии 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опытов славянской диалектологии XX века. М., 2004.

Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

РГ 1980 — Русская грамматика. Т. І. М., 1980.

Творительный падеж 1958 — Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.

Ф. Р. Минлос

ЧТО ПРИТЯГИВАЕТ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ? ИЛИ ЛИНЕЙНАЯ ПОЗИПИЯ АТРИБУТОВ

Атрибут в средневековых славянских языках может стоять как перед существительным, так и после. Его линейная позиция традиционно связывается с такими факторами, как лексический состав словосочетания, коммуникативный контраст и языковой регистр. В настоящей статье анализируется зависимость места атрибута от состава именной группы и взаимного расположения ее частей. Объектом нашего исследования стали согласуемые притяжательные местоимения в древнерусских грамотах. Выбор такого класса атрибутов объясняется прежде всего техническими причинами: это несколько лексем, которые часто используются в текстах любого жанра, поэтому даже из сравнительно небольших текстов (вроде Русской правды или Псковской судной грамоты) можно извлечь показательный материал. Слово «согласуемое» ниже обычно опускается, по умолчанию везде имеется в виду указанный класс атрибутов.

Мы использовали следующие тексты (перечисляем в порядке, примерно соответствующем объему извлеченного материала): новгородские пергаменные грамоты XII–XV вв. (самое большое количество примеров), берестяные грамоты (преимущественно новгородские) XI–XV вв., Псковская судная грамота, смоленские торговые договоры XIII–XIV вв., «Слово о полку Игореве», Русская правда и галицкие грамоты начала XIV в.

В статье проанализирован материал новгородских пергаменных грамот (актов) N_2 1–101 по изданию [ГВНП] (кроме фальсифицированной грамоты N_2 32), т. е. из рассмотрения был исключен раздел частноправных актов этого издания. Договорные грамоты с князьями обычно подтверждали и уточняли предшествующие договоренности, поэтому они в значительной степени состояли из почти буквально повторяющихся (иногда в двух, иногда в десяти договорах) пунктов.

Материал берестяных грамот XII–XV вв. из Северо-Западной Руси (из Новгорода, Старой Руссы, Пскова и Твери) рассматривается в соответствии с интерпретациями, принятыми в [Зализняк 2004] ^{1} . Не учитывались грамоты, помещенные в [Зализняк 2004] в разделы «Тексты церковного характера», а также грамоты № 203, 330 (с формулой «господи, помоги рабу своему»), грамота № 521 (с любовным заговором) ^{2}

¹ Для фрагмента № 387, отсутствующего в [Зализняк 2004], использовано издание [Зализняк 1986: 205]; для грамоты № 962 использовано издание [Зализняк, Янин 2009].

² Грамота содержит постпозицию согласуемого притяжательного местоимения в предложном сочетании (*до тела до можго и до вида до можго*). Как показано ниже, такие примеры редки в берестяных грамотах.

и пара неоднозначно интерпретируемых именных групп. При каждом примере дается номер грамоты, огрубленная датировка и номер страницы в работе [Зализняк 2004] (т. е. ссылки вида [Зализняк 2004: 422] заменены краткими вроде «стр. 422»).

Смоленские торговые договоры (цитируются по [Смол. грамоты]) — это договор неизвестного смоленского князя с Ригою и готским берегом 1220-х гг. (Смол. дог. 1220-х гг.) и т. н. Смоленская торговая правда, или торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом (первая редакция датируется 1229 г., сокращенно Смол. дог. 1229 г.). Последний представлен в двух редакциях и шести списках. Для текстов предлагались различные датировки в пределах XIII–XIV вв.

При анализе многократно издававшейся Русской правды по Троицкому списку мы использовали работу [Юшков 1935]; текст Псковской судной грамоты дается по изданию [Псков. судная грамота]³. Наконец, использованы также 4 грамоты галицкого короля Льва Даниловича — это грамоты №№ 1, 2, 4, 5 по изданию [Грамоти XIV] и «Слово о полку Игореве» (можно указать на издание текста в [Зализняк 2007: 391–409]).

Наше исследование основано на подсчете примеров и анализе их процентного соотношения. Договоры Великого Новгорода с князьями содержат заметную долю совпадающих фрагментов, а списки Смоленской торговой правды совпадают почти полностью. Множественные вхождения одного и того же словосочетания в тождественном или почти тождественном контексте не имеют такую же самостоятельную ценность, как действительно разные примеры. Чтобы учитывать это различие при подсчетах, мы предлагаем различать экземпляр (непосредственно наблюдаемый объект, фрагмент конкретной грамоты) и пример (исследовательский конструкт, результат отождествления сходных фрагментов). Например, мы считаем, что один и тот же пример въ свою волость фиксируется в таких контекстах:

а из Бежиць, княже, людии н $\mathfrak b$ выводити в $\mathfrak b$ свою волост $\mathfrak b$ [ГВНП, $\mathfrak N$ 3];

а из Бъжиць вамъ, князи, не выводити людеи **въ свою волость** [ГВНП, № 22].

Сходные формулировки содержат также грамоты 6, 9, 10, 14, 15, 19, 26, таким образом, один пример въ свою волость фиксируется в 9 экземплярах. Процедуру отождествления экземпляров в разных формулировках новгородских договоров мы не формализуем, т. е. в какой-то степени

-

³ В этих юридических текстах мы не учитывали примеры, которые не относятся непосредственно к тексту закона: в Русской правде именную группу дружину свою из нарративной вставки (Володимъръ Всеволюдичь по С(ва)тополуъ созва дружину свою на Берестовъмы), в Псковской судной грамоте — именную группу отец своих из преамбулы (по бл(агосло)внію о(те)⁴ свои^х поповъ л. 1).

принятые решения остаются результатом нашего произвола. Для Смоленской торговой правды указывается количество примеров, для новгородских пергаменных грамот указывается как количество примеров, так и количество экземпляров (количество экземпляров дается в скобках в том случае, если оно отличается от количества примеров).

Используются следующие условные обозначения: AN (сокращение от Attribute Noun) — препозиция атрибута, NA — постпозиция, – предлог — именная группа без предлога, + предлог — предложная группа. Орфография примеров в некоторых случаях упрощена. Там, где соотношение примеров задается в процентах, проценты округлены до целых чисел.

1. Притяжательное местоимение в предложной конструкции

В этом разделе сопоставляются простые беспредложные именные группы (состоящие только из притяжательного местоимения и существительного) и простые предложные группы (состоящие из предлога, притяжательного местоимения и существительного); таким образом, не рассматриваются группы с другими атрибутами и с аппозитивами.

Простые беспредложные группы не представляют для нас самостоятельного интереса. Правила, описывающие линейную позицию притяжательных местоимений в таких группах, пока еще не изучены. Беспредложные группы рассматриваются только для контраста с данными о предложных.

Небольшой объем данных, извлеченных из смоленских и галицких грамот, позволяет привести их полностью в качестве иллюстрации в приложении.

Таблица 1. Новгородские пергаменные грамоты (XII-XV вв.)

	AN	NA
– предлог	128 (204)	81 (141)
+ предлог	55 (91)	3 (6)

Таблица 2. Берестяные грамоты (XII–XV вв.)

	AN	NA
– предлог	37	49
+ предлог	28	7

Таблица 3. Псковская судная грамота (XV в.)

	AN	NA
– предлог	33	9
+ предлог	18	1

Таблица 4. Смоленские торговые договоры (XIII-XIV вв.)

	AN	NA
– предлог	12	7
+ предлог	17	1

Таблица 5. Русская правда по Троицкому списку (XIV в.)

	AN	NA
– предлог	16	5
+ предлог	5	0

Таблица 6. Галицкие грамоты (начало XIV в.)

	AN	NA
– предлог	0	14
+ предлог	9	1

Рассмотренный материал подтверждает наблюдение, сделанное Дином Вортом в 1985 году [Worth 1985] на материале сочетаний с прилагательным новъгородьскыи: одиночные атрибуты в предложной группе обычно находятся в препозиции, между предлогом и субстантивом. Постпозиция местоимения в предложных группах необычна: в Русской правде она вообще не встретилась, в смоленских договорах, Псковской судной грамоте и в галицких грамотах фиксируется всего по одному примеру — на кола своя во всех трех списках Рижской редакции Смол. дог. 1229 г., оу брата своего (л. 12) в Псковской грамоте и от бояръ нашихъ в грамоте Льва Даниловича; в новгородских пергаменных грамотах 3 примера (5% от предложных групп), в берестяных грамотах 7 примеров (20% от предложных групп).

Крайняя редкость постпозиции в предложных группах показательна, конечно, лишь в том случае, если в беспредложных группах она представлена значительно шире. В этом отношении наибольший контраст демонстрируют галицкие грамоты (почти во всех предложных группах препозиция, во всех беспредложных — постпозиция), однако вполне вероятно, что такой яркий контраст в какой-то степени является случайностью, обусловленной небольшим объемом этой группы грамот. Зависимость позиции местоимения от наличия предлога удачным образом иллюстрируется парой примеров из одной берестяной грамоты: на мою сестроу ~ сьтроу мою (№ 531, нач. XIII в., стр. 416).

Согласно наблюдениям Д. Ворта, предлог влияет на позицию атрибута только при неодушевленных именах, тогда как при одушевленных атрибут в большинстве случаев (82–83%) стоит в постпозиции независимо от наличия / отсутствия предлога. Анализ этого результата (и разного поведения словосочетаний с двумя классами существительных в целом) выходит за рамки настоящей работы. Но можно с уверенностью сказать, что предлог определяет препозицию атрибутов при всех именах (см. [Минлос 2008: 209–210] с материалом Псковской третьей летописи по Строевскому списку (XVI в.)); в частности, в берестяных грамотах при именах лиц в беспредложных группах чаще встречается постпозиция (6 AN, 26 NA), а в предложных — препозиция (8 AN, 3 NA).

2. Притяжательное местоимение в аппозитивной конструкции

В именных группах, входящих в аппозитивную конструкцию, согласуемое притяжательное местоимение стоит между своим существительным и вторым элементом аппозитивной конструкции (личным местоимением или именем собственным), которое как бы «притягивает» атрибут: вамъ своеи осподи № 307 ~ mъсту мо mъму костантину № 519.

В материале берестяных грамот выделяются две основные конструкции:

- в именной группе, стоящей после личного местоимения, притяжательное местоимение обычно стоит перед существительным: тоби своему осподину (№ 413, нач. XV в.), нами своими хрестимны (№ 310, нач. XV в.), на теба на свожго *w*сподна (№ 310, нач. XV в.), вамъ своеи осподъ (№ 962, кон. XV — нач. XVI в.) — всего 10 примеров, и только 2 примера с обратным порядком. На самом деле, не все эти примеры одинаково самостоятельны. Данные по сочетаниям с личным местоимением в основном состоят из вхождений адресной формулы (инскрипции) челобитной сер. XIV — XV в., в которой за местоимением (ты или вы) следует именная группа вроде свои осподинъ, например на тебя на свою осподна (№ 310), ср. также конъектурную реконструкцию этого штампа в грамоте № 305 (кон. XIV — нач. XV в., стр. 668). Упомянутые два примера с обратным порядком содержат адресную формулу брату свожму (возможно, книжного происхождения): тобе братоу своюму (№ 334, кон. XIII — нач. XIV в.), тобъ много кланаса брату своюму (№ 283, конец XIV в.). Можно еще отметить, что в последнем примере (№ 283) представлена неконтактная аппозитивная группа (она разорвана глаголом кланаса); разорванная группа содержится также в одном из регулярных примеров (вамъ челомъ быю свожи осподъ, № 693, кон. XIV — нач. XV в., стр. 661).
- в именной группе перед именем собственным притяжательное местоимение всегда находится после существительного: ко зати моемоу ко горигори жи коумоу (№ 497, сер. XIV в.), осподину своему юрью (№ 446, кон. XIV в.), паробокъ твои кла (№ 301, 1-я пол. XV в.); 20 надежных примеров и еще 2 примера, основанных на конъектурах. Почти весь релевантный материал относится к сер. XIV XV в. (кроме адресной формулы къ братоу моемоу исоухиъ в послании № 605 нач. XII в.). Половина материала (11 примеров) содержит предложные группы (например, к осподину своему тимофию, № 17, кон. XIV нач. XV в., стр. 650). Таким образом, в предложных аппозитивных конструкциях в берестяных грамотах не предлог, а аппозитив определяет положение притяжательного местоимения.

Кроме того, есть два примера с именем собственным перед именной группой. В одном из них притяжательное местоимение, вопреки ожида-

ниям, стоит в постпозиции (воньзда шюрина и моега, № 82, конец XII в.). В этом примере следует отметить выделительную частицу и при место-имении (ее наличие, возможно, указывает на какое-то коммуникативное выделение, диктующее специальный порядок) и раннюю датировку примера.

Есть также небольшое количество сочетаний с существительным (*твои христьани дублани*), но существительные, видимо, не оказывают влияния на положение атрибута (впрочем, для суждений о них недостаточно материала).

Для оценки наблюдаемых соотношений стоит отметить, что в простых беспредложных группах в берестяных грамотах чаще наблюдается постпозиция (57%). По этой причине препозитивные примеры с личным местоимением (вамъ своеи осподъ) показательнее, чем постпозитивные примеры с личным именем (как осподину своему юрью), т. к. в большей степени контрастируют с порядком в простой группе.

В новгородских актах почти нет аппозитивных конструкций с личными местоимениями. В аппозитивах, в которых за именной группой с притяжательным местоимением следует личное имя (дъда твоего Ярослава [ГВНП, № 6], от твоего отчя Ярослава [ГВНП, № 2], нашь *брать* Есифъ [ГВНП, № 56]), чаще наблюдается постпозиция (14 AN, 24 NA, постпозиция составляет 63%). Преобладание постпозиции показательно, конечно, не само по себе, а только в сопоставлении с преобладанием препозиции в простых именных группах (182 AN, 84 NA, т. е. препозиция составляет 68%). Однако такое обобщенное сравнение может быть не вполне корректным. Точнее сравнивать положение местоимений при одних и тех же существительных в одних и тех же контекстах. Так как в аппозитивах с личными именами встречаются только одушевленные существительные (еще точнее, только имена лиц), с аппозитивами сопоставляются только простые именные группы, содержащие одушевленные существительные. Так как по крайней мере в простых именных группах положение местоимения зависит от наличия предлога, отдельно даются данные для предложных и беспредложных контекстов (см. таблицы 7, 8).

Таблица 7. Позиция притяжательного местоимения в именной группе перед личным именем в новгородских актах

	AN	NA
– предлог	9	18 (27)
+ предлог	5	6

Таблица 8. Позиция притяжательного местоимения в простых именных группах (с именами лиц) в новгородских актах

	AN	NA
– предлог	92 (168)	57 (110)
+ предлог	19	3

Хотя основным показателем мы считаем количество примеров, большое количество экземпляров все-таки делает свидетельство более весомым. В этой связи можно отметить, что примеры с постпозицией в аппозитивных конструкциях без предлога (которых и так в два раза больше, чем примеров с препозицией) фиксируются в нескольких экземплярах. Например, сочетания *отець твои Ярославь*, *отця своего Ярослава*, *брать твои Александръ* повторяются в договорных грамотах Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем [ГВНП №№ 1, 2, 3].

Выразим данные таблицы через процентную долю препозиции во всех представленных группах: в беспредложных группах перед именем собственным 33% примеров, в простых беспредложных группах 62%, в предложных перед именем собственным 45%, в простых предложных группах 86%. Особенно интересно, как ведут себя местоимения в предложных группах перед личным именем (когда два разных фактора тянут местоимение в разные стороны). Наблюдаемые в этом контексте 45% препозиции ближе к 33% препозиции в беспредложных группах перед именем собственным, чем к 86% процентам в простых предложных группах. Таким образом, можно констатировать, что притяжение притяжательного местоимения к аппозитивному имени сильнее, чем притяжение к предлогу. Этот результат согласуется с результатом, полученным для берестяных грамот (там в контекстах с личным имененем наличие предлога вообще не оказывает влияние на положение местоимения).

3. Притяжательное местоимение с прилагательным

Некнижные тексты (особенно грамоты) практически не дают материала для описания этого контекста, так как в них относительно редко встречаются сложные именные группы (в которых есть и местоимение, и прилагательное).

Показательный материал содержит, несмотря на небольшой объем, «Слово о полку Игореве». При отсутствии прилагательного местоимение обычно находится в постпозиции: крѣпостию своею, сердца своего, къ дружинъ своеи, главу свою, отца своего, гнъзда своего, грозы твоя, сулици своя, главы своя, дъду своему Всеславу, дружину твою (11 примеров, в том числе одна предложная конструкция и один аппозитив). Есть два исключения: свою ръчь (возможно, препозиция объясняется наличием противопоставления: врани граяхуть <...> а галици свою ръчь говоряхуть) и своими крамолами⁴. В именной группе с препозитивным

.

⁴ Для творительного падежа особенно характерна препозиция притяжательных местоимений. Этот контекст выделяется и на материале берестяных грамот: в сочетаниях с неодушевленным существительным в творительном падеже местоимение всегда стоит в препозиции (8 примеров), тогда как в других падежах (в именительном, винительном и родительном) количество примеров с препозицией и постпозицией местоимения примерно одинаково.

прилагательным притяжательное местоимение обычно предшествует прилагательному: своя въщиа пръсты, своя храбрыя плъкы, свои бръзыи комони, на свои бръзыя комони, своимъ златымъ шеломомъ, своя милыя хоти, своихъ милыхъ ладъ, своими сильными плъкы, моеи сребренеи съдинъ, на своемъ златокованнъмъ столъ, своими желъзными плъкы, своими острыми стрълами, своими острыми мечи, на своею нетрудною крилию, свои бръзая комоня, на своихъ сребреныхъ брезъхъ (16 примеров). Исключения из этого правила таковы: один пример с притяжательным местоимением после прилагательного (горячую свою лучю) и один пример постпозиции (вероятно, обусловленный аппозитивной конструкцией: сильнаго и богатого и многовоя брата моего Ярослава), два примера с прилагательным в постпозиции и местоимением в препозиции: в моемъ теремъ златовръсъмъ, свои мечи вережени.

4. Выводы

Описанные закономерности имеют одну общую черту: притяжательное местоимение обычно ставится контактно к словоформе, которая синтаксически не считается связанной с этим местоимением. Получается, что эти словоформы на каком-то уровне «склеиваются» в единое целое 5.

Рассмотрим, в какой степени поведение притяжательных местоимений совпадает с поведением других атрибутов:

- «Притяжение» к предлогу является универсальным свойством древнерусских одиночных атрибутов, см. [Worth 1985], [Минлос 2008].
- Вопрос о положении атрибута при наличии аппозитива еще не исследован на других классах атрибутов.
- Закономерности позиционирования нескольких атрибутов обсуждались в предшествующих работах ([Worth 1985], [Евстифеева 2008], [Минлос 2008]). Хотя проблема расположения нескольких атрибутов изучена еще достаточно фрагментарно, некоторые данные указывают на то, что «группировка» атрибутов не является их универсальным свойством. В частности, Д. Ворт указал на то, что примеры вроде въ всеи волости Новогородьскои № 1 встречаются в обследованных им новгородских грамотах из [ГВНП] в 6 раз чаще, чем примеры вроде во всеи Новгородскои волости № 70 [Ворт 1982 / 2006: 284] однако эта закономерность прослеживается только для предложных конструкций, т. к. для беспредложных недостаточно материала (слова вроде волость обычно встречаются с предлогом). Сходные данные приводятся в [Минлос 2008: 214], но тоже только для предложных конструкций.

⁵ Cp. y Д. Bopta: «Inanimates are forced into the order pAN by the obligatory syntactic coherence of the prepositional phrase, the opening of which is signalled by the preposition itself and the closure of which must be signalled by the governed noun» [Worth 1985: 543].

Относительно закономерности позиционирования прилагательных и местоимений, обнаруженной в «Слове о полку Игореве», можно отметить следующее. Основной альтернативой порядку своимь златымь шеломомь является не златымь шеломомь своимь (с постпозицией местоимения), а своимь шеломомь златымь (с постпозицией прилагательного). Такое соотношение можно объяснить исходя из модели, принятой в современном генеративном синтаксисе: препозиция всех атрибутов (напр., свои златыи шеломь) представляет собой базовый порядок, постпозиция атрибутов — результат преобразования этого базового порядка. Технически такое преобразование описывается как перемещение существительного влево, к началу именной группы. Эта модель предсказывает возможность конкуренции порядков своимь златымь шеломомь и своимь шеломомь златымь, которые различаются ровно на одно перемещение существительного.

Возможно, поведение притяжательных местоимений в какой-то степени отличает их от других атрибутов. Притяжательные местоимения, хотя и были ортотоническими (т. е. имеющими самостоятельное ударение) словоформами, тесно сливались с «полноценным» словом (вероятно, как из-за небольшой длины, так и по семантическим причинам): просодическое объединение с существительным предполагается на основании правил постановки энклитик [Зализняк 2008: 79]. Можно допустить, что обнаруженное «склеивание» притяжательного местоимения и прилагательного отражает их просодическое объединение.

Нельзя исключать того, что закономерности, обнаруживаемые при изучении линейного порядка в древнерусской именной группе, в какойто степени отражают не синтаксические, а ритмические требования.

Библиография

Борковский 1949 — *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2007 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2007

Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк, Янин 2009 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 г. // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 3–12.

Грамоти XIV — Грамоти XIV ст. Київ, 1974.

Евстифеева 2008 — *Евстифеева Р. А.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 162–203.

Минлос 2008 — *Минлос Ф. Р.* Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15).

Псков. судная грамота — Псковская судная грамота (фототипия и транскрипция). М., 1952.

Смол. Грамоты — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Ред. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.

Юшков 1935 — Юшков С. В. Правда руська. Київ, 1935.

Worth 1985 — Worth D. S. Animacy and adjective order: the case of новъгородьскъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XXXI–XXXII. 1985. P. 533–545 [русский перевод — Ворт Д. Одушевленность и позиция прилагательного: случай новъгородьскъ // Ворт Д. Очерки по русской филологии. М., 2006. C. 269–285].

Приложение

Материал, соответствующий таблице 4:

- р, AN, Смол. дог. 1220-х гг.: мои смолнане, своихъ немѣчь, моимъ смолнаномъ, свои тъваръ (2x), своею волею, своа емоу вола ⁶; Смол. дог. 1229 г.: свое моуже (D, E, F), свою члка (F), свою въла (A; свола С, своа емоу вола D, E, F), свои товаръ (4x D, 4x E, 3x F), своею волею (D, E, F).
- р, NA, Смол. дог. 1220-х гг.: радъ мои, радъ свои; Смол. дог. 1229 г.: отци наши (В), дъди наши (В), члвка своего (D, Е), товаръ свои (A, B, C), товара своего (A, B).
- + р, AN, Смол. дог. 1220-х гг.: при моемь o(mb)ци, при моемь брать, про свое моуже, про свое смолняны, в моемь смольскь, в моемь смольньскь, по своемоу соудоу; Смол. дог. 1229 г.: исвоего горда ^{7} (A, C, в списке В с упрощением: своего города), въ вашихъ городъхъ (В), до вашихъ городовъ (В), своимь товаромь ^{8} (А, В, С, D, Е, F), по своемоу соудоу (2х D, 2х E); своего дроужиною ^{9} (А, В, С), на своего члека (А, В, С), съ своимь члекмь (А, В, С), своего женъю ^{10} (А, В, оу своие жены С, D, E), въ своего товара (D, E, F).
  - + **р**, **NA**, **Смол. дог. 1229 г.:** на кола сво **м** (D, E, F).

Материал, соответствующий таблице 6:

- **p, NA:** прадъдъ нашъ (№ 1), прадед нашъ (№ 2), отецъ нашъ (№ 2), владыце нашему (№ 1), бо пре нашъ (№ 1), дъти нашъ (№ 1), грамоту нашю (№ 1), грамоту нашу (№ 4, 5), печать привъсили свою (№ 1), печат свою (№ 4), печать свою (№ 5), метрополиту нашему (№ 4), дътемъ мои^м (№ 4).
- **+ p, AN:** снашими болари (№ 1), на мое слово (№ № 1, 2, 4 2x, 5), межи наши границъ (№ 4), з нашего кна^женії (№ 4), за нашѣ предкы (№ 5).
  - **+ p, NA:** от ботръ нашихъ (№ 4).

288

⁶ Ср. то же сочетание в Русской правде: ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля (Пространная редакция, Троицкий список XIV в.)

⁷ Следует учитывать, что в древнерусском языке морфонологическое сочетание двух одинаковых согласных на стыке приставки и основы реализовывалось в виде одного согласного (довольно часто в орфографии и, вероятно, еще регулярнее в произношении), например, вместо с(ъ) своюю женою писалось своюю женою.

⁸ В списках В, С, D съ своимь товаромь.

⁹ В списке В съ своею дроужиною.

 $^{^{10}\ \}mathrm{B}\ \mathrm{cпискe}\ \mathrm{B}\ \mathit{c}$ ъ своею женою.

Берестяные грамоты. Аппозитивные сочетания

После личного местоимения

- р, AN (9): вы моя ога (№ 579, сер. XIV в., стр. 570), вамъ челомъ бью свою осподъ (№ 693, кон. XIV нач. XV в., стр. 661), тоби своюму осподину (№ 413, нач. XV в., стр. 662), тоби своюму осподиню (№ 301, 1 пол. XV в., стр. 666), нами своими хрестилны (№ 310, нач. XV в., стр. 670), тобъ своюму гну (№ 243, нач. XV в., стр. 674), вамъ своеи осподи (№ 307, 1 пол. XV в., стр. 678), тобъ своюму осподину (№ 302, 1 пол. XV в., стр. 679), вамъ своеи осподъ (№ 962, кон. XV нач. XVI в., [Зализняк 2008]);
- + **p, AN** (1): *на теб* на сво*к*го *w*спо∂на (№ 310, нач. XV в., стр. 670);
- **р, NA** (2): тобе братоу сво*к*моу (№ 334, кон. XIII нач. XIV в., стр. 526), тобъ много кланаса брату сво*к*му (№ 283, кон. XIV в., стр. 617).

По одному примеру в двух группах (из грамот №№ 693, 283) содержит неконтактную именную группу. Если их не рассматривать, преобладание примеров с препозицией будет более отчетливым.

Перед именем собственным

- **р, NA** (11): синь(мъ свои)[м]ъ василею ивану (№ 580, сер. XIV в., стр. 548), свекре мъ ε ми... (предполагается имя собственное, № 580, см. выше), осподину сво ε му юрью (№ 446, конец XIV в., стр. 590), снъ мои олофереи (№ 183, конец XIV в., стр. 639), брату сво ε му фом ε (№ 129, конец XIV в., стр. 643), тесту мо ε му костантину (№ 519, кон. XIV нач. XV в., стр. 653), [гну с]во ε му михаилу юре ε [ч]у (№ 311, кон. XIV нач. XV в., стр. 665), паробо къ твои кла (№ 301, 1 пол. XV в., стр. 666), па[робе] ε во ε мвои зенов[еи] (№ 308, нач. XV в., стр. 668), оспож (ε н) ашеи настас ε и (№ 307, 1 пол. XV в., стр. 678); с большой вероятностью, также ... сво ε му конъектуру полу (НГБ IX: 79).
- + р, NA (11): κ_{b} братоу моемоу исоухи † (№ 605, нач. XII в., стр. 271), ко зати моемоу ко горигори жи коумоу (№ 497, сер. XIV в., стр. 563), ко сестори моеи ко оулити (№ 497, см. выше), к огну моему к фефилату (№ 610, 2 пол. XIV в., стр. 571), ко брату моему офоносу (№ 178, кон. XIV в., стр. 590), ко свату моему максиму (№ 91, конец XIV в., стр. 593), к ос(подину мо)емо ко смену (№ 133, конец XIV в., стр. 599), [κ_{b}] жени своеи Ульгани (№ 942, кон. XIV в., стр. 634), к осподину моему фоми (№ 23, кон. XIV нач. XV в., стр. 647), к осподину своему тимофию (№ 17, кон. XIV нач. XV в., стр. 650), к сну к моему григорью (№ 125, кон. XIV нач. XV в., стр. 657), $\tilde{\omega}$ твъегъ клюцника $\tilde{\omega}$ вавулы (№ 310, кон. XIV нач. XV в., стр. 670), к сину к своему к исаку [ко оул]иану и к тимофию (Ст. Р 2, 1 пол. XV в., стр. 684).

После имени собственного

- р, NA (1): воньзда шюрина и моега (№ 82, кон. XII в., стр. 430).

+ p, AN (1): (*c*) — *аномо со своими су*[κ]*ладн*(*икомо*) ('со своим компаньоном' № 133, кон. XIV в., стр. 599);

Сочетание с существительным

– p, AN (1): *твои христьани дублани* ('твои крестьяне' № 540, нач. XV в., стр. 660);

– p, NA (2): ойь мои душевнъ игумень демидъ (№ 519, кон. XIV — нач. XV в., стр. 653) ^{11} , сиротокъ моихъ поблюле гладенцевъ (№ 693, кон. XIV — нач. XV в., стр. 661).

Примеры с притяжательным местоимением в двух частях аппозитивной конструкции: o(c) подъ свою роду племыни своюму (№ 519, см. выше), свои люди $\overline{z}$ целовъкъ свои (№ 281, кон. XIV в., стр. 598).

___

¹¹ Этот пример стоит особняком как из-за синтаксической сложности именной группы, так и из-за церковного, небытового характера этой группы.

Е. Н. Никитина

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОСТЬ И СТРАДАТЕЛЬНОСТЬ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ТОЖДЕСТВА

В одной из работ С. К. Пожарицкой по глагольной грамматике [Пожарицкая 1996] затрагивается проблема целей, которые ставятся в диалектологии в отношении языкового материала: С. К. Пожарицкая замечает, что, к сожалению, часто это сбор морфологических форм и «установление тождества формальных структур». Поставленная проблема оказывается шире, она охватывает не только диалектологию, но и русистику в целом, которая долгое время находилась под влиянием уровневой лингвистики и морфологизованной грамматики. Переход современной лингвистики от описательного этапа к объяснительному открывает новые перспективы — это изучение значимых языковых единиц в единстве их формы (морфлогической), значения (лексико-семантического) и функции (синтаксической), т. е. в связи с их бытием в тексте и, следовательно, в связи с фигурой говорящего. Потребность в новом подходе обозначена С. К. Пожарицкой как необходимость для исследователя «ставить своей задачей с о поставление функциональных различий и тождеств» [Пожарицкая 1996: 268].

Предметом настоящего исследования стали такие «морфологические ресурсы» языка, как неопределенно-личность и возвратность (с предикацией к объекту действия). И та, и другая форма выступают в конструкциях с синтаксическим нулем субъекта действия, что обнаруживает их способность к синонимическим отношениям.

На синонимию страдательных и неопределенно-личных предложений в лингвистической литературе уже обращалось внимание.

В рамках пражского функционализма шла речь о синонимии неопределенно-личного предложения и пассива, устанавливался факт «функциональной синонимии». В. А. Плунгян в рамках описательного подхода к общей морфологии отмечает, что «в русском языке нулевой агенс возможен и в активной (*Разговор прервали*), и в пассивной конструкции (*Разговор был прерван*); вторая является полным (с точностью до залога и прагматики) семантическим коррелятом первой» [Плунгян 2000: 200]. В. А. Плунгян указывает, что пассив выбирается в случае неизвестности агенса, а также и в том случае, когда агенсом является автор — в научном тексте сообщаемое важнее, чем личность сообщающего [Плунгян 2000: 201–202].

Функциональный подход к языковым явлениям заставляет предположить, что само наличие в языковой системе синтаксических синонимов, организованных разными морфологическими средствами (3-го л. мн. / мн. — постфикс -ся), обусловлено их текстовой предназначенностью,

способностью обслуживать разные речевые тактики — в противном случае они были бы устранены из языковой системы. Очевидно, синонимия между неопределенно-личностью и возвратно-страдательностью, базирующаяся на тождестве лексического значения глагола-предиката и нулевом выражении агенса, должна быть ограничена в связи с грамматикосемантическими и, как следствие, текстово-функциональными (и фунционально-стилистическими) возможностями этих синонимов. Если синтаксическая синонимия предполагает и сходство семантики, и возможность взаимозамены в текстах, то следует задаться вопросом о «функциональных различиях и тождествах» неопределенно-личности и страдательно-возвратности. Их разная грамматическая семантика, предположительно, должна проявляться в синтаксических (прочитываемых в конструкции) значениях лица (субъекта) и времени.

В работе [Мельчук 1974] приводятся ограничения на синонимию: субъектом неопределенно-личного предложения может быть только лицо, пассива — как лицо, так и животное, и стихийная сила.

Для неопределенно-личных предложений установлено, что «место-имение $0_{3\text{мн}}$ никогда не соотносится с лицом, находящимся в фокусе эмпатии» [Булыгина 1990], цит. по: [Булыгина, Шмелев 1997: 344], что получило терминологическое обозначение как эксклюзивность субъекта речи из состава субъектов действия [Золотова 1991]. См. также [ТФГ 1991: 168–170].

Проблема нулевого агенса в страдательных предложениях обсуждается в трансформационной грамматике. В книге Е. В. Падучевой [Падучева 2004] приводятся три трактовки «безагенсного» пассива в связи с «проблемой пропадающих актантов». Согласно первой из них, в предложениях типа Сообщается о потерях «агенс не то что меняет ранг, а уходит из концепта ситуации вообще» [Падучева 2004: 61], с чем, конечно, трудно согласиться: можно ли представить факт сообщения без сообщающего субъекта? Две другие трактовки, однако, оспаривают отсутствие агенса: согласно им, в предложении восстанавливается агенс с неконкретно-референтным статусом. Первая из них предложена В. А. Плунгяном [Плунгян 2000: 200] и приведена в книге Е. В. Падучевой: агенс неопределенно-личный (в морфологическом понимании этого термина вне отношения к субъекту речи) — т. е. нулевая диатеза в пассиве соответствует синтаксическому 0=поли в активе (по И. А. Мельчуку), и такое предложение синонимично неопределенно-личному. По другой трактовке Е. В. Падучевой, страдательное предложение — это трансформация действительного предложения с «опущением неспецифицированного агенса» кем-то. Такая интерпретация возможна лишь при анализе изолированного предложения. Очевидно, что при прочтении предложения Занятия проводятся на свежем воздухе (пример из [Плунгян 2000], [Падучева 2004]) в контексте, например, должностной инструкции восстанавливаемый в значении предложения агенс может приобретать более конкретные очертания, например, расщепляясь на каузатора (субъекта воли, предписывающую властную инстанцию) и исполнителя (функционера — адресата инструкции). Как и в случае неопределенно-личности, применительно к страдательным предложениям речь, скорее, должна идти не о неопределенности субъекта действия (что является частным значением неопределенно-личных предложений), а о его эксклюзивности, ср.: Его не видям — субъект действия Татьяна, предложение включено во внутреннюю речь Онегина.

В самом деле, анализ конкретных примеров со страдательно-возвратными предикатами показывает эксклюзивность субъекта речи. См., например: «Играют с азартом (дети). Самый большой азарт написан на лице у Гриши. Это маленький, девятилетний мальчик с догола остриженной головой, пухлыми щеками и с жирными, как у негра, губами. Он уже учится в приготовительном классе, а потому считается большим и самым умным» (Чехов, Детвора). В этом примере «Гриша считается большим» = большим считают Гришу дети; автор не включен в состав субъектов мнения, авторское мнение представлено в предложении выше: Это маленький, девятилетний мальчик. [Вообще рассказ строится таким образом, что начало дано с точки зрения детей: Папы, мамы и тети Нади нет дома; ...но разве можно уснуть, не узнав от мамы, какой на крестинах был ребеночек; но скоро авторская точка зрения меняется на внешнюю: дети изображаются дистанцированно, с мягкой усмешкой, ср. завершающий фрагмент, обнаруживающий внешнюю по отношению к героям-детям позицию автора, где содержится только одно цитатное, детское, слово — мамина (постель): ...через какие-нибудь пять минут мамина постель представляет собой любопытное зрелище. Спит Соня. Возле нее похрапывает Алеша... Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!] Авторская эксклюзивность реализована и в первом предложении анализируемого абзаца — неопределенно-личном: Играют с азартом¹, внешний наблюдатель (не ребенок) обнаруживается в предложении азарт написан на лице.

Ср. также: ...гораздо сложнее обстояло дело с теми английскими моими знакомыми, которые считались — и которых я сам считал — культурными, тонкими, человеколюбивыми, либеральными людьми, но которые, несмотря на свою изысканность, начинали нести гнетущий вздор, как только речь заходила о России (Набоков, Другие берега).

¹

Ср. с предложением из «Пиковой дамы» Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Его начальная позиция в тексте, а также форма мн. ч. прош. вр. (неактуальное время, информативный регистр), позволяющая соотносить опущенный субъект с мы (и, следовательно, с Я), затрудняет признание его неопределенно-личным, т. е. исключающим субъекта речи из субъектов действия, — в отличие от предложения из «Детворы» Играют с азартом (актуальное время, репродуктивный регистр) — форма 3 мн. ч.наст. вр. однозначно разделяющая Я, мы и они.

Противопоставление не- $\mathcal{H}$ и $\mathcal{H}$, выраженное страдательно-возвратным предикатом (считались = которых считали), поддержано уточняющей вставной конструкцией рядом — с переходным глаголом и $\mathcal{H}$ -подлежащим — $\mathcal{H}$ считал) — мнение автора представлено в предложении рядом, что можно объяснить тем, что возвратный предикат считались предполагает эксклюзивность $\mathcal{H}$, ср. *мои английские знакомые, которых мы считали — и которых я сам считал — культурными.

Рассмотрим, как семантически может восполняться синтаксический нуль субъекта действия в предложениях с возвратно-страдательными предикатами и их синонимические отношения с неопределенно-личностью.

Исполнитель — **слуги** (неважное для изложения лицо или группа лиц) предъявлялись синтаксическим нулем в классической художественной литературе XIX в., обнаруживающей точку зрения героя или автора — дворянина, ср.:

В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы
с тремя античными грациями, с перламутным щегольским щитом, и
рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни
хозяйка, ни слуги; А между тем доход в хозяйстве собирался попрежнему: столько же оброку должен был принесть мужик, таким же
приносом орехов обложена была всякая баба, столько де поставов холста должна была наткать ткачиха, — все это сваливалось в кладовые... (Гоголь, Мертвые души).

Мы собирались у него раза по два в неделю; бывало весело, особенно когда он не жалел шампанского. Вино **забиралось** в лавке того же Андреева (Достоевский, Бесы).

Ср. с аналогичным использованием неопределенно-личных предложений: *Но чай несут*, но чай несут... (Пушкин, Евгений Онегин); *Подали* обедать; сердце ее сильно забилось. Дрожащим голосом объявила она... (Пушкин, Метель).

В XX в., в советское время, возвратно-страдательные предложения стали использоваться для называния властной инстанции, это еще один вариант осмысления эксклюзивности субъекта речи — размежевания личности говорящего и власти, ср.:

Мне последнее время все тоскливо. Безденежье одолевает. Скандал, учиненный мною президиуму Института, был полезен для других. Мне не прощается то унижение, та необходимость самооправдания и извинений, в которую я поставил обнаглевших «попутчиков». И вообще все проходимцы, все ученые «хамы» (простите за резкость) теперь суживают свои круги около меня и грозят мне новыми неприятностями.

Но не хочу участи Эйхенбаума. В Университете идет глухая борьба. Щерба **отводится** от лингвистики и **приковывается** к экспериментальной фонетике (В. В. Виноградов, письмо к жене).

Ср. также пересказ журналистом сюжета нового фильма: Турецкие имена насильно меняются на болгарские, и Иван оказывается участником этого болезненного процесса. В его ведении официальные печати, которые ставятся на новые удостоверения личности.

Здесь также возможна синонимическая замена возвратно-страдательных предикатов на неопределенно-личные, ср.: мне не прощают того унижения..., Щербу отводят от лингвистики и приковывают к экспериментальной фонетике; турецкие имена насильно меняют на болгарские... Прочтение неопределенно-личности в связи с «действиями государственной власти» предложено в [Пушкарева 2005: 344—349]. Пропавшего Римского разыскали с ошеломляющей быстротой; Там с Никанором Ивановичем вступили в разговор; То есть как? — спросили у Никанора Ивановича, прищуриваясь и т. д. (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Синтаксический нуль в предложении с возвратно-страдательным предикатом может возводиться к конкретно-референтному единичному субъекту действия, отчужденному от $\mathcal A$ говорящего (или субъекта сознания в художественном тексте):

— Мама!.. — начал было он, но остановился, заметив, что няня шепотом что-то сказала матери... Она подошла к нему... Он понял, что она была несчастлива и любила его. Он понял даже то, что шепотом говорила няня. Он слышал слова: «Всегда в девятом часу», и он понял, что это говорилось про отца и что матери с отцом нельзя встречаться... (Толстой, Анна Каренина); нулевой субъект действия — няня, субъект сознания — Сережа.

Сужение до одной личности отчужденного от субъекта речи (сознания) субъекта действия находим в повестях Ю. В. Трифонова. Вообще мир героя трифоновских повестей, который открывается перед читателем в момент подведения «предварительных итогов», когда обозначается граница между прошлым и настоящим (ср. названия повестей, которые содержат имена процессуальной и временной семантики — долгий, прощание, жизнь, предварительный, семантики «изменения» и «окончания» — другой, итог, прощание), той временной точкой, которая освещена рефлексией и благодаря этому уже не принадлежит старой жизни; герой переживает отчуждение от прошлого через внутренний суд и размежевание с супругом, которое находит выражение в грамматике — предложения с возвратно-страдательных предикатами в прош. вр. с нулевым конкретно-референтным Он-субъектом, включенные во внутреннюю речь героя:

Тут было еще суеверие, нечто вроде тайного страха, в каком даже себе не признавался: если он позволит, значит, и там будет что-то позволено. Наверное, там и позволялось (Долгое прощание). Речь идет об

измене, *там* — «пространственное» обозначение нулевого субъекта — жены героя.

А Ольге Васильевне были чужды муки тщеславия. Ее мучило другое. Конечно, семь лет угроблено на музей, никакой отдачи, никаких накоплений, сам виноват: постоянно разжигали его пустые грезы. Но и они виноваты, все, все, кто был вокруг!... Семь лет! Те годы, когда ровесники делали лихорадочные усилия... А он жил так, будто у него впереди девяносто лет. Были какие-то планы, делались изыскания в архивах, велись переговоры с издательством на тему... (Другая жизнь); нулевой субъект — муж героини.

Сначала были муки жадности и колебания совести, но потом Рита стала гордиться и рассказывать всем знакомым, что отдала больной домработнице лучшую вещь, украшение дома: безумно жаль, но что делать. Там, в обители страдания, она нужнее, чем на розовой стене рядом с Пикассо. ...При этом как-то забывалось, что драгоценность принадлежит Нюре (Предварительные итоги); нулевой субъект — жена героя.

Ср. с интерпретацией Т. В. Булыгиной индивидного конкретно-референтного субъекта в *Его не видят, с ним ни слова* (Татьяна), а также в примере из мемуаров Н. Ильиной: *Слушали меня холодно, глядели отчужденно* (Катерина Ивановна).

Таким образом, неопределенно-личность и возвратно-страдательность обнаруживают сходство в субъектной перспективе — эксклюзивность субъекта речи (сознания).

Однако рассматривая референциальные возможности $0_{3\text{мн}}$ и нулевого субъекта действия в пассивной трансформации, Т. В. Булыгина показала, что первая форма исключает говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего, а вторая не несет запрета на осмысление в субъекте действия Я говорящего, ср.: Как здесь уже говорили (не Я) — Как здесь уже говорилось (возможно Я), цит. по: [Булыгина, Шмелев 1997: 345].

Обращает на себя внимание тот факт, что возвратные глаголы несов. в. прош. вр. со страдательным значением часто используется в мемуарах — при изображении привычных, повторяющихся действий автора в прошлом: И новогодние подарки c елок.. B больших пластиковых зайчиках, медведиках, лисичках, снежинках. Подарок вытряхивался и старательно перебирался, конфеты пересчитывались... (Интернетресурсы). Прошедшее время отодвигает сообщаемое от говорящего и адресата не только по линии времени, но и по линии лица — от говорящего, т. е. субъектная перспектива усложняется за счет расхождения двух временных инстанций $\mathcal A$ по разным субъектным сферам: субъекта речи — $\mathcal A$ момента речи и субъекта действия — $\mathcal A$ воспоминания, которое равно не- $\mathcal A$. Таким же образом о детстве ребенка могли бы вспоминать, например, и его родители. О дистанции между разными временны-

ми инстанциями Я свидетельствует и то, что чужое действие, точно не совершаемое Я, получает то же самое грамматическое оформление — возвратностью, ср.: При этом папа обычно был в замешательстве, когда я хотела что-нибудь почитать. Вытаскивался какой-нибудь «неплохой» роман, который я читала, чтобы вскоре забыть (Л. Кнорина); А еще в гастрономах строились громадные пирамиды из консервных банок, а из маргарина и спичек лепились большущие ежики (Интернетресурсы). Тем самым возвратность и здесь реализует свою способность к исключению субъекта речи из субъектов действия, указывая на дистанцированность между Я момента речи, модусным и Я другой временной инстанции, диктальным, сходным с Он-субъектом.

Примеры показывают, что речь в таком случае может идти не только о собственно Я, но и о социальном круге, возрастной группе (в воспоминаниях о детстве), к которой принадлежал автор мемуаров. Ср.: Купить новый квадратный томик издательства «Скира» было большим счастьем, а если случалось достать книгу Рене Магритта или Сальвадора Дали, то это становилось известным всему нашему кругу в Москве. Каждая новая книга тщательно рассматривалась, а затем репродукции поочередно закрывались листом бумаги с полуторасантиметровым отверстием посередине. И художник отгадывался «по мазку». Андрей [Тарковский] очень любил играть в эту игру (М. Н. Ромадин, мемуары). Ср.: Мы настолько ненавидели сливки, что между нами было установлено правило: ... «кто услышит слово "сливки", тот оглохнет». Конечно, заранее почти невозможно было предугадать момент, когда взрослые произнесут слово «сливки», поэтому уши, чаще всего, зажимались задним числом, ретроспективно... (Интернет-ресурсы).

Воспоминание как свойство человеческого сознания обладает принципиальной способностью к воспроизводимости: сознание может многократно повторять событие, даже если оно в действительности имело место однократно — именно поэтому, вероятно, воспоминание тесно связано с несовершенным видом. Несовершенный вид в соединении с прош. вр. и возвратностью позволяет организовать герметичный мир воспоминаний — мир, в который невозможно попасть в качестве участника, но который можно воспроизвести как кинопленку.

Страдательно-возвратные предикаты как механизм удаления сообщаемого и субъекта действия от говорящего могут использоваться в публичных выступлениях, например, в научных статьях и т. д., когда $\mathcal A$ распределяется по двум субъектным сферам — субъекта речи и субъекта действия, представляемого как не совпадающее с $\mathcal A$, что способствует удалению от $\mathcal A$ говорящего и объективизации изложения, ср.: Он имел одну дочь, Дарью... и сына Павла Христиановича, о котором не раз будет говориться в моих записках (Н. И. Греч, Воспоминания).

Иногда этот прием встречается в частной переписке, отдаляя содержание от $\mathcal H$ и позволяя произнести высказывание с точки зрения ад-

ресата: Дорогая-дорогая! Письмо будет мудрым. Среди занятий пишется. И вопрос для меня сейчас больной. С Вами болезнью поделюсь. Для речи о Есенине она явилась. Тема — о лирическом лице (В. В. Виноградов, письмо к жене); Имей в виду, что это пишется совершенно серьезно и мне совсем, совсем нетрудно это сделать, в особенности если это сделает тебя менее несчастной. (Л. Ландау, письмо к жене). Ср. аналогичное употребление неопределенно-личности с «фокусом эмпатии» в адресате: У нас не курят (предположительно, курит или может закурить адресат, и именно он, а не говорящий эксклюзивен); ср. также: Говорят тебе, надень галстук. У Т. В. Булыгиной подобные употребления прокомментированы следующим образом: «...в принципе возможны высказывания, в которых $0_{3_{MH}}$ реально соотносится с говорящим; но показательно, что именно в таких высказываниях эффект "отчуждения" становится особенно явным и отчетливо ощущается, что говорящий становится на точку зрения другого лица» (цит. по [Булыгина, Шмелев 1997: 346]).

Наше исследование показывает, что обнаруживаются ограниченные — по сравнению с возвратно-страдательностью — возможности неопределенно-личности по линии синтаксического **лица** (субъекта).

Напротив, различие по категории синтаксического **времени** проявляется в том, что у неопределенно-личности шире регистровые возможности. При функциональном единстве синтаксического нуля — указании на исполнителя действия при эксклюзивности говорящего — возвратно-страдательность работает обычно в информативном регистре (узуальное время), неопределенно-личность — как в информативном, так и в репродуктивном регистре (узуальное и актуальное время). Это означает возможность синонимической замены возвратности на неопределенно-личность и наоборот обычно в рамках информативного регистра: ввечеру подавался / подавали подсвечник, вино забиралось / забирали из лавки, приносилось / приносили вино — между предикатами в имперфективной узуально-характеризующей функции (несов. в., повторяемые действия).

В рамках репродуктивного регистра предикаты (обычно в аористивной и перфективной функции — морфологически сов. в.) не могут быть заменены на возвратно-страдательные в силу того, что последние обычно ограничены по виду (только несов.), ср.: подали обед (репродуктивный регистр, аористивная функция) — [?]обед подался. Ср. также невозможность замены в несов. в. — в имперфективно-процессуальной

Коммуникативные регистры (в коммуникативной грамматике) — это модели речевой деятельности; в частности, репродуктивный регистр характеризуется совпадением времени действия и времени восприятия (актуальное время), а информативный — разъединением времени действия и времени речи (узуальное время).

функции: Чай несут — [?]чай несется. Однако в «Войне и мире» встречаем возвратно-страдательный имперфективно-процессуальный предикат (в рамках репродуктивного регистра): толпы раненых... шли, ползли и на носилках неслись с батареи. В этом примере имеет место общий, генерализованный взгляд наблюдателя (другие термины: панорамный, «взгляд с высоты птичьего полета» — Б. А. Успенский) на обширное пространство и множественность действий и нереферентных субъектов и объектов действия (толпы раненых), множественность действий в наблюдаемом пространстве (репродуктивный регистр, перцептивный модус) сближается с множественностью действий во времени (информативный регистр, ментальный модус), основанием чему является обобщающая ментальная работа наблюдателя — субъекта сознания.

В рамках модуса воли (прескриптивный текст) замена возвратно-страдательных предикатов на неопределенно-личные нехарактерна; здесь фиксируется синонимия с императивом и инфинитивом — в условиях совпадения субъектных сфер адресата и субъекта действия (см. [КГ 2004: 351–352]). Ср.: фотографии обрезаются и наклеиваются — обрежьте и наклейте фотографии — фотографии обрезать и наклеить. Синонимия неопределенно-личности / возвратно-страдательности обычно реализуется в инструктивных, рекомендательных, но не предписывающих текстах, например, в кулинарных рецептах: лук пассеруется — лук пассеруют.

Возникает вопрос: есть ли между обсуждаемыми типами предложений разница в грамматической семантике нулевого субъекта при синонимических отношениях предложений? Видимо, форма на -ся не только отчуждает субъекта речи от субъектов действия, но и способствует обобщению группы говорящих в нерасчлененную массу, в отличие от дискретных субъектов в неопределенно-личной конструкции: У нас обсуждали новое происшествие — У нас обсуждалось новое происшествие. Семантическая разница между типом нулевого субъекта действия в неопределенно-личной и возвратной модификации в том, что субъект первого типа — множественный, дискретный (люди); субъект второго типа — нерасчлененный, единый, совокупный (масса, толпа, коллектив, группа — для обозначения синтаксического нуля субъекта действия в неопределенно-личных предложениях и используется знак $0_{\text{=люди}}$, предложенный И. А. Мельчуком).

В целом это соотношение неопределенно-личности и возвратнострадательности соответствует соотношению синонимических лексем nodu — nodu

разница реализуется в грамматических возможностях лексем: *люди* имеет супплетивную форму единственного числа, одушевленное; *народ* — singulare tantum, неодушевленное. Здесь проявляется механизм подавления категорией собирательности категории одушевленности / неодушевленности: сама возможность употребления во множественном числе является тестом на одушевленность, так как именно во множестве может обнаруживаться дискретность (одушевленность) единицы.

Согласно Н. К. Онипенко, «субъект собирательный занимает особое положение в иерархии субъектов: если множественное дискретное не лишает субъекта индивидности, то множественное собирательное, а также единственное в значении совокупности не позволяет субъекту иметь статус индивида» [КГ 2004: 313]. Это наблюдение касается именной грамматики, в глагольной грамматике мы видим обратный механизм. Максимально индивидный субъект $\mathcal A$ взаимодействует с целостностью, а осмысление $\mathcal A$ через субъекта дискретного запрещается: множественная дискретность субъекта неопределенно-личности полностью разрывает связь с высшей степенью индивидности ($\mathcal A$), множественная целостность субъекта возвратно-страдательности позволяет соединение с $\mathcal A$ другой временной инстанции.

Как следствие разности в семантической структуре множественности (дискретность / целостность), лексемы люди — народ по-разному взаимодействуют с коммуникативным регистром (синтаксическим временем): люди одинаково, без «семантических добавок», употребимо в репродуктивном и информативном регистрах: На улице стояли люди — Умные люди так не поступают. Народ образует абстрактные, ненаблюдаемые значения «Население той или иной страны»; «Нация, национальность, народность» (которые предполагают полную парадигму по числу), реализующиеся в информативном регистре. Такое соотношение синонимической пары имен люди — народ сходно с регистровым распределением неопределенно-личности и возвратно-страдательности. Можно предположить, что дискретность субъекта в неопределенно-личных предложениях связана с его агентивностью и, тем самым, с максимальным контролем субъекта действия над действием, в отличие от страдательности: здесь, по-видимому, контроль над ситуацией переходит к субъекту речи. Этим, вероятно, можно объяснить функционально-стилистическую предназначенность именно страдательности (как в форме возвратности, так и в причастной форме), а не «синонимичной» неопределенно-личности для официального деловых контекстов, ср., например, невозможность в милицейском протоколе фраз типа Магазин ограбили, Гражданина избили. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в синонимической паре неопределенно-личность / возвратно-страдательность проявляется такое свойство категории субъекта: категория индивидности не всегда напрямую связана с категорией агентивности; максимально индивидный субъект (Я) тяготеет к целостной множественности (малоагентивной), но исключает идентификацию с максимально агентивным дискретным множественным субъектом³.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1. Характерным признаком страдательного значения возвратных предикатов является эксклюзивность субъекта речи. Были рассмотрены три типа эксклюзивности $\mathcal{H}$:
- (1) говорящий не связан с ситуацией действия;
- (2) говорящий каузирует действие, но не исполняет его, являясь субъектом высшего ранга;
- (3) действие выполняется говорящим (или он входит в состав субъектов действия), но действие отнесено к плану прошлого, что позволяет разъединить разные ипостаси говорящего $\mathcal A$ момента речи (сейчас) и $\mathcal A$ совершения действия (прошлое), которое нетождественно $\mathcal A$ момента речи и подчиняется режиму 3-го лица.

Типы эксклюзивности (1, 2) сходны для непределенно-личности и страдательно-возвратности, что создает основу для их синонимии («функциональное тождество»).

- 2. Возвратно-страдательные предикаты являются средством обобщения ситуации, способом передачи языковыми средствами внеязыковой закономерности удаление по линии времени (узуальное, повторяющееся)⁴. Это свойство обнаруживает функциональные различия между возвратно-страдательностью и неопределенно-личностью.
- 3. При синонимии неопределенно-личности и возвратно-страдательности между ними обнаруживается разница. Первый из синонимов обладает бо́льшими функциональными возможностями по категории времени (предназначенность для употребления в актуальном и неактуальном времени) и действия (бо́льшая акциональность), второй по категории лица (способность предицировать $\mathcal A$ другой временной инстанции) и субъекта (бо́льшая индивидность).
- 5. Грамматическая семантика возвратно-страдательных предикатов, в отличие от неопределенно-личных, характеризуется функционально-стилистической предназначенностью: они востребованы, помимо науч-

³ Это же свойство реализуется на шкале акциональности возвратных глаголов: сосредоточенность на «только Я»-субъекте отменяет значение действия, преобразуя его в состояние (Мне не пишется, не работается, не спится), только значение субъекта «Я как все» дает полноценное значение действия, и следовательно, агентивность субъекта: переоделся, побрился [Никитина 2008].

_

Грамматическая семантика обобщения по линии синтаксического времени предполагает ограничение и по лексической семантике: страдательное значение с трудом принимают глаголы конкретного физического действия («обрабатывающие» по Ю. С. Степанову): мыть — мыться, бить — биться; их возвратные дериваты скорее прочитываются на уровне диктальных субъектов в собственно- и взаимно-возвратном значениях, которые употребительны и в наблюдаемых контекстах.

ных текстов, в прескриптивных текстах и в мемуарах — в условиях (1) удаления от $\mathcal H$ говорящего по линии синтаксического времени и лица при (2) сохранении контроля над ситуацией за констатирующим субъектом речи, но не субъектом действия.

Библиография

- Булыгина 1990 *Булыгина Т. В. Я*, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования: Памяти ак. Г. В. Степанова. М.; Л., 1990. С. 111–126.
- Булыгина, Шмелев 1997 *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Золотова 1991 *Золотова Г. А.* Субъектные модификации русского предложения // Sagners slawistische Sammlung. Bd. 17. Munchen. 1991. S. 509–515.
- КГ 2004 Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Мельчук 1974 *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974. С. 343–361.
- Никитина 2008 *Никитина Е. Н.* Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Падучева 2004 *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 2000 Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Пожарицкая 1996 *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996.
- Пушкарева 2005 *Пушкарева Н. В.* Неопределенно-личные предложения как средство создания картины мира в художественном тексте // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2005.
- ТФГ 1991 Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Успенский 2000 Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб., 2000.

И. В. Галактионова

КУДА ЕЗДЯТ ДИАЛЕКТОЛОГИ? (О СЕМАНТИКЕ НЕКОТОРЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ УДАЛЕННЫХ ОТ ЦЕНТРА МЕСТ И НЕМНОГО О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ)¹

Софье Константиновне, которая убедила меня, что я слышу, с благодарностью

Основной вопрос, на который я постараюсь ответить в этой статье, — это вопрос о том, какие русские существительные подходят для обозначения тех мест, куда ездят диалектологические экспедиции филологического факультета и куда, как настоящий диалектолог, ездила и С. К. Пожарицкая. У этих мест есть, конечно, точные географические названия, но меня будут интересовать не слова деревня или село, область или район, не номенклатурные сочетания населенный пункт или поселок городского типа и не топонимы, а существительные, указывающие на у д а - л е н н о с т ь этих мест от столицы, то есть слова глубинка, провинция и подобные. Рассмотрение таких слов и составит основной — нефонетический — сюжет данной статьи.

* * *

В русском языке, как, вероятно, и в любом другом, есть большое количество слов, обозначающих части разнообразных объектов, в том числе и пространственных, то есть таких, которые занимают определенную территорию. К пространственным объектам относятся материки, острова, океаны и другие крупные участки рельефа земной поверхности (говорят, например, о центре материка или о восточной оконечности острова); поля, леса, озера, пустыни и прочие элементы ландшафта (ср. край поля, опушка леса, сердце пустыни); города и другие населенные пункты (окраина города, деревенская околица); площади, дворы, скверы и другие фрагменты населенных пунктов (центр площади <двора>). К пространственным объектам относятся в том числе страны и государства, а также административные территории внутри государств (области, провинции, кантоны, края, графства и пр.).

Как уже говорилось, речь пойдет о таких словах, которые обозначают часть страны или какой-либо территории внутри страны по ее расположению относительно центра.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и гранта НШ-3205.2008.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ.

Нужно заметить, что слов, обозначающих ту часть, которая сама является центром, очень немного: это собственно слово *центр* (в центре страны²), слово столица (обозначающее главный в административном отношении населенный пункт, который поэтому является центром), сердце (например, Москва — сердце России) и, возможно, какие-то другие. А вот слов, называющих части страны, не являющиеся центром и обычно весьма от этого центра удаленные, достаточно много — это глубинка, глухомань, глушь, дыра, захолустье, места, периферия, провинция, регионы, тмутаракань³. Таким образом, «п е р и ф е р и й н а я» з о н а разработана языком гораздо лучше «центральной», причем, что любопытно, часть этих слов совсем новые — они вошли в язык не раньше начала XX века.

Диалектологические экспедиции отправляются не в центр, а, наоборот, в места достаточно удаленные от центра, поэтому, чтобы ответить на вопрос, как они называются, нужно рассмотреть слова именно последней группы ^{4} .

* * *

Общее свойство всех рассматриваемых здесь «периферийных» слов — это содержащееся в них указание на противопостав-ленности от центра (реальной или лишь воспринимаемой как таковая) и связывается в этих словах с некоторыми другими характеристиками обозначаемых ими территорий.

Начнем с тех слов, которые указывают на роль обозначаемой ими части в некоторой с трук туре — в структуре власти или в структуре организации или учреждения. Это слова *места*, *регионы* и *периферия*.

Места и регионы — это такие части территории страны, где располагаются подчиненные центру органы власти или низовые звенья какойлибо организации. Места и регионы противопоставлены центру по функ-

_

² Слово *центр* в составе сочетания в *центре страны* используется в своем основном значении (в MACe оно имеет номер 2) — 'место, одинаково удаленное от краев, концов чего-л.; середина'. У *центра* есть и «административное» значение (или, по крайней мере, употребление), указывающее на его место во властной иерархии и реализующееся в контекстах типа *указания «директивы»* из *центра*, в *центре* и на местах.

³ Среди перечисленных есть многозначные слова, которые входят в рассматриваемую группу только одним из своих значений, о чем будет говорится ниже.

Часть рассматриваемых здесь слов, а именно глубинка, периферия и провинция была описана автором для «Активного словаря русского языка», создаваемого под руководством акад. Ю. Д. Апресяна, и обсуждена на заседаниях Сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Пользуясь случаем, выражаю благодарность всем коллегам, принимавшим участие в обсуждении.

циям в единой структуре: центр управляет, руководит, на местах и в регионах выполняют указания.

В рассматриваемом здесь значении слово *место* имеет только формы мн. числа, на что указывают словари, в том числе MAC^5 , где соответствующее (шестое) значение толкуется так: 'Провинция, периферия, а также периферийные организации, учреждения (в противоположность центру, центральным организациям и учреждениям)' — с примером *делегаты с место*. Аналогичное значение фиксируется уже в СУш, где на первое место вынесено упоминание об организациях (что, на мой взгляд, лучше отражает специфику слова): 'Организации или учреждения, не являющиеся центральными органами государства, города: периферия, провинция (нов.)'. РСС отмечает, что это значение реализуется только в сочетаниях *на местах* и *с место*, фактически образующих фраземы или наречные сочетания: внутрь нельзя вставить никакого определения. Помимо указанных в РСС, безусловно, возможно также сочетание *на места* (*отправить инспекцию на места*).

О том, что места — это не просто отдаленная от центра территория, а именно территория, где располагается часть какой-либо иерархической структуры, свидетельствует приемлемость контекстов типа Мы приехали в столицу с мест только в тех случаях, когда субъекты являются представителями какой-либо структуры — например, делегатами, но не, скажем, трудовыми мигрантами; ср. неправильное *Сезонные рабочие <безработные> приехали в столицу с мест. Ср. также власть на местах, но вряд ли ??рыбалка на местах; инспекция на местах, но вряд ли ??экскурсия на местах; жалобы с мест, ответы с мест на запросы министерства юстиции, но не *родственники с мест.

Любопытно, что несмотря на помету «новое» в СУш, сходные употребления фиксируются очень давно; ср. В соответствии с такой мерой султана именно эти двое пашей будут действовать на местах с целью добиться восстановления спокойствия мирным путем (А. Я. Италинский, Документы / 1815); Наконец, сочли всего удобнее, для окончательного рассмотрения предположений об устройстве Закавказского края [...], отправить на места особую комиссию (М. А. Корф, Записки / 1838–1852)⁶.

Сходным образом используются формы мн. числа слова регион.

МАС фиксирует у этого слова только одно значение: 'Обширный район, соответствующий нескольким областям страны или нескольким

5

В тексте используются стандартные сокращения для названий словарей; список сокращений и полных названий словарей см. в конце статьи.

Источником всех примеров, для которых указаны автор и название произведения или периодическое издание, является Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ). Исключением являются те случаи, когда в качестве источника примера в явном виде указан тот или иной словарь. При необходимости после примера может быть указана дата создания произведения.

странам, объединенным экономико-географическими и другими особенностями', которое сопровождает примерами сибирский регион России, азиатско-тихоокеанский регион. Таким образом, регион не указывает на расположение обозначаемой им территории относительно центра: можно говорить как о регионах, удаленных от центра (ср. дальневосточный регион, северо-западные регионы), так и о центральном <столичном, московском> регионе.

Однако имеются также контексты, в которых форма мн. числа *регионы* обозначает только такие части страны, которые не являются центром и которые центру противопоставлены. Ср. специалисты из регионов; В регионах правые идеи еще больше дискредитированы / чем в Москве (Заседание клуба «Новые правые» / 2004); Выяснилось, что более 30 процентов работников налоговых органов в регионах не имеют высшего образования («Новороссийский рабочий», 15.01.2003).

По датам, указанным после примеров, видно, что подобное использование слова *регионы* появилось недавно. Надо сказать, что слово *регион* — вообще довольно позднее заимствование: в СУш оно отсутствует, первая фиксация в НКРЯ относится к 1929 году, но с этого момента до 1960 года имеется всего шесть употреблений этого слова (при общем количестве зафиксированных корпусом употреблений — 14706)⁷.

К словам места и регионы примыкает слово периферия.

Словари фиксируют для него отдельное значение, указывающее на часть территории. В МАСе это первое значение: 'Отдаленная от центра местность' (приехать с периферии, работать на периферии). Иллюстрирующий это значение литературный пример имеет метаязыковой характер и противопоставляет слова провинция и периферия: Унылое слово «провинция» потеряло право на местожительство в нашей стране. Когда сегодня хотят упомянуть о пунктах, отдаленных от центра, говорят — периферия (Диковский, Периферия / МАС). В СУш соответствующее значение — последнее, четвертое — толкуется так: собир. 'Организации или учреждения, не являющиеся центральными органами, находящиеся на местах, не в центре (офиц.)' (работать на периферии, работник периферии); кроме того, в рамках этого значения фиксируется также употребление: собир. 'Провинция' (поехал на периферию, живет на периферии).

На мой взгляд, точнее толкование в СУш, поскольку обсуждаемое здесь значение слова *периферия* связано с местом в иерархической структуре, а не просто с удаленностью от центра. Можно *работать на периферии* (то есть в каком-то местном отделении той или иной организации, а не просто в отдаленном от центра районе), *отправить(ся)*

⁷ По НКРЯ можно проследить, с какого времени появляются обсуждаемые здесь «периферийные» употребления формы мн. числа; однако в рамках данной статьи такое исследование не проводилось.

<поехать> на периферию (опять-таки — работать), но нельзя *проводить отпуск на периферии, *отправить в ссылку на периферию. Вряд пи можно сказать "К нам приехали родственники с периферии или "На периферии много озер и лесов (либо это другое, второе по МАСу, значение — удаленная от центра часть (любого) объекта). Кажется не очень удачным и приводимое в СУш сочетание живет на периферии; ср. со стандартным живет и работает на периферии. Ср. также Просидеть всю жизнь в центральном аппарате нельзя, не принято, надо какое-то время поработать на периферии и вернуться в Москву с опытом практической работы на местах (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Таким образом, все три слова (в обсуждаемых здесь значениях) — места, регионы и периферия — обозначают у д а л е н н ы е от центра территории, рассматриваемые с точки зрения расположения на них неглавной, п о д ч и н е н н о й части некоторой иерархической с т р у к т у р ы. Эти слова свидетельствуют о закрепленности в языке представления о «горизонтали власти», а не только о ее «вертикали» Все три слова указывают на о б ъ е к т и в н у ю характеристику территории, которая не может приписываться по желанию говорящего. Все они стилистически ненейтральны, имеют номенклатурно-канцелярскую окраску и по этим причинам совершенно не годятся для обозначения тех мест, куда ездят диалектологические экспедиции.

Остальные рассматриваемые здесь слова с горизонталью власти не связаны. С одной стороны, все они также указывают на отдаленную от центра часть территории, с другой — в каждом из них есть некоторые д о п о л н и т е л ь н ы е к о м п о н е н т ы значения, которые и оказываются центральными в этих словах. Идея удаленности отходит в них на второй план, а на первый план выступает о ц е н к а территории по какому-либо параметру.

Начнем рассмотрение этой группы со слов *глушь* и *глухомань*, значения которых очень близки.

У слова *глушь* МАС выделяет два значения. В первом, более конкретном значении это слово толкуется как 'густо заросшая часть леса, сада': здесь есть указание и на тип объекта — лес, сад, и на признак обозначаемой части этого объекта — густые заросли; отметим, что такие части сада или леса обычно расположены достаточно далеко от человеческого жилья и в них редко бывают люди. Второе значение слова *глушь* толкуется как 'отдаленное от поселений, пустынное место' и иллюст-

Любопытно, что *лесная глушь*, то есть *глушь* в первом значении, — это скорее центральная часть леса; иначе говоря, это слово может служить примером энантиосемии.

⁸ Языковые свидетельства «вертикальности» власти, разумеется, также существуют; ср., например, контексты типа находиться на вершине власти, правящая верхушка, подниматься по служебной лестнице, Верхи не могут, низы не хотят.

рируется примером Ни огня, ни черной хаты, Глушь да снег... Навстречу мне Только версты полосаты Попадаются одне (Пушкин, Зимняя дорога / МАС); в рамках этого значения отмечено также употребление 'малонаселенный, удаленный от центров культурной жизни город, деревня, село и т. п.; захолустье' с примером Библиотека невелика, но в ней все, что необходимо для культурного человека, попавшего в глушь (Шишков, Угрюм-река / МАС). К обсуждаемой группе лексики слово глушь относится в своем втором значении.

Слово глухомань имеет только одно значение, которое обычно толкуется в том числе через отсылку к слову *глушь* ¹⁰. По смыслу *глухомань* соотносится (хотя и не полностью) с двумя указанными значениями слова *глушь* ¹¹.

Анализ контекстов со словами глушь и глухомань подтверждает правильность выделения двух кругов употреблений внутри анализируемых здесь значений (второго значения слова глушь и единственного значения слова глухомань).

Первым, основным кругом употреблений является обозначение не на селенной от поселений территории; ср. Похоже, они забрались в такую глушь, что везде только кусты да болота и ни одной деревни (В. Быков, Болото); Там была тайга, глухая темень, болота, лесные речки, медведи, глухомань (Ю. Домбровский, Хранитель древностей); ср. также Забрались в какую-то <глухомань> — не у кого дорогу спросить; В этой глуши <глухомани> можно хоть целый день идти — никого не встретищь. Здесь акцентируется именно отсутствие людей и населенных пунктов 12, что является объективной характеристикой территории. При этом глушью и глухоманью могут быть названы только такие территории, где люди в принципе могли бы жить, поэтому даже самая удаленная от жилья часть океана или даже пустыни не может быть названа этими словами.

Именно в этом круге есть некоторые различия между значениями рассматриваемых слов. Глушь может обозначать территорию с любой растительностью: возможны сочетания таежная глушь и степная глушь и контексты типа Мы забрались далеко в тундру. В этой глуши уже не встре-

 $^{^{10}\,}$ Ср., например, толкование из MACa: 'Глухое, безлюдное место; глушь'.

¹¹ Не могу не привести красивый пример из К. Г. Паустовского, в котором глухомань соотносится с первым значением слова глушь и в котором упоминается и другой тип употреблений этого слова: Первое «лесное» слово, какое меня совершенно заворожило, было глухомань. Правда, оно относится не только к лесу, но я впервые услышал его (так же, как и слово глушняк) от лесников. С тех пор оно связано в моем представлении с дремучим, замшелым лесом, сырыми чащами, заваленными буреломом, с йодистым запахом прели и гнилых пней, с зеленоватым сумраком и тишиной (К. Г. Паустовский, Золотая роза).

¹² Показательно, что эти слова помещены в зону дериватов словарной статьи БЕЗЛЮДНЫЙ в НОССе.

тишь человека. Глухомань скорее применима к территориям, покрытым лесом: можно сказать *таежная глухомань*, но нельзя **степная глухомань*.

Во втором круге эти слова приобретают о це но ч ны й, субъективный характер: они обозначают уже населенные места, но такие, в которых очень мало людей. При этом небольшое количество людей в этих местах обычно связано с их удаленностью от центра и труднодоступностью из-за особенностей природных условий, из-за плохих дорог или отсутствия транспорта; в результате до них очень сложно добраться, из них сложно выбраться и на это уходит много времени; блага и приметы цивилизации в них почти отсутствую т; в свою очередь небольшое количество людей не оказывает существенного влияния на окружающий мир и природа остается почти нет р о н у т о й. Ср. контексты, подтверждающие некоторые из указанных свойств глуши и глухомани: Не так уж далеко пришлось ехать, достаточно было только свернуть с асфальтовой дороги, но мне казалась, что я заехал в такую даль и глушь, до которой никому не добраться (Б. Хазанов, Далекое зрелище лесов); Это случилось, когда его призвали в армию и отправили в такую глушь, куда не только что Макар телят не гонял, а где даже комары дохли (О. Глушкин, Вавилон); Церковь оказалась не в соседней станице, а черт знает в какой глухомани, откуда Владимир добирался обратно весь остаток ночи и добрый кусок утра (Б. Васильев, Были и небыли); Меня удивила беспрекословная готовность этого денди переться в глухомань, к черту на кулички, в поселок (тогда еще Джиганск был поселком), где по центральной улице разгуливали куры, а во дворах, засаженных картошкой, устремлялись в небо журавли колодцев (Р. Киреев, Четвертая осень).

В этом круге слабые различия между глушью и глухоманью почти стираются. Так, в приведенных выше примерах везде возможна подстановка одного слова вместо другого. Правда, замена глуши на глухомань сопровождается легким о ценочным сдвигом. Слово глухомань, по-видимому, имеет слабую положительную оценку: в НКРЯ не зафиксированы сочетания типа *беспросветная <жуткая, дремучая> глухомань, а вот соответствующие сочетания со словом глушь встречаются. Глушь же в рассматриваемом круге употреблений несет отрицательную оценку; ср. следующий пример: Такие деревушки назывались «медвежьими углами» 13. Так что можно сказать, что я родился в самой что ни на есть дремучей русской глуши — в «медвежьем углу». [...] У тех, кто не знает фактического положения вещей, слова «глушь» и «медвежий угол» вызывают в воображении образ оборванных и грязных людей в лаптях, не умеющих читать и писать, живущих в тесных, тем-

•

Фразема медвежий угол близка по смыслу к рассматриваемым здесь словам и даже входит в толкование некоторых из них, но она оставлена за рамками статьи из-за своего фразеологического характера.

ных и грязных клетях вроде медвежьих берлог (А. Зиновьев, Русская судьба, исповедь отщепенца).

Как кажется, о т о р в а н н о с т ь от окружающего мира, от активной жизни, от цивилизации — главное свойство глуши и глухомани, поэтому так можно назвать и места, объективно не очень удаленные от центра, но обладающие перечисленными свойствами. Ср. Это же надо — в такой глуши, за восемьдесят километров от Москвы, и такая кухня, такой сервис! (Е. Попов, Свиные шашлычки); Мы ведь здесь, можно сказать, в глухомани, хоть недалеко от столицы. Подмосковная Сибирь. Особенно как весной река разольется, телефонная связь портится и на другой берег перебраться целая проблема (Ф. Горенштейн, Куча). Ср. также Он был совсем молодым учителем, попавшим в наше село по распределению [...]. Приезжала его мама «отмазывать» своего Игорька от работы в нашей глухомани. Она так и говорила: «глухомань», хотя у нас не такая уж и глушь. Между прочим, в колхозе и санаторий есть, а в зимнем саду даже лимоны растут (Сельская новь, 16.12.2003).

В глуши и глухомани из-за их оторванности от внешнего мира легко спрятаться, затеряться: Мы переиграем во все. Завтра ты будешь местная помещица, а я — знатный иностранец [...], который скрывается в вашей глуши от кредиторов и морочит тебе голову (Д. Быков, Орфография); Бабушка после ареста мужа и нескольких безуспешных попыток узнать о его судьбе бежала к своей сестре Нюре в глухомань под Горьким (Н. Климонтович, Далее — везде). Ср. также контексты типа Где-то в степной глуши <таежной глухомани> затерялся небольшой поселок. В глушь и глухомань можно сослать человека, чтобы изолировать его от активной жизни: А тех авторов, кого не было и быть не могло в городской библиотеке, ему охотно давал на прочтение сосед, священник здешнего прихода отец Ксенофонт, человек с академическим образованием, сосланный в глушь за строптивость и впадение в ересь экуменизма (А. Лазарчук, М. Успенский, Посмотри в глаза чудовищ). О людях же, не бежавших в эти места и не сосланных в них, уместно спросить Как их занесло в такую глушь <глухомань>? и ответить, что Они неизвестно как попали в эту глушь <глухомань>.

Вообще, *глушь* и *глухомань* практически не взаимодействуют с центральной частью территории. Обозначенные этими словами места не могут служить источником талантов или новых идей для центра (ср. прагматически странное ^{??} таланты *<самородки> из глуши <глухомани>*).

Несмотря на семантическое сходство, эти слова очень разные по возрасту. Γ лушь фиксируется с конца XVIII — начала XIX века (в НКРЯ более тысячи контекстов ^{14}). Ср. абсолютно современный пример He-

¹⁴ НКРЯ дает 1112 контекстов по запросу «глушь», однако из-за неснятой омонимии в выборку попадают формы повелительного наклонения глагола *глушить* и авторские употребления (например, *глушь* в значении 'глухота').

смотря на всю прелесть ее общества и искреннее желание сопровождать меня в изгнание, я не хотела принять такой жертвы, потому что ее здоровье было самое нежное и требовало попечения и медицинских средств, недоступных в той глуши, куда изгоняли меня (Е. Р. Дашкова, Записки / 1805). Глухомань — слово относительно новое; в НКРЯ имеется всего 137 вхождений, причем первые относятся к 30-м годам XX века.

Подходят ли слова *глушь* и *глухомань* (разумеется, во втором круге употреблений) для обозначения сел и деревень, куда ездят диалектологические экспедиции? Думаю, что не очень, хотя, конечно, эти населенные пункты весьма удалены от центра. Слово *глушь* не подходит, потому что несет абсолютно неуместную в данном случае отрицательную оценку. Слово *глухомань* более приемлемо; в корпусе даже встретился «экспедиционный» контекст употребления этого слова: *На практику мы выезжали в глухомань* — на Псковщину или там в Архангельскую область, собирали по деревням костюмы, ткачество, рисовали, слушали бабок, ходили в клуб на танцы, купались (А. Боссарт, Повести Зайцева). Но почему-то и *глухомань* тоже не хочется использовать.

Следующее слово, о котором пойдет речь, — слово захолустье.

Словари отмечают у этого слова только одно значение, однако МАС выделяет внутри этого значения отдельное употребление. В этом словаре дается основное толкование 'Глухое, отдаленное от культурного центра место', которое снабжено в том числе примером «А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье» (Пушкин, Капитанская дочка / МАС). Кроме того, согласно МАСу, это слово может обозначать и часть города, значение в таких контекстах толкуется иначе: 'Глухая, отдаленная от центра часть города' 15, например: Я жил в одном из лондонских захолустий (Герцен, Былое и думы).

Приведенные толкования не позволяют увидеть различий между словами *глушь* и *глухомань*, с одной стороны, и словом *захолуствье* — с другой ¹⁶. Между тем различия все-таки существуют. Прежде всего, *захолуствье* — это всегда населенная территория. Сочетания *степное <таежное> захолустве* неуместны, если речь идет о степи или тайге, где нет поселений. Таким образом, имеет смысл сравнивать *захолустве* только со вторым кругом употреблений слов *глушь* и *глухомань*.

О захолустье можно сказать многое из того, что говорилось об этих словах. В частности, захолустье труднодоступно из-за плохих дорог и транспорта, в нем почти нет благ цивилизации. Ср. Хлестаков говорит о каком-то захолустье, из которого скачи хоть три года, а никуда не доедешь (П. А. Вяземский, Старая записная книжка); Суздальская земля

.

 $^{^{15}}$ СУш такого употребления не отмечает.

¹⁶ Из приведенных толкований видно, что эти слова толкуются фактически друг через друга.

вовсе не была захолустьем, — напротив, лежала на перекрестке путей (Г. Флоровский, Пути русского богословия).

Но вместе с тем это слово акцентирует внимание не на малом количестве живущих здесь людей и относительной нетронутости природы, а на отсталости, заторможенности в развитии и, возможно, даже некотором у пад ке. Захолустье, на мой взгляд, — это скорее небольшой городок, — а не деревня, в которой жизнь насыщена из-за близости к природе 17, — городок, жизнь в котором течет крайне вяло, где почти ничего не происходит, а немногочисленные события лишь подчеркивают это правило: За 10 лет моей более сознательной жизни в Влоцлавске я могу перечислить все «важнейшие события», взволновавшие тихую заводь нашего захолустья (А. Деникин, Путь русского офицера).

Когда-то такой городок строился и развивался и в те времена не был захолустьем, а затем остановился в своем развитии или даже пришел в упадок ¹⁸; ср. Ее не покидало чувство, что, утратив его [метро], Ереван провинциализируется окончательно и бесповоротно, превратится в некое восточное захолустье [...]. Собственно, главная беда ведь не в том, чтоб быть восточным захолустьем испокон веку, изначально, худо таковым стать [...] из почти европейского города (Г. Маркосян-Каспер, Кариатиды). Вообще, стать захолустьем можно, а вот сочетание стать глушью <глухоманью> звучит как-то необычно.

Отсталость, упадок связываются в слове захолустье с отрицательный бурьян, по употреблено здесь иронически ¹⁹.

18 Ср. пример на употребление слова *захолустный*: *Их город* [...] не развивался и не рос, напротив — становился все более захолустным (О. Славникова, Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

¹⁷ Ср. нестандартность или даже неправильность в современном языке сочетаний *захолустная деревня, *захолустное село при абсолютной стандартности захолустный город <городишко>.

¹⁹ Так, в повести В. Попова «Очаровательное захолустье» ни о каком очаровании описываемого захолустья речи не идет.

Слово *захолустье*, как и *глушь*, фиксируется, по данным НКРЯ, с конца XVIII века, однако оно гораздо менее частотно (всего 349 против тысячи примеров на *глушь*).

Слово *захолустье* совсем не подходит для обозначения тех мест, куда ездят экспедиции, во-первых, из-за того, что это деревни и села, и, во-вторых, из-за содержащейся в этом слове отрицательной оценки.

Коротко остановлюсь еще на двух словах — дыра и тмутаракань.

Слово дыра в значении 'Глухой, удаленный от центров культуры город, село и т. п.; захолустье' (второе значение по МАСу) фиксируется НКРЯ уже с начала XIX века. Из уже рассмотренных слов оно в наибольшей степени сближается со словом захолустье прежде всего отчетливо выраженной сильной отрицательной оценкой, которая мотивирована з а б р о ш е н н о с т ь ю этого места. Отсюда характерные сочетания проклятая <отвратительная, чертова> дыра, ужасная <жуткая> дыра, похоронить себя в этой дыре. Дыра — это такое место, где нормальный человек по своей воле оставаться не захочет; ср. Возница выразил сомнение в здравом рассудке своих пассажиров и добавил, что Верона — глухая дыра, где порядочным людям нечего делать (К. Паустовский, Золотая роза); Она объяснила, что Судак, в сущности, — страшная дыра, тут на крепость раз сходить, а больше смотреть нечего, ейбогу, волком взвоешь (Ю. Черниченко, Небесная глина).

Еще одна черта сходства дыры и захолустья — возможность обозначения удаленной от центра части города. Но если у захолустья отмеченные МАСом употребления такого рода ощущаются как устаревшие (см. пример выше), то дыра, напротив, легко используется в таких контекстах; ср. Он [...] знал, что вялый Алимушкин разменялся не лучшим образом, но он и думать не думал, что живого человека могут запихнуть в такую дыру. Комнатушка была мала, ободрана, вся в потеках и без мебели (В. Маканин, Ключарев и Алимушкин).

Дыра — это что-то такое м а л о з н а ч и т е л ь н о е, не важное для окружающих, что о ней может быть мало кому известно (в этом отношении дыра больше похожа на глушь и глухомань); ср. характерное сочетание какая-то дыра, а также Коренной завод наш, московский, в такую дыру закинуло, что даже на карте ее нет (К. Симонов, Живые и мертвые). Именно это свойство неизвестности выходит на первый план в слове тмутаракань.

Это слово имеет несколько орфографических вариантов: *тмутаракань* и *тьмутаракань*. В НКРЯ зафиксировано всего 90 его употреблений, при этом около трети из них приходится на топоним *Тмутаракань* — название древнерусского города, существовавшего в X–XII веках на Таманском полуострове. Впрочем, отличить нарицательное значение от собственного, если слово пишется с прописной буквы, не всегда возможно. Так, первый по времени контекст, где, возможно, представлено нарицательное значение, фиксирует-

ся в НКРЯ в 1941 году: В каждом корпусе было по нескольку лентяев [...], которые с самого начала решали, что их выпустят подпрапорщиками в гарнизон в какую-нибудь Тмутаракань (А. Крылов, О подготовке специалистов / 1941); но его, несомненно, можно трактовать и как расширенное употребление собственного существительного: можно было бы сказать в какую-нибудь Орловку или в какой-нибудь Урюпинск. Об отдельном нарицательном значении уверенно можно говорить с 60-х годов XX века.

Соответственно, слово *тмутаракань* (с вариантом *тымутаракань*) фиксируется только самыми последними словарями. Например, есть оно в СШ, который дает толкование 'Захолустье, глушь, медвежий угол', не выявляющее специфики значения этого слова. На мой взгляд, особенность *тмутаракани* состоит в том, что в этом слове акцентируется компонент смысла 'н и к т о не з н а е т, где это место находится', что является основным следствием удаленности от центра и малоразвитости называемого словом населенного пункта. Для этого слова чрезвычайно характерны сочетания типа *какая-то тмутаракань*, где-то в тмутаракань, куда-то в тмутаракань.

Естественно, что в *туда* никто не ездит: туда обычно *отправляют*, посылают, распределяют; а если в этом месте живут, то иронично говорят наша тмутаракань. Ср. Гуров [...] взвился, словно его собирались засылать в никчемную тмутаракань собирать прошлогодний снег (Н. Леонов, А. Макеев, Эхо дефолта); Дед прожил в России года три, до семнадцати, обучаясь в гимназии славного города Кременчуга, куда забросила инженерная судьба его отца (знатоки утверждают, что в те времена это была не такая уж Тьмутаракань, как нынче) (Н. Климонтович, Далее — везде).

Излишне говорить, что ни ∂ ыра, ни mмутаракань не могут быть ответом на поставленный в начале статьи вопрос.

Следующее слово — провинция. Разные словари выделяют у него разное количество значений, но сходятся в одном: у этого слова есть, в одной стороны, «административное» значение (или значения), в котором оно используется для называния административных единиц некоторых государств (провинции Канады, китайские провинции; в том числе истор. римские провинции 'подвластные Риму территории вне Италии' и российские провинции 'административная единица внутри губернии в России XVIII века'), а с другой — значение, которое в МАСе толкуется как 'Отдаленная от столицы, центра местность; периферия', в этом значении используются только формы ед. числа, и именно оно меня сейчас интересует. Тип смыслового сдвига при образовании производного значения такой же, какой происходит на наших глазах со словом регион, о чем сказано выше, но в слове провинция он произошел очень давно: в НКРЯ оба типа значений представлены в самых ранних имеющихся

текстах; ср. Тверь и Новгород я давно знал, но первый может назваться заставой Москвы, а последний петербургской. Володимир — настоящая провинция (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... / 1788–1822).

У рассматриваемого здесь значения *провинции* есть к о н н о т а - ц и и о т с т а л о с т и, малоразвитости, ограниченности, низкого культурного уровня, на основании реализации которых возможны, во-первых, контексты употребления типа Эх ты, провинция!; Отголоски обиды еще звучали в его витиеватом предисловии: мы люди неученые, провинция, рассуждаем без интегралов (Д. Гранин, Искатели), а во-вторых, значения производных слов: провинциал — 'человек с привычками, особенностями, свойственными жителям провинции, а также человек с ограниченными интересами, с узким кругозором и т. п.'²⁰ (толкование МАСа) — и провинциальный, которое значит в том числе 'отсталый, наивный и простоватый'. Но если производные слова либо оценочно нейтральны, либо содержат отрицательную оценку, то само слово провинция не так однозначно.

С одной стороны, провинция может использоваться в негативных контекстах; ср. характерные сочетания глухая <сонная, дремучая, патриархальная> провинция; Дом ребенка [...] помещался в окраинном переулке, в одном из тех, где Москва перестает быть Москвой, где вылезает из-под ее облика глубокая, глухая провинция (И. Грекова, Вдовий пароход). С другой — провинция может оцениваться и положитель в центре; ср. Это был типичный представитель тех славных стариков докторов, которые сохранились только еще в провинции (Д. Мамин-Сибиряк, Бойцы); Говорил он по-русски безупречно, с приятной старомодностью, какую у нас можно еще встретить кое-где в провинции (Д. Гранин, Зубр); Столицами восторгаются, восхищаются, гордятся. Умиляет душу только провинция. Небольшой городок, забытый на географической карте, [...] преисполняет сердце волнующей нежностью, сладкой болью (Дон Аминадо, Поезд на третьем пути).

Из-за неоднозначности оценки слово *провинция* не очень подходит для обозначения мест, куда ездят экспедиции ^{21} .

И наконец довольно любопытное слово глубинка, на котором я остановлюсь чуть подробнее.

Кроме того, как кажется, провинция — это скорее городское поселение, чем сельское; ср. неправильное *провинциальная деревня при правильности провинциальный город <городок>.

315

_

Употребление слова провинциал для обозначения жителя провинции без какой-либо оценки его свойств следует признать устаревшим, как это сделано в СШ, при том что оценочное употребление вполне живое. Отметим, что СШ выделяет у слова провинциал два отдельных значения, в то время как в МАСе и в СУш значение одно, но внутри него есть отдельное оценочное употребление.

Это слово относительно новое. Наиболее ранний текст, в котором оно используется в рассматриваемом значении ^{22} , по данным НКРЯ, — это повесть В. Гроссмана «Все течет»: *Их сердило, что это это терубый, с глубинки человек относился к ним презрительно* (В. Гроссман, Все течет / 1955–1963). Слово активно употребляется с 70-х годов. Общее количество вхождений в НКРЯ — около 400^{23} .

В СУш это слово, естественно, отсутствует; в МАСе оно снабжено пометой «разговорное» и толкуется как 'Глубинный, далекий от центра населенный пункт'.

Однако глубинка — это скорее не сам населенный пункт, а территория, на которой, впрочем, обязательно есть населенный пункт или несколько населенных пунктов, обычно небольших городов или деревень: иначе нельзя объяснить сочетания типа дороги в глубинке или природа глубинки, в которых речь вполне может идти не о населенном пункте. Можно сказать сельская <деревенская> глубинка, но не *городская глубинка, а значит, прилагательное в таких сочетаниях обозначает скорее тип местности, а не сам населенный пункт.

От всех остальных рассматриваемых слов глубинка отличается прежде всего тем, что указывает на расположение территории не только от нос и тельно ее (административного) центра и других крупных городов, но и относительно ее границ. Глубинка находится, так сказать, в глубине какой-то территории: она удалена и от центра этой территории, и от ее границ. Например, рязанская глубинка — это территория, образующая кольцо на существенном отдалении от Рязани, но при этом удаленное и от соседних с Рязанской областей. Если возникает потребность обозначить этим словом территорию на границе Рязанской и, например, Московской областей, говорить о рязанской глубинке уже неуместно, следует назвать эту территорию либо просто глубинкой, либо российской глубинкой — и в том и в другом случае в качестве того целого, частью которого является глубинка, рассматривается целиком Россия. Равным образом, архангельская глубинка не может находиться на берегу Белого моря.

На первый взгляд кажется, что это слово может относиться только к российской действительности, но это не так. Наряду с контекстами, в которых речь идет о *российской <русской, среднерусской, чувашской*,

По запросу «глубинка» выдается 418 контекстов, но часть из них не имеет отношения к рассматриваемому значению: это либо авторские употребления, либо даже, возможно, опечатки; ср. авторское *Ютунбай на сцене хохотал, бил в бубен и без халтуры, с глубинкой, приседал* (И. Мартынов, Лечение до последней капли крови).

²² В современном языке у этого слова только одно значение, однако НКРЯ фиксирует более ранние употребления, ему не соответствующие. Так, в следующем контексте глубинка — уменьш.-ласк. к глубина: Сомнение само в такие глубинки просочится, куда стальному буру не пролезть (Л. Леонов, Вор / 1927).

сибирской, уральской> глубинке, псковской <костромская> глубинке, можно, как и ожидается, найти белорусскую <украинскую> глубинку. Но кроме них встречается, и при этом достаточно часто, американская <техасская> глубинка, швейцарская и даже китайская глубинка. Ср. Это был стройный парень с приятным русским лицом, но столь пижонски одетый, что здесь, в азиатской глубинке, мог быть принят за иностранца (Ф. Искандер, Муки совести, или Байская кровать); В Рио мы попали впервые уже после того, как добрые две недели прожили в бразильской «глубинке» (И. Шкловский, Эшелон).

Поскольку глубинка находится далеко от центра и границ территории, до нее нужно долго добираться, что часто бывает еще и сложно сделать, особенно если речь идет о российской глубинке. В этом отношении глубинка сходна с глушью и глухоманью. Однако само слово глубинка не акцентирует сложность пути, и поэтому оно уместно также в контекстах типа К концу двадцатого столетия я вижу Россию страной с развитой инфраструктурой, в которой любой населенный пункт в отдаленнейшей глубинке станет местом, где рукой дотянуться до всех основных плодов цивилизации и источников саморазвития (М. Гефтер, Какой я вижу Россию конца XX века?).

Удаленность от крупных городов приводит к тому, что различные достижения цивилизации, нововведения и модные веяния доходят до глубинки с опозданием. Ср. Многочисленные просоветские ВИА окончательно потеряли популярность у современной молодежи [...]. Они собирали публику только в глубинке, куда увлечение подпольными рокгруппами еще не дошло в полной мере (А. Козлов, Козел на саксе).

Но не менее важное следствие удаленности глубинки — сохранение с а м о б ы т н о с т и 24, связи с народными корнями и природой, неиспорченность цивилизацией; ср. Россия живет своей потаенной жизнью глубинки, сохраняя многое из того, что нам кажется уже потерянным («Народное творчество», № 1, 2004); *Насколько можно судить по нечас*тым ныне выездам в российскую глубинку, там зритель еще сохраняет традиционное уважение к театру («Театральная жизнь», 28.04.2003); Сегодня он создает чудесные и оригинальные по мастерству письма картины по дереву — в основном это красочные виды православных храмов и нежные пейзажи, завораживающие первозданной красотой российской глубинки («Встреча» (Дубна), 19.03.2003). В таких случаях слово глубинка несет положительную оценку. Контекстов с отрицательной оценкой существенно меньше, причем такая оценка выражается в них прямо, соответствующими прилагательными; ср. Много голосов, особенно в нищей и темной нашей глубинке, подается на выборах за коммунистов (А. Городницкий, «И жить еще надежде»).

²⁴ И это сближает *глубинку* с *провинцией*.

Глубинка противопоставлена центру и вообще крупным городам, но при этом, в отличие от глуши и глухомани, мыслится как определенным образом в з а и м о д е й с т в у ю щ а я с центром. Глубинка рассматривается как источник талантов; ср. самородок из глубинки, За талантами нужно ехать в глубинку; Польза от таких поездок [творческих коллективов] двойная: глубинка дает мощный импульс новым идеям и проектам, а работники культуры, в свою очередь, охотно помогают и советом, и опытом, и сценариями («Народное творчество», № 1, 2004).

Слово *глубинка* принадлежит п у б л и ц и с т и ч е с к о м у стило 25 и очень активно используется журналистами, видимо, именно потому, что содержит положительную оценку протекающей в этих местах жизни. Время возникновения этого слова заставляет многих людей считать его советским, хотя его частотность в современной публицистике по сравнению с советскими временами не уменьшилась. Как следствие, это слово может восприниматься негативно, как слегка пафосное, нужное журналистам прежде всего для приукрашивания жизни в отдаленных населенных пунктах, которые правильнее было бы назвать, например, *захолустьем*.

По своему значению из всех рассмотренных в этой статье слов именно *глубинка* наиболее подходит для обозначения мест, куда отправляются диалектологические экспедиции. Но называть эти места *глубинкой* не очень уместно из-за стилистической отмеченности этого слова.

* * *

Каков же ответ на вопрос, поставленный в начале статьи: какие русские существительные подходят для обозначения тех мест, куда ездят диалектологические экспедиции филологического факультета? Среди всех рассмотренных слов, обозначающих удаленные от центра территории, не нашлось такого, которое можно было бы использовать для этого без всяких оговорок. Так что придется указывать точное название населенных пунктов, и это, наверное, хорошо.

* * *

Тем, кто дочитал до этой строки статью, в подзаголовке которой упоминается фонетическая транскрипция и в которой до сих пор речь шла только о словах, но не о фонетике, предлагаю наконец небольшой сюжет о фонетической транскрипции, связанный с Софьей Константиновной и объясняющий смысл посвящения ей.

Итак, Сюжет о фонетической транскрипции, или Про то, как я поняла, что что-то слышу (в фонетическом смысле).

С фонетической транскрипцией у меня всегда были некоторые проблемы (как, подозреваю, у многих студентов филфака). Из университета

-

 $^{^{25}}$ С пометой *разговорное*, даваемой в МАСе, трудно согласиться.

я вышла с твердой уверенностью, что транскрибирование — это лишь в теории запись реального звучания речи, на практике же — это перевод в соответствии с определенными правилами орфографической записи в запись теми же буквами и некоторыми дополнительными значками, но только в квадратных скобках. Знаешь правила перевода и умеешь их использовать — получаешь правильную транскрипцию и пятерку. Знаешь несколько наборов правил перевода — получаешь варианты транскрипции, например, транскрипцию с соответствии с современной нормой или, наоборот, со старомосковской. В общем, надо знать орфографические правила и правила перевода — и будешь отличником. Конечно, отличить [с] от [с'] или [п] от [б] я могу и на слух, но вот различить [ъ] и [ь], [а] и [а'] — это уж увольте. В общем, различия между гласными, особенно безударными, я услышать не могу в принципе.

Как-то зашел разговор с Софьей Константиновной (она как раз писала раздел «Фонетика» в пособии для абитуриентов ²⁶), чему учить поступающих на филфак и изучающий фонетический разбор, составной частью которого является транскрипция, — этим самым правилам перевода или навыкам слушания себя, предполагая, что любой человек может правильно услышать свое произношение. Я сказала, что обучение правилам, если говорить о сугубо практической цели — оценке на экзамене, гораздо реалистичнее, а рассчитывать на хороший слух любого абитуриента, напротив, нереалистично. Вот даже я слышу не то, что есть на самом деле, а вроде уже не абитуриентка; слышу, например, что произносят [гусу]дарство, но ведь на самом деле-то не так (то есть я такого правила перевода не знаю, меня учили транскрибировать [гъсу]дарство). Так ведь именно так и произносят, сказала Софья Константиновна, это как раз недавно обнаружила Р. Ф. Касаткина.

Значит, все-таки я могу услышать реальное произношение! Спасибо Софье Константиновне, которая убедила меня в этом.

Хорошая наука — фонетика...

Список использованных словарей

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981-1984.

НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 2 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2000.

СУш — Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

СШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

 $^{^{26}}$ Багрянцева В. А. и др. Русский язык: справочные материалы для поступающих на филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1996.

Ж. Ж. Варбот

О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ И ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЛИАЛЕКТАХ

В исследовании истории словообразования и этимологии диалектной лексики следует учитывать действие не только регулярных, закономерных фонетических и морфологических изменений, но также и нерегулярных образований и преобразований. Самый факт их реализации и основные типы не отличают диалекты от литературного языка, но условия специфических диалектных фонетических изменений и меньшей нормированности диалектной речи оказываются особенно благоприятными для варьирования этих отклонений. Обнаружение даже достаточно этимологически прозрачных случаев такого рода полезно для учета их типологии при этимологизации «темных» лексем.

Ниже предлагается анализ нескольких диалектных лексем, в которых усматривается упомянутая нерегулярность.

Слово пижа зафиксировано, кажется, только в составе иркутского фразеологизма ни пижи ни ежи о ленивом человеке, не способном заработать даже себе на пропитание' [ЧелДиалФр: 75]. Слово ежа широко известно вне этого фразеологизма в значениях 'еда, кушанье' (твер., яросл., волог., костр., новг., пск., калуж., тул., дон. и др.), 'угощение во время церковного праздника' (ряз.), 'принятие пищи' (костр., нижегор., вят.) и 'непереваренная животным пища' (рост.) [СРНГ 8: 325-326]. Исходя из значения фразеологизма — буквально 'ни питья, ни еды' пижа является производным от пить, причем структура этого слова нерегулярна: суфф. -ж(a) здесь невозможен. Появление этой структуры обусловлено вхождением в словосочетание, предполагающее рифмовку со словом е́жа (вероятно, при сопутствующем ложном осмыслении структуры последнего как содержащей суфф. - ж(a)), так что единичность фиксации не случайна. Интересно, что в русских диалектах существуют и другие фразеологизмы с участием производных от тех же корней и в той же последовательности, причем всегда производное от глагола есть имеет регулярную структуру, а от пить — нерегулярную, обусловленную требованиями рифмовки. Рассматривая сочетание питеры и едеры 'еда и питье' как типичную рифмованную формулу, Р. Эккерт счел русск. едеры образованием индоевропейской древности, генетически тождественным лит. ėdrà 'еда, корм, прожорливость', а структуру питеры — вторичной [Эккерт 1975: 55-56]. Еще ярче вторичность производного от пить обнаруживается во фразеологизмах пидеры да едеры и пидера-идера 'пища и питье' [СРНГ 27: 21].

Краснояр. *за́йка* имеет значение 'большая полоса (вдоль леса или между полями) для пастьбы скота': Пригоню овец на зайку, сама приля-

гу на солому да и засну [СлЦентрКраснояр 2: 70]. Очевидна генетическая связь этого слова с заима́ть / займа́ть 'захватывать, занимать': ср. заи́мка 'участок земли, занятый под пашню, пастбище, покос' [СлЦентр-Краснояр 2: 70], 'часть поля или леса' (вят., ср.-урал., енис.), 'место для выпаса скота в лесу' (свердл., ср.-урал., новосиб.) [СРНГ 10: 104] и займа 'пойма реки' (краснояр.), 'занятый, огороженный участок земли, но еще не используемый под сад или огород' (дон.), 'вообще участок земли' (ворон.) [СРНГ 10: 106]. В отличие от регулярной структуры заи́мка — производного от заима́ть, слово за́йка содержит усеченный корень: утрачено м. Вероятно, следует допустить по́зднее образование этого слова от за́йма с присоединением суфф. -к-, которое привело к упрощению произносительно трудного *за́ймка путем усечения корня.

В просторечии употребляется глагол обрящить 'найти, отыскать', который является производным от основы настоящего времени обрящу (книжн., устар.), соответствующей инфинитиву *обрести* (< праслав. *obrěsti, *obretjo 'встретить, найти'). В диалектах семантика обрящить шире: помимо 'найти, приобрести, сыскать', также 'стяжать, усвоить себе' (самар., астрах.), 'ударить' (вят.), 'упасть' (вят., костр.), 'уронить' (новг., иркут.), безл. обря́щило тебя (куда-либо) 'нашло, охватило, повело' (костр.) [СРНГ 22: 227]. Диалектам известно и обрящиться 'найтись, оказаться, явиться' (олон., яросл.), 'нахватать с избытком' (тамб.), 'упасть, свалиться' (перм., твер., иркут., сиб. и др.) [СРНГ 22: 205]. Результатом морфологического переразложения в обрящить — отнесения б к корню — и последующей утраты префиксального *о* является диалектный глагол *бря́шить*, для которого фиксируются значения 'жить, поживать; быть здоровым' [НовгСл 1: 94] и 'быть в состоянии ходить, держаться на ногах, двигаться (о слабом, больном и т. п. человеке' (новг., ленингр.) [СРНГ 3: 231], хорошо выводимые из семантики пребывания, нахождения. Дальнейшее словопроизводство и семантическое развитие представляют диал побрещить 'подождать, обождать, выждать' (пск., твер.) [СРНГ 27: 206] и побря́щить 'исполнить какие-н. хозяйственные дела' (карел.) [СлКарел 4: 527]. Опираясь на характерную для обрящить, обрящиться и брящить семантику существования, бытования и особенно болезненного состояния человека (см. выше новг., ленингр. брящить), можно, кажется, предположить, что сиб. бря́кать 'жить, существовать' (причем, вероятно, 'плохо, с трудом существовать' — ср. контекст бря́каю помаленьку) [СлСиб 1: 96] является следующим этапом нерегулярного образования от брящить как итератива с -а-основой и ложным восстановлением корневого согласного: к вм. т. Очевидно, нельзя исключить и метафорическое употребление звукоизобразительного глагола бря́кать по аналогии со скрипеть 'жить кое-как, с трудом поддерживать свое существование', но эта аналогия ослабляется существенным различием обозначаемых звуков: бря́кать относится, как правило, к громким и грубым звукам, что не соответствует обозначению затрудненного существования.

Пожа́ 'сенокосный луг' (сиб.) [СлСиб 3: 333], 'покос, луг' (прииртыш.) [СрПрииртыш 3: 28] представляется результатом морфологического преобразования слова пожня, широко представленного в русских диалектах со значениями 'покос, луг' (волог., арханг., олон.. новг., псков., влад., яросл., перм., ворон., ряз., свердл., том., приоб., новосиб. и др.), 'отдельнй участок покоса, луга' (арханг., псков., ряз., брян.) [СРНГ 28: 299], или его словообразовательного варианта пожна 'луг, поросший лесом' (яросл.), пожна́ 'приготовленный под пашню участок на месте бывшего леса' (яросл.) [СРНГ 28: 298]. Слова пожна / пожна / пожна́, бессуффиксные производные от основы наст. вр. пожну́ глагола пожа́ть, были поняты как субстантивированные прилагательные с суфф. -н(я/а), который и был отброшен при ложном восстановлении производящей основы пожа.

Сложнее объяснить появление слова *па́жа* 'луг или поле, где пасется скот, пастбище' (тамб., ряз., сарат.), 'невспаханное место близ села, выгон' (пенз.), 'покинутое жилое место' (тамб.) [СРНГ 25: 140], 'поле' (алт.) [СлСиб 3: 164]. Судя по семантической и формальной близости к *пожа́*, в *па́жа* можно предполагать его морфонологический вариант, с вторичным удлинением гласного в первом слоге. Существенно, что *па́жа* зафиксировано только в акающих говорах и наряду с *па́жа* присутствует синонимичное *пажа́* (тамб.) [СРНГ 25: 140]. Вероятно, возможно отражение в *пажа́* акающего произношения слова *пожа́* с последующей подвижкой ударения, отсюда *па́жа*. Ср. *ма́кресть* 'слякоть', *ма́ст* 'деревянный пол в избе, в доме' (краснояр.) [СлЦентрКраснояр 2: 310, 320].

Библиография

- НовгСл Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- СлКарел Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Геод. Вып. 1–6. СПб, 1994–2005.
- СлСредПрииртыш Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Ч. 1–3. Томск, 1992–1993; Дополнения / Отв. ред. Б. И. Осипов. Вып. 1. Омск, 1998.
- СлСиб Словарь русских говоров Сибири / Под. ред. А. И. Федорова. Т. 1–3. Новосибирск, 1999–2002.
- Сл
Центр
Краснояр Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / Под общей ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Т. 1–2. Красноярск, 2003–2005.
- СРНГ Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып.1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–41). Вып. 1–41. Л.=СПб, 1966–2007.
- ЧелДиалФр Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М., 2004.
- Эккерт 1975 Эккерт Р. О значении балтийских языков для славянской этимологии // Slawische Wortstudien: Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11.–13.10.1972. Bautzen, [1975].

А. Г. Азов

ВОСПАЛЕНИЕ: К ИСТОРИИ СЛОВА И ПОНЯТИЯ

Взяться за эту работу меня побудила фраза из «Краткого очерка истории и проблем упорядочения медицинской терминологии» М. Н. Чернявского, помещенного в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов». Рассказывая о медицинской лексике, вошедшей в «Словарь Академии Российской» (1789–1794), автор пишет: «В этом словаре, в частности, был впервые зафиксирован термин воспаление, созданный Шеиным в 1761 г. как калька с латинского слова inflammatio (от inflammo — поджигать, запаливать, зажигать)» [Чернявский 1984: 415]. Я собираюсь показать, что история слова «воспаление» на деле древнее и запутаннее, чем это представляется из «Краткого очерка...». Для этого проследим, как в разные исторические эпохи обозначалось понятие о воспалении.

Наследие античности. Острое воспаление — это типичная реакция организма на всякое повреждение. Неудивительно поэтому, что слова, означающие местный жар и жгучую боль, в которых мы теперь узнаем воспаление, обнаруживаются в письменных источниках древнейших народов, например в медицинском папирусе Эдвина Смита, отражающем состояние египетской медицины приблизительно XVI в. до н. э. [Мајпо 1991: 98] В трудах древнегреческого врача Гиппократа, отца европейской медицины, находим слово φλεγμονή со значением жар, воспаление, иногда — опухоль. Древние римляне, учившиеся медицине у греческих врачей, переняли у них и понятие о воспалении. В этом плане чрезвычайно интересно произведение римского энциклопедиста Авла Корнелия Цельса «О медицине» (De medicina, или иначе — De re medica) единственная уцелевшая часть его обширного труда о различных науках. Сам, по-видимому, не врач, Цельс обобщает современные ему медицинские сведения. Для наших целей труд Цельса любопытен по двум причинам: во-первых, с первых страниц в нем видно, что в качестве замены греческого φλεγμονή Цельс пользуется словом inflammatio:

Neque esse dubium, quin alia curatione opus sit, si ex quattuor principiis vel superans aliquid vel deficiens adversam valetudinem creat, ut quidam ex sapientiae professoribus dixerunt; alia, si in humidus omne vitium est, ut Herophilo visum est; alia, si in spiritu, ut Hippocrati; alia, si sanguis in eas venas, quae spiritui accommodatae sunt, transfunditur et **inflammationem**, **quam Graeci φλεγμονήν nominant**, excitat, eaque inflammatio talem motum efficit, qualis in febre est: ut Erasistrato placuit... [Celsus 1772: 5].

В русском переводе:

По их словам, нет сомнения, что методы лечения разные. Одно лечение, если нездоровье происходит от избытка или недостачи одного из четырех элементов, как утверждали некоторые из учителей философии; другое ле-

чение, если всякое заболевание связано с состоянием соков, как думал Герофил, иное — если нездоровье связано с воздухом, как учил Гиппократ, опять-таки другое, если кровь проникает в те сосуды (артерии), которые приспособлены для воздуха, и возбуждает воспаление, называемое греками флегмоной, причем это воспаление производит такое действие, какое бывает при лихорадке. Таково мнение Эразистрата... [Цельс 1959: 13].

Во-вторых, этот трактат содержит знаменитую формулировку Цельса о признаках воспаления, которую впоследствии будут повторять новые и новые поколения врачей:

Notae vero inflammationis sunt quatuor, rubor, et tumor, cum calore, et dolore [Celsus 1772: 130].

В русском переводе:

Признаков воспаления четыре: покраснение и опухоль с жаром и болью [Цельс 1959: 109].

Допетровская Русь. В отличие от античного мира, где сформировалась сложная и подробная теория медицины, получившая дальнейшее развитие в европейских университетах, на Руси такого не произошло. Античная медицинская традиция почти не коснулась Руси; из русских переводов античных врачей известностью пользовался, пожалуй, лишь небольшой текст «Галиново на Иппократа», излагавший сформулированную Гиппократом теорию о здоровье человека как балансе четырех жидкостей: красной желчи, черной желчи, крови и слизи [Мильков 1999: 450–475]. Таким образом, практически нет документов, содержащих указания на ранние русские аналоги греческому ф\(\epsilon\)упу или латинскому inflammatio.

К счастливым исключениям относится маленькая рукописная книжица «Иппократовы афоризмы, сиречь определения, на греческом и славянском языке», представляющая собой список с неизвестного оригинала XVI века и содержащая параллельные тексты «Афоризмов Гиппократа» на греческом и церковнославянском языках [Иппократовы афоризмы]. В греческом оригинале некоторых из этих афоризмов используется слово φλεγμονή. Таковы афоризм 24 из раздела (сечения) 3 и афоризм 23 из раздела 5.

Раздел 3, афоризм 24. Греческий текст:

Έν δὲ τῆσιν ήλικίησι τοιάδε ξυμβαίνει τοῖσι μὲν σμικροῖσι καὶ νεογνοῖσι παιδίοισιν ἄφθαι, ἔμετοι, βῆχες, ἀγρυπνίαι, φόβοι, **ὀμφαλοῦ φλεγμοναὶ**, ὅτων ὑγρότητες [Œuvres complètes d'Hippocrate 1841: 496].

Современный русский перевод:

Что касается возрастов, то вот что происходит: у малых детей и новорожденных — афты, рвоты, кашли, бессонницы, ночные страхи, воспаления пупка, течи из ушей [Гиппократ 2008: 46].

Перевод в «Иппократовых афоризмах»:

А в тъхъ возрастахъ такія случаются, маленькимъ и новорожденнымъ младенцемъ наносы, рвоты, кашли, неспание, страхи, **пухлота около пупка**, и около ушей мокрота [Иппократовы афоризмы: 49–50].

Раздел 5, афоризм 23. Греческий текст:

Έν τουτέοισι δεῖ τῷ ψυχρῷ χρέεσθαι, ὁκόθεν αἱμορῥαγέει, ἢ μέλλει, μὴ ἐπ' αὐτὰ, ἀλλὰ περὶ αὐτὰ, ὁκόθεν ἐπιρρεῖ· καὶ ὁκόσαι φλεγμοναὶ ἢ ἐπιφλογίσματα ἐς τὸ ἐρυθρόν καὶ ὕφαιμον· ρέποντα αἵματι νεαρῷ, ἐπὶ ταῦτα, ἐπεὶ τά γε παλαιὰ μελαίνει· καὶ ἐρυσίπελας τὸ μὴ ἑλκούμενον, ἐπεὶ τό γε ἑλκούμενον βλάπτει [Œuvres complètes d'Hippocrate 1841: 540].

Современный русский перевод:

Холодом же должно пользоваться в тех местах, откуда истекает кровь или еще имеет истечь, но не на самых этих частях, а около тех, откуда льется кровь. И если бывают какие воспаления или воспалительный жар, стремящиеся к красному или кровяному цвету вследствие свежей крови, то и на них, ибо холод приводит к черному цвету все застаревшие воспаления. Холод также помогает в роже неизъязвленной, потому что при изъязвленной он вредит [Гиппократ 2008: 59].

Перевод в «Иппократовых афоризмах»:

А в сихъ подобаетъ стужу употреблять, откуду кровь течетъ, или будетъ течи, не на всъхъ частяхъ, но около тъхъ откуду течетъ, и которыя, или пухлина или возжиганія склоняются в красную и кровавую будто мертвыя крови, понеже старыя почерняются. И рожа которая безъ ранъ ползуетъ, а с ранами вредитъ [Иппократовы афоризмы: 90–91].

Итак, пока, как будто, слова «воспаление» действительно нет: переводчик XVI века передает гиппократовское ф λ εγμοναί словами «пухлота» или «пухлина», то есть опухоль, вздутие, припухлость. Примечательно, что точно таким же образом поступил современник Цельса врач Кассий Феликс: для передачи греческого ф λ εγμονή в своем труде «О медицине» («De Medicina») он выбрал слово tumor (опухоль), а не inflammatio, как Цельс [Langslow 2000: 112].

К «Иппократовым афоризмам» мы еще вернемся, а пока обратимся к более позднему времени, к которому, согласно бытующему мнению, и приурочивается слово «воспаление».

Становление медицинской терминологии в XVIII веке и слово «воспаление». Проникновение европейской медицинской науки в Россию, начавшееся в XVII веке, пошло ускоренными темпами после Петровских реформ. Перевод иностранной литературы требовал срочного совершенствования собственной медицинской терминологии. К этому времени и относится деятельность двух врачей-переводчиков, имеющих отношение к нашему повествованию: Алексея Протасьевича Протасова и Мартина Ильича Шеина.

Анатом Протасов перевел в 1763–1765 «Домашний лечебник» Христиана Пекена [Пекен 1765], снабдив перевод обширными примечания-

ми, некоторые из которых имели филологический характер. Одно из таких примечаний гласило:

Припадок сей или болезнь называется принятым с латинского языка именем инфламмация, которую покойный штаб-лекарь Мартин Ильич Шеин хотя и перевел воспалением, однако всегда почти означают оную у нас огнем или жаром. Так, например, когда инфламмация сделается в пальце или сядет на каком месте чирей, тогда говорят у нас обыкновенно: огонь, жар в пальце, горим, жжет палец, чирей рвет, горит, нарывает. И ежели инфламмация займет целый палец или всю руку, то говорят тогда: весь палец или всю руку обнесло огнем или жаром (цитируется по [Лукина 1962: 146]).

Похоже, именно здесь фамилия Шеина впервые связывается со словом «воспаление». Этому своему убеждению Протасов не изменил и позже, когда в 1793 писал статью «Возпаление» для Словаря Академии Российской. Однако перевести «инфламмацию» воспалением Шеин мог лишь в «Основательных наставлениях хирургических...» Иоганна Платнера (СПб., 1761 и 1762): другая переведенная им книга посвящена нормальной анатомии и не должна содержать рассуждений о воспалении. Между тем, если обратиться к самим «Основательным наставлениям...», то выясняется, что в них использовано другое слово. Один из первых разделов этой книги называется «О вожжении (Де инфламмационе)». «Имя сіе вожженіе, — пишет Шеин, — по подобію тому здълано, которое бываеть въ частяхъ огнемъ обожженныхъ и зардъвшихся» [Платнер 1762: 18]. Из дальнейшего изложения видно, что «вожжение» Шеина в точности повторяет inflammatio Цельса. «Сіе, что такъ дълается, уже древле Цельсъ позналъ», — пишет Шеин и помещает примечание, фактически представляющее собой перевод уже знакомого нам фрагмента из Цельса:

Когда кровь въ жилы кровевозвращательныя, духу опредъленныя, протекаеть, и вожженіе, отъ Грековъ, Φ λεγμονήν, называемое производить [Платнер 1762: 21].

И, чуть ниже:

Вожженія примъты есть четыре: Краснота или рдълость и опухоль съ жаромъ и болью [Платнер 1762: 27].

Итак, в своем переводе с латинского Шеин на месте inflammatio ставит слово «вожжение», причем делает это последовательно, не прибегая к синонимам. Кажется, изобретение слова «воспаление» приписывается ему ошибочно ^{1} .

В отрывке из «Энциклопедического словаря медицинских терминов», который я цитировал в начале этой работы, предполагается, что Шеин печатно употребил слово «воспаление» в 1761 году, то есть в первом издании «Основательных наставлений хирургических...» Иоганна Платнера. Я исследовал

От Шеина в прошлое. Если кандидатура Шеина на роль создателя слова «воспаление» отпадает, то когда же оно появилось: до перевода «Основательных наставлений...» или после? Сам факт того, что всего через три-четыре года это слово употребляется Протасовым, не претендующим на его авторство, заставляет обратиться к прошлому. Действительно, уже в «Лексиконе триязычном» Федора Поликарпова-Орлова (1704) включена статья «возпаление»:

Возпале́нїе — Φλογμός, ἐμπύρωσις, ἐμπρησμός, ἄναψις, incensio, incendiŭ, deflagratio [Поликарпов 1704: 55].

Из приведенных Поликарповым латинских слов ни одно не используются в медицинском значении, а из греческих вторичное медицинское значение есть только у $\phi \lambda \circ \gamma \mu \circ \zeta$; поэтому вряд ли можно полагать, что «возпаление» дано Поликарповым как медицинский термин. Однако если вернуться к «Иппократовым афоризмам», то можно увидеть, что сходное слово употреблено там именно в медицинском значении:

Раздел 3, афоризм 24. Греческий текст:

Τοῦ δὲ χειμῷνος, πλευρίτιδες, **περιπλευμονία**ι, κόρυζαι, βράγχοι, βῆχες, πόνοι στηθέων, πόνοι πλευρέων, ὀσφύος, κεφαλαλγίαι, ἴλιγγοι, ἀποπλεξίαι [Œuvres complètes d'Hippocrate 1841: 496].

Современный русский перевод:

Зимою же: плевриты, **перипневмонии**, насморки, бронхиты, кашли, боли в груди, боках, пояснице и голове, головокружения и апоплексии [Гиппократ 2008: 46].

Перевод в «Иппократовых афоризмах»:

А зимою боковыя болъзни, легкого паленія, сонливыя немочи, и насморчи, хрипоты, кашли, грудныя, и бочныя, и поясниць болъзни, и главныя омроки, и апоплексіи [Иппократовы афоризмы: 49].

Как видно, слово «паление» в XVI веке уже функционировало как медицинский термин («паление легкого» почти не отличается от современного «воспаления легких»). Кроме того, оно могло присоединять приставки «за-» и «воз-», имеющие начинательное значение, давая слова «запаление» и «воспаление». Слово «запаление» в источниках XVII века представлено шире: например, Л. Ф. Змеев, рассматривая русские лечебники, упоминает об Александровской рукописи XVII века, один из разделов которой назывался «Лекарства от запаления головы» [Змеев 1895: 45]; однако примеры использования слова «воспаление» в медицинском смысле также известны. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII века» в статье «Воспалъние и восполъние» приводится выдержка из Великих

XVII, вып. 4: 8] помещена статья «Возжение», из которой следует, что это же слово Шеин употреблял и в издании 1761 года.

Миней-Четий XVI века: «Отъ пресыщениа убо бываеть въсполъние, отъ въсполъниа же раждается огница» [СлРЯ XI–XVII, Вып. 3: 45].

Выводы. Поиск истоков слова «воспаление» подводит нас к следующим выводам.

Закрепившееся в справочной медицинской литературе мнение А. Протасова о том, что слово «воспаление» впервые введено Мартином Шеиным в середине XVIII века, по всей видимости, неверно: это слово не только существовало до Шеина, но и имело медицинское значение. Как ни заманчива мысль, что «воспаление» — это поморфемная калька с латинского inflammatio, данных в поддержку такого взгляда нет; напротив, Ф. Поликарпов даже не упоминает inflammatio в ряду латинских аналогов русского воспаления. Наряду с этим словом, в период становления русской медицинской терминологии (а это XVII и особенно XVIII век) существовали синонимы: паление, запаление, вожжение, — из которых к концу XVIII века победило воспаление.

Библиография

- Гиппократ 2008 Гиппократ. Афоризмы / Пер. В. И. Руднева. М., 2008.
- Змеев 1895 *Змеев Л. Ф.* Русские врачебники: Исследования в области нашей древней врачебной письменности Л. Ф. Змеева, б. препод. истории врачебных наук в Имп. Воен.-мед. акад. СПб., 1895.
- Иппократовы афоризмы Иппократовы афоризмы, сиречь определения, на греческом и славянском языке, в 16 д. л., 186 л. Государственный исторический музей, Уваровское собрание рукописей.
- Лукина 1962 *Лукина Т. А.* А. П. Протасов русский академик XVIII века. М.; Л., 1962.
- Мильков 1999 *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999 (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 1).
- Пекен 1765 Пекен X. Домашний лечебник, или Простый способ лечения, сочинен Христианом Пекеном, Медицины Доктором и Коллежским Советником, а по аппробации Государственной Медицинской Коллегии на Российской язык переведен Алексеем Протасовым, Императорской Академии Наук Экстраординарным Профессором и Доктором Медицины. СПб., 1765.
- Платнер 1762 Платнер И. 3. Иоганна Захария Платнера, доктора и профессора медицины в Лейбциге, основательные наставления хирургическия, медическия и рукопроизводныя в пользу учащимся с прибавлением к тому изобретенных некоторых инструментов или орудий и других вещей к лекарскому искусству принадлежащих. Переведены с Латинского языка на Российской Санктпетербургской Адмиралтейской Гошпитали Штат-Лекарем Мартином Шеиным. СПб., 1762.
- Поликарпов 1704 *Поликарпов Ф. П.* Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
- СлРЯ XI–XVII Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006. Цельс 1959 — *Цельс А. К.* О медицине (в восьми книгах) / Пер. коллектива кафедры латинского языка 2-го МГМИ им. Н. И. Пирогова под ред. В. Н. Терновского и Ю. Ф. Шульца. М., 1959.

- Чернявский 1984 *Чернявский М. Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // Энциклопедический словарь медицинских терминов / Гл. ред. Б. В. Покровский. Т. 3 (Рабдитозы Ящур). М., 1984.
- Celsus 1772 Celsi A. C. De re medica: Libri octo. Parisiis, 1772.
- Langslow 2000 *Langslow D. R.* Medical Latin in the Roman Empire. Oxford, 2000. Majno 1991 *Majno G.* The Healing Hand: Man and Wound in the Ancient World. Cambridge, 1991.
- Œuvres complètes d'Hippocrate Œuvres complètes d'Hippocrate: Traduction nouvelle, avec le texte grec en regard, collationné sur les manuscrits et toutes les éditions; accompagnée d'une introduction de commentaires médicaux, de variantes et de notes philologiques: suivie d'une table générale des matières. Par É. Littré. Tome 4. Paris, 1841.

О. В. Фёдорова

Стратегия метрической сегментации: возможность тестирования на русском материале 1

Введение

Настоящая работа посвящена вопросу восприятия и идентификации слов в устной речи носителей русского языка. Основная цель работы экспериментальная проверка на русском материале идей одной из наиболее известных зарубежных моделей сегментации речевого потока, а именно, так называемой стратегии метрической сегментации [Cutler, Norris 1988]. В самом общем виде стратегия метрической сегментации гласит, что слова с ударением на первом слоге обрабатываются легче и лучше, чем слова с ударением не на первом слоге. Данная модель проверялась по большей части на материале английского языка, где 90% всех слов имеют ударение на первом слоге, что существенно затрудняет ее верификацию. В настоящем исследовании предпринята попытка воспроизвести на русском материале один из недавних экспериментов [Mattys. Samuel 2000], в котором была предложена новая оригинальная методика проверки стратегии метрической сегментации. Однако проведение аналогичных русских экспериментов могло осложниться сильной редукцией. характерной для русского языка по сравнению с английским, поэтому прежде чем приступать непосредственно к проведению данного исследования, необходимо было провести подготовительную работу по проверке потенциальной возможности использования методологии из [Mattys, Samuel 2000] на русском материале. Данному вопросу и будет посвящена настоящая статья.

1. Сегментация речевого потока в моделях восприятия и распознавания речи

Вопрос о сегментации речевого потока является одним из важных вопросов в области восприятия и распознавания звучащей речи². Почему

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 08-04-00165а.

В отличие от английского термина «speech perception», который обычно переводится на русский язык «как восприятие устной (или звучащей) речи», перевод на русский язык термина «spoken word recognition» имеет множество вариантов: «устное опознание слова», «опознавание слова со слуха», «узнавание слова», «идентификация слова», «распознавание слова на слух», «устное распознавание слова», «распознавание звучащей речи», «распознавание устной речи», «распознавание слов устной речи» и под. В настоящей работе мы в дальнейшем будем использовать русскоязычные термины «восприятие устной речи» и «распознавание (слов) устной речи».

при восприятии речи на родном языке эта процедура в большинстве случаев происходит быстро и как бы сама собой, а при восприятии незнакомого языка время от времени превращается в настоящую проблему? Почему родная речь часто воспринимается как слишком медленная, с длинными и четкими паузами между словами, а иностранная сливается в один непрерывный поток, ведь в обоих случаях обязательные для письменной речи пробелы между словами при этом отсутствуют? Какие механизмы стоят за этой почти автоматической способностью сегментировать родную речь? Подобные вопросы исследуются как в области восприятия устной речи, так и в области ее распознавания. Существующее разделение этих двух научных областей хотя и имеет под собой основания (в западной традиции при изучении восприятия устной речи исследуется, как человек воспринимает и идентифицирует отдельные звуки языка, а при изучении распознавания устной речи нас в первую очередь интересует вопрос идентификации целых слов), но в некоторой степени все же искусственно: нельзя утверждать, что сначала мы распознаем все звуки, а потом складываем из них слова. Наоборот, знание конкретного слова помогает нам правильно распознать звуки, из которого это слово состоит; кроме того, часто нам удается распознать слово еще до того, как оно было произнесено до конца.

Все многообразие современных моделей распознавания устной речи можно с некоторой долей условности разделить на два больших класса (і) долексических и (іі) лексических: в первом случае исследуются акустические характеристики звуков или их дистрибутивные свойства, при втором подходе исследователи полагают, что в процессе установления границ между словами уже активно используется информация о самих этих словах. В частности, к числу лексических моделей принадлежат такие известные модели, как когортная модель Марслен-Вильсона [Marslen-Wilson 1973], коннекционистские модели TRACE [McClelland, Elman 1986] и Shortlist [Norris 1994] (последняя версия когортной модели [Gaskell, Marslen-Wilson 2002], однако, содержит некоторые элементы коннекционизма).

В дальнейшей работе нас прежде всего будут интересовать долексические модели, связанные с дистрибутивными (или статистическими) характеристиками слов. Одна из основополагающих идей при
этом подходе состоит в том, что при определении границ между словами
слушающий активно опирается на просодические свойства слов, а имен-

В свою очередь, термины «word recognition» и «lexical access» не являются трудными для перевода («распознавание слов» и «доступ к слову», соответственно), однако их точное определение и взаимозаменяемость представляют определенные проблемы. Так, по мнению некоторых авторов доступ к слову происходит раньше распознавания слова, по мнению других — наоборот, позже; во многих работах эти термины используются как синонимы. Мы в дальнейшей работе будем использовать только термин «распознавание слова».

но, что каждый сильный слог является потенциальным началом нового слова. В своей пионерской работе [Cutler, Norris 1988] авторы гипотезы метрической сегментации предлагали испытуемым распознавать двухсложные слова, первый слог которых представлял собой самостоятельное слово (например, слово mint). В первом случае оба слога двусложного слова были ударными (mintayf / min teif/), во втором случае ударным был только первый слог (mintef / mintef/). Результаты эксперимента подтвердили предположение авторов о том, что лексема mintayf будет инициировать два лексических поиска: испытуемые определяли второй слог /teif/ как самостоятельное слово наряду со словом mint. Распознавание лексемы mintayf, таким образом, происходило статистически значимо медленнее, чем во втором случае со словом mintef, так как безударный второй слог /tef/ сам по себе не инициировал лексический поиск. В последующие годы эта гипотеза была неоднократно подтверждена различного рода экспериментальными исследованиями, однако авторам работы [Mattys, Samuel 2000] впервые удалось подобрать стимулы таким образом, чтобы использовать в различных условиях один и тот же акустический материал.

2. Тестирование стратегии метрической сегментации в работе [Mattys, Samuel 2000]

Эксперимент, описанный в работе [Mattys, Samuel 2000], проводился по методике обнаружения фонемы (phoneme monitoring или phoneme detection [Connine, Titione 1996]): испытуемому называют определенный целевой звук (или показывают на экране букву, обозначающую соответствующий звук), который ему нужно будет распознать, после чего он слушает предложения или список несвязанных между собой слов и должен нажать на определенную клавишу, как только услышит целевой звук. Считается, что испытуемые выполняют подобные задания не на до-лексическом уровне обработки, а уже на лексическом. В качестве контроля выполнения задания именно на лексическом уровне эксперимент часто дополняется вспомогательным чисто лексическим заданием (в частности, в эксперименте, описанном в работе [Mattys, Samuel 2000], испытуемый должен был нажимать на специальную клавишу всякий раз, когда слышал слово, относящееся к категории орудий труда).

В каждой экспериментальной попытке испытуемый слышал последовательность из семи слов (например, sauna-gazelle-awkward-profane-depart-dissect-pervade или water-basic-dictate-saga-zealous-furry-beyond), произнесенных практически без пауз, и должен был как можно быстрее нажать на клавишу, как только услышит целевой звук. Этот целевой звук всегда был начальным согласным слога и мог находиться в (і) начальном безударном слоге, (іі) начальном ударном слоге, (ііі) втором безударном слоге и (іv) втором ударном слоге. Особенностью данного эксперимента было то, что слова с разным местом ударения в действительности пред-

ставляли собой один и тот же акустический материал, то есть одни слова были вырезаны из других. Так, например, исследователи записывали пару так называемых слов-близнецов (test twins) saga-zealous, а потом получали из нее четыре комбинации: /g/ во втором безударном слоге слова saga (вариант iii), /g/ в начальном безударном слоге слова gazelle (вариант i), /z/ в начальном ударном слоге слова zealous (вариант ii) и /z/ во втором ударном слоге слова gazelle (вариант iv). При помощи такой оригинальной методики авторам работы [Mattys, Samuel 2000] удалось избежать проблем, связанных с вариативностью произносимых слов.

В результате эксперимента была подтверждена гипотеза о том, что в случае слов с начальным безударным слогом испытуемым требуется больше времени на определение согласного звука, чем в случае слов с начальным ударным слогом. При этом в случае слов с ударением на второй слог испытуемые тратили больше времени на определение как ранних, так и поздних согласных звуков, которые входили в состав ударного слога. В случае же слов с ударением на первый слог согласные звуки определялись одинаково хорошо также независимо от того, к какому слогу (ударному или безударному) они относились [Mattys, Samuel 2000].

Вышеописанная стратегия метрической сегментации (а также более строгий ее вариант, который гласит, что только слова с главным ударением на первом слоге воспринимаются как начала слов и благодаря этому требуют меньше времени и когнитивных усилий для своей обработки) проверялась в основном на материале английского языка; кроме английского тестировался также голландский [Vroomen, de Gelder 1995], финский [Suomi, McQueen, Cutler 1997], венгерский [White, Melhorn, Mattys, in press] турецкий и французский [Kabak, Maniwa, Kazanina, to арреаг] языки. Проверка данной гипотезы на русском материале не только добавит в исследовательскую копилку еще один язык, но и даст возможность верифицировать эту теорию на особом метрическом материале русского языка. Однако проведение аналогичных экспериментов на русском материале может осложниться редукцией, характерной для русского языка. Слова, вырезанные подобным образом из русских словблизнецов, могут вызвать у испытуемых серьезные проблемы с их распознаванием, поэтому прежде чем приступать непосредственно к проведению данного исследования, необходимо было провести подготовительную работу по проверке потенциальной возможности использования методологии из [Mattys, Samuel 2000] на русском материале.

3. Вопрос о влиянии места словесного ударения на распознавание слов в отечественной традиции

В отечественной традиции основными коррелятами ударения в современном русском языке считаются длительность и спектральные ха-

рактеристики гласных [Князев, Пожарицкая 2005: 123]. Двухкомпонентное просодическое ядро, выделяемое на основе этих параметров, состоит из ударного и первого предударного слогов. Яркой особенностью ритмики русского слова является наличие одного просодического «центра»: согласно формуле Потебни, степени выделенности слогов в русских словах распределены по следующей схеме: 112311, где максимальная степень обозначена цифрой 3. В отличие от русского, в большинстве других европейских языков сильные и слабые слоги чередуются: 1213121 [Князев, Пожарицкая 2005: 124].

Обратимся теперь к отечественным экспериментальным исследованиям данного вопроса. В 1965 году Л. А. Чистович и ее сотрудники из Института физиологии имени И. П. Павлова провели ряд первых экспериментальных исследований, посвященных изучению роли ритмической структуры высказывания в распознавании смысловых единиц, в которых использовались метод быстрой артикуляционной имитации и текущая письменная фиксация зашумленного речевого сообщения. Авторы пришли к выводу, что «после восприятия ударного слога намечается условная граница слова и ищется в словаре подходящее слово-кандидат» [Чистович, Кожевников и др. 1965: 223], дальнейшее развитие этих идей см., в частности, в сборнике [Венцов, Касевич 2003].

В работах А. С. Штерн влияние места словесного ударения на распознавание русских слов подробно исследовалось с точки зрения **помехоустойчивости**. В частности, были проведены эксперименты на восприятие речи при зашумлении отдельных словоформ и целых высказываний, в условиях так называемой гелиевой среды³, при восприятии синтезированной речи и слов, произнесенных с акцентом, при восприятии речи с воздуха, произнесенной на расстоянии; также исследовалось восприятие речи пациентами с тугоухостью. Согласно выводам А. С. Штерн относительно двухсложных слов, в английском, немецком и русском языках хореические слова распознаются в условии помех лучше, чем ямбические [Штерн 1992: 133].

4. Серия экспериментов на русском материале

Ниже будут описаны четыре эксперимента на материале русского языка; в первом из них мы тестировали скорость и правильность идентификации вырезанных и записанных целиком ямбических и хореических слов; в трех последующих экспериментах тестировалась возможность запоминания и последующего воспроизведения тех же самых стимульных слов.

_

³ Необходимость такой работы возникает во время проведения подводных и космических исследований, когда обычный воздух заменяется гелиево-кислородной смесью; при этом наблюдаются серьезные помехи как при порождении, так и при восприятии устной речи.

4.1. Эксперимент с использованием методики регистрации движений глаз⁴

В качестве стимульного материала нами было составлено 24 пары слов-близнецов (например, домино-тарелка, полный список см. в Приложении 1), 12 из вырезанных слов были хореями, 12 остальных — ямбами. Затем слова-близнецы были записаны и обработаны в звуковом редакторе Cool Edit Pro таким образом, что между словами практически не было пауз, после чего были составлены и записаны (тоже без пауз на стыках слов) семерки слов (24 собственно экспериментальных, 12 отвлекающих (филлеров) и 4 тренировочные). Все слова, вхолящие в экспериментальные семерки, были среднечастотными, имели привычное звучание на стыках: семерки были записаны по такому принципу, что позиция целевого слова в них была сбалансирована от 2-го до 6-го места; две пары слов в семерке были записаны вместе (слова в скобках), а две пары слов отдельно, например: картон — нота — (бамбук — карандаш) школьник — (ковер — радость); на каждом из двух экспериментальных листов семерки с хореическим целевым словом чередовались с семерками с ямбическим целевым словом. На экспериментальных листах филлеры и экспериментальные семерки стояли на тех же самых позициях, но если на одном листе целевое слово было вырезанным, то на другом листе на том же самом месте стояло целиком записанное целевое слово.

В процессе тестирования экспериментального материала мы провели несколько пилотных экспериментов, в которых задавали испытуемым вопрос: «Есть ли в данной последовательности слов что-то не очень естественно звучащее?». Большинство испытуемых в этом случае указывали на записанные вместе пары слов и на наши экспериментальные вырезанные слова. Таким образом, гипотеза, которую мы проверяли в ходе первого эксперимента звучала так: «Будет ли тот факт, что слова, вырезанные из двух слов-близнецов, звучат не совсем естественно, мешать их быстрому и правильному распознаванию по сравнению со словами, записанными целиком?».

Эксперимент был выполнен в виде презентаций в программе Microsoft PowerPoint, инструкция была следующей: «В каждой экспериментальной попытке Вы будете слышать последовательность из семи слов, начитанных с уменьшенными паузами между словами (что затрудняет их понимание); одновременно на экране Вы будете видеть восемь слов, только одно из которых будет совпадать с услышанными Вами словами. Ваша задача как можно быстрее кликнуть мышью по совпадающему слову. Через секунду после этого вокруг правильного слова (независимо от того, правильным или нет был Ваш ответ) будет появляться красная рамка».

⁴ Данное исследование было проведено нами совместно с А. С. Шаврыгиной, его результаты были опубликованы в работе [Федорова, Шаврыгина 2009а].

Данный эксперимент был проведен с шестью испытуемыми по методике записи свободных движений глаз (free-viewing eye-tracking, оборудование ETL-500 фирмы ISCAN Inc., подробнее об этой методике см. [Федорова 2008]), при этом фиксировались момент воспроизведения ключевого слова, момент первого после конца воспроизведения ключевого слова взгляда на ключевое слово, момент нажатия на мышь, правильность выбора, а также высчитывались время с момента воспроизведения ключевого слова до первого взгляда на ключевое слово (наиболее важный параметр) и время с момента воспроизведения ключевого слова до нажатия мыши. Результаты (см. Приложение 2) свидетельствуют о том, что статистически значимое различие обнаружилось только во времени ответов на вырезанные и записанные целиком ямбические слова.

4.2. Эксперимент на воспроизведение слов⁵

Во втором эксперименте были использованы те же 40 экспериментальных семерок, в инструкции говорилось, что эксперимент имеет целью определение объема рабочей памяти в условиях плохой перцептивной различимости слов. После прослушивания стимульной семерки испытуемые должны были воспроизвести все слова, которые они смогли запомнить; сразу после первой попытки слова данной семерки воспроизводились второй раз, что помогало некоторым испытуемым повторить во второй попытке большее количество слов. Если в первом эксперименте мы смотрели, будет ли в случае вырезанных слов увеличиваться время, необходимое на поиск целевого слова, и количество неправильных ответов, то в этом эксперименте мы проверяли гипотезу «будет ли тот факт, что слова, вырезанные из двух слов-близнецов, звучат не совсем естественно, мешать их правильному воспроизведению по сравнению со словами, записанными целиком?». Эксперимент, представленный в виде презентаций в программе Microsoft PowerPoint, был проведен с 40 испытуемыми.

Результаты (см. Приложение 3) говорят о том, что (i) повторение в семерках-филлерах (в среднем 5 из 7) статистически значимо лучше, чем в экспериментальных семерках (в среднем 4,15 из 7); (ii) повторение в целиком записанных словах (4,3 из 7) статистически незначимо лучше, чем в вырезанных (4 из 7); (iii) повторение целевого слова в целиком записанных хореях (75% правильного воспроизведения во второй попытке) заметно, но все же статистически незначимо лучше, чем в вырезанных хореях (66% правильного воспроизведения); (iv) повторение целевого слова в целиком записанных ямбах (65%) статистически значимо лучше, чем в вырезанных ямбах (всего 30%); (v) повторение целевого слова в хореях (70%) статистически значимо лучше, чем в ямбах (47%).

⁵ Данное исследование было проведено нами совместно с А. С. Шаврыгиной, его результаты были опубликованы в работе [Федорова, Шаврыгина 2009а].

4.3. Эксперимент на воспроизведение слов-2: усовершенствование стимульного материала ⁶

Таким образом, по результатам двух проведенных экспериментов можно сделать вывод, что в целом не совсем естественное звучание вырезанных слов не мешает ни их правильному распознаванию (эксперимент 1), ни их правильному воспроизведению (эксперимент 2). Однако в обоих экспериментах вырезанные ямбы распознавались и воспроизводились хуже. Более того, все (т. е. и вырезанные, и записанные целиком) хореи воспроизводились значимо лучше, чем все ямбы. Данный факт, по нашему мнению, может свидетельствовать как о несовершенстве нашего ямбического стимульного материала (предварительная гипотеза 1), так и о том, что хореические слова русского языка действительно понимаются лучше, чем ямбические, что согласуется со стратегией метрической сегментации (предварительная гипотеза 2).

Для того, чтобы развести эти две гипотезы, мы провели новый подготовительный эксперимент, аналогичный эксперименту 2, заменив в стимульном материале все слова, особенно ямбические, которые хуже других распознавались и воспроизводились по результатам двух проведенных экспериментов (см. Приложение 4). Мы предположили, что если при замене наиболее неудачных слов (как то: ямбические слова тогор, коза, комар, роса, нога и коса; хореические слова палец и ветка), мы все равно получим аналогичные результаты, это будет уже с большей вероятностью свидетельствовать в пользу использования в русском языке стратегии метрической сегментации (наша гипотеза 2).

Итак, в нашем третьем эксперименте приняли участие 24 человека; сам эксперимент не претерпел никаких изменений кроме замены восьми неудачных слов (и соответствующих экспериментальных семерок) второго эксперимента (см. Приложение 4), которые были заново наговорены тем же диктором. Результаты (см. Приложение 5) свидетельствуют, что (і) повторение в семерках-филлерах (в среднем 5,5 из 7) статистически значимо лучше, чем в экспериментальных семерках (5 из 7); (ii) повторение в целиком записанных словах (5 из 7) в точности совпадает с повторением в вырезанных словах (5 из 7); (ііі) повторение целевого слова в целиком записанных хореях (75% правильного воспроизведения во второй попытке) статистически совпадает с повторением в вырезанных хореях (78% правильного воспроизведения); (іv) повторение целевого слова в целиком записанных ямбах (68%) статистически совпадает с повторением в вырезанных ямбах (64%); (у) повторение целевого слова в хореях (77%) статистически значимо лучше, чем повторение целевого слова в ямбах (66%).

_

⁶ Данное исследование было проведено нами совместно с А. С. Шаврыгиной, его результаты были опубликованы в работе [Федорова, Шаврыгина 2009б].

Теперь проведем сравнение результатов второго и третьего экспериментов. Как можно видеть, третий эксперимент оказался в целом значительно более удачным с точки зрения подбора стимульного материала, в особенности ямбического: (і) в третьем эксперименте мы обнаружили статистически значимо лучшее по сравнению со вторым повторение как в семерках-филлерах (в среднем 5,5 из 7 по сравнению с 5 из 7), так и в экспериментальных семерках (5 из 7 по сравнению с 4,3 из 7); (іі) также значимо лучшим по сравнению с предыдущим экспериментом оказалось повторение в собственно экспериментальных словах, в частности: (а) исчезло какое бы то ни было различие между повторением целиком записанных слов (71% правильного воспроизведения) по сравнению с вырезанными словами (71% правильного воспроизведения), что остается верно и при изолированном рассмотрении хореического и ямбического материала; (b) в третьем эксперименте значимо лучше стало повторение слов в вырезанных хореях (78% вместо 66%); (с) очень сильный статистический положительный эффект был зафиксирован для повторения целевых слов в вырезанных ямбах (64% в третьем эксперименте по сравнению с 30% во втором), что позволило ликвидировать различие между вырезанными и записанными целиком ямбическими словами, столь сильно выраженное в нашем втором эксперименте. Единственное важное различие, которое сохранилось в третьем эксперименте по сравнению со вторым — это не такое большое, как в нашем втором эксперименте, но тем не менее статистически значимое различие между повторением целевого слова в случае хореев по сравнению с повторением целевого слова в случае ямбических слов.

Таким образом, результаты третьего эксперимента подтверждают нашу **гипотезу 1** о несовершенстве нашего первоначального ямбического стимульного материала. Однако в то же время эти результаты являются подтверждением и нашей **гипотезы 2**: после того, как в третьем эксперименте нам удалось улучшить стимульный материал, различие между воспроизведением хореических и ямбических слов сохранилось, пусть и не такое статистически сильное, но тем не менее значимое. Итак, мы можем уже с большим основанием утверждать о возможности использования в русском языке стратегии метрической сегментации.

4.4. Эксперимент на воспроизведение слов-3: запись профессионального диктора ⁷

В нашем четвертом эксперименте мы проверили еще один фактор, потенциально влияющий на количество ошибок распознавания и воспроизведения стимульных слов, а именно, заменили запись, сделанную

Данное исследование было проведено нами совместно с А. С. Шаврыгиной, его результаты частично отражены в неопубликованной дипломной работе 2009 года А. С. Шаврыгиной.

непрофессиональным мужским голосом, на запись, сделанную профессиональным женским голосом. В эксперименте приняли участие 24 человека, стимульный материал не претерпел никаких изменений по сравнению с третьим экспериментом. Кроме проверки гипотезы о влиянии качества дикторского произнесения стимулов на результаты эксперимента, мы предполагали также еще раз подтвердить гипотезу о том, что наши хореические экспериментальные слова лучше распознаются и воспроизводятся, чем ямбические.

Результаты (см. Приложение 6) говорят о том, что (i) повторение в семерках-филлерах статистически сравнялось с повторением в экспериментальных семерках; (ii) повторение в целиком записанных словах статистически совпадает с повторением в вырезанных словах; (iii) повторение целевого слова в целиком записанных хореях (88% правильного воспроизведения во второй попытке) статистически совпадает с повторением в вырезанных хореях (96% правильного воспроизведения); (iv) повторение целевого слова в целиком записанных ямбах (77%) статистически совпадает с повторением в вырезанных ямбах (77%); (v) повторение целевого слова в хореях (92%) статистически значимо лучше, чем повторение целевого слова в ямбах (77%).

Таким образом, результаты четырех проведенных экспериментов свидетельствуют о возможности повторения на русском материале эксперимента, описанного в работе [Mattys, Samuel 2000], а также опосредованно подтверждают предположение об использования в русском языке стратегии метрической сегментации. Однако строго доказать или опровергнуть это предположение можно будет только после проведения аналогичного русского эксперимента.

Библиография

- Венцов, Касевич 2003 Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. М., 2003.
- Князев, Пожарицкая 2005 *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Орфография. Орфоэпия. М., 2005.
- Фёдорова 2008 Фёдорова О. В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // Вопросы языкознания. 2008. № 6.
- Фёдорова, Шаврыгина 2009а Федорова О. В., Шаврыгина А. С. Влияние места словесного ударения на распознавание слов в русской устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2009». М., 2009а.
- Фёдорова, Шаврыгина 2009b Фёдорова О. В., Шаврыгина А. С. Влияние места словесного ударения на распознавание слов в русской устной речи (экспериментальное исследование) // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции 11–13 марта 2009 г. Психолингвистика. Часть 1 / Отв. редактор Т. В. Черниговская. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009b. С. 29–36.
- Чистович, Кожевников и др. 1965 Чистович Л. А., Кожевников В. А. и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.; Л., 1965.

- Штерн 1992 Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992. Connine, Titone 1996 Connine C. M., Titone D. Phoneme monitoring // Language and Cognitive Processes. 11 (6). 1996.
- Cutler, Norris 1988 *Cutler A., Norris D.* The role of strong syllables in segmentation for lexical access // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 14. 1988.
- Kabak, Maniwa, Kazanina, to appear *Kabak B., Maniwa K., Kazanina N.* Listeners use vowel harmony and word-final stress to spot nonsense words: A study of Turkish and French // Laboratory Phonology.
- Marslen-Wilson 1973 *Marslen-Wilson W. D.* Linguistic structure and speech shadowing at very short latencies // Nature. 244. 1973.
- Mattys, Samuel 2000 *Mattys S., Samuel A.* Implications of stress pattern differences in spoken word recognition // Journal of Memory & Language. 42. 2000.
- McClelland, Elman 1986 McClelland J. L., Elman J. L. The TRACE model of speech perception // Cognitive Psychology. 18. 1986.
- Norris 1994 *Norris D.* Shortlist: a connectionist model of continuous speech recognition // Cognition. 52. 1994.
- White, Melhorn, Mattys, in press White L., Melhorn J. F., Mattys S. L. Segmentation by lexical subtraction in Hungarian L2 speakers of English // Quarterly Journal of Experimental Psychology.

Приложение 1. Список экспериментальных слов-близнецов (на второй строчке жирным шрифтом приведены замененные слова, использованные в третьем и четвертом экспериментах)

№	хорей	целевое слово	звуки	№	ямб	целевое слово	звуки
1	домино-тарелка	нота	Н-Т	1	слово-дама	вода	в-д
2	письмо-река	море	м-р	2	мясо-ваза	сова	с-в
3	такси-лопата	сила	с-л	3	полка-маршал перчатки-новость	комар кино	К-М К-Н
4	молоко-жара	кожа	ж-ж	4	конфета-порция качели-сахар	топор лиса	Т-П Л-С
5	тропа-лицо тамада-макароны	палец дама	П-Л Д-М	5	палка-занавес точка-радость	коза кора	к-3 к-р
6	ответ-карман гнездо-забота	ветка д оза	в-к д-3	6	ворона-галстук продажа-рана	нога жара	н-г ж-р
7	слеза-поход	запах	3-П	7	долина-радуга	нора	н-р
8	попугай-конверт	гайка	Г-К	8	телега-радио	гора	г-р
9	метро-залив	роза	р-3	9	утро-сабля кеды-раковина	роса д ыра	р-с д-р
10	толпа-русалка	парус	п-р	10	береза-водка	завод	3-В
11	борода-частушка	дача	д-ч	11	колено-сокол	носок	н-с
12	кошмар-лягушка	марля	М-Л	12	точка-сахар железо-лавочка	коса зола	к-с 3-л

Приложение 2. Результаты первого эксперимента

(первая цифра — целиком записанные слова, вторая через запятую — вырезанные)

	правильные ответы (из 36)	время (сек)	
хорей	33, 29	1.302, 1.447	
ямб	32, 26	1.327, 2.191	

Приложение 3. Результаты второго эксперимента (первая цифра — целиком записанные слова, вторая через запятую — вырезанные)

	кол-во сло	в (из 1680)	кол-во целевых (из 240)		
	1 попытка	2 попытка	1 попытка	2 попытка	
хорей	1067, 1028	1294, 1257	132, 114	180 (75%), 159 (66%)	
ямб	1007, 936	1266, 1139	101, 42	155 (65%), 72 (30%)	
филлер	2419 (из 3360)	2814 (из 3360)			

Приложение 4. Стимульные слова

(через косую черту жирным шрифтом — слова, замененные в третьем эксперименте; первая цифра — целиком записанные слова, вторая через запятую — вырезанные)

	слово	тип слова	второй эксп., целевое слово (из 20)	третий эксп., целевое слово (из 12)
1	нота	хорей	9, 12	7, 9
2	сова	ямб	17, 12	10, 10
3	море	хорей	13, 12	9, 10
4	топор / лиса	ямб	6, 3	10, 8
5	сила	хорей	4, 11	6, 10
6	коза / кора	ямб	6, 2	9, 8
7	кожа	хорей	9, 5	8, 4
8	вода	ямб	8, 1	8, 9
9	палец / дама	хорей	1, 5	9, 11
10	комар / кино	ямб	5, 1	7, 9
11	ветка / доза	хорей	17, 0	12, 11
12	нора	ямб	10, 2	7, 6
13	запах	хорей	9, 11	7, 9
14	роса / дыра	ямб	5, 0	8, 4
15	гайка	хорей	15, 11	8, 10
16	завод	ямб	10, 2	7, 6
17	роза	хорей	13, 14	10, 10
18	нога / жара	ямб	7, 1	7, 10
19	парус	хорей	13, 20	10, 11
20	гора	ямб	8, 3	7, 5
21	дача	хорей	17, 8	10, 10
22	коса / зола	ямб	8, 1	7, 6
23	марля	хорей	12, 5	12, 8
24	носок	ямб	11, 14	11, 11

Приложение 5. Результаты третьего эксперимента (первая цифра — целиком записанные слова, вторая через запятую — вырезанные)

	кол-во слов (из 1008), 2 попытка	кол-во целевых (из 144), 2 попытка
хорей	722, 731	108 (75%), 113 (78%)
ямб	721, 720	98 (68%), 92 (64%)
филлер	1586 (из 2016)	

Приложение 6. Результаты четвертого эксперимента

(первая цифра — целиком записанные слова, вторая через запятую — вырезанные)

	кол-во слов (из 1008), 2 попытка	кол-во целевых (из 144), 2 попытка
хорей	876, 903	127 (88%), 138 (96%)
ямб	876, 837	111 (77%), 111 (77%)
филлер	1856 (из 2016)	

В. В. Потапов

СОФЬЯ КОНСТАНТИНОВНА ПОЖАРИЦКАЯ КАК ПЕЛАГОГ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Софья Константиновна Пожарицкая является для меня первым педагогом и лектором по фонетике русского языка на филологическом факультете Московского университета, что было в самом начале 80-х годов прошлого века, а именно — в 1981 году. До сих пор у меня хранятся конспекты этих незабываемых лекций.

Курс лекций включал в себя следующие основные темы: — фонетика (вводная лекция); — гласные и согласные звуки; — модификация звуков в потоке речи; — классификация звуков речи (признаки); — слог, ударение, интонация; фонология; — фонологическая транскрипция; орфография; — орфоэпия; — графика.

Хотелось бы остановиться на тех проблемах, которые нашли отражение в лекциях и на семинарских занятиях Софьи Константиновны:

- (I) устройство речевого аппарата и роль различных его отделов в образовании гласных и согласных звуков;
- (II) характеристики сегментного уровня русской речи: общие признаки образования звуков речи. Специфика гласных и согласных звуков; артикуляционная классификация гласных звуков; артикуляционная классификация согласных по месту образования; артикуляционная классификация согласных по способу образования; характеристика образования согласных звуков с позиции дополнительной артикуляции, палатализации и участия голоса; акустическая классификация звуков речи. Первичные признаки, связанные с источником звука; акустическая классификация звуков речи. Вторичные консонантные признаки; акустическая классификация речи. Признаки резонаторов. Низкие высокие; акустическая классификация речи. Признаки резонаторов. Компактные диффузные; акустическая классификации звуков. Комбинаторные и позиционные изменения гласных звуков; модификации звуков. Комбинаторные и позиционные изменения согласных звуков.
- (III) основные типы научно-лингвистической транскрипции: принципы фонетической и фонематической транскрипций.
- (IV) фонология и ее составляющие: основной принцип объединения звуков в одну фонему; позиционные и непозиционные чередования фонетических единиц; позиционные чередования гласных в ударном слоге; позиционные чередования гласных в безударных слогах; сильные и слабые позиции согласных по твердости / мягкости; сильные и слабые позиции согласных по глухости / звонкости; позиционные чередования зубных согласных; гласные фонемы русского языка, их варианты и вариа-

ции; согласные фонемы русского языка, их варианты и вариации; нейтрализация гласных фонем; нейтрализация согласных фонем; перцептивные и сигнификативные позиции гласных фонем; перцептивные и сигнификативные позиции согласных фонем; фонема и ее модификации; заднеязычные согласные фонемы и их место в фонетической системе; двойные и долгие согласные; фонема /j/ и ее модификации;

(V) слог; теория слогораздела и структуры слога; ударение (его фонетическая и фонологическая природа); интонация. Фонетическая и функциональная природа интонации. Основные типы интонационных конструкций в русском языке;

(VI) графика; орфография; орфоэпия; эканье и иканье. Произношение безударных флексий существительных. Произношение гласных после твердых шипящих в 1-м предударном слоге. Произношение сочетаний согласных со 2-м мягким.

Среди тем лекционного курса по фонетике русского языка мне особенно запомнилась лекция по орфоэпии, в которой Софья Константиновна рассказывала об аканье и оканье в диалектах русского языка и распределении аканья и оканья по разным славянским языкам (например, сербский и украинский языки — окающие языки, белорусский — акающий язык, русский — частично акающий, частично окающий). И в этой лекции Софья Константиновна рассказывала о том, что она получает письма от некоторых людей, которые каким-то образом «озабочены» судьбой русского языка и предлагают следующее. В связи с тем, что русский язык в своей истории изначально был окающим, подобного рода просители предлагали изменить литературную норму русского языка и принять окающий вариант узуса в качестве литературной нормы. Данный факт произвел на меня большое впечатление и запомнился на долгие годы.

Приведем в качестве примера небольшой отрывок из моих конспектов лекции Софьи Константиновны по орфоэпии от 10 декабря 1981 года:

«**Орфоэпия** связана с проблемой *литературной нормы*. Важно учитывать при этом следующие моменты: (1) считать норму однозначной и (2) норма разрешает какие-то колебания. Нормативно одно словоупотребление. В настоящее время норма допускает варианты. Лингвисты часто делали ошибки (неправильно прогнозировали нормы). Дело идет к смене одной нормы другой. Существуют две нормы: старая и новая. Сейчас допускают два варианта (старое и новое). Не всегда новое побеждает старое.

Варианты — диахронический (исторический) лимит нормы (системы). Два варианта составляют диахронический лимит системы.

Какова литературная норма? Орфоэпическая норма установилась в московском произношении в XVII веке в общих чертах. Норма изменялась и продолжает изменяться. Она сложилась на базе московского произношения, так как Москва была столицей и центром культуры... Потом

столица была перенесена в Петербург, что отразилось на произносительной норме. На том этапе исторического развития господствующей нормой стала петербургская. Петербургская норма от московской нормы существенно не отличалась, так как чиновники и интеллигенция перебазировались в Петербург. Однако на формирование петербургской нормы повлияла речь населения окружающих регионов. Это было связано с тем, что в Петербург шли крестьяне из Архангельской, Псковской, Новгородской областей, что устанавливало определенную связь с северной диалектной средой. Позже столица была вновь переведена в Москву. В современной литературной норме существуют элементы ленинградского (ныне опять петербургского — добавлено мною. — В. П.) произношения...».

Вопрос о языковой норме вообще и произносительной норме, в частности, возникает тогда, когда есть конкурирующие варианты, когда носитель языка поставлен перед необходимостью выбора [Вербицкая 2001: 40]. Представление о литературности — нелитературности (нормативности — ненормативности) со временем изменяется, и это связано в первую очередь с процессами развития и изменения литературного языка. Отсутствие четкого и ясного определения нормы, споры лингвистов относительно ее статуса связаны со сложностью и противоречивостью самих языковых явлений. Причина кроется в неразличении нормы как внутриязыковой категории, связанной с наличием разных потенциальных возможностей обозначения, и того же явления, предоставляемого языком как системой, и нормы как выбора одной из возможностей в качестве образцовой, правильной и рекомендации к ее кодификации.

Можно сказать, что в то студенческое время Софья Константиновна прививала своим студентам особое вдумчивое отношение к такой важной и всеми нами любимой дисциплине, как фонетика русского языка.

В 1985 году была опубликована в издательстве Московского университета книга Софьи Константиновны «Современный русский язык: Методические указания» [Пожарицкая 1985], которая была рассчитана на то, чтобы помочь обучающимся овладеть практической частью курса фонетики современного русского литературного языка — разными типами транскрипции, так как в большинстве учебных пособий этот раздел курса представлен неполно или он практически отсутствует, а без непосредственного контакта с преподавателем овладеть методикой транскрибирования (в особенности, фонематического) студенту крайне сложно.

В 1987 году в Таллине проходил XI Международный конгресс по фонетическим наукам. В здании университета экспонировалась выставка различных изданий по лингвистике. Ярким воспоминанием предстает передо мной обсуждение с Софьей Константиновной прекрасного издания переписки Н. С. Трубецкого с другими известными языковедами мира на различных иностранных языках.

Следующим «напоминанием» студенческого времени, и в связи с этим имени Софьи Константиновны Пожарицкой, — была середина

90-х годов, когда я, получив стипендию Германского научного фонда Александра фон Гумбольдта, после курсов немецкого языка, приступил к научно-исследовательской работе в институте славистики Вюрцбургского университета. В этом институте я встретил бывшую ученицу (дипломницу) Софьи Константиновны Александру Пфлюгфельдер (к тому времени ее фамилия была уже по мужу — уроженцу Германии), которая продолжала свое образование в области славистики. Мы встречались с ней много раз и вспоминали свои студенческие годы, но общим для наших воспоминаний всегда было имя Софьи Константиновны, вкладывавшей свой богатый опыт и знания в области фонетики и диалектологии русского языка в своих студентов.

В конце 90-х годов Софья Константиновна и я принимали участие в семинарах, посвященных проблемам просодии (проводил эти семинары Антон Циммерлинг).

Особенно хотелось бы вспомнить участие Софьи Константиновны в юбилейном сборнике в честь Любови Владимировны Златоустовой. Редакторами данного сборника были Галина Евгеньевна Кедрова и я. Времени до сдачи сборника в типографию оставалось совсем немного, и мне приходилось активнейшим образом общаться с авторами статей. Сначала Софья Константиновна предоставила свой первый вариант статьи (меня очень порадовала быстрая реакция человека предоставить свои материалы для издания). Через какое-то время перед самым завершением редакторской работы с корректурой сборника мне позвонила Софья Константиновна, которая хотела представить свой материал в абсолютно новой редакции. В самый последний момент мы встретились в холле станции метро «Университет», где Софья Константиновна вручила мне обновленный вариант с названием «Орфоэпия: идеи и практика» [Пожарицкая 2004]. Данный факт еще раз продемонстрировал стремление Софьи Константиновны как автора к доведению своей работы до оптимального варианта.

На эту статью есть ссылки у известного немецкого слависта Вернера Лефельдта [Лефельдт 2006], когда он говорит о трудностях при проведении орфоэпических изысканий. «Эти различия могут быть маленькими или большими: один и тот же акцентный вариант может квалифицироваться как нормативный в OC^1 и в то же самое время получить помету pase. в $P\Pi\Pi^2$, или акцентный вариант, квалифицируемый как don. ycmap. в OC, в $P\Pi\Pi$ может получить помету u» ([Marklund Sharapova 2000: 92]; см. об этом также аналогичные наблюдения в работе: [Пожарицкая 2004: 237]). «...В кодифицированной норме в силу необходимости предпочитаются консервативные, более старые нормы, возникает потребность получить также четкое представление о современном узусе.

РПП — русское произношение и правописание.

ОС — орфоэпический словарь.

При этом лингвисты сталкиваются со следующей проблемой. Узус может быть описан только на основе обширных, репрезентативных эмпирических исследований. Приходится признать тот факт, что по данной проблеме подобного рода исследований до настоящего времени не существует (см. [Пожарицкая 2004: 238])» [Лефельдт 2006: 142].

В этой связи следует упомянуть, что проблемам орфоэпии и фонетическим особенностям звучащей речи посвящены многие работы Софьи Константиновны Пожарицкой.

Так, например, в учебнике «Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия» [Князев, Пожарицкая 2005] в части «Фонетические особенности разговорной речи» рассказывается о противопоставлении кодифицированного литературного языка и разговорной речи, описываются супрасегментные и сегментные особенности разговорной речи. Из супрасегментных особенностей называются динамическая неустойчивость (некоторые полнозначные слова могут утрачивать словесное ударение в слабых фразовых позициях), паузация, замедление и ускорение темпа и пролонгирования ударных и безударных гласных. Для гласных в разговорной речи характерны сильная редукция в безударных слогах (вплоть до появления [ъ] и [ъ] в первом предударном слоге) и эллипсис, для согласных — фрикатизация смычных, выпадение в интервокальной позиции и в консонантных группах; компрессия слогов и целых слов. Обсуждается также статус разговорной речи в системе языка.

Орфоэпический материал связан с описанием произносительных вариантов и произносительной нормы современного русского литературного языка. Производится сравнение орфографии и орфоэпии друг с другом и в их отношении к феномену языковой нормы. Орфографическая норма является регламентирующей, орфоэпическая — рекомендательной; орфография принадлежит «светлому полю» сознания, т. е. осознается, орфоэпия — главным образом «темному полю» сознания, сфере фонетической автоматики; по-разному орфография и орфоэпия относятся к вариативности: если в орфографии варианты недопустимы, то в орфоэпии наличие произносительных вариантов — обязательное условие. К произносительным вариантам в области вокализма относится иканье / эканье, выбор гласного в заударном слоге после мягкого ([ъ] или [ь]), гласные после твердых шипящих в словах типа жара, жалеть. К произносительным вариантам в области консонантизма — обязательность / факультативность ассимилятивного смягчения в различных группах согласных, произношение долгих шипящих и мягкость перед [е]. Вариативным может быть произнесение отдельных грамматических форм; кроме того, большой вариативностью отличается акцентуация. Информация о территориальных разновидностях орфоэпической нормы представлена, главным образом, петербургским вариантом нормы, хотя и отмечается, что в последнее время различия между территориальными вариантами нивелируются.

Диалектологии русского языка посвящены многие работы Софьи Константиновны Пожарицкой. Так, в пособии «Русская диалектология» [Пожарицкая 1997] содержатся сведения о фонетике и грамматике говоров и о диалектном членении русского языка, которые иллюстрируются картами, рисунками и значительным количеством диалектных текстов. Даются методические указания по анализу диалектных текстов и образцы подобного рода анализа. Вызывает самые положительные эмоции посвящение книги: «Русская деревенская речь... Она безвозвратно уходит в прошлое. Забываются слова, под влиянием "правильной" телевизионной речи унифицируется звучание. Но народная культура и ее язык не должны уйти в забвение. Это наша забота. Ей посвящается настоящая книга». Эта позиция полностью совпадает с мнением Елены Андреевны Брызгуновой: «Наддиалектная форма русского языка — это и есть язык СМИ, язык школьного и вузовского образования, язык межнационального общения. Наибольшие различия в наддиалектной форме проявляются в области произношения, что имеет свою обусловленность... Но при этом разнообразные черты сниженного стиля, такие, как ненормативность и агрессивность лексики, неразборчивость речи, грамматические несогласованности, неблагозвучность усиленного московского аканья с увеличением раствора ротовой полости и др. — эти и подобные черты недостаточной культуры речи недопустимо смешивать с остаточными (разрядка моя. — В. П.) диалектными и региональными особенностями» [Брызгунова 2007: 83].

Книга «Русская диалектология: Учебное пособие для вузов» [Пожарицкая 2005] является вторым, дополненным изданием того же учебника, изданного в 1997 г. Учебник ориентирован на курс русской диалектологии в том объеме, в каком он изучается на филологическом факультете университета. В данном труде излагаются сведения о принципах диалектного членения русского языка и определяются те группы говоров, которые имеют достаточно выразительный комплекс различительных особенностей, с помощью которых можно определить территориальную принадлежность говора, а также дается перечень наиболее существенных признаков тех девяти диалектных групп, которые автор считает наиболее отчетливо противопоставленными (Ладого-Тихвинская, Вологодская, Архангельская, Владимирско-Поволжская, Псковская, Смоленская, Курско-Орловская, Рязанская и Тульская группы) — как в виде текстового списка, так и в виде матрицы признаков, что удобно при анализе конкретных текстов. Для каждой из них приводится образец текста, отражающий некоторые характерные ее особенности.

В заключение хотелось бы еще раз поблагодарить Софью Константиновну Пожарицкую за ту любовь, которую она привила своим последователям к проблемам фонетики, фонологии, орфоэпии, диалектологии и звучащей речи русского языка в целом, являя перед нами пример опытного педагога и глубокого ученого.

Библиография

- Брызгунова 2007 *Брызгунова Е. А.* Идиолект и наддиалектная форма русского языка // Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой / Отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2007. С. 78–84.
- Вербицкая 2001 *Вербицкая Л. А.* Общелингвистические аспекты формирования произносительной нормы // Материалы международной конференции «100 лет экспериментальной фонетике в России». СПб., 2001. С. 40–43.
- Князев, Пожарицкая 2005 *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия: Учебное пособие для вузов. М., 2005.
- Лефельдт 2006 Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке. М., 2006.
- Пожарицкая 1985 Пожарицкая С. К. Современный русский язык: Методические указания. М., 1985.
- Пожарицкая 1997 *Пожарицкая С. К.* Русская диалектология: Учебник. М., 1997. Пожарицкая 2004 *Пожарицкая С. К.* Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения. Сб. науч. трудов к юбилею проф. Л. В. Златоустовой / Под ред. Г. Е. Кедровой, В. В. Потапова. М., 2004. 231–238.
- Пожарицкая 2005 *Пожарицкая С. К.* Русская диалектология: Учебное пособие для вузов. М., 2005.
- Marklund Sharapova 2000 *Marklund Sharapova E.* Implicit and explicit norm in contemporary Russian verbal stress. Uppsala, 2000.

Библиография трудов С. К. Пожарицкой

Учебники, учебные пособия, программы

- 1. Современный русский язык. Фонетика. Методические указания для студентов филол. фак. гос. ун-тов. М., 1985. 68 с.
- 2. Русская диалектология. Учебно-методич. пособие для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов. М., 1982. 135 с.
- 3. Русская диалектология. Учебник для студентов вузов. М., 1997. 167 с. 2-е изд. М., 2005. 256 с.
- 4. Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Орфография. Орфоэпия. Учебное пособие для вузов. М., 2005. 320 с.; 2-е изд. в печати. 432 с. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- Русский язык: справочные материалы для поступающих на филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1996. 181 с. (В соавторстве с В. А. Багрянцевой, И. В. Галактионовой и Е. И. Литневской.)
- 6. Фонетика. Программа 2 // Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов. М., 1997. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 7. Программа курса «Современный русский язык. Фонетика» // Русский язык и его история: программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов. М., 2007. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 8. Программа курса «Русская диалектология» // Русский язык и его история: программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов. М., 2007. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 9. Программа-минимум кандидатского экзамена по специальности 10.02.01 «Русский язык» // Русский язык и его история: программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов. М., 2007. (В соавторстве с Е. В. Клобуковым, Л. О. Чернейко, Е. В. Петрухиной, О. В. Кукушкиной, И. В. Галактионовой, Е. Б. Степановой.)

Статьи, карты

- 10. Nazwy kaczki w językach słowiańskich // Poradnik językowy. 1959, № 3–4. (В соавторстве с Н. Horodyska.)
- 11. К вокализму 1-го предударного слога после мягких согласных в севернорусских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1. М., 1959.

- К типологии предударного вокализма севернорусских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961.
- 13. Методика диалектологических исследований И. А. Бодуэна де Куртенэ // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 3. М., 1962.
- 14. Проблема изменения «е» в «о» в северновеликорусских говорах в свете данных лингвистической географии // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- 15. О «Фонетической транскрипции для Общеславянского лингвистического атласа» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1965. М., 1965.
- 16. Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- 17. К вопросу о фонологической характеристике говора на материале ОЛА // Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. 1968. М., 1968.
- О записи материалов ОЛА и оформлении их для картотеки // Методические указания собирателям материалов по вопроснику ОЛА. М., 1972.
- 19. Проблемы унификации транскрипции применительно к восточнославянским языкам // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974.
- 20. Система фонетической транскрипции // Общеславянский лингвистический атлас. Справочные материалы. Общие принципы. М., 1978. (В соавторстве с Д. Брозовичем.)
- 21. Рубен Иванович Аванесов (к 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1982. № 3.
- 22. О говорах юго-восточных районов Архангельской области (по материалам диалектологической экспедиции 1983 г.) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1986. № 1. (В соавторстве с А. В. Тер-Аванесовой.)
- 23. Влияние консонантного окружения на судьбу * е в западно- и восточнославянских языках (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988. (В соавторстве с Т. В. Поповой.)
- 24. Карта № 51. *němъ(-jь). Комментарий // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ĕ. Белград. 1988.
- 25. Карта № 57. *dětę. Комментарий // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ě. Белград, 1988.

- 26. Роль консонантного контекста в судьбе рефлексов *e в славянских языках (опыт лингвогеографической типологии) // Révue des études slaves. LXII / 4. Paris, 1990. (В соавторстве с Т. В. Поповой.)
- 27. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.
- 28. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // Révue des études slaves. LXIII / 4. Paris, 1991.
- 29. Карта № 12. *tręsetъ. Комментарий // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *e. M., 1991.
- 30. Карта № 17. *stęgnǫtь(-jь). Комментарий // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *ę. М., 1991.
- 31. Карта № 5. «Влияние консонантного окружения на рефлексы *ę». Комментарий // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *ę. М., 1991. (В соавторстве с Т. В. Поповой.)
- 32. Карта № 16. *prǫtьje. Комментарий // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 26. Рефлексы *o. Вроцлав, 1991.
- 33. On the phonetic system evolution in some archaic Russian dialects // Actes du XIIIème Congrès International des Sciences Phonétiques. 19–24 août 1991. Aix-en-Provence, Frances, v. 4 / 5. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- Служебные слова в просодической организации диалектной речи // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. (В соавторстве с Е. Н. Никитиной.)
- Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996.
- 36. О содержании курса «Фонетика современного русского литературного языка» на филологическом факультете МГУ // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1996. № 5. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- О говорах верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М., 1997. (В соавторстве с С. В. Князевым и А. Н. Левиной.)
- 38. Образцы говора северовосточной зоны Архангельского диалекта // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М., 1997. (В соавторстве с С. В. Князевым.)

- К истории фонемного состава флексий творительного падежа множественного числа в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.
- 40. Орфография и возможности ее реформирования // Отечественные записки. 2002. № 2.
- 41. Флексии творительного падежа множественного числа существительных // Восточнославянские изоглоссы. 2000. Вып. 3. М., 2002.
- 42. Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.
- 43. Еще раз о механизме формирования умеренного яканья в русском языке // Аванесовский сборник. М., 2002. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 44. Говоры северных территорий и их место в диалектном членении русского языка // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003.
- 45. Беспредложный творительный падеж в русских говорах на общеславянском фоне (семантика и синтаксис) // Исследования по славянской диалектологии. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004.
- 46. Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения. Сборник трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004.
- Особенности семантики и синтаксиса беспредложного творительного падежа в севернорусских говорах // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004.
- 48. Соотношение инициации, фонации и артикуляции как элемент речевой базы диалекта (на материале говора д. Деулино) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. (В соавторстве с С. В. Князевым, Ю. В. Горячевой.)
- 49. Фонетическая реализация заударных гласных в различных просодических условиях: пограничные тоны (на материале говоров рязанских группы) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. XIV. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009. (В соавторстве с С. В. Князевым, Ю. В. Горячевой.)
- 50. О возможности словарного описания разговорной речи // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (в печати).
- 51. Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать*, в дискурсивном режиме диалектной речи // Русский язык в научном освещении (в печати). (В соавторстве с Е. Н. Никитиной.)

Тезисы докладов

- 52. Про фонетичний запис матеріалу східнослов'янських мов для Загальнослов'янського лінгвістичного атласу // Праці XII Республіканської діалектологічної наради. 1971. Киев, 1971.
- 53. О некоторых вопросах транскрипции для восточнославянских языков // Совещание по ОЛА (Черновцы, 24–30 июня 1971 г.). Тезисы докладов. Черновцы, 1971.
- 54. Некоторые вопросы картографирования фонетики родственных языков // Тезисы IV диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в прибалтийских республиках. Вильнюс, 1972.
- 55. К анализу речевых сигналов с импульсной синхронизацией по голосовому источнику // VIII Всесоюзный семинар АРСО. Львов, 1974. (В соавторстве с А. В. Книппер и В. А. Махониным.)
- 56. О месте экспериментальной фонетики в курсе современного русского языка // Международная конференция МАПРЯЛ. М., 1981.
- 57. Опыт типологического картографирования материала родственных языков (влияние консонантного окружения на судьбу *e) по данным Общеславянского лингвистического атласа // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18–20 сентября 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. (В соавторстве с Т. В. Поповой.)
- 58. Фонемы <o> и <e> в одной диалектной системе // Историческое изучение языков и методы его изучения. Тезисы межвузовской конференции. Свердловск, 25–27 октября 1988 г. Свердловск, 1988.
- 59. Некоторые закономерности варьирования безударных [о] и [е] в окающих говорах // Проблемы доказательства и типологизации фонетики и фонологии. Материалы всесоюзного совещания (ноябрь 1989 г.). М., 1989.
- 60. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в современных северных говорах // Академик В. М. Истрин. Тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 125-летию со дня рождения ученого-филолога. 11–12 апреля 1990 г. Одесса, 1990.
- 61. Об эволюции фонетической системы в некоторых архаических говорах Архангельской области // Совещание по истории и диалектологии русского языка. Тезисы докладов. Октябрь 1991 г. Ужгород. М., 1991. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 62. Особенности формы и семантики творительного падежа в севернорусских говорах Архангельской области. // Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Тэзісы дакладаў міжнароднай навуковай канферэнцыі 25–27 траўня. Мінск, 1993.

- 63. О механизме формирования умеренного яканья в русских говорах // Аванесовские чтения. Международная научная конференция 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докладов. М., 2002. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 64. Орфоэпия; ее предмет и задачи // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы Международной конференции. Звенигород, 11–13 апреля 2003 года. М., 2003.
- 65. Архаизмы и инновации в синтаксисе падежей в диалектной речи (на материале функционирования форм творительного падежа в говорах архангельского региона) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23—25 марта 2004 г. М., 2004.
- 66. Орфоэпия: критерии «правильности» и шкала оценок // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции 26–28 апреля 2004 г. М., 2004.
- 67. Способы выражения значения прошедшего времени в одном севернорусском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. М., 2006.
- 68. Реликты форм глаголов *быть*, *бывать* в синтаксисе современных севернорусских говоров // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2007.
- 69. Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2007. (В соавторстве с С. В. Князевым.)
- 70. Наша орфография: фонематическая или морфематическая? // Фонетика сегодня. V международная научная конференция. 8–10 октября 2007 года. М., 2007.

Рефераты

- 71. *Каден К*. О единой модели слоговой структуры для тоновых языков Восточной и Юго-восточной Азии // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 1. М., 1986.
- 72. Статьи по болгарской акцентологии // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 1. М., 1986.
- 73. *Махрова Т*. Об употреблении интонационных конструкций в болгарском языке // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 1. М., 1986.
- 74. Статьи по проблемам болгарского произношения // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 2. М., 1986.

- 75. *Кузнецова О. Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений) // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 2. М., 1986.
- 76. Багмут А. Й., Борисюк И. В., Олейник Г. П. Интонация спонтанной речи // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 4. М., 1986.
- 77. *Барашков П. П.* Фонетические особенности говоров якутского языка. Сравнительно-исторический очерк // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 3. М., 1986.
- 78. Джил Д. Просодическая типология языка // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 3. М., 1986.
- 79. Статьи по фонетике болгарского языка (сводный реферат) // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 3. М., 1987.
- 80. *Касевич В. Б.* Морфонология // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 3. М., 1987.
- 81. *Бирилло Н. В.* Ударение в современном белорусском языке // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 3. М., 1987.
- 82. *Непесова А. М.* Сопоставительная морфонология английского и туркменского языков // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 4. М., 1987.
- 83. Фонетические структуры в сибирских языках // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 5. М., 1987.
- 84. Исследования киевских фонетистов // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 6. М., 1987.
- 85. На XI Международном конгрессе фонетических наук. Фонология. Морфонология // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 3. М., 1988.
- 86. На XI Международном конгрессе фонетических наук. Описательная фонетика // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 4. М., 1988.
- 87. Славянская морфонология // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 5. М., 1988.
- 88. На XI Международном конгрессе фонетических наук. Вопросы интонации // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 5. М., 1988.
- 89. *Талипов Т.* Фонетика уйгурского языка (очерк исторического развития) // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 6. М., 1988.
- 90. *Берендсен* Э. Фонология клитицизации // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 3. М., 1988.
- 91. Юбилейный сборник в честь шестидесятипятилетия Ганса-Генриха Венглера // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 3. М., 1989.
- 92. *Порохова О. Г.* Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 4. М., 1989.

- 93. *Й. Консь*. Фонетическая вариативность в речи сельского населения окрестностей Кракова // РЖ «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. № 2. М., 1990.
- 94. Фонетика белорусского литературного языка // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 3. М., 1990.
- 95. *Борисюк И. В.* Формы и функции интонации украинской спонтанной речи // РЖ «Общественные науки в СССР». Сер. 6. № 5. М., 1991.

Переводы

- 96. *И. А. Бодуэн де Куртенэ*. Опыт теории фонетических альтернаций // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. (с нем.)
- 97. Э. Эйхлер. О включении прежних славянских языковых территорий в Общеславянский лингвистический атлас // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965. (с нем.)
- 98. *Я. Петр.* К проблематике частей речи (слово *rad* в польских диалектах) // Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. (с чешск.)
- 99. Я. Перковски. Принципы и методы создания американского дополнения к ОЛА // Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. (с англ.)
- 100. *Й. Штольц.* О картографировании явлений в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969. М., 1970. (со словацк.)
- 101. З. Тополинская. Фонологическое описание говора населенного пункта для Общеславянского лингвистического атласа (предложение и проект) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1970. (с польск.)
- 102. А. Габовштяк. Об исследовании говоров и методах работы над Общеславянским лингвистическим атласом в Словакии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1970. (со словацк.)
- 103. А. Вашек, С. Утешены. Некоторые замечания о методике работы над Общеславянским лингвистическим атласом на территории чешского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1970. (с чешск.)
- 104. *Б. Мериджи*. Перспективы работы над Общеславянским лингвистическим атласом в Италии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1970. (с чешск.)
- 105. Г. Невекловский. Фонологическое сопоставление дифтонгов в хорватских и словенских говорах в Австрии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972. (со словенск.)

106. В. Помяновская. Соотношение предметно-семантических и формально-структуральных элементов на материале дифференциации названий диких животных в южнославянских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972. (с польск.)

Научное издание

Вопросы русского языкознания Вып. XIII

Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее:

к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой

Ответственные редакторы: *М. Л. Ремнева, С. В. Князев*

Составители: С. В. Князев, А. В. Птенцова

> Редактор: *E. B. Шаульский*

Корректор: E. B. Шаульский

Зав. редакционно-издательским отделом филологического факультета *E. Г. Домогацкая* edit@philol.msu.ru

> Оригинал-макет: Л. М. Захаров

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97. Подписано в печать Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 500 экз. Заказ

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Отпечатано с готового оригинал-макета типографией МГУ 119992 г. Москва, Ленинские горы, ул. Академика Хохлова, д. 11, тел. (495) 939 10 62